

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт русской литературы  
(Пушкинский Дом)

ХРИСТИАНСТВО  
И  
РУССКАЯ  
ЛИТЕРАТУРА

*Сборник седьмой*



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ  
„НАУКА“  
2012

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

X93

Ответственные редакторы:

*В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко*

Рецензенты:

*А. В. Моторин, Ю. М. Прозоров*

*Материалы данного сборника подготовлены  
в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН  
«Генезис и взаимодействие социальных, культурных  
и языковых общностей»*



*Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда,  
проект № 12-04-16032*

ISBN 978-5-02-038300-5

© Коллектив авторов, 2012

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Христианство и русская литература» (разработка, оформление), 1994 (год основания), 2012

В. А. КОТЕЛЬНИКОВ

**«ЛЮБИТЬ И ЛЕЛЕЯТЬ НЕДУГ БЫТИЯ»**

**(О философских и религиозно-этических мотивах  
в лирике Е. А. Боратынского)**

Наиболее пронзительные из современников Боратынского — П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, И. В. Киреевский, близко знавшие и любившие поэта, — отдавали дань уважения его «удивительно тонкому и глубокому, раздробительному» уму,<sup>1</sup> его утонченному вкусу; в одобрительных отзывах неизменно указывали на своеобразие его поэтической речи и «поразительную оригинальность мыслей»;<sup>2</sup> Киреевский называл его поэтом-философом — так создавался и увековечивался литературно-интеллектуальный барельеф, за которым оставались слабо различимыми и понятийно не определенными сюжеты его духовной жизни.

Трижды начинал писать о нем Пушкин, но ни одну из статей не закончил. В последней он, как будто не найдя положительных определений, говорил о Боратынском «от противного»: «Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта (...) никогда не тащился по пятам свой век увлекающего гения».<sup>3</sup> Разумеется, Пушкин отлично знал подлинную цену самобытной и свободной личности Боратынского — но смотрел на нее как-то издали, словно не находя

<sup>1</sup> П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу, первая половина октября 1828 г. См.: *Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников.* М., 1987. С. 416.

<sup>2</sup> *Киреевский И. В. Е. А. Баратынский // Киреевский И. В. Избранные статьи.* М., 1984. С. 199.

<sup>3</sup> *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937—1959. Т. 11. С. 186.*

нужным и возможным вникать глубже в слишком сложный состав мотивов его творчества. И характеристику свою Пушкин завершил выразительной, но слишком уж общей похвалой, многократно цитируемой впоследствии: «Он шел своею дорогою один и независим».<sup>4</sup>

Большинство суждений о Боратынском долго оставалось в рамках преобладавшего еще при его жизни убеждения, что муза поэта выделяется «лица необщим выраженьем» лишь в умственных и чувственных чертах, а по лирическим свойствам своим она родственна музам пушкинского Парнаса и не уклоняется от целей и путей поэзии той эпохи. Одно из немногих отступлений от такого убеждения — мнение любомудра Н. А. Мельгунова, который приподнял Боратынского на высоту мировых созерцаний, хотя все-таки не мог представить его вне закрепленного за поэтом жанрового канона: «Баратынский по преимуществу поэт элегический, но в своем втором периоде возвел личную грусть до общего философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества».<sup>5</sup> Следует также упомянуть, что присущие Боратынскому формы его лирического интеллектуализма первым верно охарактеризовал П. А. Плетнев: «Одарен будучи умом точным, аналитическим и деятельным, Баратынский внес в поэзию отчетливость идей, верные оттенки понятий и определительность их выражений».<sup>6</sup>

С двадцатым веком пришло понимание, что в творчестве Боратынского (как и Тютчева) открылось не только не освоенное, но и не известное до тех пор русской поэзии мыслительное пространство, выходящее далеко за пределы сложившейся идейной и литературной топики, за пределы прежней философской компетенции писателя; стало очевидно, что в интимно-духовную сферу Боратынского оказались вовлечены онтологические и антропологические коллизии, переживаемые в плане экзистенциального опыта, по поводу которого развивалась моральная и философская рефлексия автора.<sup>7</sup>

---

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> В письме к А. А. Краевскому от 14 апреля 1838 г. См.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. Прил. С. 72.

<sup>6</sup> Плетнев П. А. Евгений Абрамович Баратынский // Современник. 1844. Т. XXXV. С. 302.

<sup>7</sup> Из работ, обнаруживших такое понимание, назовем некоторые: Айхенвальд Ю. И. Баратынский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. 5-е изд. Вып. 1. М., 1917; Архиппов Е. Я. Грааль печали. (Лирика Е. А. Боратынского) // Жатва. 1914. Кн. 5; Грифцов Б. А. Две отчизны в поэзии Боратынского // Русская мысль. 1915. Кн. 6; Мейер Г. А.

Все названное стало содержанием лирики Боратынского. И в ней, в своих свидетельствах о сомнениях, скорбях «мыслящей твари» перед лицом Творца, он часто близок умонастроениям и языку позднейших эпох.

При этом он не отказывался от стилевых возможностей, открытых поэзией первой четверти века: блестяще использовал средства риторической фигуральности, с безупречным вкусом возвышал и облагораживал речь лексическими и синтаксическими архаизмами, обогащал образность мифологическим материалом. Кроме того, он удачно перенес на русскую почву некоторые приемы французской элегической школы, даровито сочетая их с собственным лирическим письмом — как в своих оригинальных стихотворениях, так и в переводах из А. Шенье, Ш.-И. Мильвуа.

Рядом с выдающимися достоинствами его поэзии, в значительной степени составляющими уже литературный памятник, мы находим и поныне живую эмоциональную и интеллектуальную реальность: психические реакции Боратынского свежи, быстры, мысль остра, отважна, готова к взлетам в самые высокие метафизические области; и мы не можем не сочувствовать тем мощным и разнообразным усилиям его духа, которыми поэт пытается преодолеть «абсолютное отчаяние» (как называл это состояние С. Кьеркегор), чтобы стала возможной встреча с Богом.

Сочетание холодноватой классичности стиха, строгой мыслительной архитектуры с чувственным темпераментом, с «сердечными судорогами» и глубокими метафизическими прозрениями — самое поразительное и до сих пор сильно воздействующее на читателя свойство Боратынского.

\* \* \*

В жизни Боратынского не было длинной череды испытаний и страданий, которые бы с неизбежностью могли привести к скорбно-

---

Баратынский и Достоевский // Возрождение. 1950. Тетр. 9 (май/июнь); Иваск Ю. П. Боратынский // Новый журнал. 1957. Кн. 50 (сент.); Ильин В. Н. Тайнство печали: К 165-летию Баратынского // Возрождение. 1966. № 169 (январь); Хемсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло, 1973; Pratt S. Russian metaphysical romanticism: The poetry of Tjutchev and Boratynski. Stanford, 1984; Бочаров С. Г. «Обречен борьбе верховной...». (Лирический мир Баратынского) // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М., 1985; Лебедев Е. Н. Е. А. Боратынский и духовные искания в русской лирической поэзии XVIII—первой половины XIX в.: Диссертация в форме научного доклада. М., 1994.

му взгляду на действительность и на собственную участь. Его биографический сюжет прост, не богат крупными событиями и крутыми поворотами. Значительное событие было лишь одно, но такое, что потрясло его чувства и во многом предопределило мироощущение.

Это известное происшествие на третьем году его пребывания в Пажемском корпусе, за участие в котором он был исключен из корпуса с запрещением вступать в любую службу, кроме солдатской.

Причиной были, конечно, не стеснения корпусной дисциплины, не придирчивое отношение к Евгению некоторых воспитателей, на что он позже ссылался в исповедальном письме к Жуковскому. Дело было в том, что обладавший безудержным воображением и слишком пылкими чувствами мальчик, подпавший к тому же под обаяние образов «благородных разбойников», оказался захвачен стихией своеволия и мятежа, которая овладевает юными душами особенно легко, когда личное моральное сознание уступает напору группового настроения и требованиям круговой поруки. Одержимые соблазном вызова, отвержения общепринятых норм, соблазном противления Божьему и человеческому закону, они организовались и действовали как «общество мстителей». Эта катастрофа была слабым, но отчетливым эхом большой катастрофы, потрясшей Францию и Европу в конце восемнадцатого века и докатившейся до молодежи 1810—1820-х годов в формах романтического отрицания, байронического богоборчества и прометеизма. Продолжались конвульсии тварного человека, не могущего совладать со своей свободой.

Все происшедшее Боратынский прочувствовал, а затем осмыслил не как несчастную случайность, а как эпизод мировой драмы, в которой участвует и человек, обреченный борьбе и страданиям, и «самовластный рок», и стихии природы. «В молодости судьба взяла меня в свои руки»,<sup>8</sup> — жаловался он близкому другу Николаю Путяте, вспоминая о происшествии 1816 года. А позже в стихотворении «Подражателям» (1829), говоря о поэте, постигшем «тайнства страданья», он, конечно, имел в виду себя:

В борьбе с тяжелою судьбою  
Познал он меру вышних сил.

«Мера» была такова, что эти фатальные силы нередко казались ему неподъемными, ввергали его в бездну «абсолютного отчаяния», но в борьбе — почти исключительно внутренней — не с внешними

---

<sup>8</sup> *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. С. 155.

препятствиями и «ударами рока», а с тварной природой человека он познавал не только зависимость от слепых сил судьбы, но и свою богоданную свободу, свою способность преодолевать земные омрачения и соблазны.

Сосредоточенный на такой борьбе и таком самопознании, Боратынский не мог не переживать одиночества — не одиночества в общественной среде, а тем более в родственно-дружеском кругу, не одиночества как только личного и потому случайного положения, а закономерного, неисцелимого одиночества человека в мире. И, склонный к драматизирующей интроспекции, он не мог не углубляться в такое состояние.

Конечно, сначала он и в стихах, и в письмах отчасти стилизовал свое «я» в образе заброшенного судьбой на окраину бытия поэта — так рисовалась фигура «финляндского изгнанника» на фоне пустынного и унылого северного пейзажа. В том же русле элегических медитаций эта тема в ряде стихов вела к излюбленному ранними романтиками мотиву конечности существования, бесследного исчезновения человека «в бездне лет». Удержаться, хотя бы ненадолго, на краю можно лишь замедляя ход времени переживанием каждого его мгновенья, нагружая ладью Харона-Хроноса своим жизненным достоянием.

Как и многие русские лирики 1800—1810-х годов, Боратынский в первый период определяет свою моральную и поэтическую позицию в подсказанной позднегорианской традицией форме солитаризма, смягченного эпикурейской окраской. Он хочет, утверждаясь в уединенном существовании, сохранить в нем пусть ускользающе малое, почти неосязаемое содержание, создающее для него тем не менее единственно надежную опору. Уже в одном из ранних «финских» стихотворений он готов мужественно противостоять судьбе, опираясь на захваченный у времени и развертываемый в бесконечности свой миг:

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,  
Я, беззаботливый душою,  
Вострепещу ль перед судьбою?  
Не вечный для времен, я вечен для себя:  
Не одному ль воображенью  
Гроза их что-то говорит?  
Мгновенье мне принадлежит,  
Как я принадлежу мгновенью!

(«Финляндия», 1820)

И под влиянием предшествующих лирических разработок темы, и в силу личных нравственных упований он снова и снова поэтиче-

ски возводит и ограждает собственный малый мир, чтобы в нем передать забвенью мир большой, укрыться от губительного дыхания «времен» и остаться под хранительным кровом принадлежащего ему «мгновенья», — он уверен, что это и есть то самое «время личности», которое по ценности своей соизмеримо с вечностью; потому-то Фауст и мечтал остановить *такое* мгновенье.

Боратынский хочет наполнить свой малый мир, свое «мгновенье» творчеством, осуществить в нем «идеал соразмерностей прекрасных». Он знает, что вполне это удалось одному лишь Гете, в связи с кончиной которого Боратынский написал настоящий гимн человеческому гению («На смерть Гете», 1832). На свою же поэзию он смотрел скорее скептически и соглашался довольствоваться самой скромной участью в литературе и в жизни — и это без малейшей рисовки и позы; искренность его самооценки вне всяких сомнений.

Мой дар убог и голос мой негромок,  
Но я живу, и на земле мое  
Кому-нибудь любезно бытие...

(«Мой дар убог и голос мой негромок...»,  
1828)

И вместе с тем в акте творчества он находит для себя и утешение, и почти религиозное оправдание:

Гармонии таинственная власть  
Тяжелое искупит заблужденье  
И укротит бунтующую страсть.  
Душа певца, согласно излитая,  
Разрешена от всех своих скорбей;  
И чистоту поэзия святая,  
И мир отдаст причастице своей.

(«Болящий дух врачует песнопенье...»,  
1834)

Однако успокоиться в этом состоянии Боратынскому не дано. Автономность его малого мира иллюзорна, мир большой вторгается в существование поэта, вновь заставляя его переживать трагическую заброшенность и незащитность. Точно так, как в ту же эпоху переживали подобную ситуацию философ С. Кьеркегор и поэт Ф. И. Тютчев:

И, как виденье, внешний мир ушел...  
И человек, как сирота бездомный,  
Стоит теперь и немощен и гол,



Лицом к лицу пред пропастью темной.  
На самого себя покинут он —  
Упразднен ум и мысль осиротела —  
В душе своей, как в бездне, погружен,  
И нет извне опоры, ни предела...

(«Святая ночь на небосклон взошла...»,  
1850)

Таким представало бытие без Бога.

Без Него оказывалось некому примирить вечность и время, дух и природу, свободу и судьбу. Эта непримиренность усугубляется, она ощущается человеком как разрыв в составе бытия и как собственная внутренняя травма.

Боратынский переживал это то в легкой форме «романтической неудовлетворенности», то в приступах меланхолии, безнадежности, отчаяния. Его мучит напор тварных стихий, которые требуют выхода в бурной деятельности, но обстоятельства кладут ей неодолимые пределы; темпераменту Боратынского были тесны условия его повседневного существования, и он не мог не воскликнуть:

...О, тягостна для нас  
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною  
И в грани узкие втесненная судьбою.

(«К чему невольнику мечтания свободы?..»,  
1833)

Когда же он ненадолго обретает равновесие и погружается в обыденное течение жизни, он вновь чувствует свою подвластность року, который тихо, но неуклонно ведет его к концу.

И он негодует:

...от медленной отравы бытия  
В покое раболепном я  
Ждать не хочу своей кончины.

Он предпочел бы прямую схватку с силами судьбы и природы:

На яростных волнах, в борьбе со гневом их,  
Она отраднее гордыне человека!  
Как жаждал радостей младых  
Я на заре младого века,  
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!

Вместе с тем, создавая эти романтизированные образы в стихотворении «Буря» (1824), Боратынский ясно сознает и даже подчер-

кивает их религиозно-метафизический смысл: морская буря символизирует богопротивный сатанинский бунт, его поднял тот

...злбный дух, геенны властелин,  
Что по вселенной розлил горе,  
Что человека подчинил  
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью  
И на творенье ополчил  
Все силы, данные творенью.

И ответный мятёж человека есть выражение его «гордыни», возбужденной тем же демоном.

\* \* \*

Одoleваемый сомнениями, соблазнами, порывами страстей, человек утрачивает правильный духовный строй и ясный взгляд на мир. Он подавлен, обессилён, и его скорбное вопрошание остается без ответа:

Когда исчезнет омраченье  
Души болезненной моей?  
Когда увижу разрешенье  
Меня опутавших сетей?  
Когда сей демон, наводящий  
На ум мой сон, его мертвящий,  
Отыдет, чадный, от меня,  
И я увижу луч блестящий  
Всеозаряющего дня?

(«Когда исчезнет омраченье...»,  
1834)

По обстоятельствам своего духовного развития Боратынский не был *вооружен* познаниями и верованиями для твердого стояния пред Богом и миром, скорее он был *обременен* — скептицизмом и рационализмом Нового времени, внерелигиозным гуманизмом Просвещения — и вынужден был медленно, мучительно избавляться от этого бремени, пробивать в уже слишком уплотнившемся, онтологически непрозрачном материале современной ему культуры окна в иную, озаренную нетварным светом вселенную. Отбросить этот материал нельзя, его нужно проработать инструментами собственных чувств и мыслей. Вполне совершить такой труд Боратынский не успел за свою недолгую жизнь. Но он точно обозначил те ступени, которые человек его века должен был пройти, чтобы внутренне испытанным и вооруженным приблизиться к главным вопросам и к моменту ре-

шительного ценностного выбора. Это те самые «ступени Храма», о которых говорил Луиджи Джуссани по поводу поэзии Т. С. Элиота,<sup>9</sup> — ступени, в данном случае начинающиеся от самого тварного подножия возводимого Храма. Не все они достаточно высоки, но каждая необходима по-своему.

Чувственному и художественному эпикурейству, столь популярному в культуре XVIII—XIX веков и привлекавшему многих русских поэтов, Боратынский предпочел иное: до конца *переболеть* всем несовершенством сущего и несовершенством своей человеческой природы, но переболеть без отвращения к ним, без ненависти. Отсюда рождается его исключительно точное и в русской классической поэзии единственное философско-этическое определение опыта, который должен предшествовать духовному выздоровлению: человеку предназначено «любить и лелеять недуг бытия» («Дельвигу», 1821). В глубине этого определения лежит смысл, возможно еще не вполне осознанный тогда самим автором. Хотя этот смысл рано был усвоен им с элементами христианского воспитания в семье, которое, безусловно, влияло на его умственный строй и сказывалось в творчестве, проступая сквозь иного рода образность. Этот смысл — любовь к мировому кресту, принятие креста как залог иного, лучшего бытия.

Что такой смысл реально присутствует в творчестве Боратынского, становится очевидным, когда прямо открывается, к Кому именно поэт взывал о помощи, перед Кем он обнажил впоследствии принятые в себя духовные язвы современности. В начале сороковых годов им была написана замечательная по искренности и выразительности «Молитва»:

Царь Небес! Успокой  
Дух болезненный мой!  
Заблуждений земли  
Мне забвенью пошли  
И на строгий Твой рай  
Силы сердцу подай.

Это подлинный вопль души — и души-христианки, по известному определению.

Но до того еще сколько болезненных состояний должна была испытать эта душа, сколько скорбных впечатлений и представлений выносить в себе.

---

<sup>9</sup> Джуссани Л. Церковь и современность в «Камне» Т. С. Элиота // Элиот Т. С. Камень. М., 1997.

Наиболее пессимистическое отражение они нашли в странном поэтическом образе — «Недоносок» (одноименное стихотворение 1835 года). Так называли преждевременно родившегося ребенка; у Боратынского скорее подразумевается мертворожденное дитя («Отбыл он без бытия...»), которого по православным установлениям не принято отпевать и поминать; участь его души в мире ином остается неопределенной.

Боратынский дал этому пневматоиду разум и речь, чтобы он высказал то, что всегда мучило автора: двойственность духовной личности, двусмысленность ее стремлений и положения в мире, роковая безысходность ее судьбы.

Я из племени духов,  
Но не житель Эмпирея,  
И, едва до облаков  
Возлетев, паду, слабей.  
Как мне быть? Я мал и плох;  
Знаю: рай за их волнами,  
И ношусь, крылатый вздох,  
Меж землей и небесами.  
<...>  
Изнывающий тоской,  
Я мечусь в полях небесных,  
Надо мной и подо мной  
Беспредельных — скорби тесных!  
<...>  
Мир я вижу, как во мгле;  
Арф небесных отголосок  
Слабо слышу... На земле  
Оживил я недоносок.  
Отбыл он без бытия:  
Роковая скоротечность!  
В тягость роскошь мне твоя,  
О бессмысленная вечность!

Не столько отверженье мироздания, сколько скорбь об отсутствии в нем абсолютного смысла звучит в последних строках стихотворения — или признание, что этот смысл неясен, недоступен духовно неразвившемуся существу.<sup>10</sup>

---

<sup>10</sup> С. Г. Бочаров, вслед за И. Л. Альми, проводит связующую линию от «Недоноска» к творчеству Достоевского, в частности к образу Ипполита в «Идиоте», полагая, что бросаемые этим персонажем обвинения при-

Подобным существом оказывается современный Боратынскому человек, убежденный, что он не нуждается ни в каком откровении о мире свыше, ни в каких абсолютных истинах и что ему достаточно знания о мире земного его пребывания.

С такой точки зрения перспективы мира безотрадны, все ценности — относительны. И всякое философствование, если оно имеет смелость быть последовательным, окрашивается пессимизмом, а человек предстает совершенно случайным элементом во вселенной.

Обращаясь в свете такого мирозерцания к эсхатологической теме в стихотворении «Последняя смерть» (1827), Боратынский в самых печальных тонах рисует «последнюю судьбу всего живого». Характерно, что созерцающий эту картину лирический персонаж помещается автором также в ситуацию неопределенности:

Есть бытие; но именем каким  
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;  
Меж них оно, и в человеке им  
С безумием граничит разуменье.

Он сам не может решить, что же перед ним, —

Созданье ли болезненной мечты  
Иль дерзкого ума соображенье.

Вся история человечества проходит перед его взором; цивилизация наконец торжествует:

Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,  
Вот разума великолепный пир!  
Врагам его и в стыд и в поученье!

Но за расцветом, за великолепием высших форм естественного развития следует ужасный упадок и исчезновение людей с лица земли.

---

роде как «бессмысленно-вечной силе» переключаются с концовкой данного стихотворения. См.: Бочаров С. Парадокс «бессмысленной вечности». От «Недоноска» к «Идиоту» // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001. Однако мотивы обиды и неприятия мира, возбуждающие бунт Ипполита, отсутствуют в «Недоноске», последние строки его — итог развития совсем другой темы.

Фантастическое видение о конечных судьбах человечества позже сменяются романтической критикой социального прогресса в стихотворении «Последний поэт» (1835):

Век шествует путем своим железным,  
В сердцах корысть, и общая мечта  
Час от часу насущным и полезным  
Отчетливей, бесстыдней занята.

И это прямо перекликается с суждениями И. В. Киреевского в его поздних работах.

Все свидетельствует о том, что приближается «зима дряхлеющего мира». Остается единственная надежда, которую с юности хранил Боратынский, — творчество, которое одно лишь могло бы согреть и оживить хладеющее бытие. Однако уже в том, как здесь определен Поэт, различима его обреченность —

Нежданный сын последних сил природы.

Действительно, он явился напрасно; миру он не нужен. Ему остается возвратиться в те благословенные некогда места, где красота и искусство пережили свой исторический взлет и умерли:

Там погребет питомец Аполлона  
Свои мечты, свой бесполезный дар!

\* \* \*

И все-таки дальнзоркий и мужественный ум Боратынского не мог довольствоваться общими местами скептической философии и элегических ламентаций. Он понимал, что «дар Аполлона» есть лишь часть дара Божьего, а этот дар требует от личности иной меры ответственности. Боратынский совершенно серьезен и искренен, когда пишет П. А. Плетневу: «Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия, а главное из них — унылость».<sup>11</sup>

Что мог он противопоставить «унылости», порождаемой представлением о конечности и бессмысленности бытия? Только христи-

<sup>11</sup> Боратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. С. 210.

анское представление о бессмертии души и Царстве Божием; однако идеи абсолютных сущностей не обеспечивают их духовной реальности в человеке, эта реальность создается верой.

О личной вере Боратынского мы ничего не знаем и судить о ней не можем. Но о том, что он сознавал хранительную и спасающую силу религиозной веры и, возможно, пытался в ней утвердиться, — свидетельствует патетика последних строф «Ахилла» (1841):

Обречен борьбе верховной,  
Ты ли долею своей  
Равен с ним, боец духовный,  
Сын купели новых дней?  
Омовен ее водою,  
Знай, страданью над собою  
Волю полную ты дал,  
И одной пятой своею  
Невредим ты, если ею  
На живую веру стал!

Опираясь на такую веру, он хочет доказать себе и всем (в поэтическом диалоге «Отрывок», 1829), что «есть другое бытие». Сквозь религиозно-дидактическую программность (образцом которой для него могла послужить элегия А. де Ламартина «L'immortalité») тут можно расслышать живые, неподдельно искренние интонации в речах героя — выразителя тревоги и сомнения, и героини, чья сердечная вера в конце концов убеждает и ее возлюбленного:

Спокойны будем: нет сомненья,  
Мы в жизнь другую перейдем,  
Где нам не будет разлученья,  
Где все земные опасенья  
С земною пылью отряхнем.  
Ах! как любить без этой веры!

Мысль о реальном бессмертии души связалась у Боратынского с мыслью об отце (умершем в 1810 году), об оставленных им на земле следах и о возможной встрече с ним за гробом. Эта мысль возникла в нем со всей убедительностью верования, когда он осенью 1833 года посетил родовое тамбовское имение Мара, где отец некогда устроил превосходный парк. Время стерло черты былого великолепия, но Боратынский, «мыслящий наследник разрушенья» (как на-

зывал он себя в стихотворении «Череп», 1824), ощущает повсюду присутствие отца:

Мне память образа его не сохранила,  
Но здесь еще живет его доступный дух;  
Здесь, друг мечтанья и природы,  
Я познаю его вполне.

Это стихотворение «Запустение» (1834) завершается строками, которые явно рождены не игрой воображения, не желанием увенчать элегию эффектным религиозно-риторическим аккордом, но каким-то интимным соприкосновением с душою отца:

Он убедительно пророчит мне страну,  
Где я наследую несрочную весну,  
Где разрушения следов я не примечу,  
Где в сладостной тени невянущих дубов  
У нескудеющих ручьев  
Я тень, священную мне, встречу.

В стихотворении «Осень» (1836—1837) последнее слово поэта на эту тему предстает особенно значительным на фоне безотрадных итогов земного существования. Здесь речь Боратынского, развертываясь медленно и величественно, получает самые монументальные в русской лирике формы благодаря семантической нагруженности лексики, уплотнению и утяжелению фонетического ряда и многочленной архитектонике высказывания. Так, самой уже речевой формой придается некая окончательность и незыблемость (в стиле ветхозаветных обетований) утверждению, что в том мире разрешатся наконец все казавшиеся неразрешимыми противоречия бытия:

Иль, отряхнув видения земли  
Порывом скорби животворной,  
Ее предел завидя издали,  
Цветущий брег за мглою черной,  
Возмездий край, благовестящим снам  
Доверясь чувством обновленным  
И бытия мятежным голосам,  
В великом гимне примиренным,  
Внимающий, как арфам, коих строй  
Превыспренний не понят был тобой, —  
Пред Промыслом оправданным ты ниц



Падешь с признательным смиреньем,  
С надеждою, не видящей границ,  
И утоленным разумьем...

\* \* \*

Направляясь из Франции в Италию в апреле 1844 года, Боратынский был исполнен ожидания нового подъема жизненных сил, ничем не омрачаемого наслаждения бытием. «Перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии — Италии, которую за все ее заслуги должно бы на карте означить особой частью света <...>. Как наши северные леса в своей романтической красоте, в своих задумчивых зыбях выражают все оттенки меланхолии, так ярко-зеленый, резко отделяющийся лист здешних деревьев живописует все степени счастья»,<sup>12</sup> — писал он Н. Путьате.

Но ни одной из этих степеней ему не суждено было достичь.

---

<sup>12</sup> Там же. С. 320—321.

К. А. ЖУКОВ

## ИЗАФЕТИ МАКЛУБ — УЧЕНИК БАРОНА БРАМБЕУСА

(В. В. Григорьев и становление классического  
отечественного востоковедения)

4 марта 1858 года<sup>1</sup> в Петербурге умер Барон Брамбеус. Прощание с Осипом Ивановичем Сенковским проходило в католической церкви на Торговой улице. Не было ни орденских подушек, ни даже треугольной шляпы и шпаги на гроб. В церкви присутствовали несколько литераторов, книгопродавцев и немногочисленная публика. Ни Академия, ни университет не прислали депутатов. До Волковского кладбища провожали «весьма немногие». Поминок не было...

«Да, не так бы почтила любая страна Европы память человека, который несколько лет был диктатором в родной литературе, произвел коренной переворот в отечественном слове, обладал сведениями, равных которым по основательности и разнообразию не имел, быть может, никто из людей; человека, который по уму и талантам мог выдержать соперничество с любой из современных ему знаменитостей, и оставил в наследие потомству огромный запас глубоких соображений, бывших не по плечу той толпе, среди которой до последнего издыхания служил он делу знания, не понимаемый, не оцениваемый, преследуемый завистью, невежеством и бездарностью...» — такие горькие слова написал, узнав о смерти своего учителя, Василий Васильевич Григорьев.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Все даты в статье даются по старому стилю.

<sup>2</sup> Описание похорон Сенковского содержалось в письме, направленном Григорьеву другим учеником покойного востоковеда — Павлом Степановичем Савельевым (см. о нем: *Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева*. Преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб.,

Сенковский вместе с Х. Д. Френом и А. К. Казем-беком составляли великолепную тройку отцов-основателей российского академического востоковедения, которое в своем зрелом классическом виде оформилось во второй половине XIX века, после открытия в Петербургском университете осенью 1855 года факультета восточных языков. Огромная заслуга в переводе русского востоковедения — этого своеобразного культурного феномена российской цивилизации — в его классическую фазу принадлежит В. В. Григорьеву. Анализ взглядов Григорьева на характер и задачи российской науки о Востоке и составляет главный предмет настоящей статьи.

В XIX веке изучение Востока в России приобрело новый качественный характер. Это было ответом на требование времени. После победы в Отечественной войне 1812 года процесс формирования российского национального самосознания, шедший полным ходом уже в екатерининскую эпоху, получил новый мощный импульс. В российском варианте выработка национальной идентичности приобрела масштабы сотворения нового культурно-исторического типа — особой российской цивилизации (русского мира).

Понятие «Восток» в российском имперском дискурсе имело двойное содержание: материальное и духовное. «Восток внутренний» (материальный) воплощал в себе неотъемлемую часть самого государства Российского, время от времени увеличивая свой удельный вес в результате расширения границ государства и включения в его состав разноплеменных восточных народов (инородцев). В этом смысле евразийский характер русского государства был представлен в его телесной ипостаси. Духовная ипостась нового культурно-исторического типа развивалась в рамках Восточного вопроса. «Востоком внешним» (духовным) для России были Константинополь и Святая Земля. По емкому высказыванию Ф. М. Достоевского, «история Восточного вопроса есть история нашего самознания».<sup>3</sup> Россия постепенно осознавала себя законной правопреемницей Византийской империи, главой истинно христианского мира, защитницей веры от зараженного атеизмом революционного Запада.

---

1861. С. 123—125). Рано ушедший из жизни П. С. Савельев (1814—1859) успел подготовить собрание сочинений своего учителя и написал о нем образцовый биографический очерк (см.: Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса): В 9 т. СПб., 1858. Т. 1. С. XI—CXII).

<sup>3</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982. Т. 24. С. 294.

Закономерно, таким образом, что интерес к изучению Востока, имевший в России не только прикладное, но и культурно конституирующее значение, институционально оформляется именно в этот период: к первой четверти XIX века относится появление проектов создания в России «Азиатских академий» и последовавшее за этим открытие учебных заведений с преподаванием восточных языков, а также закладка основ первых собраний восточных рукописей и коллекций восточных монет. За редким исключением, все эти институты востоковедного профиля в России в данный и последующий периоды были государственными. Тогда же государство начинает стимулировать исследования в тех областях ориенталистики, которые на тот момент имели приоритетное значение для понимания самой русской истории. Так, например, дважды — в 1826 и 1832 годах — Академия наук объявляла конкурс на создание лучшего ученого труда на тему: «Какие последствия произвело господство монголов в России, и именно: какое имело оно влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оного, равно как на просвещение и образование народа».<sup>4</sup>

Отдельные начинания, предпринимаемые частными лицами, идут в общем русле государственных проектов. Так, в 1820-е годы при меценатской поддержке бывшего канцлера Н. П. Румянцева осуществляется масштабная программа по розыску и публикации восточных источников по истории России, в которой принимают участие российские и зарубежные ученые, например знаменитый австрийский ориенталист Й. фон Хаммер-Пургшталь. Он же в 1835 году представил на вышеупомянутый конкурс свое сочинение по истории Золотой Орды, а также посвятил российскому императору свое монументальное сочинение — десяти томную «Историю Османского государства» (Пешт, 1834—1836).

Время правления Николая I — это «золотой век» русской культуры: в этот период Лобачевский создает свою неевклидову геометрию, Пушкин — литературные шедевры, К. Брюллов пишет знаменитую картину «Гибель Помпеи», Глинка становится основателем национальной оперы.

Кульминацией всех предшествующих усилий по развитию востоковедных штудий в России стала концентрация ведущих научных

---

<sup>4</sup> *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 554—557.

сил в северной столице и открытие в 1855 году факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. К этому времени в Петербурге уже была создана первоклассная источниковая база для востоковедных исследований (рукописные и нумизматические коллекции Азиатского музея и Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД, а также рукописное собрание Императорской публичной библиотеки) и в основном были выработаны принципы научного описания восточных рукописей (каталоги Б. А. Дорна).

Таким образом, в этот период окончательно были сформированы предпосылки для перехода российской востоковедной науки на качественно новый уровень. В отечественном востоковедении осознание недостаточности прежнего, филологического по преимуществу, подхода к изучению Востока (и его преодоление в дальнейшем) связано в первую очередь с именем выпускника Петербургского университета и воспитанника Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, выдающегося тюрколога, исследователя Золотой Орды, истории Средней Азии и сопредельных стран Василия Васильевича Григорьева (1816—1881). Насколько важное место занимал В. В. Григорьев в истории русского востоковедения, было определено его учеником и биографом Н. И. Веселовским (см. ниже). Позже, уже в советский период, известный востоковед А. Ю. Якубовский отозвался о Григорьеве как о «наиболее яркой и самобытной фигуре своего времени».<sup>5</sup> Наконец, в последнее десятилетие прошлого века в двухтомной «Истории отечественного востоковедения» появился специальный подраздел, посвященный Григорьеву, в котором был представлен объективный очерк его научных заслуг и сделана попытка избежать ритуальных штампов советского времени относительно реакционного характера деятельности Григорьева на государственной службе.<sup>6</sup> Среди наиболее значительных публикаций последних лет отметим содержательную статью Н. Найта, посвященную генезису мировоззренческих позиций Григорьева, а также периоду его одиннадцатилетней службы в Оренбурге: сначала — в должности чиновника

---

<sup>5</sup> См. об этом: *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973. С. 249.

<sup>6</sup> История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 258—266; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 236—241.

канцелярии тамошнего генерал-губернатора, а затем — управляющего областью Оренбургских «киргизов» (казахов).<sup>7</sup>

Приоритет В. В. Григорьева в деле создания особой научной дисциплины — истории Востока — неоспорим. Именно Григорьеву принадлежал проект учреждения кафедры истории Востока при Петербургском университете, разработанный им еще в 1837 году, до защиты магистерской диссертации,<sup>8</sup> но получивший реальное вопло-

<sup>7</sup> *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851—1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. Vol. 59. N 1. Spring 2000. P. 74—100.* До 1856 г. Григорьев состоял под началом оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского, т. е. в каком-то смысле повторял путь В. И. Дала, прослужившего при Перовском в Оренбургском крае с 1833 по 1840 г. Своего рода резюме опыта своей службы в Оренбурге В. В. Григорьев представил в письме И. И. Срезневскому от 17 февраля 1858 г.: «Место, мною занимаемое, одно из лучших в России, потому что дает возможность действовать иногда по убеждению, со всем тем я несчастлив, потому что на каждом шагу принужден исполнять то, что представляется мне противным пользам России и того народа, которым заведую. Как ориенталист я, на беду мою, понимаю Азию и азиатцев, а те, которые руководят моими действиями, не знают аза ни в том ни в другом и, меряя все на европейский аршин, седлают корову арчаком, а коня запрягают в ярмо. И никак этого никому не растолкуешь. Станешь доказывать, так обижаются и тебе же говорят, что не понимаешь дела. Знающий человек по крайней мере даром без цели не сделает вреда, а невежа делает его походя, да еще с мыслию, что ужасно как хорошо поступает. Терпеть не могу англичан как нацию, а жалею, что родился русским, а не англичанином. Человеку не глупому стыдно быть русским чиновником, особенно по части азиатских дел. Да и вообще, в настоящее время без внутреннего негодования помыслить не можешь о том, что принадлежишь к этой пошлой нации телят и свиней, которая зовется Русью. Не видя нравственного начала <...> в отношениях частных лиц, я думаю — несмотря на проведение железных дорог, образование компаний всякого рода, шевеление вопроса о крестьянах, духовенстве, чиновниках и проч. — думаю, что Россия не организуется, а разлагается. Не взъщитесь за эту болтовню. Ей-Богу, тяжело» (цит. по: *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. С приложением портрета и факсимиле. СПб., 1887. С. 175).

<sup>8</sup> Тема диссертации была предложена Григорьеву в конце 1836 г. О. И. Сенковским. Он писал: «Я предлагаю вам взять вопрос, предложенный некогда Академией Наук, именно историю Золотой Орды <...>. Я прошу вас написать к г. Френу о том, что я предложил вам это занятие, которое естественно должно быть занятием известной части жизни вашей, лет пяти, шести или, пожалуй, десяти...» (цит. по: *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 22). Магистер-

щение значительно позже — лишь после того как в 1863 году Григорьев был избран ординарным профессором по кафедре истории Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.<sup>9</sup> В 1867 году он был избран также управляющим Восточным отделением при Императорском Русском археологическом обществе, в 1873—1878 г. являлся деканом Восточного факультета, с декабря 1874 по 1878 год занимал пост отправляющего должность начальника, а затем (с 1878 по март 1880 года) — начальника Главного управления по делам печати.

Упоминая все эти факты, научный биограф Григорьева Н. И. Веселовский делает акцент на синтетическом, объединяющем начале этого проекта и подчеркивает его органичный и в то же время специфический характер применительно к условиям России. «Восточный факультет, — пишет Веселовский, — чувствовал, что в нем нет никакой целостности, что каждая кафедра существует в нем сама по себе <...>. Существовавшие кафедры, обнимавшие языки и литературы важнейших народов Азии, не давали студентам Восточного факультета никакого общего взгляда на Азию. Это была крайняя специальность. Надо было связать эти разрозненные части, и факультет пришел к убеждению, что лучшею связью будет преподавание истории Востока в широких размерах. Но независимо от потребностей факультета в учреждении этой кафедры существовала и потребность государственная. Уж если где-либо в Европе должна была возникнуть такая кафедра, так это в России. Никто так не близок к Востоку, никто не связан с ним так, ни в прошлом, ни в настоящем, как Россия. <...> Россия не может отделиться от Азии и остаться Россиею».<sup>10</sup> По свидетельству Веселовского, генеральная позиция Григорьева заключалась в следующем: «...мы должны знать Азию, как для прояснения собственного самосознания, так и для рациональности нашего на нее воздействия, а лучший путь к этому — историческое изучение ее судеб. <...> Будь у нас более исторического знания Востока, мы бы давно и гораздо дальше ушли в нашем

---

ская диссертация Григорьева «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству» была защищена и опубликована Москве в 1842 г.

<sup>9</sup> Перебравшись в Петербург, В. В. Григорьев поселился неподалеку от университета, в доме, принадлежавшем Красильникову — давнишнему приятелю его покойного друга П. С. Савельева (Волховский пер. 6, кв. 6).

<sup>10</sup> *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 231.

влиятельности на Азию и ушли бы с меньшими пожертвованиями крови и денег». <sup>11</sup>

Органичность проекта Григорьева определялась также тем обстоятельством, что именно в эти годы в России уже активно обсуждался вопрос о возможности и плодотворности существования национальной науки. В периодической печати начало широкой дискуссии было положено статьей Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», опубликованной в первом номере нового славянофильского журнала «Русская беседа» за 1856 год. <sup>12</sup> Весомый вклад в обсуждение этого вопроса внес и сам Григорьев, поместивший в третьем и четвертом номерах того же периодического издания за 1856 год свои воспоминания о покойном профессоре Московского университета, популярном историке Т. Н. Грановском. <sup>13</sup>

Эти воспоминания вызвали ожесточенную полемику в российской журналистике. История этой полемики, начавшейся по отмашке А. И. Герцена, <sup>14</sup> настолько поучительна, что ее рассмотрению следовало бы посвятить отдельное исследование. Много из того, с чем смогли в тот год познакомиться читатели столичных периодических изданий (извращение смысла, беспардонный тон, использование псевдонимов, координация действий среди членов определенного кружка, скрытое использование сторонней экспертной информации, клевета и прямые угрозы в адрес оппонентов), — все это свидетельствовало о том, что российская либеральная пресса вступила в период своей зрелости. <sup>15</sup> Основным открытием отечественной

---

<sup>11</sup> Там же. С. 232.

<sup>12</sup> Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 483—493, 579—581.

<sup>13</sup> Григорьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Кн. 3. С. 17—46; Кн. 4. С. 1—57.

<sup>14</sup> Хотя ругательные отзывы на мемуары Григорьева не заставили себя ждать, именно Герцен придал антигригорьевской кампании целенаправленный и организованный характер. Герцен, собравшись написать анонимное письмо против Григорьева в «Московские ведомости», предварительно написал М. К. Рейхель в январе 1857 г. следующее: «Неужели у Грановского не осталось ни одного близкого друга в России, который бы палкой отдул этого мерзавца». Патетика в этом письме сочеталась с конкретикой, а именно: с инструкциями московским газетчикам (см.: Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 72—73).

<sup>15</sup> «Давно не слышали мы такого тона в нашей литературе, какой услышали в „Физиологии кружка“, — писал по поводу статьи, опубликованной в «Русском вестнике» (1857. № 4), П. С. Савельев. — Выражения: ули-



литературной критики этого года стало изобретение проигравшегося в карты престарелого беллетриста Н. Ф. Павлова, а именно: «Слово должно иметь тот смысл, с каким его поймут».<sup>16</sup>

На наш взгляд, одной из причин такого озлобления было то, что своими воспоминаниями Григорьев очень точно попал в некоторые болевые точки формирующегося российского интеллигентского сознания. В частности, он указал этой новой, но уже почувствовавшей свою общественную силу и потенцию на присвоение большей доли национального продукта социальной прослойке на ее родовую болезнь — на творческую бесплодность подавляющего большинства представителей российской интеллигенции, символом которой «от вихря сошедшихся обстоятельств» стал к тому времени Грановский. Другим мотивом, который в то время несомненно еще задевал чувства ее вождей и претендентов на обладание титулов «совести нации», были указания на явное несоответствие между прокламируемыми нравственными и духовными принципами и реальным, вполне буржуазным мировоззрением и образом жизни.<sup>17</sup> На примере раз-

---

ка, уличать, поступок, недобросовестность, невежество, так и сыплются. Не довольствуясь *крупными* (намек на псевдоним Герцена: «доктор Крупов». — К. Ж.) выражениями против всех тех, кто не принадлежит к „кружку Р. В.“, журнал этот употребляет даже угрозы против тех, кто и впредь осмелится писать и думать несогласно с „кружком Р. В.“, читайте, читайте! (<...> Глазам не верится, читая эти строки)» (*Савельев П. С. Пояснения и заключение к статье: Фельетонист-ориенталист // Молва. 1857. № 11. С. 132*).

<sup>16</sup> См.: *Савельев П. С. Фельетонист-ориенталист // Молва. 1857. № 4. С. 50*.

<sup>17</sup> То, что такие слова Григорьева, как эпикуреизм, «о-в Цитеры» и пр., употребленные автором мемуаров применительно к Грановскому, лично задела инициатора антигригорьевской кампании, видно из вышеупомянутого письма Герцена. Как известно, состояние Герцена, переведенное из России во Францию, превышало миллион франков. Этот капитал приумножался благодаря многолетнему сотрудничеству Герцена с Джеймсом Ротшильдом, в том числе за счет вложений в государственные облигации Виргинии — одного из южных американских рабовладельческих штатов (см.: *Offord D. Alexander Herzen and James Rothschild // The Rothschild Arch. Rev. Review of the Year April 2005 to March 2006. P. 39—47*). Через четверть века эту же тему затронул Достоевский в августовском выпуске «Дневника Писателя» за 1880 г. Отвечая на критику со стороны либерального публициста А. Д. Градовского по поводу «личного самосовершенствования в духе христианской любви», он с прямым намеком на Герцена написал: «То-то вот и есть, что „скитальцы“ ненавидели крепостное право

мышлений о личности Грановского Григорьев также затронул ряд тем, которые, много позже и частично, были развиты в сборнике «Вехи» (1909).<sup>18</sup> Созданный Григорьевым образ Грановского послужил прототипом Степана Трофимовича Верховенского в романе Достоевского «Бесы». Однако это было слабым утешением. Для

---

„по-своему, по-европейски“, в том-то и вся суть. То-то вот и есть, что не навидели они крепостное право не ради русского мужика, на них работавшего, а стало быть, ими же в числе других и угнетенного. Кто мешал им, если уж до того их одолевала гражданская скорбь, что к цыганам приходилось бежать али на баррикады в Париж, — кто мешал им просто-запросто освободить хоть своих крестьян с землей и снять таким образом гражданскую скорбь, по крайней мере хотя с своей-то личной ответственности? Но о таких освобождениях что-то мало у нас было слышно, а гражданских воплей раздавалось довольно. „Среда, дескать, заедала, и как же де ему своего капиталу лишиться?“ Да почему же не лишиться, когда уж до такой степени дело доходило до скорби по крестьянам, что на баррикады бежать приходилось? То-то вот и есть, что в „местечке Парижè-с“ все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадах участвуя, так вот крепостные-то и присылали оброк. Делали и еще проще: закладывали, продавали или обменивали (не все ли равно?) крестьян и, осуществив денежки, уезжали в Париж способствовать изданию французских радикальных газет и журналов для спасения уже всего человечества, не только русского мужика {...} А сколько презрительных анекдотов ходило между них о русском мужике, презрительных и похабных, об его рабской душе, об его „идолопоклонстве“, об его попе, об его бабе, и говорили все это с самым легким сердцем такие иногда люди, у которых их собственная семейная жизнь изображала собою нередко почти дом терпимости, — о, разумеется, не всегда от худого чего-нибудь, а иногда именно лишь от излишнего жару к восприятию последних европейских идей, à la Лукреция Флориани, например, по-нашему понятых и усвоенных со всею русской стремительностью. Русские люди были во всем-с! О, русские скорбящие скитальцы бывали иногда большими плутами, г-н Градовский, и вот именно эти самые анекдотики о русском мужике и презрительное мнение о нем почти всегда утоляли в сердцах их остроту гражданской их скорби по крепостному праву, придавая ей таким образом лишь отвлеченно-мировой характер. А ведь с отвлеченно-мировым характером скорби весьма и весьма можно ужитья, питаюсь духовно созерцанием своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну, а телесно все-таки питаюсь оброком с тех же крестьян, да еще как питаюсь-то!» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 158—159).

<sup>18</sup> О космополитизме русской интеллигенции см.: Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 60—61. Относительно слабой культуры ума и воли у русского студенчества см.: Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи // Там же. С. 107—109.

Григорьева газетная травля, последовавшая вслед за публикацией его мемуаров, явилась серьезным испытанием. На наш взгляд, горькая память об этих событиях продолжала давать о себе знать спустя многие годы. Особенно неприятным для Григорьева стало участие в этой травле его коллеги — востоковеда И. Н. Березина, снабдившего редколлегию «Русского вестника» и «Московских ведомостей» специальными справками для антигригорьевских выпадов упомянутого Павлова в «Русском вестнике» и Н. Чельшевского в «Московских ведомостях». <sup>19</sup> Двадцать лет спустя Березин получил адекватный ответ.

Известно, что Григорьев, будучи в должности начальника Главного управления по делам печати, оказал всестороннее содействие Достоевскому в получении разрешения на издание «Дневника Писателя» — сперва с дозволения предварительной цензуры, а потом и вовсе без цензурной опеки. Н. И. Веселовский вспоминает, что по поводу выхода первого номера «Дневника» за 1876 год он слышал от В. В. такую остроту: «Вот Достоевский начал издавать „Дневник Писателя“ — предприятие хорошее, только по закону следует запретить его: Достоевскому разрешено издание без сотрудников, а я оказываюсь главным его сотрудником». В этом номере Достоевский поместил три заметки «со слов В. В.». Одна касалась отмены телесных наказаний в школах (гл. 2, § 3), другая представляла собой турецкую пословицу, которой был закончен номер (гл. 3, § 4). «Содержание третьей заметки я не запомнил», — пишет Веселовский. <sup>20</sup>

---

<sup>19</sup> Н. Чельшевский — псевдоним члена герценовского московского кружка Евг. Ф. Корша. Он опубликовал свою статью в двух номерах (№ 57 и 58) «Московских ведомостей», редактором которых был его брат Вал. Ф. Корш (статья также была перепечатана в № 9 «Русского вестника» за 1857 г.). Чельшевский, адресуясь к П. С. Савельеву, в частности, писал: «Между тем я все-таки повторю вам мою просьбу о собрании и обнародовании свидетельств на счет ученого веса г-на Григорьева по сю и по ту сторону Атлантики. Это будет тем поучительнее, что мера его славы вместе даст нам меру распространения русской грамотности на Западе, так как на иностранных языках он, помнится, ровно ничего не писал. Для меня нет никакого сомнения, что труды Вуллерса, Дефремери и Жюбера, на которые вы кидаете такой гордый взгляд, уже и потому пользуются у западных гораздо большею известностью, что писаны на языках, доступных для ученого мира» (Московские ведомости. 1857. 14 мая. № 58. С. 264).

<sup>20</sup> Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 264—265.

«Третья заметка», однако, вычлняется довольно легко — это рассказ «видавшего виды человека», героем которого является «идеалист сороковых годов», всю жизнь выкупавший на волю крепостных из своих скудных средств (гл. 2, § 3). В этом рассказе речь идет об основателе русской теоретической статистики Д. П. Журавском, авторе знаменитой книги «Об источниках и употреблении статистических сведений» (Киев, 1846), многие положения которой вполне корреспондировали со взглядами Григорьева. Эпизод с выкупом дворовых людей содержится в самаринских воспоминаниях о Журавском, опубликованных во втором номере за 1857 год «Русской беседы»,<sup>21</sup> прилежным читателем которой в Оренбурге был Григорьев.<sup>22</sup>

На наш взгляд, «забывчивость» Веселовского распространилась также на своеобразный вклад Григорьева, который получил отражение в тексте Достоевского «Одно слово по поводу моей биографии» (гл. 3, § 3), помещенном непосредственно перед вышеупомянутой восточной пословицей. Этот текст начинается следующей фразой: «На днях мне показали мою биографию, помещенную в „Русском энциклопедическом словаре“, издаваемом профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным {...} и составленную г-ном В. З. Трудно представить, чтоб на одной полстранице можно было надеть столько ошибок». Достоевский был не на шутку разгневан и заканчивал свой отзыв ироничным предположением, что читатели могут подумать, «что и все статьи в словаре г-на Березина составлены также неряшливо».

В 1856 году в нескольких номерах «Библиотеки для Чтения» была напечатана работа Березина «Народные пословицы турецкого племени». Среди прочих была в ней известная пословица: «Собака лает, караван проходит»<sup>23</sup> (по-турецки эта пословица звучит следующим образом: *it üür, kervan yüür*. — К. Ж.). Таким образом, по-

---

<sup>21</sup> Самарин Ю. Ф. Воспоминание о Дмитрие Петровиче Журавском (письмо к редактору «Русской Беседы») // Русская беседа. 1857. Кн. 2 (6). Отд. 6: Биография. С. 15—16.

<sup>22</sup> В. В. Григорьев — П. С. Савельеву. Оренбург. 31 марта 1857 г.: «А каков первый № Беседы за настоящий год — просто прелесть! Дай им Бог успеха. Делают дело не совсем так, как надо бы по-нашему, да и то хорошо, что делают {...}. Савка, хоть и невыгодно быть славянофилом, а почетно стоять в ряду их» (ОР РНБ. Ф. 37. Артемьев А. И. Ед. хр. 773. Л. 4 а).

<sup>23</sup> Библиотека для чтения. 1856. Т. 136, кн. 1 (март/апрель). С. 94.

явление в «Дневнике Писателя» «настоящей турецкой, не сочиненной» пословицы: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели», было со стороны Григорьева своего рода знаком, напоминанием Березину о событиях двадцатилетней давности.<sup>24</sup>

Представляется, что наш анализ первого выпуска «Дневника Писателя» за 1876 год полностью подтверждает мнение А. С. Долинина о том, что «исследователи творчества Достоевского, при определении истоков его публицистических воззрений, должны безусловно считаться с возможным влиянием на него Григорьева, хотя бы в части, касающейся восточного вопроса».<sup>25</sup> Не исключено также, что будущие исследования смогут выявить следы воздействия мощной личности В. В. Григорьева и на других выдающихся представителей русской науки и культуры его времени. В частности, плодотворными в этом отношении могут оказаться исследования взаимоотношений Григорьева и Н. Я. Данилевского. Переписка между ними велась по крайней мере уже с первой половины 1866 года,<sup>26</sup> а в

---

<sup>24</sup> Именно И. Н. Березин, по нашему мнению, был тем самым «Б.», который в свое время «по секрету» сообщил «ориентальные сведения» для пасквиля Н. Ф. Павлова «Биограф-Ориенталист», а затем для упомянутой статьи Чельшевского (Жорша). См.: письмо П. С. Савельева Григорьеву от 15 мая 1857 г.: «Не знаю, получаешь ли ты „Молву“ и читал ли там мои писания в №№ 4 и 5? Те, до кого они касаются, были, видно, так встревожены статьею, что тотчас прислали сюда к Б. номер газеты, с просьбою написать ответ. Б. на другой день явился ко мне и объявил о том „по секрету“, с покровительственным видом успокаивая обещанием, что писать не будет. — „Почему же нет?“. — „Да так, нейдет: я им так и отвечал“. — В тот вечер я видел одного господина, хорошо знающего Б., и он сообщил мне, тоже „по секрету“, что ориентальные сведения для статьи П. сообщил Б. Поди ты, влезь в человека!» (*Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева. Преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. С. 120—121*). Вышеупомянутые соображения уже были изложены нами в докладе: «„Восточные мотивы“ в январском выпуске „Дневника Писателя“ за 1876 год Ф. М. Достоевского: вклад В. В. Григорьева» на научной конференции: XXXVI Международные чтения «Достоевский и мировая культура» в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (10—13 ноября 2011 г.). Но основе этого доклада планируется подготовить к печати отдельную работу.

<sup>25</sup> См.: *Достоевский Ф. М. Письма. Т. 3: 1872—1877. М.; Л., 1934. С. 298.*

<sup>26</sup> Желая знать, почему сместили Туркестанского военного губернатора генерала Черняева, Данилевский написал Григорьеву 28 декабря 1866 года:

августе—сентябре 1878 года Григорьев провел свой отпуск во Мшатке — крымском имении Данилевского.<sup>27</sup>

Однако вернемся к главной теме нашей статьи. Представляется, что григорьевские воспоминания о Грановском вполне могут быть названы манифестом русского классического востоковедения, ибо в них автор четко сформулировал свое видение путей достижения нового знания. В концентрированном виде эти принципы были суммированы известным тюркологом и нумизматом П. С. Савельевым, выступившим в поддержку позиции Григорьева и разбившим в прах «нелитературные выходки наших литературных баши-бузюков». В частности, Савельев написал следующее: «Статья В. В. Григорьева заслуживала серьезного рассмотрения и изучения мыслителя. Затронутые ею вопросы имеют и безусловную и (еще более) относительную для нас важность ⟨...⟩. Чем объяснить бессознательное пристрастие или падкость русских людей ко всему иноземному, и вещественному и духовному? Это легкое перенимание чужой национальности, даже в образе мыслей, это недоверие к собственным умственным и нравственным силам, это щегольство отречением от своей народности?»

---

«Мы с Вами решительно два сапога пара ⟨...⟩. Вот уже полгода, как от Вас ни гугу, и я бы не знал, что с Вами делается, если б объявление об издании „Москвы“ не принесло ⟨нрзб.⟩ сугубой радости, во-первых, что „Москва“ будет издаваться, а во-вторых, что Василий Васильевич будет в ней участвовать и следовательно, если хотя и не здоров, то во всяком случае жив» (ОР РНБ. Ф. 224. Григорьев В. В. Ед. хр. 34. Л. 1—1а). Их знакомство могло состояться еще в 1857 г., когда Данилевский изучал уральское рыбное хозяйство (см.: *Данилевский Н. Я. Горе победителям: Политические статьи.* М., 1998. С. 324, а также: *Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германско-романскому.* СПб., 1995. С. XXXII).

<sup>27</sup> *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 270. Осенью 1878 г. Данилевский завершил свою обширную статью «Горе победителям!», первоначальный заголовок которой был следующим: «Россия и Восточный вопрос». Безусловно, тематика этой работы была предметом разговоров между хозяином имения и его гостем. В 1884 г., т. е. уже после смерти Григорьева, в «Руси» была опубликована статья Данилевского «Происхождение нашего нигилизма». Вполне вероятно, что автор был знаком с последним произведением Григорьева «О предметах, вызывающих на размышления. Девять писем султана Мендала Пиралиева в редакцию „Нового времени“» (СПб., 1881), в котором одним из таких предметов был русский нигилизм, его происхождение, формы, а также возможные способы борьбы с этим явлением, включая реформу высшего и среднего образования.

Усвоение себе последней из философских систем и философствование по этой чужой системе может ли называться изучением философии? Усвоение последних результатов какой-либо науки образует ли истинного ученого? Одно ли и то же — начитанность и эрудиция? <...> Насколько университеты могут образовать ученого? В какой мере восточные языки у нас могут заменять изучение классических как средство уморазвития?»<sup>28</sup>

На последнем пункте следует остановиться подробнее, обратившись к оригинальному тексту Григорьева, который на основании своего опыта полагал, что «в деле воспитания важно не то, чему учить, а как учить». «Кто практически узнал, как приобретаются основательные сведения в одной сфере знаний, тот сумеет приобрести их и во всякой другой. В Западной Европе служит для этой цели изучение классических языков, между прочим, потому, что оно трудно. <...> Учат латинской версификации, а из ученья этого выходят люди способные открывать планеты, предводительствовать армиями, выдумывать машины для фабрик и править машиною государства! — Чем в системе западного образования служат классические языки, тем в нашем университетском курсе были для нас восточные, и средство это, рассматриваемое как средство, было еще лучше...»<sup>29</sup>

Отметим, что в 1860-е годы активный участник травли, бывший хулиган Григорьева М. Н. Катков, стал яростным защитником введения классической системы образования в России, отчасти солидаризуясь в этом смысле с некоторыми педагогическими идеями своего противника (в первую очередь здесь следует упомянуть идею «умственной гимнастики», которая была предвосхищена Григорьевым). Понимание правильности таких педагогических подходов было характерно и для В. В. Розанова, писавшего об исключительном «формально-методическом» значении латинского языка: «...латинская грамматическая школа есть неумирающее орудие заострения собственно умственных даров человека, которое может быть откинуто невежеством, но ничем не может быть заменено».<sup>30</sup> Григорьев в этом вопросе, как мы видим, шел своим путем, указывая на то «фор-

---

<sup>28</sup> Савельев П. С. Пояснения и заключения к статье: Фельетонист-ориенталист // Молва. 1857. № 11. С. 126.

<sup>29</sup> Григорьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. Кн. 3. С. 23.

<sup>30</sup> Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 246.

мально-методическое» значение, которое имело изучение восточных языков в российских условиях. Кроме того, Григорьеву, как и Розанову (в отличие от Каткова), в педагогике было близко понятие единства типа в обучении и воспитании (об этом см. ниже).

В первой половине XIX века труды по востоковедению публиковались в России преимущественно на иностранных языках (латынь, немецкий, французский), но при этом часто дублировались русскими переводами, что в тот период имело как просветительские, так и научно-педагогические функции.<sup>31</sup> Становление востоковедения в России как национальной науки шло параллельно с совершенствованием научного стиля русского литературного языка. Закономерным итогом этого процесса стало историческое решение В. Р. Розена, возглавлявшего «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», главный печатный орган российских востоковедов, начавший выходить с 1886 года: барон Розен поставил перед своими авторами условие — представлять в «Записки» статьи только на русском языке.<sup>32</sup> В этом вопросе востоковеды опередили российский МИД: циркуляр о замене в политической переписке французского языка русским появился лишь в январе 1887 года.<sup>33</sup> Как

---

<sup>31</sup> История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 249—250.

<sup>32</sup> Тихонов Д. И. Сокровища Азиатского Музея и их собиратели. (Исторический очерк) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1973. Т. 29. С. 15. Призывы к печатанию научных трудов отечественных исследователей на русском языке имели место и раньше. Например, крупный геополитик генерал М. Н. Венюков (1832—1901) в качестве одной из причин медленной колонизации Сибири даже называл то, что издание трудов русских путешественников по Востоку осуществлялось за границей, на немецком и французском языках (*Венюков М. Н. Россия и Восток: Собр. геогр. и полит. статей.* СПб., 1877. С. 105). Таким образом, им ставилась задача сделать последние достижения российской географической науки достоянием широкой читательской аудитории в самой России. Жизнь распорядилась по другому: эмигрировавший в том же году из России Венюков до конца своих дней пропагандировал эти достижения среди европейской общественности.

<sup>33</sup> О значении хорошего знания родного (русского) языка, причем усвоенного с детства, для будущих российских дипломатов писал Достоевский в «Дневнике Писателя» за июль—август 1876 г. и за май—июнь 1877 г. (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.* Т. 23. С. 77—84; Т. 25. С. 140—142). Тема это давняя: еще во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Ф. П. Фонтон, представитель славной династии переводчиков-драгоманов, в одном из своих писем с театра боевых действий подчеркнул



пишет академик И. Ю. Крачковский, к началу 1880-х годов Розен, публиковавший до того времени свои научные труды на французском языке (надо иметь в виду, что его родным языком был немецкий), сумел выработать образцовый русский стиль.<sup>34</sup>

следующее: «Одно еще мне более и более показывается необходимым для нашей дипломатии, это чтобы представители наши знали Россию, чтобы были напитаны русским духом, словом, чтобы они умели по-русски думать и писать. В старые времена и до Екатерины — донесения политические писались по-русски! В нынешнее же время это почти невозможно. Вот <...> пример, которого я был невинною жертвою:

Надобно было Главнокомандующему в Азии, графу Паскевичу, дать общий обзор политических наших сношений, по случаю разрыва с Портою. Граф Нессельроде имел благую мысль эту депешу приказать написать по-русски. Поручено это было любезному и достойному редактору Аполлинарию Петровичу Бутеньеву. Он написал депешу, и я ее переписал к докладу, по обыкновению. Но, прочитавши оную после перебеления, Аполлинарий Петрович не остался довольным! Он ее переделал, я же во второй раз переписал. Прочитал Бутеньев, опять не по нутру. Чего-то не достает! Чего-то не клеится! Он попросил находящегося в лагере статс-секретаря Дашкова пересмотреть. Дашков, как <...> известно, мастер в этом деле. Он знает язык основательно и пишет превосходно. Его слог твердый, ясный, изящный, выборный и щегольской. Не будь статс-секретарем, он был бы славным писателем. Он друг Бутеньеву. Стали они вместе перебирать депешу. Не тут-то было! Это не нравилось. Другое не так изъясняло мысль. Они беспощадно перечеркивали и переделывали несчастную депешу, а я все сызнава ее переписывал. Наконец, с родомучительными трудами депеша произведена была на свет и подписана и отправлена!

Отчего это? Причина весьма естественная! Мы по-французски натерли себе руку. Мы имеем целый лексикон слов, слогов и речений, которые имеют принятое всеми значение. Во французской дипломатической фразе прочти первые слова, и ты всю знаешь, не читавши. Захочешь же эту фразу написать по-русски, тут и не клеится. Отчего это? Говорят, русский язык не довольно обработан, не приспособлен к дипломатическому духу. Неправда! Наша дипломатия не приспособлена русскому духу.

<...> ...станем по-русски писать донесения или послания наши, чтобы вместо депешы употребить русское слово! От этого возникнет переворот, не только материальный, но моральный в нашей политике. В этом беды нет! Русская политика будет тогда коротка и ясна. Она будет политика без фраз, я же не найдусь в необходимости один и тот же выскопарный вздор восемь раз сряду переписывать» (Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828—1829 гг. 3-е изд. Лейпциг, 1866. Т. 1. С. 91—93).

<sup>34</sup> Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 140.

Таким образом, Розен шел по стопам своего учителя, Григорьева, сумевшего отстоять аналогичную позицию на сорок лет раньше, при обсуждении нового устава Русского географического общества в конце 1846 года. Тогда Григорьев писал: «Не тем будет участвовать Общество в общем движении науки, что станет заказывать французские, немецкие или английские переводы изданных им на русском языке сочинений, а тем, когда эти сочинения написаны будут в современных понятиях о науке, когда они прибавят что-нибудь к умственному запасу человечества. Кто написал превосходное сочинение на русском языке, тот двинул и европейскую науку: разве Россия не часть Европы? О том надо позаботиться, чтобы на русском-то языке печатать дельные вещи, а там иностранцы и без наших-то хлопот не преминут усвоить их своим литературам». В подтверждение своих слов Григорьев приводит многочисленные примеры такого рода переводов русскоязычных трудов об Азии на западные языки и заявляет: «Вообще рабочих сил и средств у нас немного; потому, чем дробить их и хотя часть из них тратить для Европы, лучше, мне кажется, было бы их употребить безраздельно на изучение самих себя. Будет с России по части просвещения Европы и того, что она содержит С.-Петербургскую Академию Наук, которая, по-видимому, специально существует для этой цели, издавая и записки свои, и бюллетень на иностранных языках».<sup>35</sup>

Представляется, что, помимо всего прочего, это решение Розена было результатом осознания особой когнитивной роли русского языка как языка отечественного востоковедения, которое, по мнению другого выдающегося российского востоковеда академика В. В. Бартольда, представляло собою «особый научный мир».<sup>36</sup> В результате русский язык становился привычным и для западных ориенталистов; многие из них изучили его, чтобы читать «Записки».<sup>37</sup>

---

<sup>35</sup> Цит. по: *Веселовский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 96—97.

<sup>36</sup> См. об этом: *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997. С. 427—428.

<sup>37</sup> *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. С. 143. Показательно в этом отношении письмо С. Ф. Ольденбурга В. Р. Розену из Парижа от 17—18 декабря 1893 г.: «Русский язык, насколько могу судить, делает огромные успехи на Западе. Даже здесь, среди заскорузлого французского самомнения, усердно учатся всегда русскому языку и усердно переводят. Если только мы, русские, не окажемся в общем плохи, то дело русского языка близко к победе. Надо только, чтобы мы сами им серьезно

Для Григорьева «особым миром» являлся также университет. Что для самого Григорьева означало это понятие, становится ясным по прочтении его фундаментального труда «Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет существования. Историческая записка, составленная по поручению Совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В. В. Григорьевым» (СПб., 1870). Университет представлялся Григорьеву единым организмом, а не конгломератом кафедр и факультетов. Несмотря на то что Григорьев последовательно выступал за духовную самостоятельность и в науке, и в педагогике, такой подход, на наш взгляд, естественным образом подразумевал, что внутреннее единство университета обеспечивалось единой целеполагающей идеей, лежащей в основе образовательного учреждения, а именно: сочетанием обучения и воспитания, то есть не только передачей информации и приобретением профессиональных навыков, но и формированием личности в согласии с определенными этическими нормами и культурными ценностями, иными словами — в полном согласии с немецким идеалом *Bildung* (Образования). Здесь будет уместным привести определение этого концепта:

«Фундаментальное понятие со времен Песталоцци, *Bildung* означает формирование души культурной средой. *Bildung* подразумевает: а) индивидуальность, которая, начав движение из уникального отправного пункта, должна развиться в совершенную, проникнутую ценностями личность; б) определенную универсальность, то есть богатство ума и личности, которое достигается через сочувственное понимание и переживание [*Verstehen und Erleben*] объективных культурных ценностей; в) цельность, то есть внутреннюю гармонию и твердость характера».<sup>38</sup>

На наш взгляд, именно исходя из солидарности взглядов Григорьева с этим фундаментальным концептом, можно понять, почему он с такой гордостью пишет о том, например, что «публичные концерты университетские (первый такой концерт состоялся в начале

---

занялись и чтобы в русской школе (на всех трех ступенях) ⟨он⟩ получил преобладающее значение. *Форма, в которую ⟨он⟩ выливается, имеет огромное значение ⟨влияние⟩, по-моему, на самую мысль (курсив мой. — К. Ж.). Своим долгим первенством Франция главным образом обязана языку» (Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 2004. Т. 2. С. 276).*

<sup>38</sup> Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890—1933. М., 2008. С. 108—109.

1847 года. — К. Ж.) сделались одними из наиболее любимых и наиболее посещаемых лучшим столичным обществом», а также особо подчеркивает значение университетских актов, на которых в те годы выступали такие выдающиеся ученые, как например К. Н. Бестужев-Рюмин в 1866 году с речью «Карамзин как историк» или В. И. Ламанский в 1868 году с речью «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Западной Европе». <sup>39</sup> Для своего собственного выступления на университетском акте 1875 года Григорьев избрал вопрос об отношении кочевых народов к оседлым. <sup>40</sup>

Будучи сторонником культурной самобытности, Григорьев обладал при этом таким качеством, как внутренняя свобода, что позволяло ему уверенно себя чувствовать в любых дискуссиях. Например, в 1865 году, в ответ на нападки петербургской либеральной прессы на университетское востоковедение, содержавшие в себе, помимо всего прочего, предложения возвратить Восточный факультет из северной столицы в Казань, Григорьев написал буквально следующее: «...попросим публицистов наших пораздумать о том, почему во Франции преподавание восточных языков сосредоточено исключительно в Париже, а не устроено в Алжирии, где арабский язык «слышится в жизни» столько же, сколько у нас в Казани татарский; почему кафедр восточных языков, преподающихся в Оксфорде, Кембридже и т. д., не переносят англичане в Индию, где у них до полутора миллиона самых разнообразных азиатских подданных; почему, наконец, Австрия свой институт восточных языков держит в Вене, а не поместила где-нибудь на турецкой границе, „поближе к Востоку“? Если, как иные полагают, мы, русские, ничего не можем делать умно и с достаточною обдуманностью, так по крайней мере западные-то европейцы на рациональных же основаниях поступают, делая то же самое, что в России для наших публицистов представляется неразумным». Григорьев также отмечает, что «...высшее образование везде в Европе стоит дорого и тем дороже, чем оно специальное. В германских университетах, где преподаются восточные языки, профессора этих языков, точно так же, как и у нас, видят в аудиториях у себя не более трех-четырёх постоянных слушателей; тем не менее правительства Германии нашли необходимым учредить кафед-

---

<sup>39</sup> Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет существования. С. 309, 328, 408, 412—413.

<sup>40</sup> Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 252.

ры восточных языков почти во всех университетах этой страны, по несколько в каждом».<sup>41</sup>

Особенностью российского востоковедения было то, что, будучи во многом сформированным благодаря научной и педагогической деятельности ориенталистов-иностранцев, оно в сравнительно короткий исторический промежуток времени приобрело характер национальный. Произошло это благодаря счастливому сочетанию следующих обстоятельств.

Во-первых, приглашенные в Петербург преподаватели, как правило, являлись специалистами экстра-класса. Например, Ф. Ф. Шармуа, по оценке Григорьева, «был, наверное, основательнейшим в свое время европейским знатоком персидского языка», а питомец Виленского университета О. И. Сенковский не имел соперников в арабском и турецком.<sup>42</sup> Признанным авторитетом являлся Х. Д. Френ, «основатель и князь восточной нумизматики» (П. С. Савельев), а также Мирза Казем-бек, «азиатец, с глубоким мусульманским образованием соединяющий основательное знакомство с ученостью европейской» (В. В. Григорьев). Их учениками стали М. Г. Волков, Савельев, Григорьев, В. Г. Тизенгаузен и др. О методе преподавания Сенковского Григорьев вспоминал, в частности, следующее: «Уча переводить с русского на турецкий, учил он слушателя не слова и фразы одного языка передавать на другом, а перестраивать предварительно в голове европейскую мысль сообразно с мирозерцанием турков и только перестроенную таким образом мысль облечь уже словами и фразами османского языка. На это, конечно, в целой Европе изо всех знатоков языка османов способен был один Сенковский».<sup>43</sup>

Во-вторых, прохождение школы у таких выдающихся учителей требовало от студентов колоссальных умственных, физических и душевных затрат. Григорьев вспоминает, что на протяжении трех с половиной лет пребывания в университете почти каждый вечер у студентов был занят подготовкой к завтрашней лекции по восточным

---

<sup>41</sup> В опровержение некоторых мнений, высказанных в последнее время о преподавании восточных языков в России и об изучении у нас Востока вообще. I // *День*. 1865. № 18. С. 434.

<sup>42</sup> *Григорьев В. В.* Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. Кн. 4. С. 21—22.

<sup>43</sup> Подробнее см.: Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет существования. С. 74—76.

языкам. Лекции начинались в 8 часов утра и продолжались до 6 после полудня (с двухчасовым перерывом на обед). «Мы по опыту знали, что значит *работать усидчиво, работать без развлечения*. <...> ...нас заставляли учиться с начала, с азбуки <...> *мы научились тому, как надо учиться*, узнали на деле процесс приобретения основательных сведений и получили недоверие к достоинству сведений, приобретаемых иначе...» Есть другой путь: приняться за работу с конца, то есть усвоить себе последние результаты науки и потом «следить за успехами ее». «Этим способом ученость приобретается весьма скоро, и притом ученость эффектная, блистательная; жаль только, что она, как все фальшивое, непрочна и, как все лишенное внутренней жизни, непроизводительна. Мы работали иначе <...>. Науку уважать научили нас в университете, а не платить ее; до корней заставляли нас добираться в каждом деле, а не ветвями его любоваться», — пишет Григорьев.<sup>44</sup>

И в-третьих, появление целой плеяды прекрасно подготовленных в профессиональной сфере отечественных ориенталистов по времени совпало с «золотым веком» русской культуры. Тридцатые годы XIX века — это время небывало высокого международного престижа Российской империи (после побед в трех войнах: с Ираном в 1826—1828, Турцией в 1828—1829, Польшей в 1830—1831 годах). Тогда же на Западе Россия начинает восприниматься в качестве цивилизационного конкурента, что открывает дорогу такому феномену, как русофобия. Восточная (Крымская) война 1853—1856 годов и Польское восстание 1863 года способствовали развитию самобытных тенденций в российской культуре (в широком понимании этого слова). В частности, дополнительный импульс приобрело культурное движение, которое Н. Н. Страхов позже окрестил «Борьбой с Западом в нашей литературе». Россия укрепляет свои позиции на Кавказе (в 1863 году заканчивается многолетняя Кавказская война с горцами), в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

В этот историко-культурный контекст органично вписывается мировоззрение Григорьева, еще в 1856 году объявившего, что «если мы не хотим оставаться вечно учениками Западной Европы, вечно повторять зады ее без возможности опередить эту Европу в чем-нибудь, то единственное средство этого есть — учиться не на скорую руку, не как-нибудь, довольствуясь поверхностным знакомством с

---

<sup>44</sup> Григорьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 22—23, 26, 28.

результатами чужого труда, а учиться всякому делу с азбуки, без скачков, не торопясь, не обходя трудностей, но преодолевая их терпением и настойчивостью, словом — учиться, как училась и продолжает учиться сама Западная Европа. Станем мы поступать таким образом — и необходимым последствием этого явится у нас, между прочим, и *национальность в науке*, то есть на сделанное в науке другими выработается у нас сам собою, без всяких о том хлопот самостоятельный взгляд, и окажемся мы способными не только любоваться плодами науки (далее чего теперь нейдём), но и действовать плодотворно в ее сфере на пользу будущего человечества, обогащая умственный капитал, нажитый прошлыми поколениями, своеобразными завоеваниями нашего духа в области мышления и наблюдения».<sup>45</sup>

Рубежным на пути становления русского классического востоковедения стал 1876 год, когда, во время проведения в Петербурге III Международного съезда ориенталистов (с 20 по 31 августа 1876 года) Россия заявила о себе как о великой научной востоковедной державе. Будучи председателем оргкомитета съезда, Григорьев провел гигантскую работу по его подготовке и проведению, а также по публикации его итоговых материалов. Съезд проходил в очень сложной международной обстановке, накануне очередной русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В этих условиях Григорьеву предстояло соблюсти все прецедентные требования по проведению таких мероприятий, обеспечить должное представительство на данном научном форуме и позаботиться о нейтрализации возможных участников, известных своими русофобскими взглядами. Все эти задачи им были успешно решены. Несмотря на неудачу ходатайства перед государем наследником «почтить дело ориентализма в России и целой Европе удостоением принять на себя звание Покровителя Высочайше разрешенного конгресса ориенталистов в нашем отечестве», Григорьев изящно вышел из создавшегося положения. Во-первых, он сумел заручиться согласием кашгарского правителя Якуб-бека стать почетным членом съезда. Наряду с Его Высочеством, владельцем Восточного Туркестана, почетным членом съезда также согласился стать известный меценат, Его Величество Дон Педро II, император Бразильский, в то время инкогнито совершавший путешествие по Европе и оказавшийся в период работы съезда в Петербурге. Вторая задача также была выполнена: на съезд прибыли представитель-

---

<sup>45</sup> Там же. С. 30.

ные делегации из Англии, Франции и ряда других европейских государств, а делегат Высокой Порты выполнял на съезде обязанности председателя секции Турции. На этом фоне очень заметным было отсутствие участников из Австро-Венгрии, особенно лидера тамошней ориенталистики известного русофоба А. Вамбери. Последнее также было заслугой Григорьева. В 1874 году он напечатал разгромную рецензию на английское издание сочинения Вамбери «История Бухары». В год работы съезда эта рецензия была опубликована в Лондоне в переводе Ю. Скайлера. Научной репутации Вамбери был нанесен серьезный урон. Третья задача, таким образом, тоже была успешно решена.

Силою обстоятельств Петербургский съезд востоковедов представлял своего рода реплику Славянского съезда и Московской этнографической выставки 1867 года. Под стать было и его открытие: в Актовом зале университета, позади членов оргкомитета и делегатов от научных обществ, на специальном возвышении, занимали места представители Азиатской России: буряты, узбеки, киргизы и др. Последующие заседания съезда проходили в здании МВД на Фонтанке. Там же была устроена выставка, гвоздем которой стала коллекция восточного оружия Туркестанского губернатора К. П. фон Кауфмана, а также войлочная кибитка, стоимостью более 1 500 руб., доставленная в Петербург султаном Джанайдаровым (киргизец, управитель Арганатинской волости). Делегатам съезда были открыты все этнографические, рукописные и нумизматические собрания Петербурга, в том числе восточная коллекция графа С. Д. Шереметева. В Императорском Географическом обществе была устроена выставка старинных географических карт азиатских стран, присланных из Главного Московского архива. Наконец, Императорская Академия художеств выставила сотни акварелей П. Я. Пясецкого, привезенных художником из экспедиции в Китай 1874—1875 годов.<sup>46</sup>

---

<sup>46</sup> См.: Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876. Т. 1 / Под ред. В. В. Григорьева. СПб., 1879—1880. С. III, XLII, XLVIII—XLIX, CX—CXI. Григорьев одним из первых сумел оценить своеобразный дар П. Я. Пясецкого, впоследствии прославившегося своими огромными движущимися панорамами. Вершиной его работ в этом жанре стала панорама Транссиба, хранящаяся в настоящее время в Государственном Эрмитаже (см.: *Принцева Г. А.* Сибирский путь Павла Пясецкого. СПб., 2011). Что касается этой «русской учено-торговой» экспедиции, или «дела о поставке провианта для китайской армии», то она получила скандальную известность, став предметом



Еще на организационной стадии делегатам конгресса был направлен специальный вопросник, имеющий целью задать нужный вектор работе съезда. Часть из тридцати восьми таких вопросов была сформулирована самим Григорьевым, большинство из них имело отношение к общей теме: «Россия и Восток». Вот примеры некоторых вопросов из разосланного списка:

15. Какие именно обстоятельства прекратили вдруг, в начале XI века, торговлю между мусульманским Востоком и Северной Европой — торговлю, процветавшую постоянно в течение VII—X столетий?

18. Смысл, в каком употребляются теперь европейскими учеными термины «Туран», «туранский», соответствует ли тому, какой имели эти термины у древних персов? Не употреблялось ли последними слово «Туран» как термин чисто географический, с которым не соединялось никакого представления об этнографической противоположности туранского населения с иранским?

19. С которых пор народы, причисляемые к туранскому племени, в нынешнем смысле этого слова, стали занимать пространства Средней Азии на юг от Тянь-Шаня? Не заселяли ли до этого этих пространств исключительно народы индоевропейской семьи (предки кельтов, германцев, славян и т. д.)?

23. Откуда мог заимствовать эль-Бируни сведения свои о «Варяжском море», о котором упоминает он первый из арабских писателей?<sup>47</sup>

В первый том материалов конгресса, помимо текстов докладов на специальные темы, были включены исторические обзоры, подводящие итоги развития той или иной востоковедной дисциплины в России. В таком жанре был составлен «Обзор совершенных в России трудов по Восточной нумизматике» В. Г. Тизенгаузена (с. 1—32) и подробный исторический очерк Н. И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (с. 97—256, 605—606).<sup>48</sup>

---

ожесточенных споров в российской печати. Итогом этой полемики стала книга Пясецкого «Суд над полковником Сосновским» (СПб., 1883), в которой он предъявил обвинения не только начальнику этого предприятия, но и его главным защитникам — редакторам газеты «Голос» А. А. Краевскому и В. А. Бильбасову.

<sup>47</sup> Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876. Т. 1. С. XXXVIII—XXXIX.

<sup>48</sup> Второй том, в который включены доклады делегатов съезда на иностранных языках, был издан под редакцией В. Р. Розена (Travaux de la

Служение науке в «героический» период нашего востоковедения (именно так во всей его многозначности определил этот этап И. Ю. Крачковский), когда можно было объединять специальные знания по меньшей мере в трех областях — тюркологии, арабистики, иранистики, а частично и монголоведения,<sup>49</sup> требовало от ученого не только известного энциклопедизма (черты, которой и сейчас в той или иной степени обладают востоковеды). Этому идеалу действительно была подчинена вся жизнь ученого: идеал диктовал и ее стиль, и ее ритм. Стремительный познавательный процесс в области востоковедения, проходивший в основном в узком кругу петербургских ориенталистов, мог быть обеспечен только в условиях строгой требовательности, сопровождаемой обстоятельными оценками достигнутого с немедленной фиксацией в определенной ценностной иерархической шкале. Это было время расцвета жанра развернутых рецензий. В то время некрологи вырастали в очерки и монографии биобиблиографического характера. Например, Савельев написал такие очерки о своих учителях Френе и Сенковском; о Савельеве написал книгу его друг и однокашник Григорьев; Н. И. Веселовский, ученик и преемник Григорьева, посвятил своему учителю уже неоднократно цитированную нами обстоятельную монографию и т. д. Едва зародившись, российское классическое востоковедение уже пытается осознать себя как единое целое, определить свои специфические задачи, установить свое место в мировой науке. В частности, такая попытка была предпринята Б. А. Дорном в 1839 году (речь на годовичном собрании Академии наук). Затем эта линия была продолжена в работах Григорьева, Веселовского и ряда других исследователей, чтобы наконец получить свое завершение в университетском курсе лекций В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» (СПб., 1911).

---

Troisième session du Congrès international des orientalistes, St. Pétersbourg, 1876. T. 2, sous la redaction du baron Victor de Rosen. St. Pétersbourg; Leyde, 1879). Наряду с Розеном большую роль в успешном проведении этого конгресса сыграли также такие его участники-члены секретариата (бюро), как османист В. Д. Смирнов (о нем см. ниже) и известный военный востоковед М. А. Терентьев (о нем см.: Жуков К. А. Идентификация Терентьева: рассуждения о судьбах славянства и Турции в 1867 и 1876 гг. // Модернизация и традиции: XXVI Междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, СПбГУ, 20—22 апреля 2011 г. Тез. докл. СПб., 2011. С. 76—78). Создание такой работоспособной команды также можно записать в актив Григорьеву.

<sup>49</sup> Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 127.

Еще одной чертой, характерной для многих русских ориенталистов тех лет, была разносторонность интересов и умение творчески реализовывать себя в различных сферах деятельности. В этом также сказалось влияние школы Сенковского.

Как известно, Григорьев опубликовал множество произведений (обзоров, рецензий, работ публицистического характера и т. д.) под многочисленными литературными псевдонимами: Изафети Маклуб,<sup>50</sup> Султан Мендали Пиралиев, Мирза Мелик и др. Современники, отмечавшие высокие литературные достоинства этих произведений Григорьева, проводили параллели с известными памфлетами Сенковского. Вот что, например, отметил в своем «Дневнике» за 1873 год А. В. Никитенко: «9 октября. Вторник. Меня неожиданно посетил В. В. Григорьев и принес мне свою брошюру „Султана Мендали Пиралиева девять хивинских писем...“ Это остроумные заметки по поводу нашего похода в Хиву, напоминающие манеру и слог наставника автора, Сенковского».<sup>51</sup>

Завершая обзор историко-культурных и научно-педагогических идей Григорьева, а также их реализации в его практической деятельности, следует согласиться с выводом Крачковского, что своей личностью Григорьев «как бы соединял слушателей с лучшими традициями своего учителя Сенковского».<sup>52</sup> Среди этих слушателей были такие представители следующего поколения востоковедов, как В. Д. Смирнов — основатель отечественной османистики (самостоятельного направления в русской тюркологии),<sup>53</sup> и барон Розен —

---

<sup>50</sup> Букв. «Перевернутый изафет» (арабск.) — грамматическая категория в арабском, персидском и османском языках. Используя литературные псевдонимы, Григорьев шел по стопам своего учителя О. И. Сенковского, получившего широкую известность в России под своим литературным псевдонимом Барон Брамбеус. Как пишет Н. И. Веселовский, «виновником» данного псевдонима Григорьева «был профессор Шармуа, особенно строго наблюдавший за этим синтаксическим правилом персидского языка» (Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. С. 20).

<sup>51</sup> Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 297.

<sup>52</sup> Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 127.

<sup>53</sup> Григорьев очень высоко оценил магистерскую диссертацию В. Д. Смирнова (Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873), опубликовав на нее одобрительную рецензию, в которой, в частности, говорилось: «Турция, с которой мы воюем вот уже два столетия, весьма еще нам мало известна, да не нам одним,

создатель новой школы российского востоковедения. Последний, вслед за своим учителем, считал, что русское востоковедение должно занимать первенствующее положение «в тех отраслях ориентализма, в которых либо благодаря характеру академических коллекций, либо благодаря историческим и географическим условиям русские ученые могут и должны идти во главе других. Я разумею, — писал Розен, — такие отрасли ориентализма, как инородческие языки, восточная нумизматика, сношения России с Востоком в разные периоды ее истории и пр.».<sup>54</sup> Такой подход Розена к различным отраслям русского ориентализма определялся, по мнению В. В. Бартольда, «не только широтой его научных интересов, но и его *взглядом на русское востоковедение как на один из важнейших факторов русской культуры* (курсив мой. — К. Ж.)».<sup>55</sup> Это было именно то понимание роли и значения отечественного востоковедения, которое Григорьев стремился передать своим ученикам.

Заметим в заключение, что ряд аспектов проблематики русского классического евразийства был уже пережит и осмыслен в научном,

---

а всей Европе. Книг об ней понаписаны десятки тысяч, а дельных между ними и полсотни не наберется — все оттого, что пишущие о Турции хотят дойти до понимания этого весьма сложного и загадочного организма „своим умом“, то есть не потрудившись предварительно ознакомиться с языком турок и их литературой; те же, которые были знакомы с тем и другим, отличались иногда, как знаменитый в свое время венский ориенталист Хаммер, тупостью разума, доходившего до идиотизма. У нас в бывшее время хорошо знали Турцию два человека: О. И. Сенковский да И. П. Липранди. В настоящее время не знаем мы никого, кто бы занимался ее изучением (...) в лице г. Смирнова является ориенталист, от которого, судя по настоящему труду его, можно ожидать основательной и плодотворной разработки прошлой жизни турок, а потому и ясного понимания их настоящего положения» (Русский мир. 1873. 22 февр. № 47. С. 1). Здесь же Григорьев актуализирует тему диссертации, предполагая, что современных либеральных публицистов решительно разогорчит утверждение османских публицистов XVII в. о том, что «источником зол, бушевавших османское царство, главною причиной его расстройств военного и экономического — было наводнение администрации его иностранцами — людьми, по крови, по образованию, по религии чуждыми интересам настоящих турок и потому, естественно, вносящими в дела их разлад и замешательство» (Там же).

<sup>54</sup> Цит. по: Батунский М. А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 3. С. 60.

<sup>55</sup> См.: Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. С. 228—229.

духовном и жизненном опыте В. В. Григорьева<sup>56</sup> (причем по многим позициям глубже, чем лидерами этого движения), однако это уже тема отдельного исследования.

---

<sup>56</sup> Здесь мы ограничимся указанием на посвященную М. П. Погодину программную статью Григорьева «Русская политика в отношении к Средней Азии» // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. Т. 1. С. 233—261. Есть ее английский и немецкий переводы. Начальные страницы этой работы вполне могли бы послужить первым манифестом евразийского учения.

А. А. ТЕСЛЯ

## СЛАВЯНОФИЛЬСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ\*

Традиционное изучение истории философии сосредоточено на изучении «истории идей» или, в более методологически строгом (и в силу этого, возможно, куда более ограниченном по возможностям) варианте, — на «истории понятий». Однако если мы обращаемся к конкретной истории философских направлений, то рассмотрение философии как дисциплины, подчиненной исключительно собственной внутренней логике, приводит к очевидным затруднениям. Если относительную убедительность подобный подход еще имеет при изучении давно существующих философских школ, то при рассмотрении философских споров, тесно увязанных с вопросами текущей политики или социальной жизни, — того, что условно можно обозначить как «журнальную философию», мы вынуждены для понимания причин успеха или неудачи тех или иных направлений выходить далеко за пределы классических объяснительных стратегий. В еще большей степени это относится к философским направлениям XVIII—XIX веков, претендующим на статус «идеологий» и в силу этого изначально обращенным к нефилософскому пространству мысли и действия. По нашему мнению, сетевой подход может оказаться весьма эффективным при изучении истории русской философии. Если классическим примером такого рода исследования на данный момент выступает «Со-

---

\* Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № МК-1649.2011.6.

циология философий» Рэндала Коллинза (1998),<sup>1</sup> то отечественный материал может представлять значительный интерес по причине сложной конструкции русского философского пространства, где университетская философия по степени влияния на общее развитие философских идей не имела на протяжении большей части XIX и, вероятно, XX века решающего влияния. Частным случаем, удобным для рассмотрения, выступает, по нашему мнению, славянофильство. Однако на данном этапе сетевой подход использован быть не может — в силу недостаточной описанности первичного материала (эпистолярного наследия, дневников и т. д.), что требует длительной и многосторонней работы, тогда как опубликованный материал явно недостаточен (публиковались в первую очередь письма наиболее известных представителей славянофильства, причем количество опубликованных писем, адресованных конкретному лицу, зачастую не отражает действительной интенсивности взаимодействия). Таким образом, на данном этапе речь идет о первичном описании объекта исследования. Важность анализа межличностных отношений для характеристики славянофильского движения давно отмечалась рядом исследователей, однако специализированно в таком ключе история славянофильства не рассматривалась. Максимальное приближение к означенному подходу — книга «Аксаковы» Е. И. Анненковой, изданная в иницированной В. А. Котельниковым серии «Преданья русского семейства».<sup>2</sup> Однако, как явствует уже из названия, объектом исследования выступает семья. При бесспорной важности такого рода исследований следует отметить, что по-прежнему ускользает промежуточный объект — между описываемыми в приближении к «безличному» интеллектуальными течениями и биографическими и семейно-биографическими исследованиями. Помимо прочего, отметим, что само понятие семьи и представление о родственных связях в русской дворянской культуре XVIII—XX веков существенно отличается от современного, присущего опыту исследователя (и без методологической рефлексии ученый склонен в конкретной работе опускать теоретически признаваемые положения о специфике дворянской семейственности — «естественная установка»

---

<sup>1</sup> Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / Предисл. Н. С. Розова; пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм, под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2002.

<sup>2</sup> Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998.

восстанавливается в своих правах, если не осуществляется специального противоположного движения с целью удержать специфичность материала).

Социальный состав славянофилов достаточно однороден — данная особенность славянофильства была отмечена довольно давно, что нашло свое отражение в таких формулировках, как «патриархально-дворянская утопия».<sup>3</sup> Хотя в данном суждении есть значительная доля истины, необходимо проблематизировать и одновременно конкретизировать данную характеристику, чему послужит сопоставление с социальной характеристикой западников.<sup>4</sup> В числе последних мы находим и представителей среднего и мелкого дворянства, и разночинцев, и выходцев или будущих представителей имперской бюрократии. Западный круг идей воспринимается представителями достаточно различных социальных позиций — так, западники склонны положительно расценивать деятельность адмирала Мордвинова, видя в нем одного из своих предшественников; одновременно с демократическими взглядами положительно оценивать не только абсолютные монархии прошлого, но и существующие имперские практики. Собственно, последняя деталь позволяет отчасти понять благосклонность, в частности, цензуры к ярко выраженным западным изданиям — в большинстве случаев по текущим вопросам расхождения во взглядах с высшей имперской бюрократией если и были, то носили случайный характер. Западничество — равно как и последующие, родственные ему идеологические течения — органично включалось в существующее идеологическое пространство. Напротив, славянофильство странным образом оказывается невоспринимаемым общественным мнением — при желании всю историю славянофильства можно написать как историю недоразумения и недопонимания. Возникает вопрос — в чем причина столь устойчивого недопонимания, явно вызываемого причинами фундаментального порядка. Порожденные общим романтическим движением, славяно-

---

<sup>3</sup> Довольно показательна в этом отношении работа: Янковский Ю. Э. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840—1850 годов. М., 1981. Здесь данная характеристика вынесена в заголовок монографии.

<sup>4</sup> Ценное исследование западничества как общественно-литературного явления, проведенное в том числе с точки зрения бытового уклада, форм жизненного поведения, проделано В. Г. Шукиным. См.: Шукин В. Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 7—154. (Сер. «Российские Пропилеи»).



фильство и западничество оказываются неоднородными феноменами — «славянофильство» риторически конструируется западничеством как необходимый «другой», воображаемая позиция, необходимая для консолидации и оформления собственных взглядов. Примером этого может служить, в частности, устойчивость обвинений «славянофилов» в ретроградстве, чуждости современному знанию (при том, что по уровню образования и знакомству с современными идеями мало кто из западников мог составить конкуренцию ведущим представителям «славянофильства»), в чуждости либеральным ценностям (при том, что славянофилы оказываются зачастую куда более последовательными представителями либеральных политических взглядов по сравнению с обвинителями, чей либерализм зачастую ограничивается лишь областью слов и резко бледнеет при малейшем соприкосновении с практикой). Радикализируя тезис, можно сказать, что славянофильство обретает свое лицо в качестве реакции на полемику со стороны «западников», *post factum*; за счет же отчетливо сконструированного «врага» западничество получает возможность развития и наращивания идеологического влияния при сохранении той же неопределенности — конкретизации служит противопоставление, уводя в «зону неразличения» большую часть существенных разногласий, потенциально содержащихся в «западничестве».

Однако указанные обстоятельства все-таки остаются внешними, не объясняющими особенности внутренней истории славянофильства. При всей важности относительной однородности социального статуса и социального происхождения эта черта приобретает решающее значение в свете другой — их родственных и соседских связей. Славянофилы не только принадлежат к одной социальной группе — они в большинстве случаев являются либо родственниками, либо соседями, либо по крайней мере близкими знакомыми еще до и помимо возникновения славянофильского направления. В. А. Кошелев, один из наиболее авторитетных специалистов по истории славянофильства, отмечает: «Родство московских славянофилов объясняет многие замечательные особенности кружка: непрерывное дружелюбие всех его членов (отсутствовавшее у западников), ограниченность и замкнутость той сферы, в которой распространялись славянофильские идеи (преимущественно внутри самого кружка и близких к нему людей), объясняют и присущую кружковым исканиям идею „родственности“ (и непрерывной родственной «уступчивости»), которая сквозной нитью проходит через все славянофильские сочине-

ния».<sup>5</sup> Выдающийся представитель позднего славянофильства Иван Сергеевич Аксаков, начиная биографию своего тестя Федора Ивановича Тютчева, писал: «История умственного общественного развития в России едва ли может быть вполне понята без частной истории семей, без оценки той степени участия, по-видимому неразумного, самовольного, непрошенного, но тем не менее часто спасительного, которое в нашей личной и общественной судьбе приходится на долю семье и быту — непосредственному действию предания и обычая...»<sup>6</sup>

Эти особенности складывания кружка отражаются и в доктринальном плане. Славянофильство с трудом поддается однозначному определению — как правило, исследования сосредотачиваются на характеристике взглядов И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, причем формулировка доктрины как непротиворечивого целого осуществляется путем предпочтительного внимания к позиции одного из двух названных авторов. При желании данный подход расширяется за счет привлечения идей, высказанных фигурами «второго ранга» (К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин). Показательна сама ситуация со славянофильскими текстами — по сравнению с текстами, исходящими из лагеря «западников», их сравнительно немного, они редко имеют доктринальный характер, зачастую написаны «по поводу». Дело в том, что для славянофилов основную роль в распространении идей — в отличие от западников, опиравшихся на журналы, — играло личное, непосредственное общение. Ключевые для истории славянофильства тексты — «О старом и новом» А. С. Хомякова и «В ответ Хомякову» И. В. Киреевского — были прямым продолжением салонных бесед и в свою очередь предназначались для публичного чтения,<sup>7</sup> как попытка более отчетливо, чем позволяет непосредственный быстрый разговор, проговорить фундаментальные вопросы; но что для нас в данном случае наиболее важно — так это то, что режим их функционирования и аудитория, для которой они предназначались, оставались «кружковскими», что явно демонстрируется в самих текстах, построенных в модели «продолжающегося разговора».

---

<sup>5</sup> Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 11.

<sup>6</sup> Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев: (Биографический очерк). М., 1874. С. 20.

<sup>7</sup> Благова Т. И. Родоначальники славянофильства: А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М., 1995. С. 106.

Остановимся на истории славнофильства, выходя за пределы детально изученного периода 1830—1850-х годов. Если родственный и соседский первоначальный характер славянофильства не подвергается сомнению, то его последующая история позволяет сделать вывод о сохранении данной характеристики на всем протяжении истории движения. Младшие славянофилы — И. С. Аксаков, братья Елагины, Д. Ф. Самарин — вовлекаются в кружок под воздействием их старших родственников. И. С. Аксаков, первоначально весьма скептически относившийся ко многим из славянофильских взглядов, становится «хранителем» славянофильской доктрины во многом под воздействием смерти Хомякова и брата Константина, принимая славянофильство как «семейное дело». Аналогичным образом участие в славянофильском кружке принимают члены самаринского семейства — через брата Юрия, имевшего огромный авторитет в семье, в тесный московский круг прочно входит Дмитрий Самарин, после смерти брата стремящийся распространять и отстаивать его взгляды, а в дальнейшем эту же роль возьмут его дети (в первую очередь Федор и Петр, но отчасти и Александр). Роль в неославянофильстве конца XIX—начала XX века сына А. С. Хомякова Дмитрия — общеизвестна. Еще более показателен случай Киреевых — братья Александр и Николай и сестра Ольга в детстве и юности были далеки от идейных споров западников и славянофилов и вступили в общественную жизнь в конце 1850—начале 1860-х годов, когда все основные фигуры первоначального славянофильства уже сошли в могилу. Расцвет общественной деятельности Ольги и Александра приходится на конец 1870-х—1890-е годы (Николай погиб, приняв участие добровольцем в войне с Турцией на стороне Сербии в 1876 году). Однако изучение их семейной истории позволяет понять, каким образом они смогли естественным и прочным образом войти в славянофильский кружок — их родовое имение в Тамбовской губернии, еще когда они были детьми, посещалось друзьями и соседями — И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым, Аксаковыми.<sup>8</sup> Схематично последовательность включения продемонстрирована в таблице 1.

Контрпримеры в данном случае, пожалуй, еще более показательны: В. И. Ламанский или Н. Н. Страхов в идейном плане демонстрировали иногда большую близость славянофильству, чем некото-

---

<sup>8</sup> Славянофилы: Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 272.

Этапы развития славянофильства сквозь призму семейных  
и родственных связей

Этап	Период	Представители
Раннее славянофильство	Конец 1830-х—1840-е	А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин
Оформление направления	1850-е	Прежние участники + И. С. Аксаков, А. И. Кошелёв, кн. В. А. Черкасский, В. А. и Н. А. Елагины
Позднее славянофильство	1860—1880-е	И. С. Аксаков, Ю. Ф. и Д. Ф. Самарины, кн. В. А. Черкасский, А. Н. Аксаков (кузен И. С.)
«Неославянофильство»	1890—1910-е	А. А. Киреев, О. А. Новикова (урожд. Киреева), Ф. Д., П. Д. и А. Д. Самарины (сыновья Д. Ф.), Д. А. Хомяков

рые из лиц, входивших в славянофильский кружок (например, братья Елагины или Кошелёв в 1860—1870-е годы), однако они так и не стали органической его частью — И. С. Аксаков, Д. А. Хомяков или Самарины демонстрировали по отношению к ним отчужденность, поддерживали контакты, явно стараясь соблюсти дистанцию и не допуская перехода к тесным личным отношениям, не идя даже на обстоятельное и откровенное обсуждение идеологических позиций в переписке.

В таблице 2 схематично представлены некоторые основные типы вхождения в славянофильский круг и лица или места, выступавшие «посредниками».

История семейная и история соседская образуют несущий каркас истории славянофильства как философского направления — и тем самым физическая смерть и разрушение семей славянофилов оказывается одновременно и концом славянофильства. Это обстоятельство хорошо почувствовал и сумел передать Л. А. Тихомиров — один из тех, кто был внешне близок к славянофилам, но так и не стал «одним из них». Записывая в дневнике о кончине Федора Дмитриевича Самарина, он замечает: «Теперь, значит, Самаринский кружок ис-

Таблица 2

Классификация типов вхождения в славянофильский круг  
по типу связей

Тип связей	Лицо/место «посредник»	Включенные лица
Родственные	А. С. Хомяков	Киреевские, Елагины, Языковы, Валуев, Дмитриев-Мамонов, Граббе
	И. В. Киреевский	Киреевские, Елагины, Жуковский
	Аксаковы	Тютчевы, Граббе
	Ю. Ф. Самарин	Самарины, Оболенские (Дм. Оболенский — двоюродный брат Ю. Ф. Самарина)
Знакомства через родственные связи		Д. Н. и А. Д. Блудовы, Вяземские, Карамзины и Мещерские
Юношеские знакомства		Веневитиновы, А. И. Кошелёв, Погодин
Знакомства через «московский свет» и провинциальные соседства		кн. В. А. Черкасский, Киреевы (Новиковы), Самарины, Свербеевы
Знакомства через учебные заведения	Московский университет	К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин — М. П. Погодин, кн. В. А. Черкасский
	Училище правоведения	И. С. и Г. С. Аксаковы — К. П. Победоносцев, Дм. Оболенский
Знакомства по службе	А. С. Хомяков	Ф. И. Гильфердинг (сослуживец Д. С. Хомякова, после смерти последнего сблизившийся с братом умершего) — через него сын последнего А. Ф. Гильфердинг, С. Т. Аксаков (цензурный комитет, театральная цензура)

чез совершенно. <...> Все это уже — нечто отжившее, прошлое, последний отблеск Самаринско-Аксаковской Москвы, которой уже нет. <...> Хомяков Дмитр<ий> Алексеевич живет только как антикварный, драгоценный сосуд, разбитый, но склеенный — и тоже ненадолго».<sup>9</sup>

История развития и распространения славянофильского движения в целом традиционна для объединений XVIII—первой половины XIX века, когда основой социального объединения выступали родственные и, реже, соседские связи. Особенностью славянофильства в данном отношении следует назвать долговременный характер объединения, что связано, по нашему мнению, с активной публичной ролью славянофильства — выйдя за пределы кружка, оно в 1850—1860-е годы активно выступило в русской общественной жизни, став одним из основных идеологических направлений, что дало внешний импульс к существованию кружка. В противоположность западникам, активно использовавшим новые механизмы рекрутирования (например, журналы), славянофилы в целом использовали традиционные методы, хотя в 1850-е годы пытались заимствовать механизмы западников, предприняв в 1852 году издание «Московского сборника», который планировалось сделать периодическим, а с 1856 по 1860 год издавая «Русскую беседу». Однако все эти проекты оказались сравнительно неэффективными, в первую очередь из-за относительно слабой заинтересованности самих славянофилов, принимавших в собственных изданиях довольно ограниченное участие. Исключение в данном отношении представляет публицистическая активность И. С. Аксакова, трижды предпринимавшего издание газеты (1861—1865 — «День»; 1867—1868 — «Москва» и «Москвич»; 1880—1886 — «Русь»): собственно, его деятельность оказалась плодотворной, вызвав широкий общественный резонанс и определив на долгое время принятие его интерпретации славянофильства в качестве общепризнанной. Однако не менее показательно, что идейное влияние, оказанное изданиями Аксакова, не привело к расширению славянофильского кружка — а лица, разделявшие или считавшие, что разделяют взгляды И. С. Аксакова (например, Л. А. Тихомиров, С. Ф. Шарапов и др.), не вошли в славянофильский кружок, а образовали уже иные, выстроенные преимущественно на основе идейной близости, объединения.

---

<sup>9</sup> Дневник Л. А. Тихомирова, 1915—1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 297.

**«...У ВАС ЕСТЬ ПРЕДАННЫЕ ЛЮДИ,  
СПОСОБНЫЕ ВАС ОЦЕНИТЬ...»**

**Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским**

За полтора года до своей безвременной кончины, 2 февраля 1886 года, видный московский публицист, богослов и философ, близкий к славянофилам, Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887) писал своему юному другу и ученику князю Николаю Владимировичу Шаховскому (1856—1906): «...дух мой падает иногда при сознании, что у меня нет учеников, что меня игнорируют и что потому я бесполезен. Кончина Аксакова и восклицания, которые слышу: „Поднимите знамя“, воскрешают эту мысль снова. Я игнорирован, я замолчан...» (п. 18). О том же он писал и ранее, в 1884 году, в мемуарах «Из пережитого»: «Я занимал кафедру и пользовался редким вниманием слушателей; я увлекал; затаив дыхание, мне внимали. <...> Но я не породил и не воспитал учеников. <...> Чем порождена не отступавшая ни на минуту гамлетовщина, недоверие к своей силе, сомнение в своем нравственном праве, вечное опасение переступить предел чужой свободы? Не бесплодно ли после того, может быть, и пройдена жизнь?»<sup>1</sup>

И об этом сетовал человек, у которого были настолько преданные ученики, готовые без остатка посвятить ему всю свою жизнь, каких мало кто имел из русских писателей, его современников. Помимо Шаховского в конце жизни у Гилярова появилось еще два

---

<sup>1</sup> *Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: В 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. С. 300 (Лит. памятники). Далее сокращенно: Из пережитого 2009.*

верных ученика: философствующий публицист Иван Федорович Романов (1850—1913), больше известный под псевдонимом Рцы и по своему прозвищу «маленький Розанов»,<sup>2</sup> и журналистка, переводчица и критик Анна Михайловна Гальперсон (урожд. Эпштейн; 1856—1902), заведующая редакцией газеты «Современные известия» (1883—1887).<sup>3</sup> Следует назвать еще историка Раскола и религиозного публициста Василия Гавриловича Сенатова (1868—не ранее 1916), развивавшего идеи учителя в труде «Философия истории старообрядчества» (М., 1908. Вып. I—II); журналиста и экономиста Сергея Федоровича Шарапова (1855—1911), посвятившего Гилярову книгу «Неопознанный гений» (М., 1903); публициста и филолога Бориса Владимировича Никольского (1870—1919), автора статьи «Философ духа жизни».<sup>4</sup>

Но, безусловно, кн. Н. В. Шаховской, познакомившийся с Гиляровым еще в 18-летнем возрасте и ставший впоследствии его биографом и публикатором его сочинений, занимает в этом ряду особое место. Представил Шаховского Никите Петровичу племянник последнего филолог и педагог Ф. А. Гиляров, преподававший русский язык в 5-й Московской мужской гимназии, где обучался Шаховской. В тот период Гиляров издавал в Москве ежедневную газету «Современные известия» (1867—1887), пройдя до этого в Москве последовательно поприща преподавателя Духовной академии (1848—1855), цензора (1856—1862), управляющего Синодальной типографией (1863—1868). Шаховской позднее вспоминал: «Мы зазнали Никиту Петровича в 1874 г. и с тех пор пользовались особым счастьем состоять с ним в добрых отношениях до самой его смерти».<sup>5</sup>

По кончине учителя Шаховской, выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1880), явился зачи-

---

<sup>2</sup> См. об их взаимоотношениях в 1884—1887 гг. в нашей публикации: «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. статей и материалов. Коломна, 2007. С. 209—364. Далее: *Письма Гилярова к Рцы*.

<sup>3</sup> См. нашу публикацию: «Да, много Вы моей души занимаете»: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к А. М. Гальперсон // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 171—251.

<sup>4</sup> Новое время. 1900. 25 июля. № 8767. С. 2—3.

<sup>5</sup> Шаховской Н., кн. Никита Петрович Гиляров-Платонов: Кратк. публиц. очерк. Ревель, 1893. С. 39.



нате́лем научного гиляроведения: его перу принадлежат 14 обстоятельных статей о мыслителе (1893—1899), ряд публикаций его эпистолярной и изданные на средства К. П. Победоносцева два двухтомника: «Сборник сочинений» (М., 1899—1900) и «Вопросы веры и Церкви» (М., 1905—1906), книги «Университетский вопрос» (СПб., 1903), «Экскурсии в русскую грамматику», «Откуда нигилизм?» (обе — М., 1904) и «Еврейский вопрос в России» (СПб., 1906). Кроме того, Шаховской — автор интересных статей по зарубежной литературе<sup>6</sup> и трудов по экономике,<sup>7</sup> а также юмористических поэм на политические темы и стихотворных шуток, из которых до нас дошли единичные произведения.<sup>8</sup>

Начиная с 1894 года Шаховской, словно бы повторяя путь Гилярова, служил цензором в Москве; потом, в 1898 году, даже дошел до поста председателя С.-Петербургского цензурного комитета, а в 1900—1902 годах возглавлял Главное управление по делам печати и, таким образом, находился в самом центре литературно-общественной жизни. Как и его учитель Гиляров, Шаховской снискал славу либерального цензора: он, в частности, добился разрешения журнала «Русское богатство» и газеты А. В. Амфитеатрова «Россия», публикации «Воскресения» Л. Толстого и «трудных» в цензурном отношении рассказов М. Горького и Л. Андреева. Смещен был за то, что цензурное ведомство проглядело главу из сатирического романа Амфитеатрова «Господа Обмановы», в персонажах которого были выведены российские императоры начиная с Николая I.<sup>9</sup> Однако в некоторых принципиальных вопросах Шаховской солидаризовался с теми, кто когда-то выступал гонителями гиляровского издания. Консерватив-

---

<sup>6</sup> Шаховской Н., кн. 1) Легенда и первая народная книга о Фаусте // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 211, окт. Отд. II. С. 369—401; 2) Фауст на английской сцене: Марло // Русский вестник. 1881. Т. 151, февр. С. 754—780.

<sup>7</sup> Шаховской Н., кн. 1) Земские повинности в Эстляндской губернии. Ревель, 1888; 2) Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М., 1896; 3) Частное землевладение в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899; 4) Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903, и др.

<sup>8</sup> См., например, его поэму 1884 г. «Правительственный пролог (нечто совершенно невероятное в стихах и прозе)» (РГИА. Ф. 46. Оп. 2. № 462. 7 л.), стихотворения «Пьяная пивка» и др. (РНБ. Ф. 847. № 67. 3 л.). См. об этой стороне его творчества: Гофштеттер И. Памяти кн. Николая Шаховского // Русский голос. 1906. 28 авг. № 215. С. 2—3.

<sup>9</sup> См.: С. У. ⟨Уманец С. И.⟩. Мозаика: (Из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1912. Т. 130, дек. С. 1037—1038.

ный публицист М. О. Меньшиков с горечью отмечал, что Шаховской, как и все либеральные сановники, боялся «благонамеренных, но слишком независимых голосов», относясь «с гораздо большею терпимостью к начинавшейся революции, чем к независимому национальному движению».<sup>10</sup> Тот же Меньшиков писал: «Кн. Шаховской безмерными страданиями и смертью заплатил за невольное, конечно, шатание своей гуманной мысли»,<sup>11</sup> имея в виду его гибель из-за заражения крови от раны, полученной во время террористического акта на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Разумеется, жизнь и творчество этого ученого, литератора и государственного деятеля заслуживают отдельного кропотливого исследования.

Здесь же очень кратко отметим наиболее интересные моменты переписки учителя и ученика. Особенно любопытно самое первое письмо Гилярова, с которого и начался их эпистолярный диалог (от 5 декабря 1879 года) и которое явилось развернутым редакторским и одновременно дружеским ответом на не дошедший до нас публицистический опыт Шаховского, — о внутреннем положении России в год начала повсеместного революционного террора и о правительственной политике, во многом и породившей его. Юный князь требовал жестких мер по обузданию распоясавшегося нигилизма и ратовал о возвращении к репрессивным мерам времен царствования Петра I и Николая I — Гиляров же указывал на общее духовно-нравственное неблагополучие пореформенной России и приводил примеры того, как безответственные действия властей, а также их идеологических служителей (вроде М. Н. Каткова) провоцировали резкое обострение ситуации в стране. Свои надежды Гиляров возлагал (как и многие в этот период) на разумную, взвешенную политику гр. М. Т. Лорис-Меликова, опиравшегося на здоровые силы общества и успешно справлявшегося с революционным напряжением в таком университетском очаге, как Харьков.

Выделяются также и два письма религиозно-историсофского характера за февраль 1885 года, в которых развиваются те же темы (эти письма фактически являются и продолжением известного очерка Гилярова «Откуда нигилизм?», опубликованного в аксаковской «Руси»). Инициировал мысль Гилярова опять-таки Шаховской — на этот раз своим этюдом «Лучше ли стало?» (1885), увидевшим

---

<sup>10</sup> См. об этом: *Меньшиков М. Злая воля // Новое время. 1910. 12 авг. № 12362. С. 2—3.*

<sup>11</sup> Там же. С. 3.

свет в той же «Руси». Переходом к историческому экскурсу служит тут фраза: «Состояние современной общественности действительно напоминает старый Рим...», когда «исчезал мир как мир, испарялись нравственные основания» (письмо 12). Гиляров рассуждает о внутреннем родстве нигилизма с его «озлобленной волей» и набегов варваров на Римскую империю, которые равно не в состоянии были обновить нравственно одряхлевший мир, и противопоставляет им христианство с его отречением от материальных благ и проповедью нового идеализма, которые только и смогли духовно возродить человечество.

Богатый фактический материал дают письма, связанные с православно-русским присутствием в Прибалтике (старший брат Шаховского, князь Сергей Владимирович, занимал пост эстляндского губернатора, да и сам Николай начинал свою службу в Ревеле); с откликами на «философские отступления» в мемуарах Гилярова «Из пережитого» и события внешней политики (Болгарский вопрос, российско-германский кризис); с празднованием юбилея друга Гилярова, певца и дирижера Д. А. Агренева-Славянского в 1887 году (Шаховской помог его организовать благодаря своим великосветским связям); с борьбой за право аренды «Московских ведомостей» после смерти М. Н. Каткова и др.

Переписку с самого начала подпитывала сердечная теплота и чуткость ко всем обстоятельствам жизни друг друга, и это трогательное взаимное участие к внутренней и бытовой жизни с годами только ширилось: не случайно у Гилярова прорывается нежное: «Вас любящий» (п. 11), а в одном из писем Шаховского — даже уменьшительно-ласкательное «дорогой мой Никитушка» (п. 33).

В одной из самых первых своих работ об учителе Шаховской так подытожил наблюдения над личностью мыслителя, пытаясь определить его роль в русской культуре: Гиляров «был человеком замечательным как по своим необыкновенным дарованиям, так и по редкой высоте образования и умственного развития, на которую он поднялся упорным, неусыпным трудом. Можно с уверенностью сказать, что вряд ли на Руси кто из его современников достиг такой широты и силы мысли, как он. <...> Он был более чем „свой“ в современном научном просвещении, он на многие его стороны посмотрел сверху, как судья».<sup>12</sup> И далее Шаховской рассуждал о необычайной многогранности дарования Гилярова и трагической неовплощенности мно-

<sup>12</sup> Шаховской Н., кн. Никита Петрович Гиляров-Платонов С. 3, 6.

гих его научных замыслов: «Он был широк в самом, если можно так выразиться, глубоком смысле этого слова: и богослов, и исследователь Раскола, и философ, и экономист, и критик, и филолог, и лингвист, и публицист. В каждой из этих областей он был полным хозяином, оригинальным и самостоятельным. Так на всех поприщах у нас требуется самостоятельное отношение к делу, так у нас его мало, что можно ли поставить в вину крепкому и самобытному уму, что он разбрасывался, что он чувствовал необходимость и там и здесь сказать свое слово и потому оставил после себя более недоконченного, но гением начатого, чем цельного и законченного?»<sup>13</sup>

## 1

### Гиляров—Шаховскому

Многоуважаемый князь,

Я бы с большим удовольствием напечатал Вашу заметку, если бы не ее окончание, взывающее к Петру и Николаю,<sup>1</sup> что я считаю, по совести, безусловно вредным, да и невозможным; *правительство не найдет орудий. Не те времена*, многоуважаемый князь, и не те люди. Иное дело строгость в преследовании теперешних злоумышленников; она должна быть беспощадна, с этим я вполне согласен. Иль нет, не вполне. Я не одобряю вот чего: популяризации революционных идей, совершаемых самим правительством, которое производит ее двумя способами.

1. Оно запретило нам печатать свои отчеты о политических делах, а велело руководствоваться «Правительств(енным) вестником» и притом заимствовать из него отчеты *без изменений и сокращений*!<sup>2</sup> «Правительственный же вестник», к несчастью, слишком добросовестно передает показания преступников. Разве это не пропаганда? Частные издания еще повоздержались бы, об ином умолчали, другое передали бы с оттенением. А теперь изволь все печатать! Я предпочитаю не печатать совсем.

2. Вторая пропаганда, что торжественностью обстановки возвышают мальчишек. Мирского,<sup>3</sup> например, следовало бы подвергнуть публичному телесному наказанию *розгами* и отдать затем в исправительное заведение, а не в каторгу, и именно в Соловецкий монастырь.

---

<sup>13</sup> Там же. С. 49.

Итак, иное дело беспощадность в преследовании существующей шайки, иное — общий режим, под которым мы живем. То именно самое, что, вступив на либеральный путь, *правительство в то же время не только пятится, но положительно разрушает другою рукою, что созидает одну,*<sup>4</sup> — это и есть причина анархии; это во взрослых возбуждает глухое чувство недовольства, а мальчишек производит в анархисты. Да и как им не вырастать, когда из десяти семейств едва ли найдете одно, где бы в четырех стенах благословляли правительство, а не бранили его и не смеялись над ним? Наши революционеры — это есть общее худосочие, только выбрасывающееся наружу. Посмотрите хоть на статью Скалона, кажется в «Юридическом вестнике»: <sup>5</sup> она изображает правдивую картину, отчего стали земства тем, чем они стали; Вы увидите, например, как губернаторы из личностей к председателям управ, опротестовывают сплошь все предначертания, как бы они полезны ни были.<sup>6</sup> Вы припомните, что советы присяжных поверенных<sup>7</sup> запрещено утверждать вновь, кроме существующих, и вместо того чтоб покровительствовать этому учреждению, долженствовавшему воспитывать нравственный дух в новом сословии адвокатов, кассируют такие решения, например, как об изгнании известного мерзавца Лохвицкого;<sup>8</sup> или предписывают, чтоб изгнание или недопущение в среду адвокатов *мотивировалось*. Один высококвалифицированный юрист<sup>9</sup> говорил мне с горечью, что на днях они вынуждены принять в свою среду известного подлеца именно потому, что, при всеобщей уверенности в его безусловной бесчестности, ни одного юридического факта у них в руках не было. И так далее, и так далее, многоуважаемый князь.

*А воровство по армии? А воровство вообще? А железнодорожники и банки? А Ламанский с Кокоревым, Поляковым, Губониным?*<sup>10</sup> А систематическое обкрадывание казны и расхищение государственных имуществ, в виде поземельных подарков<sup>11</sup> всякому встречному? Что это такое? И Вы мечтаете о Петре или Николае! А где люди? Люди, то есть состав правительства, износился, несостоятелен и сам чувствует несостоятельность свою по всем частям, начиная с финансовой и кончая просвещением и духовными делами. Ну, назовите Вы хоть министра просвещения, который бы заменил Толстого,<sup>12</sup> или министра финансов на место Грейга,<sup>13</sup> или иностранных дел на место Горчакова.<sup>14</sup> Я соглашаюсь, пусть они правят по режиму Петра или Николая. Их нет, многоуважаемый князь, в том рассаднике, откуда обыкновенно они берутся, и в этом все несчастье

положения. Нам нужно всецелое обновление, — каким путем, не берусь решать. Я против конституции в пошлом ее виде снимка с Англии и Германии; но без обращения к общественным силам нам грозит государственный крах, растрение и гибель по всем частям. А правительство за честное предложение услуг, Вы знаете, чем ответило черниговским и полтавским представителям: ссылкой.<sup>15</sup> Гибельное заблуждение, при том бессилии, в котором оно находится и которое несомненно. Слышанное ли дело, что какого-нибудь Федуку<sup>16</sup> до сих пор не найдут! Сбыточное ли дело, что Мирский столько времени безопасно укрывался и в деревне, и в самом Петербурге?<sup>17</sup> И сейчас, Гартман, произведший подкоп, укрывается, — где? Может быть, в Москве же.<sup>18</sup> Покровительствует же ему кто-нибудь. Кто? Не всё анархисты. Тут не может обойтись без содействия среднего разбора людей, не по сочувствию к злодейскому замыслу, а по отсутствию сочувствия к правительству.

Отчего у нас нет полиции? Оттого что полиция потеряла веру в себя, давно с тем вместе\* утратившая доверие и уважение общества. Содействовать\*\* полиции, помимо всего, считается бесчестным, и слова донос и доносчик клеймятся общим презрением, которое переходит затем к самим чинам полиции, в глубине души также презирающим свое звание и стыдящимся его. При таком положении что же Вы можете сделать?

Возьмем и печать. Она у нас всякого рода, есть и белая и красная. Но потаенная печать до сих пор выходит, листки рассылаются, несмотря на открытие типографий.<sup>19</sup> А печать законную, явную преследуют изо дня в день все новыми стеснениями. В настоящую минуту мы обязаны исполнять всякий каприз генерал-губернатора, который за послушание грозит закрытием!<sup>20</sup> Газета «Восток»<sup>21</sup> сказала не более, как что Макарий «не затмит Филарета и Платона» и «напрасно посягает на древние права первопрестольного Успенского собора», и ее за это закрыли на два месяца!<sup>22</sup> У меня было помещено известие о скандале с десятилетним юбилеем управляющего банком,<sup>23</sup> и мне пригрозили закрытием! Затем: не говори того, не касайся этого, придирки ко всему и кары... Скажите, что же это?

Это и есть возвращение к режиму прошлого царствования. Совет Ваш как не более кстати; Петербург будет очень доволен; но у меня не поднимается рука на резолюцию: *напечатать*.

---

\* Далее зачеркнуто: и.

\*\* Первоначально было: содействие.

Настоящее положение Вас ввергает в болезнь. Совершенно понимаю Ваши чувства и совершенно разделяю Ваше недоумение, о чем же писать теперь. Тот же вопрос задаю и я себе каждый день. Имей я средства, я закрыл бы газету не далее 31 декабря, потому что пребывать долее в таком ложном и унижительном положении нет сил.

Вы хвалите Каткова за мужество. В чем оно и что он сказал? Вы теперь уже прочитали мой запрос ему,<sup>24</sup> на который он, вероятно, ничего не найдет нужным ответить, потому что ответить нечего. Каких же еще строгостей нужно? Слава Богу, пол-России на военном положении.<sup>25</sup> Что же еще? Исполнить проект, серьезно возникавший в Петербурге, о том, чтобы подвергнуть одновременному обыску все дома столицы (!). Нет, я похвалил бы Каткова, если бы он имел мужество отказаться от графа Толстого и признать его одним из виновников анархии. Я поставил бы ему памятник, если бы он во время пребывания своего в Крыму, где он почти ежедневно обедал у Государя и гулял с ним, если бы он, воспользовавшись этою редкою от Царя милостию, доложил ему истинное положение России, чем она недовольна и чего желает. Это было бы мужество. А смущать Россию сравнением настоящего положения с 1863 годом, обвинять правительство в слабости, не указывая определенных мер, к каким оно должно прибегнуть, — это есть тоже своего рода агитация. Ну, что же он присоветует? Повесить Мирского, Леве(н)сона,<sup>26</sup> Семенскую<sup>27</sup> и прочих? Я об них жалеть не стану, но что же из этого произойдет? Уймутся? После казни Соловьева, Дубровина, Осинского<sup>28</sup> унялись? Дерзость не возросла ли напротив? Употребляйте какие угодно строгости, но прежде отыщите и разорите гнездо. А оно не отыскивается.

Беру пример с маленького. Из всех городов, подвергнутых военному положению, тише всех в Москве и в Харькове. Москва, положим, и прежде была тиха, а Харьков, Вы знаете, каков был. В чем чудо преобразования? Полагаю, в Лорис-Меликове,<sup>29</sup> который, приехав в город, начал не со злоумышленников, а с полицейских чинов, замеченных во злоупотреблениях, и с директоров гимназий и попечителя.<sup>30</sup> Он успокоил общество, внес в него утешительную надежду и, верно, найдет себе более споспешествователей в самом обществе и при преследовании анархистов. Что делается между тем по всей империи? Администрации дана почти неограниченная власть, и они этою властью пользуются так, что в Ростовском уезде, например, все старшины<sup>31</sup> выходят в отставку; а старшины, как на подбор,

люди честные, радетьельные. Но ободренная покровительством центральной власти администрация принялась за зуботычины, за вымогательства и взятки. Порядочный крестьянин пойдет ли, при этом положении, в старшины, особенно когда знает, что малейшее прекословие возведено будет в «противодействие власти» и будет судимо соединенным присутствием Судебной палаты.<sup>32</sup>

Не посетуйте, что я заставил Вас разбирать такое длинное письмо. Примите настоящее объяснение за выражение истинного уважения к Вам

Вашего покорного слуги  
*Н. Гилярова-Платонова*

5 декабря 1879

Москва

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 1—4 об.

<sup>1</sup> Эта заметка Шаховского неизвестна; очевидно, в конце ее упоминались Петр I и Николай I как жесткие правители.

<sup>2</sup> 5 января 1873 г. в связи с делом С. Г. Нечаева Александр II повелел, чтобы «повременные издания ограничились перепечатками стенографического отчета „Правительственного вестника“...» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41). В дальнейшем действие этого распоряжения было распространено и на освещение в печати последующих политических процессов.

<sup>3</sup> Леон Федорович Мирский (1859—1920), бывший студент Медико-хирургической академии, был арестован в Киеве в 1878 г., 5 октября переведен в Петропавловскую крепость, освобожден 10 января 1879 г. Спустя два месяца, 13 марта, совершил неудачное покушение на шефа жандармов А. Р. Дрентельна и скрылся. Был арестован в Таганроге 6 июня 1879 г., при этом оказал вооруженное сопротивление. В том же году, 15—17 ноября, С.-Петербургским военно-окружным судом был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Содержался в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, где активно сотрудничал с охранкой, а 15 июля 1883 г. был отправлен на каторгу в Кару, в 1895 г. вышел на поселение.

<sup>4</sup> Крылатое выражение, восходящее, вероятно, к словам свт. Иоанна Златоуста: «Что одною рукою созидать будешь, то опровергнешь другою».

<sup>5</sup> Василий Юрьевич Скалон (1846—1907) — либеральный общественный деятель, публицист, экономист; издатель еженедельника «Земство» (1880—1882), редактор «Трудов Вольного экономического общества» (1886—1888). Имеется в виду его публикация: В. С. (Скалон В. Ю.). Земская хроника. Статья вторая: Положение земских учреждений в системе местного управления // Юридический вестник. 1879. Т. II, дек. С. 995—1042. Фамилия автора была указана при публикации первой, вводной, статьи цикла (см.: Там же. Т. II, сент. С. 397—429).



<sup>11</sup> Подразумевается достигшее широких масштабов именно в рассматриваемый период раздаривание Александром II своим приближенным и родственникам имений из казенных земель. Император, по словам историка Н. А. Рожкова, «бесцеремонно обращался с казенным сундуком» (Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). 2-е изд. Л.; М., 1928. Т. 11. С. 96).

<sup>12</sup> Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) занимал пост министра народного просвещения в 1866—1880 гг.

<sup>13</sup> Самуил Алексеевич Грейг (1827—1887) был министром финансов с 1877 по 1880 г.

<sup>14</sup> Светл. кн. Александр Михайлович Горчаков (1798—1883) находился на посту министра иностранных дел в 1856—1882 гг.

<sup>15</sup> Имеется в виду съезд, созванный в начале апреля 1879 г. в Москве представителями пяти земских собраний (Черниговской, Харьковской, Полтавской, Тверской и Самарской губерний). Он имел целью объединить земское движение в России и добиваться внедрения конституции. Гиляров говорит об аресте главного организатора съезда, видного черниговского правоведа И. И. Петрункевича, и его административной ссылке сначала в Кострому, затем последовательно в Варнавин Костромской губернии, Смоленск и Тверь.

<sup>16</sup> Федька, по агентурным сообщениям, кличка Г. В. Плеханова, в тот период одного из руководителей народнической организации «Черный передел». 2 марта 1878 г., во время рабочей стачки на Новой Бумагопрядильне (в Петербурге на Обводном канале), ему удалось избежать ареста и каторги благодаря тому, что его товарищ народовец Н. С. Тютчев передал ему свои подпольные документы.

<sup>17</sup> До конца марта 1879 г. Л. Ф. Мирский скрывался по подложному паспорту в Петербурге (на квартире в Гусевском переулке), затем в Валдайском уезде Новгородской губернии, под Ростовом-на-Дону и в Таганроге, где 6 июля был арестован под именем дворянина Плетнева.

<sup>18</sup> Лев Николаевич Гартман (1850—1913) — революционер-народник, с 1876 г. примыкавший к организации «Земля и воля», с 1879 г. народовец. В сентябре—ноябре 1879 г. участвовал в подготовке покушения на Александра II — готовил подкуп на железной дороге под Москвой. Скрывался несколько дней в Москве, затем вместе с С. Л. Перовской переехал в Петербург, где жил в гостинице, а за два дня до побега за границу, в первой половине декабря, перебрался на конспиративную квартиру на Гороховой улице, где его заgrimировали и перекрасили «в смуглого дэнди английского типа» (см.: Сидоров Н. А. Лев Николаевич Гартман. М., 1930. С. 32—33). Через Псков и Ковно выехал за рубеж. Вскоре был выслежен в Париже и по требованию русского правительства арестован 23 января 1880 г. французской полицией. Благодаря поднятой во французской прессе кампании протеста (большую роль в этом сыграло Открытое письмо В. Гюго к французскому правительству о его невыдаче русским властям) Гартман вскоре получил свободу и впоследствии являлся заграничным представителем «Народной воли» (в 1881 г. переехал в Америку).

<sup>19</sup> Большие подпольные типографии были обнаружены в этот период в Петербурге. 10 марта 1879 г. А. В. Богданович, супруга известного генерала от инфантерии и старосты Исаакиевского собора Е. В. Богдановича, записала в своем дневнике: «Найдены две типографии социалистов — на Голодае и на Гутуевском острове. Замешано много людей, ежедневные аресты...» (Три последних самодержца: Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 14).

<sup>20</sup> Подразумевается московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810—1891), занимавший этот пост в 1865—1891 гг. Особые административные полномочия он получил после покушения в апреле А. К. Соловьева на царя в соответствии с Указом от 5 апреля 1879 г. «О назначении временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове, Одессе и предоставлении им и генерал-губернаторам Москвы, Киева, Варшавы некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае». Пункт 6 Указа позволял начальникам губерний «приостанавливать или вовсе воспрещать издание журналов и газет, направление которых будет признано ими вредным».

<sup>21</sup> «Восток: Газета политическая и литературная» издавалась в Москве приятелем Гилярова Н. Н. Дурново еженедельно и поначалу без предварительной цензуры со 2 мая 1879 г. по 31 января 1886 г., с перерывом с 28 марта по 31 июля 1884 г. (всего 338 номеров). Газета избрала себе стратегической задачей «примирить между собой различные народности Балканского полуострова путем единоверия», т. е. Православия. Незадолго до выхода первого номера газеты Гиляров приветствовал ее в пространной передовой статье (*«Гиляров-Платонов Н. П.»*). Москва, 10 апреля: Дневное обозрение // Современные известия (далее — СИ). 1879. 11 апр. № 98. С. 1—2), где тепло отзывался о Дурново, отмечая, что он «не новичок в публицистике», поскольку «был постоянным и довольно ревностным участником в нашем издании» («Современных известиях»).

<sup>22</sup> «Восток» был приостановлен властью московского генерал-губернатора: № 18 датирован 28 августа, а № 19 — 31 октября. Репрессия была вызвана неподписанной заметкой (автор, скорее всего, сам Н. Н. Дурново) под названием «По поводу слова митрополита Макария, произнесенного 15 августа». Здесь на правящего в то время в Москве (1879—1882) архиерея Макария (в миру Михаил Петрович Булгаков; 1816—1882) возлагалась вина за предпринятые им шаги «к окончательному унижению Успенского собора как первопрестольного всероссийского храма»: как и его предшественник Иннокентий (Попов-Вениаминов), Макарий, обратив в кафедральный собор нововозведенный Храм Христа Спасителя, откровенно пренебрегал Успенским собором в Кремле, уничтожил ряд его древних привилегий (дарованных ему еще 1325 г.), не возобновил в нем епископских хиротоний, регулярно проводившихся до 1867 г., и др. В защиту привилегий Успенского собора на рубеже 1870—1880-х гг. неоднократно выступала и газета Гилярова. Возмущение властей вызвала заключительная фраза заметки, помещенной в издании Дурново: «От нового своего архипастыря Москва вправе была ожидать, что он ничего не нарушит в древнем ее благочестии, в ее церковных обрядах и обычаях, и будет идти

по стопам своих знаменитых и великих предшественников Платона и Филарета, славу которых ему не затмить и память которых дорога для всего православного мира» (Восток. 1879. 28 авг. № 18. С. 274). Имеются в виду знаменитые митрополиты Московские Платон (в миру Петр Георгиевич Лёвшин; 1737—1812) и Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1783—1867), возглавлявшие епархию соответственно в 1799—1812 и 1821—1867 гг.

<sup>23</sup> Упомянутой публикации обнаружить не удалось (были просмотрены номера газеты с апреля, когда губернаторы получили право закрывать периодические издания своей властью, по начало декабря 1879 г.).

<sup>24</sup> Речь идет о передовой статье: *〈Гиляров-Платонов Н. П.〉*. Москва, 1 декабря // *СИ*. 1879. 2 дек. № 332. С. 2. Здесь Гиляров прокомментировал передовицу М. Н. Каткова, где разгул революционного движения конца 1870-х гг. уподоблялся периоду Польского восстания 1863 г. и глухо рекомендовалось ужесточить административные меры, в том числе и в области цензуры (см.: *〈Катков М. Н.〉*. Москва, 30 ноября // *Московские ведомости*. 1879. 1 дек. № 306. С. 2). Гиляров требовал уточнений: «...друзья порядка не посетуют, если и еще усиленное будут преследования злой подземной шайки, столь дерзко тревожащей покой России. Но спасительно было бы, наоборот, развязать руки и язык благонамеренной части общества. *〈...〉* К какому практическому выводу газета клонила сегодняшнюю речь *〈...〉* трудно догадаться; но во всяком случае видим — в сторону, противоположную свободе и общественному простору, и об этом нельзя не пожалеть с точки зрения общественного порядка, основами которого мы столь же дорожим, как и „Московские ведомости“» (*СИ*. 1879. 2 дек. № 332. С. 2).

<sup>25</sup> По чрезвычайному Указу от 5 апреля (см. выше прим. 20) во всех перечисленных в нем местностях (а также и в тех «смежных губерниях, которые будут указаны впоследствии») все гражданское управление подчинялось генерал-губернаторам «в том размере, в каком, на основании 46 статьи Положения о Полевом управлении войск в военное время, подчинялись Главнокомандующему армией губернии и области, объявленные на военном положении» (п. 3 Указа). Генерал-губернаторам предоставлялось право предавать военному суду всех, с применением наказания, установленного «для военного времени *〈...〉* когда они признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия» (п. 4 Указа). При этом их власть осуществлялась по законам военного времени, что прямо и декларировалось: «...присвоить генерал-губернаторам *〈...〉* права главнокомандующего в военное время» (п. 4 Указа). Их безграничная диктатура была дополнена Указом 8 апреля 1879 г. «О порядке производства о лицах гражданского ведомства, передаваемых военному суду на основании Высочайших указов 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г.».

<sup>26</sup> Имеется в виду секретарь Русского центрального банка поземельного кредита в Петербурге, потомственный почетный гражданин Григорий Григорьевич Левенсон (1852—?), воспитатель невесты Л. Ф. Мирского (бердичевской мещанки Е. А. Кестельман), проходивший по его делу и

оправданный по суду, но впоследствии отправленный в административную ссылку.

<sup>27</sup> Александра Константиновна Семенская (урожд. Беляева, во 2-м браке Вережцагина; 1844 или 1847—1901) — дворянка, оказывавшая услуги революционерам, в том числе Л. Ф. Мирскому, который жил у нее на квартире зимой 1878 г. и в ее новгородском имении в конце марта 1879 г. Была судима по его делу и, хотя за недоказанностью преступления оправдана, но до 1886 г. находилась под надзором полиции.

<sup>28</sup> Все названные революционеры-террористы были повешены: Александр Константинович Соловьев (род. 1846), совершивший покушение на царя, — 28 мая 1879 г. в Петербурге на Смоленском поле; подпоручик Владимир Дмитриевич Дубровин (род. 1855), стремившийся создать военную террористическую организацию, — 20 апреля 1879 г. на валу Иоанновского рavelина Петропавловской крепости; Валерьян Андреевич Осинский (род. ок. 1853), один из руководителей организации «Земля и воля», — 14 мая 1879 г. в Киеве. Об Осинском см. передовицу Гилярова: *СИ*. 1879. 27 мая. № 143. С. 2.

<sup>29</sup> Граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1825—1888) занимал пост временного генерал-губернатора Харьковской губернии с 7 апреля 1879 по 14 февраля 1880 г.

<sup>30</sup> Подразумевается Петр Карлович Жерве (ок. 1833—1890), попечитель Харьковского учебного округа с 1875 по 1879 г.

<sup>31</sup> Имеется в виду казачий чин войскового старшины; в рассматриваемый период он приравнялся к майорскому в армии. Старшины возглавляли органы гражданского управления войск.

<sup>32</sup> Судебная палата в 1864—1917 гг. являлась вышестоящей по отношению к окружным судам инстанцией и создавалась обычно на территориях нескольких губерний.

## 2

### Шаховской—Гилярову

21 сентября (1882 г.)

Многоуважаемый  
Никита Петрович,

возвращаясь из Чернигова<sup>1</sup> в Питер, не успел заехать к Вам, потому что в Москве не останавливался, а спешил к месту служения.<sup>2</sup> А мне хотелось заехать к Вам специально, чтобы попросить Вас переменить адрес высылаемых Вами «Современных известий» старый в *Канцелярию*<sup>3</sup> на мой адрес новый (Угол Гороховой и Мойки, дом № 16,<sup>4</sup> кв. 16). В Канцелярии «Современные известия» обыкновенно быстро исчезают и забрасываются, так что не успеваешь их про-

честь и отметить для начальства выдающегося. Дома же на досуге я всегда буду иметь время их со вниманием читать и своевременно представлять на вид начальства все заслуживающее внимания.

Как Вы живете и как идут Ваши дела? Не соберетесь ли пожаловать к нам? Если не поленитесь, напишите о себе. Очень буду рад иметь о Вас известия.

У нас выдающегося ничего пока нет, понемногу входим в обычную колею. До свиданья, желаю Вам всего хорошего. Феодору Александровичу<sup>5</sup> мой глубокий поклон.

Ваш *Н. Шаховской*

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 27—28 об. Год установлен по содержанию, а также по ответному письму Гилярова.

<sup>1</sup> Очевидно, кн. Н. В. Шаховской ездил отдыхать к старшему брату кн. Сергею Владимировичу Шаховскому (1852—1894). 16 августа 1881 г. тот был назначен исправляющим должность губернатора г. Чернигова, а с 15 мая 1883 г. по 4 апреля 1885 г. был там же губернатором.

<sup>2</sup> В 1882 г. Шаховской был переведен из Министерства иностранных дел, где с 1881 г. служил при Московском Главном архиве, в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений при министре и переехал в Петербург.

<sup>3</sup> Канцелярия МВД находилась на Морской улице, в доме 61.

<sup>4</sup> Шаховской поселился в доходном доме Карла Теодора Корпуса (Городовая улица, 16 — Набережная Мойки, 71), построенном в 1876—1878 гг. по проекту А. Р. Гешвенда.

<sup>5</sup> Федор Александрович Гиляров (1878—1883), племянник Никиты Петровича (сын его старшего брата, священника А. П. Гилярова) и его соредaktor по «Современным известиям» (1878—1883), филолог, педагог, мемуарист, публицист и издатель.

### 3

#### Гиляров—Шаховскому

Сентября 25 дня 1882 года<sup>1</sup>

Очень рад Вашему письму,<sup>2</sup> милейший князинька, хотя не могу не выразить досады, что видел Вас в Москве всего четверть часа. Адрес Ваш сегодня переменяется.<sup>3</sup>

К Вам у меня есть *величайшая* просьба. Вы спрашиваете между прочим *о делах*. Дела мои стеснены: Пастухов отнял у меня

30 000 рублей, то есть подписчиков на эту сумму.<sup>4</sup> А потом совсем убивают дух дополнительные правила о печати.<sup>5</sup> Я убежден и готов держать пари на что угодно, что предположенные строгости обрушатся не на «Курьер» et C<sup>o</sup>,<sup>6</sup> а на нас грешных. Ввиду этого у меня образовался замысел, который сидит в душе, впрочем, не со вчерашнего дня. Я его передал князю Вяземскому.<sup>7</sup> А именно я желал бы издавать еженедельную иллюстрированную газету, вроде «Нивы»,<sup>8</sup> но с национальным направлением.<sup>9</sup> Иллюстрированные издания идут шибко, но все они а) или одушевлены одною барышническою целию и больше ничем, или б) потворствуют развратным нравам, а то и еще хуже — прямо революционерам.

Теперь вообще не разрешают новых изданий, это раз. А во-вторых, я был бы оскорблен и унижен, когда бы меня отдали под цензуру, после того как Гатцуку дозволили иллюстрированную газету без цензуры. Поэтому я просьбы не подаю, а желал бы разведать почву.<sup>10</sup> Об этом я и писал Вяземскому и лично объяснялся. Сегодня, в субботу, первый доклад его министру<sup>11</sup> после отпуска, и он должен был доложить о моем намерении, если не забыл. Итак, дорогой мой князьинька, я Вас прошу

1) Навести справку, а в случае нужды — лично или через кого-нибудь толконуть мое дело. Дмитрий Иванович<sup>12</sup> где? Кланяйтесь ему от меня, если он в Петербурге, и сообщите ему о моем намерении.

2) Прошу иметь в виду, что дело, мною затеваемое, есть не просто мое, но патриотическое. Иллюстрация есть великое воспитательное средство. Подумайте одно: у «Нивы» 75 000 подписчиков; да и на все иллюстрации бросаются жадно. Что же касается до меня, то новое издание или поддержало бы «Современные известия», или облегчило бы, по крайней мере, их ликвидацию, чего я теперь не могу совершить без разорения. Хотя, по правде сказать, ввиду неутешительного будущего, только и мечтаю развязаться с политической газетой, которая теперь невозможна, которая постоянно под Дамокловым мечом, да и не одним, а несколькими: один сверху от правительства, другие сбоку в виду конкурентов.

В случае если шансы сколько-нибудь благоприятны, я не замедлю прибыть в Питер с просьбой официальной и с двумя программами, сухой официальной и еще другой — конфиденциальной. Последнюю я считаю нужною, потому что, повторяю, смотрю на замышляемое дело не только как на личное, но как на патриотическое.

Особенно разбалтывать о моем деле я не просил бы; пуще всего не разболтайте в литературном кругу. Сообщить можно только тем, от кого можно ожидать помощи.

Обнимаю Вас и жду *скорого* ответа. Позвольте быть уверенным, что и дело мое, и мысли мои, высказанные выше, примете к сердцу.

Ваш *Н. Гиляров-Платонов*.

Вы просите передать поклон Федору Александровичу; а я хотел Вас просить передать поклон ему. Но сейчас я узнал, что уже воротился из Санкт-Петербурга, куда ездил читать пробную лекцию в Филологическом Институте.<sup>13</sup>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 5—6.

<sup>1</sup> Дата выставлена на бланке «Современных известий», на котором написано все письмо.

<sup>2</sup> См. выше письмо 2.

<sup>3</sup> Подразумевается переадресация экземпляра «Современных известий», посылавшегося Шаховскому.

<sup>4</sup> Имеется в виду Николай Иванович Пастухов (1831—1911), журналист, прозаик и издатель, с августа 1881 г. издававший ежедневную «большую политическую внепартийную газету» бульварного характера «Московский листок». В молодости Пастухов служил в провинции разъездным контролером по винным откупам. В Москве в начале 1860-х гг. открыл «питейное заведение» на Арбатской площади. С 1865 г., разорившись, стал сотрудничать в «Русских ведомостях» и «Петербургском листке». Во второй половине 1870-х гг. регулярно печатал пользовавшиеся немалым успехом фельетоны и репортажи в «Современных известиях». В начале 1880-х гг., когда Пастухов приступил к реализации собственных издательских планов, они разошлись с Гиляровым. В письме к И. Ф. Романову-Рцы от 13 ноября 1886 г. тот назвал «Московский листок» в числе «двух уличных листков, которые, лстя грязным вкусам публики, сразу отняли (...) свыше сорока тысяч прихода...» (*Письма Гилярова к Рцы*. С. 280). Однако, когда Гиляров скончался, именно Пастухов выделил необходимые средства для организации достойных похорон. Приведем любопытное свидетельство И. Ф. Романова-Рцы из его письма к Шаховскому от 30 июня 1893 г.: «...про этот инцидент можно сказать: „ирония судьбы, гримаса истории“. Пастухов хоронит Н(икиту) П(етровича) на свой счет...» (РНБ. Ф. 847. № 159. Л. 6).

<sup>5</sup> Согласно новым правилам о печати (Высочайше утвержденному положению Комитета министров от 27 августа 1882 г. «О временных мерах относительно периодической печати»), после временной приостановки даже бесцензурной газеты, которая допускалась теперь без возбуждения судебного преследования, ее номера необходимо было представлять «для просмотра в цензурные комитеты не позже 11-ти часов вечера накануне

дня выпуска в свет» (см.: Полный свод законов. {3-е собрание}. СПб., 1886. Т. II. С. 390), чем фактически возобновлялась процедура предварительной цензуры.

<sup>6</sup> Имеется в виду либеральная печать. Упомянута ежедневная московская газета «Русский курьер» (1879—1889, 1891), основанная Е. М. и В. Н. Селезневыми; с 1880 г. издатель-редактор фабрикант Н. П. Ланин.

<sup>7</sup> Князь Павел Петрович Вяземский (1820—1888) — сын поэта; филолог, историк; сенатор, камергер, дипломат; с 5 апреля 1881 г. по 1 января 1883 г. начальник Главного управления по делам печати. Гиляров написал ему упомянутое письмо 10 сентября 1882 г. (опубл. нами: «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с Т. И. Филипповым // Историко-философский ежегодник '2008 / РАН. Ин-т философии. М., 2009. С. 362—363).

<sup>8</sup> «Нива» — популярный иллюстрированный еженедельный журнал для семейного чтения, выходивший в Петербурге в 1869—1918 гг. в издательстве А. Ф. Маркса; был ориентирован на читателя из буржуазной среды.

<sup>9</sup> Имеется в виду проект издания Гиляровым иллюстрированного еженедельного журнала «Радуга». 10 января 1883 г. увидел свет его первый номер. Попытка Гилярова привлечь к участию в нем знаменитых литераторов (см., например, его письмо к Я. П. Полонскому: ИРЛИ. Сигн. 12 017. Л. 1) не увенчалась успехом: у него не было возможности платить достойные гонорары. В журнале печатались только писатели второго ряда — В. А. Гиляровский, Д. С. Дмитриев, А. В. Круглов, Д. А. Мансфельд и др. Не оправдались и надежды на хорошую подписку — еженедельник приносил убытки. В последнем номере за 1883 г. Гиляров, прощаясь с читателями, напоминал об идейной миссии своего журнала в эпоху общественных неурядиц: «„Радуга“ зачата с целью удовлетворения потребности {...} пойти с площади в семью, с политической арены в храм муз. Мы хотели представить издание, в котором бы отец и мать, сын и дочь — каждый нашли бы свое» («Гиляров-Платонов Н. П.». К читателям // Радуга. 1883. № 48. С. 1087—1088). Уже с нового 1884 г. «Радугу» издавал Л. М. Метцль, а редактировал Д. А. Мансфельд.

<sup>10</sup> О том же в сентябре 1882 г. Гиляров писал Т. И. Филиппову: «Теперь вообще воздерживаются от разрешений; но кроме того я желал бы, чтобы мне оказали льготу, в которой не отказано Гатцуку: тот издает без цензуры. Я почувствовал бы себя глубоко униженным и оскорбленным, когда бы мне в этом отказали; а потому официальной просьбы пока не подаю, не ощупав почву» (цит. по: «Случаям единомыслия бываю всегда рад...» С. 344—345). Гиляров неприязненно относился к публицисту и издателю Алексею Алексеевичу Гатцуку (1832—1891), и тот отвечал ему нескрываемой враждебностью, а позже, вымещая какие-то свои личные обиды, поместил в своем иллюстрированном еженедельнике «Газета А. Гатцука» (1875—1890) злопыхательскую заметку о мемуарах Гилярова «Из пережитого», написанную в недопустимо развязном тоне (см.: Гатцук А. А.). Воспоминания // Газета А. Гатцука. 1884. 18 авг. № 32. С. 528). Изначально «Газета А. Гатцука» была подцензурным изданием,



но в 1882 г., по протекции М. Н. Каткова, получила разрешение издаваться без цензуры. Однако Гатцук в погоне за популярностью у читателя резко изменил курс издания, помещал статьи радикального содержания, и с 1888 г. газету вновь подчинили предварительной цензуре.

<sup>11</sup> Подразумевается гр. Д. А. Толстой (см. прим. 12 к письму 1), возглавлявший МВД в 1882—1889 гг.

<sup>12</sup> Дмитрий Иванович Воейков (1843—1896), в 1882—1884 гг. занимавший должность правителя Канцелярии МВД; был известен как общественный деятель и публицист охранительного направления (публиковался в «Русском вестнике», «Руси» и «Московских ведомостях»).

<sup>13</sup> Историко-филологический институт был учрежден в Петербурге в 1867 г. с особой целью готовить преподавателей гуманитарных дисциплин для гимназий. Ф. А. Гиляров был приглашен сюда в связи с тем, что оставлял службу в Институте 75-летний ординарный профессор А. Д. Галахов (он вскоре, 14 ноября 1882 г., скончался). Однако назначение Ф. А. Гилярова по каким-то причинам не состоялось: 7 октября кафедру русской словесности занял инспектор Института Н. П. Некрасов, а исправляющим должность экстраординарного профессора стал магистр Александровского лицея И. Н. Жданов (см.: Памятная книжка Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института и гимназии при оном, 1867—XX—1887. СПб., 1887. С. 44, 45).

#### 4

### Шаховской—Гилярову

СПб. 15/XI 84.

Милейший и добрейший Никита Петрович. Ваши воспоминания<sup>1</sup> возбуждают во мне все больший и больший интерес. Странно, почему Вы хотели их оборвать на предыдущей книжке.<sup>2</sup> Я не знаю в настоящее время ни одного произведения, которое отличалось бы такою талантливостью, такою глубиной и серьезностью мысли, такою наблюдательностью, как Ваши статьи «Из прожитого». Грех в себе таить такие сокровища. Я почему-то глубоко убежден, что многие остроумные и блестящие отступления — эти искры ума, разбросанные повсюду, — приходили Вам в голову кстати по поводу написанного, некоторые, быть может, тут же впервые. Не сосредоточивайся Вы на прошлом, на пережитом, пожалуй, все эти перлы, которые, я думаю, иногда для Вас самих кажутся загадкой, возникают как бы по волшебству, совершенно бы пропали для нас, не избалованных по части новых мыслей, оригинальных наблюдений, блестящих сопоставлений.

Главное, не смущайтесь тем, что Вам приходится о себе самом говорить. Много ли есть людей на свете, которые могли бы о себе самих что-либо сказать? Образец жизни человека мыслящего и талантливое, его внутренняя школа и дисциплина (не та, в которой нас учили чему-нибудь да как-нибудь<sup>3</sup>) — право, это уже одно для нашего хилого, беспринципного, безжизненного, материалистического поколения должно иметь громадное отрезвляющее значение, должно возбуждать высокий интерес. В настоящее время нам, людям, начинающим жить, — с разрешения властей — всюду ставят соблазнительные капканы (чего прежде не было) — и в них мы очертя голову попадаем, ибо стойкости в нас нет, да негде и не на чем ей развиться (к тому же если разрешено, то так и быть должно). Мы приучаемся жить легко, ни о чем не рассуждая, ибо жизнь наша обставлена так, что живешь вне себя, уходишь весь на внешнюю суету в ущерб внутренней сути, до которой никому дела нет, на которую нет спроса. И вот в выработке внешней безупречности, безукоризненности, благовоспитанности протекает молодость людей, желающих стать у центра, ибо ведь только там можно быть в авантаже.<sup>4</sup> Так что, достигши власти, самостоятельного положения, когда надо проявлять свою суть, ее-то и не оказывается.

Дай Бог Вам здоровья, Никита Петрович, на продолжение Ваших записок, и да не смутится сердце Ваше<sup>5</sup> писать их неустанно и неослабно. Вы еще сами не знаете, сколько сокровищ в Вас сидит.

Простите меня за откровенную болтовню моих излишней, но в этом Вы сами виноваты. Конечно, не мне оказывать Вам поддержку, но от искреннего сочувствия воздержаться не могу.

Душевно любящий Вас

*Николай Шаховской.*

Мойка 73.<sup>6</sup>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 1—2 об. Фрагменты из этого и последующего писем, в которых речь идет о мемуарах Гилярова, были опубликованы нами в составе статьи: *Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // Из пережитого 2009. Т. 2. С. 251—355.*

<sup>1</sup> Имеется в виду журнальная (в «Русском вестнике» 1884—1885 гг.) публикация «автобиографических воспоминаний» Гилярова «Из пережитого», поначалу называвшихся «Из прожитого».

<sup>2</sup> И действительно, после публикации глав XLI—XLVI мемуаров в ноябрьской книжке за 1884 г. (с. 205—261), в которых описывались первые годы обучения в Московской семинарии, последовал 5-месячный пе-

рерыв в их печатании. В апрельском выпуске за 1885 г., в увидевших свет очередных главах (с. 648—674), рассказывалось, в частности, о конфликте Гилярова со старшим братом и бегстве из его дома (видимо, автор поначалу колебался в том, допустимо ли предавать огласке эти и другие события из жизни своей семьи).

<sup>3</sup> Реминисценция начальных строк строфы V гл. I романа Пушкина «Евгений Онегин»: «Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь...»

<sup>4</sup> Авантаж (фр. *avantage*) — выгода, преимущество.

<sup>5</sup> Отсылка к словам Христа. Ср.: «Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14: 27).

<sup>6</sup> Этот трехэтажный дом (Гороховая ул., 15—Набережная Мойки, 73), в тот период принадлежавший Софии Карловне Арнд, был известен располагавшейся в нем с 1870 г. центральной гомеопатической аптекой; полностью перестроен в 1906—1907 гг.

## 5

### Гиляров—Шаховскому

17 ноября (1884 г.)

Душевно любимый князинька,

От всего сердца благодарю Вас за Ваш отзыв.<sup>1</sup> А все-таки я скоро должен остановиться. Вы недоумеваете, почему я хотел остановиться на предпоследней книжке. Потому, между прочим, что здесь начинаются живые лица; что Вы прикажете с ними делать? Совершенно объективное, беспристрастное изложение невозможно. Поэтому при описании семинарского периода я не стал держаться хронологического порядка. Выходом из семинарии я уже должен остановиться, хотя, не утаю, для читателей, подобных Вам, самую интереснейшую должна быть именно дальнейшая половина. Здесь, в семинарском периоде, у меня была болезнь «искания формальной истины», как я ее назвал.<sup>2</sup> Но начиная с конца семинарии (Богословского класса)<sup>3</sup> и далее пойдет мучительный процесс истины уже не формальной, религиозно-философские сомнения, их процесс и выход из них. Исповедь об этом предмете представила бы параллель жалкой исповеди Толстого,<sup>4</sup> который был и есть, при всем таланте, все-таки игнорант<sup>5</sup> прежде всего. Но мне излагать свою исповедь по многим причинам неудобно; не говоря о других, потому уже, что потребовался бы не один том, а несколько. В конце одной из глав я намекнул, что по окончании учебного курса я переучивался.<sup>6</sup> Это бук-

вально. Так перечислять все работы, все чтения, которым я подвергал корифеев науки! Да перечислить мало: это — самохвальство, а необходимо изложить, восстановить рецензии, слагавшиеся в уме по прочтении того или другого писателя.... Да ведь это адский труд! Пришлось бы отчасти воспроизвести свои лекции, читанные в течение семи лет.<sup>7</sup>

Вот почему я должен остановиться, отчасти и к собственному сожалению.

Ввиду руководства на будущее время, я желал бы узнать от Вас определительнее, какие отступления Вам понравились, и именно в последней книжке.<sup>8</sup> По получении Вашего письма я стал перелистывать эту последнюю часть и не нашел отступлений, кроме замечания о глупом виде некоторых книг.<sup>9</sup> Итак, не поленитесь мне отписать. Мне надобно иметь это в виду.

Я бы очень утешен был, если бы мои Воспоминания оказали на молодежь влияние. Ах, как бы я этого желал! Не поверите моему восторгу, когда мне сказали вчера, что студент, живущий в одних со мною номерах,<sup>10</sup> зачитался, начав читать одну из последовательных частей; то есть зачитался буквально, не дохлебывая чая и потом стал умолять Евдокию Ивановну<sup>11</sup> дать ему начало и продолжение. Только беда: формулировать не умеют, что же им нравится, а для меня весь вопрос в этом. Вот потому-то я и обращаюсь к Вам с вопросом. Я мечтаю о том, чтобы книга, когда она выйдет вполне, не только читалась, но оказала просветительное влияние.

До свидания (письменного), дорогой. Жду известия.

Ваш Н. Гиляров-Платонов

Публикуется впервые полностью по автографу: РНБ. Ф. 847. № 503. Л. 10—11. Частично напечатано: Письма Н. П. Гилярова-Платонова к кн. Н. В. Шаховскому. III // Ревельские известия. 1893. 8 апр. № 75. С. 1.

<sup>1</sup> Шаховской так прокомментировал упомянутое письмо («отзыв») от 15 ноября 1884 г.: «Это письмо было ответом на горячие строчки наши, в коих мы умоляли Никиту Петровича не прекращать своих статей „Из пережитого“, помещавшихся тогда в „Русском вестнике“. Вот в каких выражениях передавали мы автору наше впечатление от его воспоминания: „Я не знаю в настоящее время ни одного произведения, которое отличалось бы такою талантливостью, такою глубиной и серьезностью мысли, такою наблюдательностью, как Ваши статьи «Из прожитого». Грех в себе таить такие сокровища» (Там же).

<sup>2</sup> Выражение из гл. XXXIX («Письменные работы»). См.: *Из пережитого*. 2009. Т. 1. С. 269.

<sup>3</sup> В Богословском классе Гиляров обучался последние два года своего пребывания в Московской духовной семинарии (1842—1844).

<sup>4</sup> Гиляров довольно отрицательно относился к религиозно-философскому творчеству Л. Толстого. См. его оценку «Исповеди» в письме к С. А. Юрьеву: *Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. М., 1900. Т. II. С. 287—291. О взаимоотношениях писателей см. мемуарный очерк С. К. Эфрона «Н. П. Гиляров и гр. Л. Н. Толстой» (*Русский листок*. 1902. 13 окт. № 281. С. 1).

<sup>5</sup> Игнорант (*англ.* ignorant — несведущий, невежественный) — человек с ограниченным кругозором, не интересующийся ничем, кроме того, что представляет для него ту или иную выгоду.

<sup>6</sup> Имеется в виду следующее признание Гилярова в конце той же главы XXXIX: «Между прочим, ему же  $\langle$ непримиримому скептицизму. — А. Д. $\rangle$  я одолжен был тем, что признал себя обязанным перевернуть впоследствии все свои школьные познания, переучиться всему, что требовало не одной памяти, а приглашало и ум, и мысль подчиниться» (*Из пережитого* 2009. Т. 1. С. 270).

<sup>7</sup> Речь идет о семи годах преподавательской деятельности Гилярова в Московской духовной академии: 5 ноября 1848 г. он был определен бакалавром по новооткрытой кафедре библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересь и расколах, 21 сентября 1854 г. назначен преподавателем русской церковной археологии и истории раскола в России на Миссионерском отделении Академии, а 10 ноября 1855 г. уволен от духовно-училищной службы.

<sup>8</sup> Имеется в виду ноябрьская книжка «Русского вестника» за 1884 г. См. прим. 2 к письму 4.

<sup>9</sup> Подразумевается следующий пассаж из гл. XXXVII («Уровень преподавания»): «Не замечал ли на своем веку кто-нибудь из читателей, что бывают книги, по виду глупые, именно по виду, а не по содержанию? Это — то же таинственное, не исследованное отношение, как походная буква у писателя или как связь почерка с характером и наружностью человека» (*Из пережитого* 2009. Т. 1. С. 251).

<sup>10</sup> Шаховской так писал о номере, который снимал Гиляров, после того как в 1884 г. был разорен кредиторами: «Он уже не мог оставаться в прежней большой и удобной квартире, а переселился в меблированные комнаты, против Румянцевского музея, где занимал крошечное помещение. Там целые дни безвыходно проводил он, не сходя с постели, иногда одетый в шубу. Стоявшая рядом с постелью керосиновая печка нагревала комнату, в которой двоим повернуться было негде» (*Шаховской Н., кн. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений: В 2 т. М., 1899. Т. I. С. LVIII).

<sup>11</sup> Речь идет о сироте, дочери трагически погибшего мастерового, строившего дачу Гилярову в конце 1860-х гг. в Петровском-Разумовском, Е. И. Орловой (урожд. Буренковой), которая жила в доме Гиляровых на правах приемной дочери и помогала в занятиях по конторе.

СПб. 20/XI 84 г.

Как это, милейший Никита Петрович, перечитывая, Вы не нашли отступления, кроме как о книгах глупого вида? А об «вы» и «ты».<sup>1</sup> — Как искорку, Вы мимоходом, вскользь бросаете наблюдение над различием этого обращения людей друг с другом. Но ведь об этом одном можно написать трактат. Мне здесь впервые бросилась в глаза, так сказать, психическая, народно-бытовая сторона этого различия приветствий. И мысль пошла работать: создавалась историческая картина образования Руси из одного слоя и мозаичные сцепления племенных частиц в образовании государств Запада. Яр-ко представилась эта близость высших к низшим в Древней Руси, это исконное отсутствие сословий, это историческое начало равенства. Эти князья Троекуровы, дворяне Ртищевы и иные, ставившие под присягою Михаилу Феодоровичу Романову кресты за неграмотностью и вместе с тем заседавшие в совете Царском, да чем же они отличны от простого крестьянства? Какое же тут могло быть или возникнуть «вы»? Еще теперь мы встречаем, хотя крайне редко, это вымирающее историческое «ты» в обращении старой, еще от крепостного права оставшейся, преданной прислуги к барчукам. Да у меня есть старая няня, которую хоть убейте, она не согласится сказать мне «вы». — Я думаю, что в ее мнении для меня было бы обидно, если бы она начала со мною обращаться на «вы». Это как бы смешивало меня с другими. —

И наряду с этим воровство и грабительство как основы образования государств на Западе. С одной стороны, люди живущие, вволю наслаждающиеся жизнью, как они ее понимают; с другой — люди — как материал, как средство для этого наслаждения. — Ведь вся западная изящная литература до нынешнего века заставляла нас восхищаться элегантным, искусственным, изощренным обращением, любвями, волнениями, клочущими страстями, высокими помыслами исключительно этого чужеядного слоя, не трудящегося, но на чужой счет срывающего лепестки жизни. — Какое же обращение могло быть, как не презрительное и высокомерное, с одной стороны, и приниженное, раболепное — с другой. Мне сдается, что этот пресловутый принцип *чести* (это «вы»), которым варвары освятили греко-римскую цивилизацию и облагодетельствовали человечест-

во, — что самый этот гордый и самомнительный принцип никуда негоден, что он больше наделал зла, чем добра, осложнил и без того путаные отношения между людьми. Личная честь (сперва рыцарская, отстаиваемая на спинах темных вилланов<sup>2</sup>), корпоративная честь, сословная честь, полковая честь и пр. — все эти чести ведут только к ненормальным, противохристианским отношениям. Сидят люди с этой честью, точно с каким-то капиталом, и дуются друг на друга, как мыши на крупу,<sup>3</sup> и подозрительно подстерегают друг друга, не задевается ли эта самая честь. — Никак мыслей удержать не могу. Может быть, это все очень наивно, очень поверхностно, но я должен поделиться с Вами тем, что Вы мне дали. Вы сами меня вызвали, имейте же терпение додержать весь поток до конца.

А Ваше замечание о постепенном росте Москвы, неузнаваемой по сравнению с столь недавним временем;<sup>4</sup> а Ваше замечание о женщине, еще недавно не появлявшейся на улице и ныне фигурирующей всюду.<sup>5</sup> — Ведь этого никто не подметил, а в этом один из роковых вопросов современности. Мало того, что теперь женщин, молодых девушек выпускают одних на улицу, теперь многие семьи просто живут на улице, т. е. живут не внутреннею своею жизнью, а внешнею, исключительно показною. Мы теперь женщину раздеваем (ибо одеваем ее так, что обозначиваются все очертания ее тела), наклеиваем ей фальшивые груди, фальшивый зад<sup>6</sup> и пр., т. е. делаем из нее самку, ведем ее сознательно только к одной животной цели. — Об этом можно тоже написать целый трактат. Вот Ваши отступления. Ну как же это не искры? Если их начинаешь раздувать, то получаешь яркое пламя, которое озаряет предметы, которые рядом с нами, но которых мы не замечали, мимо которых проходили без внимания, погруженные в суету. — Важно не подмет(ит)ь собственно, а то, что кто подметит. Мне много приходилось читать мемуаров, но наблюденья, в них встречающиеся, имеют, так сказать, археологический, антикварный интерес и попадут, быть может, в будущую инкрустацию истории. Всякий замечает, что способен, что в силах заметить. Один мой знакомый, почтенный археолог Ханенко,<sup>7</sup> раскапывая курган, заключавший в себе могилу какого-то витязя, более всего наслаждался тем, что «вдыхал в себя пахнущую оттуда гарь тысячелетнюю», так что с тех пор все его суждения отзываются этой гарью.

Далее. Как хорош Ваш старик Талисманов,<sup>8</sup> как он прекрасен в гневе! А эти Степан-калашник, Александр-сбитенщик, Акулина-маковница<sup>9</sup> — живая летопись семинарии. Впрочем, Вы сами

лучше моего знаете, что все это превосходно. — Но все это, так сказать, картинки, наброски побочные, приводимые Вами кстати, по поводу. Самое же интересное и для нашего брата дорогое — это Ваше искание формальной истины. Правдивое, скромное изложение истории человеческой души, развития человеческого мышления — без рисовки, без идеальничанья, без того таинственного жреческого покрывала, которым окружают себя обыкновенно выдающиеся таланты, — да что может быть выше и интереснее этого?

Романисты показывают нам человека уже готового — в борьбе, в действии. Но самый процесс роста человеческого духа остается загадкой. Выработка нормальных условий развития человека есть еще вопрос будущего. По крайней мере, до сих пор, насколько я понимаю, есть истины модные, но настоящих нет. Всех детей воспитывают и обучают так, как воспитывается и обучается — без определенного плана и без понимания последствия того или другого приема. Всякий луч, который брошен в эти тeneбры,<sup>10</sup> есть уже заслуга и благодеяние. Раскрытие ошибок старого столь же важно, как и удержание доброго старого. Вот одна сторона Ваших воспоминаний — это для больших, для мужей. Для малых, для молодежи, — пример саморазвития, искания истины, труды, ошибки, муки, победы... Для читателей вообще — исторические моменты нашего семинарского быта и связанного с ним быта духовенства, прежние порядки и отношения. —

Вот как я понимаю значение Ваших записок «Из прожитого». Не знаю, справедлив или ошибочен мой взгляд, — на сей счет Вы меня надоумите. Впрочем, из талантливоего произведения каждый берет и ищет, что по силам.

Я Ваши статьи очень пропагандирую и проверяю по отзывам мое впечатление. В особенности я кормил ими здешних *барышень* и получал от них тот отзыв, которого ожидал: им *скучно*. Это уже большая похвала. Ведь им невтерпеж умственное напряжение, веселенькой завязки, интриги и развязки у Вас нет, и для гостиной оттуда нечего взять, а весь чисто русский колорит, который красной ниткой проходит по всему содержанию, им непонятен, бедность же и полужубок их отталкивают. Не то развитые девушки, не барышни — они читают с увлечением.

Много времени я отнял у Вас, добрый Никита Петрович, на прочтение моих каракуль. Но не сердитесь на меня — расходился. Тут не с кем ни поговорить по душам, ни впечатлений своих проверить, да никто на настоящую стезю и выйти-то не поможет.



Искренно, душевно жаль, что Вы обрываете Ваши воспоминания на самом интересном. Если не для печати, то для друзей продолжите Ваши записки. Я думаю, что я Вас так извел своим писанием, что Вы дадите себе зарок никогда не обращаться ко мне ни за какими письменными разъяснениями.

Желаю Вам на свете всего самого хорошего.

Душевно Вас любящий

*Николай Шаховской*

Мой поклон Авдотье Ивановне.<sup>11</sup>

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 3—8 об.

<sup>1</sup> Речь идет об отступлении из гл. XXXIV («Переход в семинарию»): «В русском „ты“ есть язык дружбы и близости, отчасти пренебрежения; в коренном же словоупотреблении оно есть законное обращение ко всем безразлично. Множественное в обращении к единственному лицу и даже к себе также законно, но в смысле далеком от французского, приближающемся скорее к латинскому, где в первом лице допускается употребление множественного вместо единственного» и т. д. (*Из пережитого 2009*. Т. 1. С. 232—233).

<sup>2</sup> Вилланы (*лат. villanus*) — категория феодально-зависимого крестьянства в некоторых странах Западной Европы в период Средневековья.

<sup>3</sup> Здесь в значении: «возгордиться, раздуться от собственной важности». Полный вариант пословицы, по В. И. Далю: «Надулся, как мышь на крупу, все съестъ хочет, грозен».

<sup>4</sup> Имеются в виду следующие строки из гл. XXXVIII («Путешествия»): «Много ли Москва вообще переменялась против тогдашнего? Не очень. <...> Да еще Москва приподнялась на этаж; но эта прибавка роста началась уже в очень позднее время, примерно с 1871 года, когда один за другим начали воздвигаться новые дома, а старые надстраиваться; толчок дало учреждение Кредитного общества; а до того времени Москва была по преимуществу двухэтажная. Трехэтажные дома были наперечет» (*Из пережитого 2009*. Т. 1. С. 259—260).

<sup>5</sup> См. наблюдения Гилярова в той же главе: «...в сороковых годах не было женщин на улицах. Кухарка или швея, лавочница и горничная, не считая приезжих крестьянок: вот единственный женский персонал, державший показываться на улице, тем более на бульваре, без провожатых. С удивлением русский человек читал об английских, в особенности американских нравах, где леди совершают даже путешествия в одиночку. Такая вольность казалась почти невероятною и для России никогда невозможною. Железные дороги и женские гимназии, в дополнение к упразднению крепостного права, совершили казавшееся невероятным, и теперь никого не удивляет появление дам и девиц, отнюдь не принадлежавших к „этим дамам“, на улицах и бульварах. Женщины появляются теперь даже в ресторанах и трактирах, здесь пока еще в сопровожде-

нии, но дайте срок: по прошлому судя, свободу и тут завоеует женский пол» (Там же. С. 260).

<sup>6</sup> Имеются в виду модные в тот период турнюры — приспособления в виде подушечки, которая подкладывалась дамами сзади под платье и формировала характерный силуэт с выпуклой нижней частью тела.

<sup>7</sup> Богдан Иванович Ханенко (1848—1917) — промышленник, коллекционер, археолог, меценат.

<sup>8</sup> Правильно: Талистов. Московский дворянин Андрей Петрович Талистов (?—1848) — офицер в отставке. О нем идет речь в гл. XI воспоминаний («Домашний курс»), впервые увидевшей свет в «Русском вестнике» (1884. Т. 173, окт. С. 732—741).

<sup>9</sup> Эти лица упоминаются в гл. XXXV («Семинарские распоряжки»): «В Коломне Степан-калачник, Александр-сбитенщик и Акулина-маковница, образовавшие постоянный рынок у училищного двора, жили, по крайней мере, первые двое, одною с учениками жизнью: не только знали всех, но интересовались успехами и неудачами каждого, проникались уважением к отлично учащимся, панибратски пренебрежительно обращались с лентяями и тупицами, трепетали пред экзаменами и даже помогали обманывать ревизоров» и т. д. (*Из пережитого 2009*. Т. 1. С. 237).

<sup>10</sup> Тенебры (фр. *ténèbres*) — мрак, тьма; заблуждение, ослепление. Во французском языке это слово плюралиа тантум — отсюда форма «тенебры».

<sup>11</sup> Имеется в виду Евдокия (Авдотья) Орлова. См. прим. 11 к письму 5.

## 7

### Шаховской—Гилярову

Суббота 12/I. 85 г.

Что же это Вы, дорогой Никита Петрович, — ни письма мне о Черняеве,<sup>1</sup> ни газеты не присылали. — Видно, Вы не подобрали достаточную партию для предложения М<ихаила> Г<ригорьевича> в гласные. — Я здесь про него разные толки слышал. Люди, знающие дело и понимающие отношения, говорили, что сумей Черняев удержаться некоторое время Генерал-Губернатором, сильнейшим бы человеком мог сделаться. Весь секрет заключался в глаголах терпеть, стушевываться в настоящем, не задевать теперешних столпов — словом, сидеть смирно и делать улучшения постепенно, бесшумно, не вызывая критики и не сносясь с Петербургом. — И был бы он тогда большою силой в будущем. К несчастью, он неугомонностью своею, сильными депешами, требованиями спешных решений слишком рано обратил внимание сановников на себя лично и на свою деятельность.

Его сочли в наше спокойное время человеком непокойным, поднимающим вопросы, престапующим свои полномочия, а главное — опасным, ибо он дерзает непосредственно обращаться туда, к тому источнику,<sup>2</sup> на пути к которому искони лежат разные «инстанции». — Вознамерившись его спустить, стали крепко преклонять ухо ко всем слухам и сплетням об его образе жизни на Востоке, его привычках и пр. — при этом, естественно, все его ронявшее было распространяемо с живейшей радостью. Так, напр⟨имер⟩, по сие время держится слух, что он край объезжал пьяный вдребезги, что «положение риз» — было его естественным положением и пр.

Сообщу Вам новость — в нашем министерстве возникает на днях третий товарищ министра для заведывания тюремной частью, почтами и телеграфами. Указ уже готов. Назначается Плеве.<sup>3</sup> — Вероятно, хотят деликатным манером спустить Оржевского.<sup>4</sup> —

Моей знакомой я передал Ваш поклон, и ⟨она⟩, страшно им горда, собирается даже стать перед Вами на колени, но я ее удерживаю, говоря, что знаков рабской покорности Вы не требуете и что вполне будет достаточно, если она только к руке приложится. Жду от Вас весточки и «Известия».<sup>5</sup> Кланяюсь Анне Михайловне.<sup>6</sup>

Душевно Вас любящий

Ник. Шахов⟨ской⟩

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 721. Л. 1—2 об.

<sup>1</sup> Михаил Григорьевич Черняев (Черняев-Ташкентский; 1828—1898) — генерал-лейтенант, начальник Особого западно-сибирского отряда (1863—1866), редактор-издатель газеты «Русский мир» (1873—1878), в период русско-турецкой войны командующий Сербской армией, ташкентский генерал-губернатор (1882—1884). Кн. Н. В. Шаховской после беседы с Черняевым, состоявшейся 24 апреля 1893 г., записал в дневнике: «М. Г. Черняев мне говорил, что в 1879 (?) г. ⟨вставка карандашом: «1885 г.»⟩ Н⟨икита⟩ П⟨етрович⟩ собирался баллотироваться в московские городские головы и будто бы вполне уверен, что его выберут, получил только 12 избирательных шаров. Черняева же он подбивал идти в гласные, но тот не согласился пускаться на авось. Н⟨икита⟩ П⟨етрович⟩ во время Сербской войны поддержал штаб Черняева от возведенной клеветы в растрате денег. По этому поводу он напечатал присланный Черняевым отчет и снабдил его горячей статьей — отсюда сближение. — Неблагоприятное мнение о нравственной личности Н⟨икиты⟩ П⟨етровича⟩» (РНБ. Ф. 847. № 49. Л. 26). Упомянута передовица: Москва, 22 декабря // СИ. 1877. 23 дек. № 353. С. 1.

<sup>2</sup> Имеются в виду письма Черняева к Александру III (1881—1884). См., например: Черняев М. Г. «Я всецело предался служению краю»:

Письмо Александру III (от 6 февраля 1884 г.) / Публ. В. Г. Бухерта // Источник: Документы русской истории. 2003. № 3. С. 14—15. См. также: Черняева А. М. Государь император Александр III и М. Г. Черняев // Исторический вестник. 1909. Т. 118, окт. С. 152—157.

<sup>3</sup> Вячеслав Константинович Плевел (1846—1904) действительно получил это назначение: с 1881 по 1884 г. он занимал пост директора Департамента полиции, а с 1885 по 1894 г. — товарища министра внутренних дел, в 1894—1899 гг. — государственного секретаря, с 1902 г. — министра внутренних дел. 15 июля 1904 г. убит эсером Е. С. Сазоновым.

<sup>4</sup> Петр Васильевич Оржевский (1839—1897) — генерал-лейтенант, служил начальником Варшавского жандармского округа, с 1882 по 1887 г. — товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов; сенатор, позднее, в 1893—1897 гг., — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор.

<sup>5</sup> Т. е. «Современные известия».

<sup>6</sup> Упомянута А. М. Гальперсон (см. о ней в преамбуле к публ.).

## 8

### Шаховской—Гилярову

Дорогой Никита Петрович.

Я клятвенно обещал себе самому, отъезжая из Москвы, напомнить Вам о продолжении Ваших статей в «Руси»,<sup>1</sup> а посему я обращаюсь к Вам с напоминанием. Пишите, голубчик, разъясняйте нам — мы бродим в потемках и страшно легковерны. Нам необходимо наконец разобраться в нас самих, а то мы до тех пор будем все откладывать, пока уже будет поздно или совсем некогда.

Получил я последний № «Руси» и в нем мою статейку<sup>2</sup> прочел и в печати я остался ею недоволен. Мне кажется, что слабо развит конец — именно о приманках и западнях разврата. Следовало упомянуть не об одной только порнографии в окнах магазинов,<sup>3</sup> но и о живой порнографии — о свободной купле и продаже человеческого тела среди бела дня на самых людных улицах, против самого дворца, об оперетке и всяких каскадных<sup>4</sup> заведениях, об литературе и театрах, кишящих переделками с французских нравов, подтасованных под русские имена и фамилии, об этих тройках и полунощных экспедициях за город на кутежи и безобразия, об наших юмористических журналах, сплошь пробавляющихся одним похабством. Не заняться ли по газетам статистикой всяких безобразий и месяца через три представить в итоге проявления нашей разнузданности, снабдив

факты приличествующими пояснениями? — Теперь мне, впрочем, трудно будет этим заняться ввиду того, что я по 31 число отбываю свою государственную повинность в качестве присяжного заседателя. Вообще я жду от Вас совета и указания, что Вы полагали бы по силам мне предпринять и каким трудом я по моему складу мог бы быть полезен.

Обнимаю Вас крепко и жду от Вас известий.

Душевно Вас любящий *Н. Шахов*〈ской〉  
СПб. Понед〈ельник〉. 21/І 85 г.

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 15—16 об. На личном бланке с княжеской короной. На верхнем поле л. 1 (15) письма пометка Гилярова: «Ответ〈ил〉 25/І».

<sup>1</sup> *Гиляров-Платонов* 〈Н. П.〉. Откуда нигилизм? // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13—26.

<sup>2</sup> Речь идет об историко-публицистическом этюде: *Кн. Н. Ш. 〈Шаховской Н. В., кн.〉*. Лучше ли стало? // Русь. 1885. 19 февр. № 3. С. 13—16.

<sup>3</sup> Имеется в виду фрагмент: «Взгляните в окна этих больших магазинов, полных разных дорогих, красивых и ни на что не нужных вещей, коими украшаются столы, стены, что составляет обстановку богатых домов, — и в этих больших окнах из цельного стекла увидите во множестве всякого рода непристойные фигурки, фотографии падших женщин и т. п. безобразия. И дети, идя в школу или возвращаясь с уроков, останавливаются перед этими окнами, любуются плодами откровенного разврата! И в их невинные души западают семена безнравственности!» (Там же. С. 16).

<sup>4</sup> Каскадный — шансонетный, опереточный.

## 9

### Шаховской—Гилярову

29/І 85 г.

СПб.

Дорогой Никита Петрович.

Трудную Вы мне задали задачу — что я хочу, чтобы Вы писали? Да я, без сомнения, хочу, чтобы Вы писали обо всем, о чем Вы со мною говорили, чтобы Вы выпустили на свет Божий все, что у Вас в наклеенных лоскуточках, что было в пропавших гранках, что относится до «целого мировоззрения... систематически последова-

тельного»,<sup>1</sup> — Вы в «Руси» выдали свой секрет — и несите теперь последствия Вашей откровенности.

Желаете ли Вы возвратиться к теме о нигилизме? Если да, то в Вашей статье Вы сами намекнули на то, о чем Вы считаете важным поговорить. На стр⟨анице⟩ 20 брошюрки Вы говорите: «Положение, на которое осуждает себя нигилизм и на которое в отношении к себе вызывает сограждан, заслуживает особого рассуждения».<sup>2</sup> — Значит, тема для «особого рассуждения» у Вас есть, и тема не маленькая, с которой одной статейкой не справишься. Затем Вы мне говорили, что имели намерение написать о болезни воли как причине нигилизма.

В этой же Вашей статье Вы два большие слова сказали: «где наука и где правильная свобода?» Где они — покажите нам. Ей-Богу, мы не видим. И рады бы радешеньки видеть, да «факты» мешают. Так их много и так много еще будет, что через них ни до науки, ни до свободы не продерешься. Нам это позарез нужно знать, ибо теперь ни эстетики, ни искусства, ни поэзии, ни литературы нет — попрятались. Остались только науки и свобода, о которых мы без умолку говорим. Мы ведь по науке жить не хотим, по свободе тоскуем, рады из-за свободы друг друга на цепь посадить.

Уж если Вы такие два больших слова сказали, так Вы нам и разъясните их таинственный смысл.

Больше я ни о чем пока не смею Вас просить. Да и думаю, Вы и сами бы возроптали, если бы я еще стал к Вам приставать за разъяснениями. Анне Михайловне я написал письмо с некоторыми вопросными пунктами,<sup>3</sup> дабы вызвать в ней охоту написать мне что-нибудь по собственному побуждению.

Служу теперь присяжным заседателем и думаю на днях прислать в Вашу газету одно соображение,<sup>4</sup> пришедшее мне в голову во время решения участи преступников в совещательной комнате. Передаю Вам опять поклон от совершенно Вам неизвестной Княжны Хованской,<sup>5</sup> которая, прочтя теперь все главы «Из прожитого», «Экскурсии»<sup>6</sup> и «Откуда нигилизм», возгорелась к Вам сугубою почтительностью, благоговением и нежностью. Я имею темное предчувствие, что она добивается того, чтоб в Вашем письме ко мне Вы отпустили до ее дома хотя бы легкий кивок головы.

Последняя просьба — пишите, всякая тема под Вашим пером будет замечательною.<sup>7</sup>

Крепко Вас обнимаю.

Ваш Н. Шаховск⟨ой⟩

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 9—10 об.

<sup>1</sup> Полностью это место в рассуждениях Гилярова в его статье «Откуда нигилизм?» (гл. II) выглядит так: «Я боюсь, что мне предъявят обвинение в парадоксальности, которое не раз я уже слышал печатно. Я согласен — парадоксально, потому что изложенное выше мнение не заимствовано и не вычитано; но оно есть часть целого мировоззрения, надеюсь, мне, по крайней мере, так кажется, систематически последовательного» (*Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. II. С. 179).

<sup>2</sup> Цитируется отдельный оттиск статьи «Откуда нигилизм?» (⟨М., 1884⟩).

<sup>3</sup> Местонахождение этого письма нам неизвестно. Сохранились ответы А. М. Гальперсон на письма Шаховского этого времени (25 января—18 февраля 1885 г.): РНБ. Ф. 847. № 104. Л. 1—8 об.

<sup>4</sup> Это намерение Шаховского, вероятно, осталось нереализованным: по крайней мере в газете Гилярова в ближайшие месяцы не было публикаций (в жанре «писем в редакцию») по вопросам, имеющим отношение к суду присяжных, несмотря на то что Шаховскому напоминала о его обещании А. М. Гальперсон (в письме от 18 февраля 1885 г.): «Вы, конечно, отбыли уже свою повинность присяжного? Никита Петрович ожидает, что Вы воспользуетесь своими наблюдениями и напишете что-нибудь. Вот где Ваше остроумие пригодится! Я убеждена, что заметки Ваши выйдут прекрасными» (Там же. Л. 8 об.).

<sup>5</sup> Возможно, упомяната княжна Анна Александровна Хованская (в замужестве Данилова), ровесница Шаховского (род. после 1853 г.).

<sup>6</sup> Имеется в виду философское эссе по этимологии: *Н. Г—в* ⟨*Гиляров-Платонов Н. П.*⟩. Эскурсии в русскую грамматику // *Радуга*. 1883. № 7. 22 февр. С. 142—144; № 22. 5 июня. С. 498, 500, 502; № 25. 26 июня. С. 564, 567—568; № 28. 17 июля. С. 636—638; отд. отт.: ⟨М., 1883⟩. 26 с.

<sup>7</sup> Как бы откликаясь на энергичные просьбы своего ученика, Гиляров вскоре опубликовал очерк: *Гиляров-Платонов Н.* Логика раскола: Письма И. С. Аксакову. I // *Русь*. 1885. 17 авг. № 7. С. 15—17; Письмо II // 24 авг. № 8. С. 8—10; Письмо III // 7 сент. № 10. С. 10—14.

## 10

### Шаховской—Гилярову

СПб. 4/II 1885

Дорогой Никита Петрович,

благодарю Вас очень за Ваше письмо и тут же спешу свидетельствовать пред Вами, что буду страшно тронут, если Вы не оставите Вашего намерения писать о нигилизме в форме писем к Вашему покорному слуге. Скажу более, я буду горд!

Статьи Вогюэ в подлиннике я не читал, но приведенная у Страхова<sup>1</sup> в переводе и выписанная мною цитата<sup>2</sup> достаточно за себя говорит, чтоб вызвать те соображения, которые мною были начертаны. Я сознаюсь, что творение мое точно жалковато — оно и было плодом минутной энергии. Прочел Страхова, сел, сказал, что в голову пришло, что случайно набежало.

В книжном магазине я встретил сегодня Суворина, который, наскочив на меня, стал укорять меня в том, что я поместил в «Совр⟨еменных⟩ изв⟨естиях⟩» то, что предназначал для его органа.<sup>3</sup> Я ему возразил — «вольно ж Вам тянуть неопределенно долго, я полагал, что Вы отказались от печатания». — «Вовсе нет», — сказал он. — Так что вышли легкие пререкания. — «Совр⟨еменные⟩ известия» я сегодня не получил. Не понимаю, в чем задержка?

Я в минувшую субботу имел о Вас беседу с Гр⟨афиней⟩ Александрой Андреевной Толстой,<sup>4</sup> пожилой уже фрейлиной, живущей в Зимнем Дворце. Я ей распространился о Ваших писаниях, о Вас самих, о том, что Вы имеете сделать для России, и в заключение — не опускайте скромно глазки — поставил Вас как есть самым первым номером между современниками — она крайне заинтересовалась, возгорелась любопытством прочесть Вашу статью в «Руси» и воспоминания. — Она баба чрезвычайно умная и тонкая, в умственном, духовном отношении тонкая и, как кажется, к тому же весьма влиятельная. В следующую беседу — т. е. в будущую субботу<sup>5</sup> — я намерен разъяснить ей Ваше общественное значение, а также растолковать ей и то, что все, что в Вас сидит, может быть общим достоянием лишь тогда, когда внешние условия будут для Вас благоприятны. Когда Вам не надобно будет вести мелкую, изводящую и отнимающую у вас силы борьбу. Таким образом я мечтаю свести в конце концов речь на положение и ее втянуть, заинтересовать в Вашем деле.

Катков так *распространен* в Петербурге, что добиться до него крайне трудно. Я его видел лишь раз,<sup>6</sup> и то на несколько минут и в присутствии посторонних. Он имел свидание,<sup>7</sup> которое, по-видимому, оставило приятное впечатление. Теперь, постом, я его непременно изловлю и заставлю его изречь то или другое по Вашему делу.<sup>8</sup> — Рассчитываю еще с Вами подъехать к баронессе Раден.<sup>9</sup> Обо всех сих демаршах в свое время отпишу. Наш Министр очень болен.<sup>10</sup> —



Позвольте Вас обнять и от души пожелать Вам бодрости духа. В том, что у Вас есть преданные люди, способные Вас оценить, не сомневайтесь. И на Вашей улице будет праздник.

Любящий Вас *Н. Шаховской*

Публикуется впервые по автографу: РНБ. Ф. 847. № 720. Л. 11—12 об.

<sup>1</sup> *Страхов Н.* Французская статья об Л. Н. Толстом // *Русь*. 12 янв. № 2. С. 13—18. Страхов рецензирует публикацию французского дипломата, археолога и литературного критика Эжена Мельхиора де Вогюэ (Vogüé; 1848—1910) «Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï» (*Revue des deux Mondes*. 1884. Т. 64, 15 juillet).

<sup>2</sup> См.: *Н. Ш. Шаховской Н. В., кн.*. Несколько слов по поводу статьи Вогюэ о Л. Н. Толстом // *СИ*. 1885. 2 февр. № 32. С. 2. Шаховской полемизирует со статьей Вогюэ, называя его «культурным» человеком, который «стоит на высоте европейского просвещения», а потому для него «вопрос о Боге давно порешен в отрицательном смысле» и он «как просвещенный иностранец далеко ушел от понимания русского человека и его потребностей сравнительно с стремлениями человека Запада». Приведем цитату из статьи Вогюэ, которая возмутила Шаховского и удивила Гилярова: «Толстой поет радостный гимн и утверждает тоном несомненной искренности, что он нашел наконец покой души, цель жизни, твердую веру. И он зовет нас за собою. Очень опасаясь, что закоренелые скептики Запада, упорные против деятельной благодати, вовсе откажутся вступать в обсуждение новой религии. Они напрасно будут искать в ней оригинальной мысли; они увидят в ней только первый лепет рационализма, старую мечту о миллениуме, предание, постоянно возобновлявшееся с начала средних веков, у валденцев, лоллардов, анабаптистов. Счастливая Россия, для нее еще новы эти прекрасные фантазии! Одно только должно удивить Запад — то, что такие учения оказались под пером великого писателя, несравненного наблюдателя человеческого сердца». На Западе, делает вывод Шаховской, «ждут от нас нашего „гуманизма“, „реформации“ и „революции“»; он продолжает: «Наш народ — верующий {...}. Он — цельный, раздвоены лишь мы, „культурные“ люди, которые забыли о христианстве в погоне за последними словами науки. {...} Так вопрос не в „новой религии“, как думает Вогюэ. {...} А в приобщении „культурных“ наших людей путем, быть может, и весьма мучительного внутреннего процесса к той православной церкви, к той Христовой вере, которою отмечается склад русской жизни, весь ее своеобразный строй, которая поныне сообщает русскому народу всю его силу, всю его молодость» (Там же). А. М. Гальперсон писала Шаховскому 4 февраля 1885 г.: «Ваши заметки о Вогюэ удивили нас обоих. Всего несколько месяцев назад мы с Никитой Петровичем восхищались глубоким знанием русской природы и русской души, выказанным им в „Зимних рассказах“. Я тоже, грешный человек, думала вначале, что Вы не поняли Страхова. А теперь, прочитав его

статью, думаю, что он искажал Вогюэ. Я так заинтересована этим, что постараюсь достать тот номер „Revue des Deux Mondes“, в котором помещена его статья» (РНБ. Ф. 847. № 104. Л. 5).

<sup>3</sup> Для газеты «Новое время».

<sup>4</sup> Графиня А. А. Толстая (1817—1904) — камер-фрейлина Императорского Двора (1846—1904), двоюродная тетка Л. Толстого, писательница. Любопытно, что в бытность свою председателем С.-Петербургского цензурного комитета Шаховской давал гр. А. А. Толстой читать еще не опубликованные в «Ниве» главы «Воскресения», о чем та 1 июня 1899 г. делилась с гр. О. К. Толстой (урожд. Дитерихс), первой женой сына писателя, Андрея: «По милости приятеля моего цензора Шаховского я ушла далеко вперед „Нивы“ и особенно восхищалась первым свиданием Нехлюдова с Катей» (Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857—1903). М., 2011. С. 596. (Лит. памятники)).

<sup>5</sup> Упомянутая суббота в 1885 г. приходилась на 9 февраля. А. М. Гальперсон писала Шаховскому 18 февраля того же года: «Никита Петрович прочитал мне последнее Ваше письмо к нему. Вы стараетесь заинтересовать им графиню Толстую. Как было бы хорошо, если бы на него обратили внимание сверху. Он сам не умеет привлекать к себе это внимание, хотя и мог бы» (РНБ. Ф. 847. № 104. Л. 8 об.).

<sup>6</sup> Шаховской был свой человек в доме Каткова, поскольку его старший брат, публицист и историк Лев, женился на дочери Михаила Никифорофича Варваре, служившей фрейлиной при Дворе.

<sup>7</sup> Подразумевается Высочайшая аудиенция.

<sup>8</sup> Предположительно Гиляров хлопотал о ходатайстве за него Каткова перед министром финансов, надеясь взять кредит Государственного банка на льготных условиях.

<sup>9</sup> Баронесса Эдита Федоровна Раден (1825—1885) — одна из образованнейших женщин своего времени, дружила со многими славянофилами.

<sup>10</sup> С 1882 г. Шаховской служил в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений при министре гр. Д. А. Толстом.

## 11

### Гиляров—Шаховскому

22 февраля 1885

Знаете? Я Вам пишу письмо в дополнение Вашего «Лучше ли стало?»<sup>1</sup> и своих писем о нигилизме.<sup>2</sup> Я позволил себе даже нескромность: часть письма прочитал Анне Михайловне и Ивану Сергеевичу.<sup>3</sup> Немного остается, чтобы кончить.

Но печатать негде, и это в числе других причина, почему я не кончил.

А другая причина: горизонт так широк, что теряешься. Своеобразно ли у меня мнение, или болезнь той *доточности*, которою страдал я еще когда мне было 17 лет от рода,<sup>4</sup> не знаю; но, заговорив о чем-нибудь, вижу, что еще нужно договориться до этого: входят посредствующие представления, для меня ясные, но в обычном словообороте лишенные определенности или криво толкуемые. Отсюда опасность: заговорить о чем-нибудь и не кончить. В дополнение к Вашему письму я хотел выяснить, что «прогресс по существу материален и внешен».<sup>5</sup> Он есть победа над внешней природой; на внутренний мир человека, который всегда остается тот же, он не имеет действия. Внутренний прогресс и может быть только внутренним, то есть единоличным. А как только утвердишься на этом положении, сколько вопросов и мыслей подступает!

1) Теперешняя наука ничем и не признает человека с его душою, как итогом внешних влияний.

2) Наука совсем еще не задумалась, в лице всех своих, прошедших и настоящих, мыслителей, до понятия о... или до различения... но вот здесь и запятая. Мысль, которую я хотел бы сказать и которую думал было развить в письме или письмах к Вам, есть детище, мне исключительно принадлежащее, и потому трудно выразить ее кратко. Попробую намекнуть ее.

*Необходимость и свобода*

*Мир внешний и внутренний*

*Бесчувственный и чувствующий*

Попробуйте представить себе ряд явлений, даже не явлений, а веществ мира внешнего, подчиненных закону физической необходимости, бездушных и потому лишенных способности чувствовать, но мыслящих, как мыслят только одушевленные и даже чувствующие.

Я готов биться не об заклад, что сейчас сказанное выражение может показаться не только парадоксом, но чепухой. Вы этого не предположите, и потому продолжаю.

Возьмите книгу; что она? Вещество растительного происхождения (бумага), обмазанное разными крапинками. Души в ней нет, и она не чувствует. Но она мыслит. Нет, она и не мыслит; но в ней есть мысли и даже чувства. Один листок может произвести переполох в мире, распространять радость и скорбь, убивать людей, наподобие того как убивает пуля, пущенная из берданки и долетевшая до жертвы уже после того, как выстреливший умер.

Вот Вам уголочек, кончик того воззрения, того различения, которое хотел бы я выяснить. К победе над внешним миром между про-

чим относится, что человек для внутренних действий изображает бездушного заместителя, образуется внутренний = внешний мир, со всеми принадлежностями внутреннего, за исключением самоощущения.

Не ясно? Делать нечего, а я только намекаю. Цель же моя сказать и объяснить,\* почему победа над природою, пространством и временем и облегчение общежития усовершенствованными формами остается без действия на внутреннюю природу, или точнее — откуда явилось ложное представление, что внешний прогресс (а он всегда есть внешний) способен — улучшить человечество. Прогресс в известном отношении есть призрак, как призрак есть — мысли и чувства какого-нибудь листка. Листок не мыслит и не чувствует; мыслил и чувствовал (или давал вид мысли и чувства) автор и читатель. Настоящий внутренний мир, самосознающий и самоощущающий, и мир внешне = внутренний, мир литературы, общественных учреждений, капитала и проч., находятся в *отношении*, и только. Внутренняя природа остается все та же от века, и подвиг совершенствования предлежит каждому лично, и каждый,\*\* внук и правнук, должен всегда начинать с того же, с чего дед и прадед.

Ах, друг, я уверен, что и сейчас в Вас я успел возбудить только *Ahnung*, предчувствие того, что я желал бы Вам сказать. Но добавлю, что усмотрение истины, на которую я сейчас намекнул, разрешает величайшие антиномии, по моему мнению, по крайней мере.

Довольно однако. Кончу я письмо к Вам, которое пошлю в дополнение к моим печатным? Не знаю, не ручаюсь.

Что же это однако? Неужели такая мерзость, как грязнейшее нападение Пастухова на Аксакова,<sup>6</sup> пройдет для общественного развратителя без следа? Ну, не ужасно ли это потворство?

*Неужели все еще не получаете «Современных известий»?*

На отсутствие моих писем не гневайтесь, а сами пишите чаще. У меня столько дел, столько печалей, столько забот, что я недоумеваю, как я переживаю. Более всего боюсь, что я помешаюсь: при всей упругости духа, храмина его может не выдержать.

Очень бы я желал, чтобы Вы прочитали статьи мои, на которые я указал Вам в прошлом письме. Легче бы нам было разговаривать. Но где их достать? Кажется, я и собственный экземпляр затерял.

Обнимаю Вас

любящий Н. Г.

---

\* Далее зачеркнуто: что.

\*\* Далее зачеркнуто: дед.

развращает, как это позорное печатное слово, в котором идеализируются разбойничьи подвиги и картежники возводятся в герои» (Там же. С. 4). В письме А. Дмитриева «Чуркин» объявлялся столь же социально вредным произведением, как и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», с тем отличием, что «„Чуркин“ обухом бьет в одно место, действует без раздвоения, целостно, прямо губит нравственно человека...» (Там же).

Пастухов решил отомстить. В своей передовой статье «Москва, 14-го февраля» он в глумливом тоне комментировал известие о временной приостановке «Руси» в связи с болезнью редактора, помещенное на первой полосе № 6 газеты: «Померкла „Русь“ аксаковская, „Русь“ доморощенная, измышленная праздным барством, додумавшимся путем печатного слова и деньгу зашибить, и легкой славы яркого патриота добиться, подобно той мудрой деве, которая и капитал приобрела, и невинность соблюла. <...> В момент получения подписных денег редактор был здоров, а ко времени расплаты — болен!» (Московский листок. 1885. 14 февр. № 45. С. 2). И продолжал: «Мы <...> не помянули бы его худом, благо добром нечем, — если бы скончавшийся журнальчик, в предсмертном вздохе своем, не дохнул на нас с тлетворной злобой неразумно-желчного человека» (Там же). Далее Аксаков обвинялся в забвении «законов литературного приличия», а по поводу помещенных им писем о «Разбойнике Чуркине» Пастухов прямо сообщал, что в его редакционном портфеле есть компрометирующие Аксакова письма, которые он, «чужой репутации не трогая», не публикует.

Гиляров тоже собирался отвечать Пастухову: в его архиве сохранились разрозненные листы объемной, резко критической по содержанию статьи о скандально знаменитом романе Пастухова и его газете «Московский листок» (ИРЛИ. Ф. 71. Д. 24).

*Окончание следует*

Н. Д. ГОРОДЕЦКАЯ

**ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЯМИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:  
А. КУПРИН, А. РЕМИЗОВ, М. АЛДАНОВ,  
Б. ЗАЙЦЕВ, В. ХОДАСЕВИЧ, И. ШМЕЛЕВ, Н. ТЭФФИ,  
М. ЦВЕТАЕВА, И. БУНИН  
1930—1933**

Данная публикация имеет непосредственное отношение к проблематике настоящего сборника. Двое из девяти литераторов, Иван Шмелев и Борис Зайцев — писатели в полном смысле слова православные. Встречаются размышления о вере и творчестве и в других интервью. Как о религиозном деятеле русского зарубежья, безусловно, можно говорить и об интервьюере — Н. Городецкой. Духовная дочь архимандрита Льва (Жилле) и переводчик его книг, прихожанка первого французского православного прихода в Париже, она внесла свой вклад и в осмысление религиозного содержания творчества как французских, так и русских писателей.

Надежда Даниловна Городецкая (1901—1985) — прозаик, литературовед, журналист. Покинув Россию в 1919 году, жила в Югославии, в 1924 году переехала во Францию, где занялась литературной и журналистской работой. Городецкая активно сотрудничала с газетой «Возрождение», где на протяжении 1931—1935 годов появилось более сотни ее публикаций. Большую часть составляли рассказы, но были также и очерки: цикл «Русская женщина в Париже», «Русские студенты», «Парижские студенты», работы о студенческом христианском движении («Клермонский съезд»), о современной французской беллетристике («Спор поколений», «Католическая литература»)¹ и др.

---

¹ Обе статьи переизданы в сб. «Христианство и русская литература» (Сб. 6. СПб., 2010. С. 466—475).

В конце 1930-х—начале 1931 г. Городецкая опубликовала в этой газете восемь интервью с известными русскими писателями. В 1933 году подготовила репортаж о чествовании И. А. Бунина в связи с присуждением ему Нобелевской премии и взяла у него интервью (напечатаны в «Возрождении» соответственно 16 и 17 ноября 1933 года). Все эти материалы, еще не известные российскому читателю (за исключением интервью с М. Цветаевой), публикуются в настоящем издании впервые в России.

Начало 1931 года — время интенсивной творческой работы и духовных исканий Городецкой. К этому времени уже вышел ее роман «Несквозная нить» (1929), готовился к выходу роман «Мара» (1931); оба они были затем переведены и изданы на французском. Городецкая — активный участник литературной и философской жизни Парижа конца 1920-х—начала 1930-х годов. Слушательница Религиозно-философской академии Н. А. Бердяева, она стала одним из организаторов и участником Франко-русской студии (1929—1931), на одном из заседаний которой (24 февраля 1931 года) выступила с блестящим докладом о Шарле Пегги. Молодая писательница была также участником литературного объединения «Кочевье», выступала на семинарах Н. Бердяева «Христианство и творчество» с докладами «Спасение и творчество» и «Духовная встревоженность в современном французском романе».

В 1934 году Городецкая переехала в Англию, где начался новый этап ее жизни, к которому она пришла закономерно в итоге духовных поисков. Навсегда оставив беллетристику, она посвятила себя научной и миссионерской работе, стала доктором философии, профессором кафедры русской литературы и писала труды о религиозных исканиях русской классики.

Предлагаемые интервью добавляют новые штрихи к портретам виднейших представителей русского зарубежья. В то же время они немало говорят о самой Н. Городецкой, чья творческая биография должна быть изучена более глубоко и всесторонне.

Главная задача, которую ставит журналистка, — раскрыть личность своего собеседника. Ее интервью — не просто вопросы и ответы, но художественно обработанные тексты, где диалоги чередуются с описанием интерьера и портрета собеседника. Городецкая подмечает жест, деталь, характерную особенность. У Ремизова — «лукавое лицо», лукавый взгляд из-под очков, у Алданова — «вежливая и снисходительная усмешка», у Зайцева — речь («Говор у Зайцева — как его почерк: спокойный, внятный и правильный»),

у Ходасевича — «худые и очень длинные пальцы», у Тэффи — «усталые светлые глаза». Она показывает писателя в домашней обстановке и в простом человеческом общении, поэтому органично входят в текст каштаны под окнами и портреты на стенах, кот Куприна и котенок Ходасевича, белокурая головка дочери Зайцева, очаровательный Мур — сын Цветаевой. Не случайно заголовок, выбранный для всех интервью, — «В гостях у...». Для Городецкой важны не только идеи и слова: в небольших по объему материалах ей удается передать душевно-духовную суть личности.

Равноправным участником первого из интервью Городецкой, взятого у А. Куприна, становится кот. Разговор с автором известных рассказов о животных, естественно, начинается с темы «братьев меньших», которые, по убеждению Куприна, «входят в коллективную душу дома». В недлинном разговоре прикосновения к собственно писательским темам (Толстой и его персонажи, молодые литераторы, роль читателя и пр.) случайны, но характер собеседника передан вполне: «Речь его напоена добротой, любовным юмором, прощающим пониманием».

В скором времени после этой встречи А. Куприн поддержал Городецкую, написав доброжелательное предисловие к французскому переводу ее романа «Несквозная нить» («Les mains vides». Paris, 1931).

Алексей Ремизов остался самым загадочным из всех собеседников Городецкой, это человек «странный и таинственный». Дом Ремизова оставляет ощущение закрытой от мира кельи, где творчество совершается как мистериальный акт, а сам хозяин напоминает одного из «духов», фигурками которых он окружил себя. Сквозной идеей, к которой возвращается в разговоре писатель, становится мысль о милосердии, сочувствии к человеку: «Всегда жалеть надо, и быть внимательным. И стыдиться этого нечего».

Марк Алданов — известный мастер исторического романа. В его репликах проступает пессимистический взгляд на историю, как на минувшую, так и современную. О состоянии нынешней России (почти все собеседники журналистки касаются этой темы) он язвительно замечает: «герои Зоценко получили власть над одной из величайших стран мира {...}. Ведь в сущности большевики и живут, и весь свой исторический интерес приобретают исключительно за счет величины, могущества и культуры России». Алданов возражает тем, кто видит в большевизме явление шекспировского масштаба или демоническую сущность, на его взгляд, СССР — лишь средоточие звериного быта, одичания и пошлости.



В интервью, взятом у Бориса Зайцева, мы узнаем подробность, кажется, не отраженную больше нигде: писатель, оказывается, замыслил «раскрыть Россию в трех лицах: преподобный Сергей Радонежский, Тургенев и Суворов. Святой, художник и воин». Суворов привлекал его эстетически — своим порывом, легкостью действия, стремительностью. Третья биография осталась невоплощенной, и действительно, очень трудно представить Зайцева, жизнеописателя мирных литераторов и смиренных иноков, как автора книги о *полководце*.

Спустя полгода после интервью Зайцев откликнулся на появление романа Городецкой «Мара» (в заметке «Леонов и Городецкая», «Возрождение», 29 июля 1931), где весьма доброжелательно отзывался о творчестве молодой писательницы.

Владислав Ходасевич с 1927 года возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение» и, видимо, ценил талант Городецкой — ведь именно эта газета стала основной площадкой для публикации ее рассказов вплоть до отъезда в Англию в 1934 году. К моменту встречи с Городецкой Ходасевич уже не писал стихов, он публиковал материалы о современной литературе эмиграции и метрополии, о русской классике. О смысле и призвании поэзии рассуждает он и в данном интервью. Его реплики о том, что русские в изгнании должны стать эмигрантской нацией — отголоски спора об эмигрантской литературе, на протяжении ряда лет ведшегося в среде русского зарубежья. Ходасевич, так же как и Д. Мережковский, Э. Гиппиус, И. Бунин, полагал, что именно эмиграция наследует ценности и развивает традиции русской литературы, что миссия изгнанников — сохранение русского языка и культуры. Напротив, М. Слоним, Д. Святополк-Мирский, М. Осоргин считали, что эмигрантская литература не создает значимых художественных ценностей и заканчивает свое существование.

Стоит принять во внимание, что Городецкая входила в литературное объединение «Кочевье», созданное в Париже в 1928 году М. Слонимом. Автор нашумевшей статьи о конце эмигрантской литературы, Слоним ориентировал своих коллег на советскую литературу. Однако в интервью Городецкая сочувственно приводит слова Ходасевича о том, что именно эмиграция обязана «сохранить духовный строй русской литературы», о том, что невозможно «создать нерусскую поэзию на русском языке», а подмена русского лица интернациональным пропагандируется в угоду большевикам. Вероятно, в это время сама Городецкая охладела к идеям Слонима, если

вообще когда-либо разделяла их: вскоре после беседы с Ходасевичем, 15 марта 1931 года, она опубликовала в «Возрождении» заметку «Кочевье», где говорила об упадке литобъединения и неплодотворности его творческой ориентации.

В этом интервью интересна и мысль самой Городецкой — вопрос, «не стоим ли мы перед новым, духовным реализмом». Термин «духовный реализм» получит широкое распространение в науке о литературе в начале 2000-х годов. Именно в том значении, которое имеет в виду Городецкая: «говорить простым языком о иных реальностях». Ходасевич, впрочем, не понимает собеседницу, утверждая: «символизм и есть истинный реализм».

Представитель такого духовного реализма Иван Шмелев — единственный из интервьюируемых, с кем Городецкая не была знакома прежде. В это время Шмелев жил в Севре, куда и отправилась журналистка. По сути, это не интервью (вопросов Городецкая и не задает), а записанный монолог Шмелева. Удалось стенографически точно передать не только содержательную сторону, но и стиль речи — повышенно эмоциональной, страстной, наполненной восклицаниями. Именно такой язык характерен для публицистических выступлений Шмелева 20—30-х годов, часто звучит он и в речи его персонажей, присутствует и в личных письмах. Писатель до предела исповедален и говорит о том, чем сам «много мучается». Он часто вскакивает, ходит по комнате, много жестикулирует и «почти кричит».

Главный акцент он делает на сути искусства, природе творчества. По Шмелеву, писатель, пройдя через искушения, должен изжить, исповедать свои грехи и приступить к творчеству «искушенным и очищенным». Едва ли Шмелев был знаком с творениями св. Игнатия (Брянчанинова), но оказался близок к его суждениям, например из статьи «Христианский пастырь и христианин-художник»: «Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца евангельские ощущения. (...) Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято».<sup>2</sup>

---

<sup>2</sup> *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полн. собр. творений: (В 8 т.). М., 2002. Т. 4. С. 506.

Шмелев говорит о новой эстетике, о великой задаче обожения искусства, о возвращении в творчестве к религиозным основам.

Интервью Шмелева выделяется из прочих: ни в ком из других писателей Городецкая не отмечает такой душевной боли, открытости, речи «из сердца». Встреча рождает и у самой Городецкой сильный эмоциональный отклик: в какой-то момент она отказывается задавать дежурные вопросы и просто слушает Шмелева, а в лирической концовке очерка в душе самой писательницы рождается щемящий образ Ивиковых журавлей.

Шмелевы прожили в Севре пять лет (1927—1933), в это же время Шмелева навестила другая дама — М. Н. Дьяченко. Свои впечатления от встречи она отразила в очерке «У Шмелева в Севре».<sup>3</sup> И здесь Шмелев также делился с собеседницей мыслями о сродстве искусства и религии, о «Пророке» как вершине пушкинского творчества. Видимо, они были ему особенно близки и дороги.

В начале 1931 года Шмелев работал над «Богомольем» и «Летом Господним», и из беседы с Городецкой мы получаем лишний раз подтверждение тому, что он ставил перед собой совершенно четкую цель — показать не только «душевность народную» и не просто «праздники», но их глубокий смысл: «духовный, божественный и космический».

Как известно, Иван Шмелев и его книги в среде русской эмиграции, имевшей преимущественно «левую» ориентацию, воспринимались весьма неоднозначно. Писатель имел многих недоброжелателей и даже врагов, чему причинами были и направленность его творчества, чуждая «левым», и вспыльчивый характер. В этом человеке Городецкая, однако, ощутила подлинность и глубину духовной жизни. Она понимает, что слышит не просто дежурные «слова для газеты» и даже опасается, что они будут восприняты недостаточно серьезно, — ведь «все это живое, из сердца, из боли».

Интервью с Надеждой Тэффи — самое короткое среди прочих: всего несколько фраз. Отвечая на вопрос о своем отношении к театру, Тэффи, сама известный драматург, занимает консервативную позицию: «В театре следует прежде всего уважать литературное произведение и не давать режиссерам искажать его».

С Мариной Цветаевой Городецкая несколько раз встречалась в 1929—1930 годах на собраниях Франко-русской студии. Цветаева

---

<sup>3</sup> Дьяченко М. Н. У Шмелева в Севре // Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания. М., 2009. С. 411—415.

предстает в интервью как женщина с непростым характером. Между двумя дамами на протяжении всей беседы ведется подспудный поединок. Соппротивление поэтессы чувствуется с первых слов разговора. Из ее уст звучат весьма парадоксальные высказывания, которые не просто понять. Цветаева сразу отказывается говорить о литературе: «Сама литература — не моя»; о своей поэме сообщает: «закончила, но и не закончила». На вопрос о свободном времени отвечает, что ненавидит развлечения. Все-таки Городецкой удастся побудить поэтессу сказать несколько слов о том, как она работает над стихом. Вторым, практически равноправным героем очерка, стал сын Цветаевой — Мур. Неугомонный мальчик часто обращает на себя внимание репликами и жестами.

Присуждение И. Бунину Нобелевской премии по литературе в 1933 году сделало имя русского писателя всемирно известным. Зарубежные газеты запестрели материалами, посвященными этому событию. Узнав о долгожданной награде, Бунин приехал в Париж, где остановился в отеле «Мажестик». Здесь сквозь толпу осаждавших писателя репортеров и фотографов к нему пробилась Н. Городецкая, которая записала его рассказ о самых первых впечатлениях. Это интервью появилось в газете «Возрождение» 16 ноября. Городецкая оказалась и свидетелем чествования Бунина в редакции «Возрождения» — ее подробное описание торжества появилось в номере от 17 ноября. Этот живой материал позволяет сегодня ощутить атмосферу литературной жизни русской эмиграции, увидеть человеческие типы, услышать реплики издателей, редакторов, литераторов. И конечно, лучше понять облик Бунина — человека, не теряющего чувства юмора, тепло принятого собратями-писателями.

### **В гостях у А. И. Куприна**

Дверь отпер сам Александр Иванович и повел меня к себе в кабинет. По дороге я зашла в столовую и пожалала лапу коту, дремавшему на центральном отоплении. Кот посмотрел одним глазом и произнес нечто вроде «мурм» — так в рассказе «Ю-Ю» выражается кошачье расположение. Говорить об А. И. и умолчать о коте нельзя — хозяин обидится. Кот — член семьи, разговаривают с ним серьезно и иногда страдают от его плохих настроений. Вдруг притворится кот несчастным и обиженным и, назло всем, начнет

есть солому на кухонной метле — полюбуйтесь, до чего вы меня довели! А. И. замечает:

— Если обращаться с животными ровно и ласково, и снисходительно к их порокам, — характер у них меняется, они входят в коллективную душу дома. У нас, если кто болен, — кот сидит на пороге его комнаты и не уйдет хоть два месяца, — так и доктора о него спотыкаются. Животные... А вы заметили, что сейчас в литературе почти не осталось ни собак, ни лошадей? И детей тоже нет.

В памяти начинают вставать Сапсан, Изумруд, Белый Пудель, Ю-Ю\* — вся та живая семья зверей, которую Куприн ввел в нашу жизнь. Надо было любить их и обладать подлинной храбростью таланта, чтобы приняться за жизнь лошади после толстовского Холстомера.

— Ах, Толстой — ненавидимый мой бог. Ведь что сделал! Ведь заслонил, буквально заслонил всю нашу эпоху — да и вашу, пожалуй. За что ни возьмись — все уже им написано. И «глаза как черная смородина», и роженица, и война, и лед... Я три дня думал, как сказать, — а он так прямо и написал: «лед сопит». Все мог. А вот печоринского типа не любил, обошел. Да, пожалуй, Долохов.\* Но зато люди какие! Дядя Ерощка...\* Бабочку ловит пальцами. А на счет того, сколько людей убил\* — как рассердится: «Разве легко человеческую душу загубить!»...\* Понимал Толстой и слышал. И наверное, такой Ерощка был. Нету лучше рассказов простых людей — такая в них сила.

— На днях Поль Валери высказался, что человек создан для жизни и для разговора, а не для писательства.

— Вот это правда, это честно. Собственно, не писать, а смотреть надо... Не так сложилась жизнь. Я мечтал кругосветное плавание совершить, матросом или кочегаром. Даже сговорился в одном пароходном обществе. Потом капитан спрашивает: — А паспорт у вас есть? Показываю. А там стоит «отставной поручик». Не взяли. Говорят, матросня узнает, со свету сживет... А еще я мечтал купить лошадь и поехать по Франции, через всю страну, по романам Дюма, — «оберж» всякие,\* люди... И чтобы доехать так до Марселя и продать лошадь, — так ее привести, чтобы свежая была. Или рыбаком... Тут они в Бретани настоящие, а все-таки Балаклаву не заменят. И лодка моторная, и всякие усовершенствования. А то ведь верст за тридцать пять в море уходили — а Черное море трудное, сварливое море.

В это время на весь дом закричал кот. Бросились в столовую. Оказалось, что он перегрелся на центральном отоплении, но спрыгнуть ему лень. Сняли, поставили на пол и хотели уйти. Тут кот вовсе раскричался и разобиделся невниманием. Пришлось придвинуть к теплу стул, подложить тряпку и водворить серого самодура. Он немедленно заснул так сладко и с такой развалкой, что навертывалось слово: захрапел.

Человеческий разговор хорош неправильностью, перерывами, неожиданными замечаниями. Когда говорит Куприн, хочется улыбаться, потому что его речь напоена добротою, любовным юмором, прощающим пониманием.

— Черное море... Бывало за границей, в Италии — до войны — подниму голову, найду Медведицу, а потом вверх от ковша — Северная Звезда. Был я с Жакоминкой:\* «Поедем, говорю, домой». Но он просит: «Нет, синьор Александр, мы еще будем моего папа посмотреть. Только при нем нельзя говорить о лошадь». Его отец жокеем был, разбился, с ума сошел... А цирк-то нынче вымирает. Я зашел однажды посмотреть — великолепно работали акробаты — присматриваюсь, а они все седые. Нету смены. Исчезает. Атлантида какая-то.

— Мы этак в грусть впадем. Так и писать не о чем будет. (Это уж с моей стороны провокация).

— Как не о чем? А жизнь-то!... Если бы удалось вдруг уехать месяцев на шесть, без необходимости писать... Ну, «Юнкеров» бы закончил, повестушку еще одну. А вот еще никто у нас ничего не писал о летчиках, и самый полет как следует не описан. Да нет, тем множество.

— А молодая литература?

— Конечно, будет, и хорошая. Но ведь это же не полк, не дивизия — не составишь, не прикажешь. Литература — дело органическое, сама созреет. Только бы критика не мешала. И вот еще — просто надо писать, вот как Чехов учил: про Марию Ивановну, как она дома сидит... И все-таки, странное дело — к чему люди беллетристкой занимаются — это ради тех, кто без воображения, кто не умеет сам смотреть? Ходить бы да наблюдать, а тут выдумываешь. И зачем пишем?..

А. И. разводит руками, потом собирает в кулак свою небольшую, с проседью, бородку.

— И все-таки изумительный наш русский читатель. Ну, конечно, и вздор читают, и реклама действует, и все-таки есть у нас такая

читательская масса, ее ничем не обманешь. Чувствуют, что — настоящее. Еще о Бунине две заметки появилось — а уж все его читали. В читателе большая правда живет.

А. И. задумывается. Уже смеркается, он не зажигает лампы. Кто из русских не любит посумерничать? Он повторяет:

— Атлантида.

Я осторожно спрашиваю:

— Неужели все исчезает?

Лицо А. И. меняется. Он говорит негромко и нежно, точно прислушиваясь к чему-то внутри себя:

— Конечно, нет. Очень многое остается. Остается мысль и слово.

Когда мы прощаемся, светит холодная электрическая лампочка. Еще Гоголь сказал, что все русские — насмешники и не любят чувствительности.\*

— Александр Иванович, — говорю я, — я о вас в газете писать буду. Что если присочиню?

Он делает почтительное и смешливое движение руками:

— Знаете, если охотнику опытному, который и привирал, и попадал, и промахивался — вдруг на охоте в бедро дробью всыпят. Что ж, с кем не случилось! Поднимет тулуп, посмотрит — а было их, скажем, трое — разберет, чья дробь. Ага, скажет, второй номер — вот оно, значит, откуда!

### **В гостях у А. М. Ремизова. По карнизам**

Ехать к Ремизову долго. Живет он за лесом.\* А голос у него грудной, но тихий, «внутренний». Движения точные — лишних он не делает. Разве что одно: разговаривая, держит в руке карандаш и свои слова отмечает какими-то черточками, запятыми, точками и усиками. Под конец беседы образуется сложная и выразительная фигура. Сам Алексей Михайлович страсть свою к рисованию и черчению знает, говорит:

— Весь мир склеил бы и землю выкрасил бы в самые яркие краски.

В доме очень тихо. Алексей Михайлович, мягко ступая, идет в кухню, ставит чайник — дом такой, без чаю нельзя, а через несколько минут среди разговора настаораживается: — кипит.

— У меня ухо такое слышит...

Чайник он заворачивает в плед, пеленает и кутает. Потом угощает сухариками, крендельками — у всего вкусный и чрезвычайно домашний вид.

Осматриваюсь.

— Как у вас много книг!

— Да нет, какое много! Все книги в России остались.

Но по нашим временам книг отнюдь не мало, и среди них экземпляры с отметками хозяина, рисунками, завитушками, знаками. Он любит книги особой нежностью.

— Любить книгу — особый дар.

Не о себе это сказал, но сказал, потому что и сам этим даром наделен.

Смущенная оговоркой самого Алексея Михайловича, не ищущая по стенам его чудесных игрушек. А то будет дразнить: известны по всем интервью... на стенах висели... И все-таки глаз бежит и наталкивается на какую-то чурку «esprit». Спросить про этого жильца не решаюсь. Впрочем, спросить Алексея Михайловича о милых ему вещах — все равно что осведомиться о близких ему людях. С вещами связан он личной связью. Всю жизнь ходил «по карнизам»\* — и овеществившиеся духи «еспри», «гешпенсты» охраняли его, являясь не случайно и в нужную минуту.

На столе сидит охранитель тепла и света гном «фейерменхен»\* — тряпичный и курносый. Рукопись — «Парижские легенды».\* Немедленная ассоциация, вспомнились иные легенды — «Три серпа».\*

После России, после «взвихренной Руси»,\* — говорит Ремизов, — хочется милосердия, а куда милосерднее милостивого Николая... Время-то в Византии такое было, вроде нашего. Злоба. И споры на религиозные темы. Тогда об Ипостаси на улицах в лавочках — запросто. И ненависть развилась страшная. Могли и ночью — ножом, хотя вы и такая же христианка, а вот — за разногласие... И что еще замечательно: насчет Николая епископа Мирликийского — никаких исторических указаний — и как будто был, и как будто не был... Но было, конечно, духовное явление, истина о Человеке. Ведь не Бог, не ангел — простой и простое горе понимает. Потому и в России стал таким своим, точно у нас и возник. Легенда — это символ духовного явления, лучшее даже его выражение, чем если было в действительности.

Алексей Михайлович вдруг улыбается, откидывает голову назад, немного вправо — и взгляд его из-за очков становится лукавым и ласковым.



— Слоним, Марк Львович, причислил меня к символистам — а я не хочу, я заспорил...\* Но я это нарочно. Конечно, молодое мое — «Пруд» и «Часы» — дань символизму. Теперь так писать не умею, не тот стал... А вот у Гоголя в «Портрете» — два стиля: один его, а другой тоже, конечно, гоголевский, но высокий, — а у него и возвышенных стилей несколько, разное в «Риме» и в «Арабесках»... Книги бы хорошо не читать, а переписывать — как в старину Библию.

Слушая Ремизова, вспоминаю. «По карнизам»: «Моя работа перебирать слова... и нанизывать слова-раковинки, строчить, преодолеть матерьял».\* Такой человек и в другом ценит и чувствует «матерьял», и творчество для него и труд — «работа», — и молитва.

— Я когда-то Леонида Семенова встретил,\* он уже толстовцем был, — и мне с таким неодобрением: все, говорит, казаявками занимаетесь? Я это очень понимал, но не писать не могу... А потом увидел, как женщина в церкви молится. И вдруг понял — да ведь и я так молюсь, когда пишу, «отложив попечение».

— Алексей Михайлович, — спросила я, — почему белградскую вашу книгу считают отдельными рассказами — там же все связано?

— Конечно, «По карнизам» — повесть. В начале мальчик — и в конце. В начале камень — в конце камни. (Рука с карандашом рисует камень, прямую, камни и подо всем — мелкие кружки). Первый мальчик жил, не видел и вдруг «проснулся». Ну, а там жизнь, и жизнь в Европе отразилась, и вещи, с которыми человек связан, а потом и они отнимаются и остается один человек перед лицом судьбы.

Алексей Михайлович встает, ищет книгу и на ходу говорит:

— Жалко человека. Всегда жалеть надо и быть внимательным. И стыдиться этого нечего.

Книгу нашел, заодно вынул клубок веревок — хвостики торчат, клубок похож на зверька, вроде ежика.

— Зачем такая масса?

— Как зачем? А если переезжать на другую квартиру. Хватятся увязывать, а и нечем.

В доме все так же тихо. Тут часто — люди, много молодежи, — и все-таки ощущение некоей кельи, закрытой от мира. Тепло, однако А. М. одет в шерстяные «шкурки», как он сам называет.

— Потому и ходить никуда не люблю. В «шкурке» не пойдешь, а без нее холодно.

— А вы пойдите в вашем красненьком жилете...

— Ну да, скажут: футуристам подражает. Поздно.

И вдруг — часы забили в соседней комнате; прокуковала кукушка. Не парижский дом! Даже смущает немного, и не странно, что мышка тут сторожит человека. И опять возвращаются страницы «По карнизам»: он заметил — с карнизов видно — что люди друг друга не берегут, «и как все странно бывает, и не в каких-нибудь там делах мировых, а в самой обыкновенной, незаметной жизни».

Теперь я вспоминаю, что я по делу и задаю нескромный вопрос:

— Как самому вам представляется, каким путем шли ваши книги?

— Как?... Тут и последние, и старые. Вот, наверху — «Взвихренная Русь». Там — внутреннее и таинственное (опять побежал карандаш), другая сторона — мысль о России. Ну, а опора всему, и без чего жить нельзя — это Николай Чудотворец.\* А через все просвечивает и объясняет — «Звезда надзвездная».\*

Когда я стараюсь воспроизвести, повторить движение карандаша, — я неожиданно воссоздаю часовню. Шпиль, купол, это — «Взвихренная Русь», по скату влево — «Оля»\* и «Посолонь»,\* вправо — «По карнизам» и «Парижские легенды». Внизу — не то ступенькой, не то фундаментом — «Три серпа». В стороне, сверху — «Звезды»...\* Я верю в неслучайность этого графического объяснения, творчество здесь и впрямь молитвенно.

А на прощание Ал. Мих. вспомнил, что составляет для чикагской «Москвы» литературную хронику\* — ищет кого из молодых писателей с кем соединить (еще в «Кукхе» подметил связь имен\*) — угадывает общие влияния, флирты. И снова лицо лукавое, глаза плутуют, и похож он сам на старшего брата своих «гешпенстов».

Станный и таинственный человек. По-своему, но, пожалуй, не менее таинственный, чем Гоголь, чем Розанов.

### **В гостях у М. А. Алданова**

Пишется: в гостях, читается — в кафе. С Алдановым как-то «стильнее» встретиться по-европейски; к тому же в холодный и мозглый день легче разговаривать при электричестве, в несколько искусственной обстановке. Кафе «Режанс» — историческое.\*

— Там в глубине — столик, где Наполеон, Первый Консул, играл в шахматы! — говорит Марк Александрович.

— Действительно?

— Не думаю. Прежде всего, кафе это находилось не здесь, а напротив, на другой стороне. Но все таки оно очень старое и многое видело.

Присматриваюсь к русой голове, к серым глазам с большими и блестящими зрачками. На лице часто блуждает вежливая и снисходительная усмешка. Многому человек не доверяет — великое дело сохранить доброжелательность, занимаясь историей. Впрочем, многовековые дипломаты приучают к вежливости; многочисленные потрясения учат спокойному наблюдению маленьких дрызг и некоей отвлеченности оценок.

— «Девятое Термидора»,\* — говорю я.

— Почему вы вспомнили?

— Вижу вас, кафе «Режанс», столик Наполеона.

— Плохое название. Нехорошо, не следует называть по датам.

Название всегда трудно найти.

Я ловлю на слове:

— А какое из ваших собственных заглавий вы считаете удачным?

— «Ключ», «Заговор»...\*

М. А. ищет, кто из молодых современных писателей — под влиянием Толстого, разбирает литературное родство. Я спрашиваю:

— Вы любите Толстого, — а вас не смущает его презрение к истории?

М. А. оживает.

— Закономерность в истории? Законы истории!.. Ведь вся история сплошной сюрприз. Вот на днях читаю в газетах: на яхте американского миллионера, какой-то странной яхте, будто бы со стеклянным дном, веселая компания вышла на прогулку в море. Очень было весело: шампанское, танцы, жаз-банд, флирт... Вдруг непонятный взрыв, людей выбросило за борт, и их растерзали акулы. За минуту до того они танцевали! Предложите такой сюжет «Гран-Гиньолю»\* — не возьмут: неправдоподобно, даже и для публики «Гран-Гиньоля». А ведь по существу так строится история.

— Это вполне серьезно? — допытываюсь я. — Ну, Америка — это нечто фантастическое, вроде военных русских. А войны, а все послевоенное усложнение жизни?

— Конечно, все беды современного человечества от войны, однако надо же сказать правду: объявление войны отнюдь не было принято человечеством как катастрофа. Меня оно застало в Пари-

же, и я выехал в Россию кружным путем, через Англию, Норвегию и Швецию, так что по пути видел три главных союзных страны и две нейтральные. Уверяю вас, общее настроение было возбужденно-радостное: «война войне», «последняя война», и вообще весело... Были, конечно, исключения, но я говорю об интеллигентских массах.

— И не преувеличиваете?

— Да нет. А недавно Мельгунов рассказал, какой радостью было в первые дни у нас встречено назначение министром Протопопова...\* А потом была уже совсем большая радость по случаю восстания Волынского полка...\* Вообще много было радостей... У Толстого Платон Каратаев рассказывает о всяких ужасах и прибавляет: «Что ж, соколик, думали горе, а вышла радость». У нашего поколения, к несчастью, все пока наоборот: думали радость, а вышло горе... Этому всему отчасти посвящен мой роман «Ключ»...

М. А. кладет в свой стакан кусок льду и следит, как по краям затуманившегося стекла рождаются пузырьки. А я не могу отделаться от ощущения, что ему нравится казаться пессимистичнее, чем он есть на самом деле.

— За «Бегство» меня ругают,\* — продолжает М. А., — не чувствуется в романе демонизма большевицкого времени. Но я могу писать только то, что видел: жил в Петербурге и никакого демонизма не видал... Видел жалкие, убогие идейки, доступные пониманию лошади, видел печать, нигде в мире не превзойденную по бездарности и пошлости, видел звериный быт и быстрое одичание людей. Может быть, все это и завоюет мир. Я этого не думаю, но и не считаю такую возможность исключенной... Покойный Биркенхед говорил,\* что в настоящее время во всем мире есть одна проблема: борьба с большевизмом. Он, конечно, преувеличивал и уж во всяком случае подходил к этому с узко-политической точки зрения. Но достаточно того, что приходится считаться с такой возможностью: вдруг Демьян Бедный с Литвиновым завоюют весь мир!..\* Нет, повторяю, ничего демонического в большевизме нет. Историки же, вероятно, найдут — они на это мастера.

— А писатели?

— Большевизм — сюжет не столько для Байрона или для Шекспира, сколько для Зоженко — кстати сказать, необыкновенно даровитый писатель... Вот теперь весь мир говорит о пятилетке. Я слышал, Пуанкаре как раз перед болезнью занялся основательным изучением пятилетки...\* И он, конечно, прав: воля истории сделала из московских затей исторический вопрос огромной важности.

Но по существу и пятилетка — это тот же Зоценко, густо политый кровью, как все у них... Пуанкаре не виноват, что герои Зоценко получили власть над одной из величайших стран мира... — Ведь в сущности большевики и живут, и весь свой исторический интерес приобретают исключительно за счет величины, могущества и культуры России. Стоит предположить на минуту, что все, что случилось с нами, случилось с Португалией или Мексикой. «Планетарный опыт» мгновенно потеряет всякий интерес, газеты и писать бы не стали.

Как после всякой беседы, я уйду с тысячью незадаанных вопросов.

Почему привлекает история столь немилостивого к ней писателя? Неужели только бессмыслицей? Или богатством фона, — но ведь и герои его, в большинстве, не вымышленные. Или сказывается то, что где-то надо жить героям, а быта в некотором смысле нету?...

Мы выходим на улицу. Париж разворачивает перед нами свою живую декорацию. Туманно; мелкие капли налипли на фонарь. Стремительная линия огней останавливается, застывает перед темным зданием Оперы. На площади, у фонтана, сидят незябнувшие амурсы. В глубине, там, куда уходит М. А., горят праздничные рекламные большого магазина и напоминают, что история все-таки здесь, близко, настороже. В самом деле, почему в этом году выставлено столько солдатиков, и белый Пьеро на этой световой рекламе не поет под окном Коломбины, а руками, созданными, чтобы перебирать струны гитары, наводит на испуганное солнце тяжелую пушку?

### В гостях у Б. К. Зайцева

Борис Константинович Зайцев — человек, по собственному определению, «оседлый». Привыкает к дому, к вещам. Из окна его виден чужой сад, два дерева.\* Я уверена, весною он скажет: «Мои каштаны зацвели». Сидит он в «своем» кресле, против окна, против письменного стола, где из темной рамки ему улыбается два милых лица. На столе — книги, материалы и кипы листов, исписанных крупным, ясным почерком.

Говор у Зайцева — как его почерк: спокойный, внятный и правильный. На вопрос ответит не быстро: призадумается, а потом произнесет ровную, непрерывистую фразу. Хорошая, плавная речь, иногда с насмешечкой. Вообще же, «ехидства» в Б. К. нету, людей

и вещи он воспринимает серьезно, чаще всего, пожалуй, со стороны сердечной их жизни. Это и дает толчок нашему разговору.

Я спрашиваю: как представляется Б. К. столь распространенный жанр — романа-биографии, и как, по его мнению, строится такой роман, как берется жизнь человека, какие элементы в ней — основные.

— У меня никаких общих идей на этот счет нет (Б. К. выговаривает «идэй»). Могу судить только по тому, как я сам работаю, каким путем шла мысль. Впервые я задумался об этом жанре, когда прочел один известный роман. Должен сказать, что чрезвычайно мне не понравилось, чрезвычайно. Прямо оттолкнуло. Такая развязность в отношении к жизни человека, да еще крупного человека! К тому же автор наделил его собственной речью, да и рассмотрел одни только ссоры с отцом, да как любил, да как женился. А о стихах — между прочим — источник дохода. Но ведь поэт вне своих произведений стал сразу проще, мельче, а порою и вовсе необъясним. Тут, в сущности, и заключена трудность. Когда я принялся за Тургенева, думал, что писать будет легко, — и ошибся. Очень трудно. Воображение уводит, а фактические данные держат — так и приходится вести себя и ущемлять фантазию (он показывает двумя руками нечто вроде узкой лодки). Пожалуй, самое стеснительное — удержаться от диалога. Так и кажется, что сказали Тургенев или Виардо такие-то слова. Но этого им приписать не решаюсь...

Здесь я проявила беспокойство. Факты, положим, известны, — и то!... Но ведь в жизни чаще важны не события, а отражение их в нашем внутреннем существе. Как с этим? Как это найти? Или есть все-таки у каждого человека свои «слова-ключи», по которым можно догадаться?

Б. К. задумывается.

— Вполне узнать не просто. Но тут должна помогать интуиция, выбор сюжета, выбор биографа. Нельзя сегодня, например, писать о Чехове, а завтра про Вашингтона или, скажем, про Адама Линкольна. Надо, чтобы тот, о ком пишешь, стал в некотором роде своим человеком. Чтобы его судьба стала почти вашей, вашим личным делом, чтобы для вас внутренне стало важно, как у него разрешится тот или иной вопрос.

— Помогает ли творчество раскрыть жизнь человека, — спрашиваю я. — Связь между ним и жизнью — большая?

— Ближайшая связь... То есть, конечно, все иначе рассказано, всегда есть элемент выдумки, но основное — правдиво. Особенно у

такого художника чистого типа, как Тургенев. Интересно взаимовлияние: знать, как протекала жизнь автора, год за годом, — и потом перечитать его сочинение. Тут многое увидишь и поймешь, откуда возникли тема, сравнения, образы.

В передней, за стеною, прошумели чьи-то крупные, быстрые и легкие шаги. Вспомнилось, что в одном из давних рассказов Зайцева — в «Мифе» — герой думает о своей молодой жене: «такая большая и такая легкая»...

— Творчество становится понятнее, если знаешь жизнь автора. Но и жизни его не постигнешь, если пренебречь творчеством. Многое вызвано тем, чего он искал, о чем мечтал в художественной области.

— Влияет ли пейзаж на человека, или мы его преобразуем и окрашиваем в зависимости от собственных состояний?

— Думаю, что влияет. По крайней мере по себе скажу — я в среднерусской полосе или я же в Италии чувствовал себя совсем иным. Природа нас поглощает, характер наш изменяется... А у Тургенева, в частности, странно было: живал подолгу за границей, а переживал и нес в себе русскую природу. Впрочем, он вообще был существом пассивным, и очень поддавался влияниям. И ставка всей его жизни была женственная — искание счастья, а счастье видел в женской любви. Ну и, конечно, был всю свою жизнь глубоко несчастлив. А влюблен был до последнего часа — вполне невинно — и во Вревскую, и потом в Савину. Не мог до старости отказаться от мечты о счастье... Собственно, мне жизнь Тургенева так и явилась, так и писалась, как история любви.\*

— Вы считаете, что трудно найти «своего» героя... А у вас есть такие?

— Есть... — Б. К. усмехается. — Очень странно сказать, совсем неожиданно. Представьте себе — Суворов... Что меня в нем влечет? Порыв, легкость действия — очень русский порыв, русский тип, стремительный. И даже мне представлялось — раскрыть Россию в трех лицах: Преподобный Сергей\* Радонежский, Тургенев и Суворов. Святой, художник и воин. Однако эта схема трех Росий — одной России — пришла после. И Сергия, и Тургенева я писал раньше такого сопоставления. Не знаю, займусь ли Суворовым, — во всяком случае не сейчас, не скоро. Меня уже тянет к беллетристике, к роману.\*

— Какому, о ком?

— Уже из парижской жизни, но герои будут русские, и даже кое-кто из прежних моих, взятых в нынешние времена. Ну, и хочет-

ся обновления формы — мы все изменились, не та психология, не в том ритме живем, не тот пейзаж — все это хочется и выразить несколько иначе.

После небольшого раздумья Б. К. возвращается к биографии.

— Трудно теоретически рассматривать процесс письма, но за жизнеописание святого должно приниматься иначе, чем за жизнь писателя. Есть некая условность в письме, вроде иконописи... А в другом случае технически — полная свобода... Но обманчивая, потому что ваш материал вам повелевает. И здесь видно, насколько жизнь бывает непредвиденна и вопреки всякой логике. Напрашивается иное решение и совсем иной ответ, чем тот, который выставлен жизнью...

Он слегка смеется.

— Да, из другой области: до чего странно — ведь после смерти матери Тургенев стал обладателем Спасского, и было у него около пяти тысяч крепостных душ...

— Так вы задумываетесь, был ли он при этом европейцем?

Б. К. машет рукой.

— Какое там! Просто ценил он западную культуру и цивилизацию, многое в России его раздражало — но по существу Европа все-таки была ему чужда, и оставался он русским баринном... Какие мы европейцы!

Это «мы», вырвавшееся невольно, — правдиво. По стенам — полки с русскими книгами, в изголовье — икона, из соседней комнаты кличут:

— Идите, у меня чай с ватрушками.

И такая русская белокурая головка заглядывает в дверь.\*

— Папа, ты свободен?

## В гостях у Ходасевича

— Владислав Фелицианович, каковы возможности русской поэзии?

— Ого! Вы другим таких коварных вопросов не задаете... Но ничего... Давайте и об этом.

Ходасевич — нервный, худощавый, говорит отрывисто, покачивается на стуле, рукою тронет перо, подвинет его и вдруг отпрянет и выжидательно смотрит на собеседника.

— Я издали начну... Был такой день, когда Державин «в гроб сходя благословил» молодого Пушкина. Для всех это было неужи-



данностью, и для самого мальчика, но не для Державина. Он уже года два как искал себе преемника — и жест был неслучайный. Он еще раньше написал, что передает лиру Жуковскому, да так эти стихи и остались под спудом. Дело в том, что в какой-то момент Державин как бы оглох и перестал слышать свое время, отошел от своей эпохи. Тогда и стал искать не второго, а нового Державина. Поэзия не есть документ эпохи, но жива только та поэзия, которая близка к эпохе. Блок это понимал и недаром призывал «слушать музыку революции». Не в революции дело, а в музыке времени. Поэзия движется, как пяденица, — знаете? (Большой и указательный палец растянулись на столе.) Так — а потом подтянется и отдыхает, и осматривается, и тут встречается с новым...

Худые и очень длинные пальцы несколько раз повторяют движение. Глядя на свою руку, В. Ф. продолжает:

— Сегодняшнее положение поэзии тяжко. Она очутилась вне пространства — а потому и вне времени. Дело эмигрантской поэзии по внешности очень неблагоприятное, потому что *кажется* консервативным. Большевики стремятся к изничтожению духовного строя, присущего русской литературе. Задача эмигрантской литературы — сохранить этот строй. Это задача столь же литературная, как и политическая. Требовать, чтобы эмигрантские поэты писали стихи на политические темы, — конечно, вздор. Но должно требовать, чтоб их творчество имело русское лицо.

В. Ф. поправляет очки, откидывает со лба черную прядку.

— Подмена русского лица лицом, так сказать, интернациональным совершается в угоду большевикам и обычно прикрывается возвышенным принципом «аполитичности». На самом же деле — просто хотят создать нерусскую поэзию на русском языке. Но нерусской поэзии нет и не будет места ни в русской литературе, ни в самой будущей России. Ей лучше бы навсегда обосноваться в каком-нибудь Данциге, где делаются разные международные спекуляции и, кстати, котируется червонец. Вот только я думаю, что не надо приставать к «аполитическим» поэтам, допытываясь, почему они отвертываются от политики. Такие вопросы — либо наивность, либо сознательное прикрывание дурной игры. Аполитические весьма занимаются политикой. Они не хотят не политики, а России... Кстати: почему-то всегда они либо расшаркиваются перед советской литературой, либо хихикают по адресу эмигрантской.

Я прерываю:

— Но ведь возможность поэтического делания остается?

В. Ф. говорит резко:

— Разумеется. Очень. Но явятся ли настоящие люди — не знаю. Я считаюсь злым критиком. А вот недавно произвел я «подсчет совести», как перед исповедью... Да, многих бранил. Но из тех, кого бранил, ни из одного ничего не вышло.

Он смеется и добавляет:

— А вот на кого я возлагал надежды, — из многих все-таки ничего не вышло. Предсказывать с именами не возьмусь — боюсь, что опять перехвалю. В данное время милее других мне группа «Перекрестка»...\* Вы замечали на карте метро такую соединительную линию — Navette. Где-то она, кажется, около Pré-St-Gervais,\* или... да... нет, не знаю. Словом, пряменькая такая линия. Вот и роль эмигрантской литературы — соединить прежнее с будущим. Конечно, традиция — не плющ вокруг живых памятников древности. Беда в том, что многие пишут «под». Свои стихи писать трудно и есть громадный соблазн и легкость — дописывать чужие... Видите ли, надо, чтобы наше поэтическое прошлое стало нашим настоящим и — в новой форме — будущим. Как вам сказать... Вот Робинзон нашел в кармане зерно и посадил его на необитаемом острове — взошла добрая английская пшеница. А что, кабы он его не посадил, а только бы на него любовался, да охранял, чтобы не дай Бог не упало? Вот и с традицией надо, как с зерном. И вывезти его надо, и посадить, и работать над ним, творить дальше. Главное, совершенно необходимо ощутить себя не человеком, случайно переехавшим из Хамовников в Париж, а именно эмигрантом, эмигрантской *нацией*. Надо работать — и старым, и молодым. Иначе — катастрофа. Литературе не просуществовать ни в богадельне, ни в яслях для подкинутых младенцев... Что же касается принципиальной возможности... Глупости, что ничего нельзя создать! Три эмиграции образовали три новых и великих литературы: Данте; вся классическая польская литература — Мицкевич, Словацкий и Красинский; у французов — Шатобриан и Сталь.\*

— Да, но я спрашиваю о русской поэзии — той, которая может быть в день, когда не будет разделений между нами и советами.

В. Ф. поднимает обе руки, изображая беспомощность.

— Я не пророк... Будущая Россия представляется мне странно: деятельной, мускулистой, несколько американского типа, и очень религиозной — но уже не в американском духе. В общем, ощущение мое скорее оптимистическое... скромно-оптимистическое. А вот

искушенным и очищенным идти в искусство... Пушкина пытаются представить неверующим. Он себя еще не выяснил, но шел и к Богу, и даже к Православию. И знал великое значение слов. Добро! Сегодня все для нас элементарно: «чувства добрые я лирой пробуждал». Но ведь он умнейший был человек и вот не побоялся элементарности. «Веленью Божию, о муза, будь послушна». Тут не о вдохновении речь, а о Божиим голосе. И тому, кто такого голоса не слышит, — и писать незачем. Вот когда я говорю о новой-то эстетике, я это так и понимаю: надо *обожить* искусство, уяснить, что искусство, как и религия, из одного — божественного — источника... Да что там... Пушкин в «Пророке» все сказал. Уголь-то, пылающий огнем... Ничего, что я так много говорю? Я об этом намолчался, и надумался, и наболело очень...

Я что-то бормочу. Мне не хочется ни о чем спрашивать. Думаю с испугом: вдруг кто-нибудь воспримет слова И. С. как простой газетный материал, все это ведь живое, из сердца, из боли.

— Томасу Манну, — говорит И. С., — предложили писать о Гете.\* Вот что современно. Человечество омефистофелилось. Надо к нему взывать: не теряй себя, человек... Помните ли вы старые книги? Я в ранней юности любил Мельникова-Печерского. Через всю коросту быта — откуда и бралось — вдруг ощутишь благоухание народного, глубинного благочестия... Какое богатство дала Церковь нашим писателям, даже и неверующим! Помимо религиозных переживаний — экая красота. И какие высочайшие художники творили молитвы. Это источник вечный. В монастырских стенах, несмотря на лук да квас, да греховность, — все-таки хранится *подлинное*... Попадалась ли вам изданная Имкой книжечка: «Откровенный рассказ странника духовному своему отцу»?\*

Большая в ней сила, и художественность неосознанная. Человек, когда такое в себе несет, может и закат описать так, что становится он полным значения.

И. С. расхаживает от стола к печи. Потом садится, и вдруг вспыхивает ласковая, мягкая улыбка, почти неожиданная на его нервном и напряженном лице.

— Я подумал о вас, о всех молодых. Вот увидите — тридцатые годы откроют новых писателей и здесь, и в России. Созреют и подрастут те, кто успели набраться впечатлений до революции. Помоему, писатель созревает к тридцати пяти годам, но основа его, ткань его — тут и о быте следует вспомнить — образуются к двадцати. Вот эти-то теперь и подрастают. Ну а старшие... Ткань-то их —

знаете, вот на чем вышивают, канва, так вот и узор слинял, и проби-та вся, опустошена, изранена, иной и краски перестал видеть... Но если кто через брожение лет вынес себя и уберег — то уже не может просто писать. Каждое слово — боль и все тот же вопрос: зачем?

Он добавляет тихим и глубоким голосом:

— Трудно видеть суету, и читать, и слушать споры. Потянуло меня к тихости. Вот пишу «Лето Господне благоприятно». Праздники, и как они в быту отражались,\* и ритм их — и во всем глубокий смысл: духовный, божественный и космический, и душевность народная... Но одного нельзя, нельзя забывать. Все человечество в опасности отхода от своего Божьего образа, и мы все перед ним должники... Вы на меня не обижайтесь — я такие простецкие вещи говорю. Не подумайте, что я наставление вам читаю. Много я всем этим мучаюсь...

Зимние сумерки. Резкие звезды. Тихо, но по зеленому небу невидимый, высокий ветер несет светло-огненные облака, за ними белые и малиновые. Я иду на вокзал, и эти облака, пронсящиеся над городом, над Францией, над Европой, вызывают во мне странное воспоминание. Я повторяю шепотом: «Ивиковы журавли».\* Этот щемящий образ не оставляет меня, пока идущий из Парижа на юг тяжелый и мощный паровик не застилает облака черными клубами, в которых дрожат редкие искры.

### В гостях у Н. А. Тэффи

— О чем вы собираетесь меня спрашивать?

— О театре,\* Надежда Александровна.

— Как, не о юморе! Меня всегда спрашивают о юморе. О чем же именно?

Мы сидим у окна. Падают редкие снежинки. Н. А. следит за ними усталыми светлыми глазами. Лицо ее спокойно и сосредоточенно — жаль и совестно ее отвлекать и выпы(ты)вать. И все-таки...

— О театре вообще и о французском.

— В театрах «Вье Коломбье»\* и в «Ателье»\* были интересные постановки, но здесь они прививаются мало. Вещи большей частью переводные, и как только заметишь достижение, — вспоминаешь: а у нас уже там-то это было. Я считаю, что русский театр оказывает

на них большое влияние. Играют французы хорошо... Самое же замечательное, это их серьезное отношение ко всяким пустякам. Скажи-ка у нас в былое время, кто ходил в фарс. — «Ах, вы в фарсе бываете...» И публика его посещала специальная: финансовые деятели с содержанками, офицеры, когда подвыпьют... А здесь Антуан придет,\* сядет в первом ряду и напишет серьезную критику: такая-то была на высоте, а другая проявила темперамент, а эта провела сцену на тонких нюансах. Французы премилый народ: сами живут, и дают жить другим, и считают, что все живущее имеет право на существование... А уж окончательно передовыми и психологическими считаются пьесы Бернштейна\* — он у них за Ибсена, на глубину работает... И все это оправдано — многое зависит от зрителей. Когда вокруг люди плачут, бледнеют, за руку хватают, — поневоле и сам подумаешь, что происходит нечто значительное. И только когда переведешь на нашу душу (если можно так выразиться), увидишь, как рассыпется весь этот песок.

Я вставляю, что по части репертуара и мы не блещем. Что же ставить?

— «Макбета» бы посмотреть, — мечтательно говорит Н. А.

— Михаил Чехов хочет восстановить со своей студией классический репертуар\* и народный эпос.

— Вот хорошо. Есть произведения вечные. А то что такое: довоенная пьеса, послевоенная пьеса. Существуют вечные темы: любовь, смерть. А во что их одеть — не все ли равно. Дело автора. В сущности, и тут наталкиваешься на основное: нужен талант. Ведь если своими словами передать «содержание» любой вещи... ну что такое, вкратце, «Гамлет»? Король умер, сын полагает, что маменька умирала папеньку, и сыну очень неприятно... А между тем, как ни поставь «Гамлета», в бытовых ли тонах, или в полотнох, — всегда он потрясает.

— Значит, самое главное — драматург?

— Да, конечно... Чего только ни вытворяли в последние годы. И власть актера, и власть режиссера. А потом выступили художники. Один талантливейший человек что выдумал: изобразил на всех костюмах свет и тени так, как если бы свет падал справа. Пока все стояли — интересно. Но зато, как начали двигаться и попадать теневой стороной костюма в полосу света, — получился комический ужас.

Даже и Бенуа грешил.\* Актеры застывали, и получалось не действие, а живая картина. Все это детали, которые отвлекают от глав-

ного. Театр — не только зрелище. Цирк — другое дело. «Хлеба и зрелищ». Лошадь скачет, тигры жуют христианина...

Я смеюсь. Н. А. смотрит на меня с удивлением, потом тоже улыбается. И добавляет:

— И еще: театр — не школа. Конечно, педагогика вещь чрезвычайно полезная. Посмотрите, как в кинематографе консьержки обижаются на злодея и торжествуют, когда побеждает благородный герой... Но в театре следует прежде всего уважать литературное произведение и не давать режиссерам исказить его.

— А у вас лично при постановке ваших пьес бывали недоразумения?

— Случалось. Одна и та же вещь — «Шарманка сатаны» — шла у Незлобина отлично. А в Императорском та же пьеса — ужас.\*

— Да, но бывают и интересные находки в режиссерской работе. Я, например, мейерхольдовского «Ревизора» смотрела с большим интересом.\*

Н. А. возражает:

— Да, опять как зрелище. Но нельзя же, чтобы произведение Гоголя становилось лишь поводом для восхищений! Особенно Гоголя: он-то уж знал, чего хотел, и столько оставил объяснений и как играть, и как понимать роли. И то, что сделал Мейерхольд, считаю кощунством... Ведь вот и «Египетские ночи» тоже дописывали...\*

Тут я признаюсь, что вообще теряю веру в театральные возможности: уж очень все изжито.

— Ах, нет, — говорит Н. А. — Театр жив и я верю в его расцвет. Да и сейчас у немцев бывают интереснейшие постановки и серьезные пьесы. У них отношение к театру такое, как было у нас. Помню, какое торжество бывало в театре Комиссаржевской на премьерах. Событие. Спорили, спрашивали: вы «за» или «против». Так и должно быть... Вот сейчас двинулись на Европу американские пьесы. Очень забавные. Нечто среднее между театром и кинематографом. Но о них мы с вами беседовать, конечно, не будем. Ведь это как детективные романы-фельетоны: читать их можно, но не только говорить о них, но даже помнить их неприлично. Да. Театр сейчас в упадке еще небывалом, но не окончательном.

— Значит, успокоиться и ждать?

— Ждать, — улыбнулась Н. А., — но не успокаиваться. Кто успокоился, тот ничего не дожидается.

## В гостях у М. И. Цветаевой

«Если бы тема была, — „как живет и работает“, — я бы пригласила вас к себе, именно для того, чтобы вы увидели, что работать в моей обстановке (глагол: обстать) в достаточной мере невозможно. А так — предпочитаю встречу на воле».

«Воля» — один из парижских вокзалов,\* где я поджидаю Марину Ивановну, живущую за городом. Она не одна. В ее руку вцепился сын.\* Из под синего берета торчат светлые кудерьки — в скобку, как у русского парня.

— Я люблю рисовать, — заявляет он в виде приветствия. — Смотрите, русский автомобиль.

— Который, почему русский?

— Потому что странный.

Мы пересекаем площадь и располагаемся в кафе. М. И. закуривает и говорит:

— Право же, я не могу высказываться о западной литературе. Она — не моя, и эмигрантская не моя, и советская не моя, сама литература — не моя. Не хочу говорить о том, чего до конца не знаю. Я же не специалист — читаю, что люблю. А что я знаю, я одна знаю — мои вещи...

— Вот о них и расскажите. Закончена ли ваша крымская поэма? Я ее слышала в отрывках на вашем вечере.

— С «Перекопом» у меня сложная история. Закончила, — но и не закончила.\*

— Как же так?

М. И. не смеется, но лицо у нее такое, как если бы за ним скрылся смех.

— Поэма о стодневном перекопском сидении. Жизнь вала, работы по укреплению, аэропланый налет, приезд Врангеля и наконец — знаменитый прорыв, когда ночью служили, молебен и «погнать огни» — двинулись. Прорвались и вышли — на Русь... Перетопили латышей. На этом я и кончила, но мне хотелось дать и последний Перекоп, последних два, три дня, конец всего. Тут-то и начинается. Не могу найти очевидца. Предлагают мне побеседовать со штабным генералом. Но мне ведь не генерал нужен, а рядовой офицер — мелочи важны, какая погода была, какие слова говорились. Наконец, отыскали мне какого-то дроздовца — теперь работает на заводе. Пишу ему. Получаю ответ — в таком смысле: по субботам мы пьем, в иные же дни некогда.

А так как при вас пить неловко, то, значит, потеряем мы свой единственный день отдыха... Так ничего и не вышло. «Документ» сохранила.

Наступает поистине «минута молчания».

— Правда ли, — вспоминаю я, — что вы пишете поэму по-французски?

— Да. Знаете «Молодца»?\* Я попробовала перевести, а потом решила — зачем же мне самой себе мешать, — кроме того, многого французы не поймут, что нам ясно. Вышло, что вокруг того же стержня заново написала.\* У них, например, нет слова «выюга» — пришлось говорить о снеге, чтобы подготовить, — а когда я, наконец, произношу «rafale»<sup>4</sup> — ясно, что это не ветер, а метель... Я и сама никогда не думала, что возьмусь за такую работу. Вышло это почти случайно: Наталия Гончарова, знавшая вещь по-русски, сделала иллюстрации\* и пожалела, что нет французского текста. Я и начала — ради иллюстраций, а потом сама вовлеклась.

— Как же вы, с вашей-то разбойничьей манерой, изломали благовоспитанный и такой установившейся французский стих?

М. И. дергает плечом. В ней есть нечто мальчишеское.

— Не знаю. Вот вам одно из основных правил французского стихосложения, в каждой грамматике найдете: нельзя, чтобы встречались две гласные, так, например, нельзя написать *tu es*.<sup>5</sup> Скажите на милость, почему «*tuer*»<sup>6</sup> можно, а *tu es* — слово, которым Бог человека утвердил: *ты еси*, сказать нельзя? Я с этим не считаюсь. Пишу, как слышу.

— Вы стихи проверяете на слух?

— Как же иначе? Когда-то пели. Когда нравится строка, непременно ее произносишь вслух. И если даже про себя читаешь стихи, так внутренне их все-таки выговариваешь, внутри рта.

Мальчик сидит очень тихо. Пользуясь паузой, он вздыхает: «хорошо — машины, и чтобы на них ездить»... Но я безжалостна.

— А что вы еще пишете или хотите писать по-русски?

— О царской семье.\* Беру именно семью, а фон — стихия. Громадная работа. Все нужно знать, что написано. А написать нужно — раз навсегда, либо вовсе не браться. В России есть люди, которые справились бы с такой темой, — но тема не их, они ее любить

<sup>4</sup> Порыв ветра (фр.).

<sup>5</sup> Ты (фр.).

<sup>6</sup> Убивать (фр.).



не могут: если бы любили, там бы не жили. Так что я чувствую это на себе, как долг.

— Голубчик, мне ужасно хочется вам задать один нескромный вопрос... Как вы работаете? Ну, материал, труд и так далее. Но внутри самой работы?

М. И. опять — без улыбки — улыбается.

— На всякий нескромный вопрос можно ответить скромно... Лучше всего, посмотрели бы черновики. Много вариантов — из них выбираю — на слух. Я не лингвист, мне некогда было изучать; полагаюсь на врожденное чувство языка... Но если мне на две тысячи строк (как в «Федре»\*) не хватает одного слова — считаю, что вещь не закончена, как бы меня ни уверяли, что больше тут ничего не нужно. Хочу, чтобы вещь стояла, и пишу до тех пор, пока до конца, по чести не скажу себе, что сделала все, что могла... Остальное — развлечение. А развлечения — ненавижу.

— А я люблю развлечения, — вставляет Мур, начинающий ерзать.

— У нас с тобою разные страсти.

— У меня нет страстей, мама, — отвечает он, явно принимая «страсти» за какую-то вещь, которой у него нет.

— Я действительно не выношу развлечений, — говорит М. И., пряча папиросы в сумочку. — Такая на меня бешеная скука нападает. Думаю: сколько бы дома-то можно сделать — и написать, и стирать, и штопать. Не то что я такая хорошая хозяйка, а просто у меня руки рабочие. Увлечься, вовлечься — да. «Развлечься» — нет.

— Мама, — деликатно напоминает мальчик, — когда мы пойдем на улицу, я вот так заверну рукава.

Однако когда мы выходим, он так торопится, что забывает про все, и уже на улице приходится останавливаться и подтягивать закатившиеся рукава его вязаной курточки.

## Встреча с Буниным

Встреча... потому, что трудно назвать беседой краткий наш разговор в отеле «Мажестик».

Обратная сторона славы: Иван Алексеевич только что приехал в Париж, а уже его задержали. Иностранные журналисты, друзья, письма, телеграммы, предложения переводов, просьбы назначить свидание... Совестно приставать с расспросами. По невольной ассо-

циации я спрашиваю о мирном маленьком Грассе, который, конечно, всколыхнуло такое литературное событие.

— В тот день... — говорит И. А., — да что же, день был как день. Встал рано, раньше всех сварил кофе. Походил по саду, сел работать. Писал... Ну знал, конечно, что это день присуждения премии. Мельком подумал: «а может и мне?», но не больше того, не останавливался на этом. Потом днем пошел в кинематограф. И тут самое забавное. Сначала шла какая-то мелочь, а потом пьеса называется вроде «Бэби Сузи». И вдруг вижу — Киса Куприна!\* И такая хорошенькая! Вот, думаю, как Киса выросла: давно ли приехала в Париж совсем маленькой девочкой!.. И очень заинтересовался фильмом: там кулисы мюзик-холла, все приготавливается к выходу, сейчас откроется сцена...

В эту самую секунду, — я даже испугался, — прямо на меня фонарик билетерши. Пришли из дому сообщить, что из Стокгольма вызывают... Это я уж говорил «Возрождению», — отвечала жена, не сразу поняла, да и слышно плохо. После двух телефонных сообщений, не раньше, возникла полная уверенность.

Я даже обрадоваться не успел. Посыпались телефонные звонки, телеграммы. К нам на гору телеграммы приносят за особую плату.

(Тут мне делается смешно и неловко: в числе прочих и от меня пострадал И. А. в счет будущих благ).

Дело было к вечеру, устал. Приехали шведы из Ниццы. Потом вышел пройтись. (Обычная вечерняя прогулка, знакомая всем, кто жывал на Бельведере). Вдруг попадаются какие-то темные фигуры.

— Мосье Бунин?

— Я.

Оказывается, журналисты из местных газет: «Эклерер де Нис» и «Пти Марсайэ». Спрашивают: нельзя ли побеседовать? Да ведь не на улице же? Завели меня в маленькую местную редакцию, там и разговаривали. А по дороге подходит еще человек:

— Я местный комиссар... Это не для того, чтобы вас арестовать!..

Пока разговаривали, тут же наставили аппарат, подожгли магний — вспыхнуло. Поместили фотографию! Воротник у меня был поднят, такой вышел убийца: лицо большое, глаза вспучены, точно узнал о приговоре к смертной казни.

В Грассе ведь я уже много лет живу, почти безвыездно, все знают. Такой пошел местный патриотизм... Не из-за меня, конечно, а ради своего города.

(Тут надо заметить, что гордится не только Грасс: дирекция «Мажестика» тоже выразила благодарность Бунину за то, что он остановился именно здесь).

Ну, а потом пошло! Затормошили. Со всех сторон звонки. — Кто говорит? — Будапешт! — Все это еле слышно, ухо знаете как надо напрягать...

И. А. оттягивает ухо, щурит один глаз, показывает всем лицом напряжение. Лицо у него выразительное, как и голос: это знают и те из нашей публики, кто бывали на вечерах Бунина, кто слушал его поистине мастерское чтение.

— Во вторник выехал из Грасса. Ехал один в купе, задернули мне штору, я лежал, вагон качало, колеса гудели...

Сказано это не в виде намека, но, действительно, пора вспомнить, что человек с дороги, устал, не прилег днем, да еще и не обедал, несмотря на поздний час. И что завтра с раннего утра ему снова предстоят деловые переговоры и мелькание имен и лиц.

Я ухожу. Двое людей помогают разобраться в полученной за один день корреспонденции. Из Холливуда приходит телеграмма: хотят снимать «Господин из Сан-Франциско».

Как жаль, что я не успела спросить о Жозефе, который стряпал у Бунина в Грассе и так был недоволен в прошлом году выбором жюри:

— У людей нет вкуса... Что мог написать англичанин? И на что англичанину деньги?

Может быть, и Жозеф не спит этой ночью, думая о славе Ивана Алексеевича\* и о приеме, который уже оказан ему в Париже и ждет его в Стокгольме.

### **И. А. Бунин в «Возрождении»**

Еле приехавшего в Париж И. А. Бунина рвут на части, но вчера он, по собственному его выражению, «вырвался повидать друзей» и зашел в «Возрождение». Многих сотрудников не оказалось на месте, пришлось за ними спешно посылать. В редакции А. И. Куприн правил корректуру. Была его супруга. Куприна-то первого и встретил Бунин. Обнялись.

— Милый, — взволнованно сказал И. А. — Я не виноват. Прости. Счастье... Почему я, а не ты? Я уже и иностранцам говорил — есть достойнейший.

— Я за тебя рад, — говорил Куприн. — Помнишь, как мы с тобой встретились, как познакомились?\*

— Ну еще бы! На море. Оба вылезли из воды, по волосам капли стекают. «Вы — Куприн?» — «А вы — Бунин?» — А тут море зеленое и все прочее.

Несколько минут два писателя стояли волнуясь, не находя слов.

— Побелел! — сказал Иван Алексеевич. — И ты беленький стал, и я.

Оторвавшись от начатых статей, пришли из дальних комнат редакции остальные сотрудники. Подъехал Б. К. Зайцев с супругой, В. Ф. Ходасевич, Н. А. Тэффи, к сожалению, не могла приехать и только по телефону сказала, что «присоединяется всем сердцем». В который раз повторил И. А. о знаменитом дне присуждения премии. Невольно зашла речь и о советских писателях.

— А помнишь?.. А помните?.. — И снова разговор о долгой литературной жизни. Один из сотрудников «Возрождения», тогда еще молодой журналист, первый поздравлял Бунина с присуждением Пушкинской премии.\*

— Да, да, тогда все было иное. Иначе воспринималось. Когда меня избрали академиком, помню, ехал ночь, в поезде не сомкнул глаз, пил, и холодная дрожь... А теперь — спокоен.

А. И. Куприн прерывает.

— А как мы на Иматру ездили?\*

— Да. Помнишь закуски на станции Антреа, — воодушевляется И. А. Бунин. — Мы еще втроем путешествовали, ты, я да Федоров.\* Ночью он все свет зажигал. А то, говорит, образы его осаждают. А я спать при свете не могу.

Кто-то спросил о том, как встречали Бунина в редакциях в молодые его годы. Он засмеялся, вскочил, изобразил в лицах.

— Пришел я в «Русскую мысль». Жду. Вылетел на меня какой-то человек, вихрастый, в очках, рука поднята и в ней занесено перо, точно копье. Прямо на меня. «Наверное стихи принесли? У нас стихов на девять лет вперед запас». «Покорнейше благодарю». Сказал — и вон. Не бывать мне, думаю, в «Русской мысли»! На девять лет. И почему именно на девять?

Вполне понятно, что и приветственные речи, произнесенные за стаканом вина, носили тоже характер простоты и сердечности.

Ю. Ф. Семенов ограничился кратким сердечным приветствием.\*

А. О. Гукасов,\* благодаря дорогого гостя за посещение, сказал, что поздравляет не только русского писателя, но и самого И. А., приветствует его личные достижения. Радуетя как читатель. Тем более что успех Бунина заставляет сейчас весь мир обратить взор к

русской литературе. А наша литература — одна из тех основ жизни, без которых нельзя существовать и благодаря которой мы уже преодолели многие политические невзгоды и надеемся победить.

И. А. Бунин ответил на это анекдотом:

— Это правильно. Идет старик по селу и приговаривает: «Кума Вавилу пережил, дядю Власа пережил, тетку Хавронью... так ее... тоже переживу». Так и мы.

— Позвольте и мне коротенькое слово, — попросил А. И. Куприн. — Конечно, у всех праздник. А мне не то дорого, что праздник, а то дорого, что мой Вася именинник.

Кстати, прозвища «Васи» и «Сережи» — давняя взаимная кличка двух писателей.

Чрезвычайно тепло и дружественно встретился «именинник» с В. Ф. Ходасевичем. Благодарил за мудрую статью\* и заметил:

— Вы правы, что писательство — труд. Я этого несколько не отрицаю. И вся моя жизнь — это труд, труд усердный и каторжный.

Когда кто-то попробовал заикнуться о большой мировой славе Бунина, тот возразил с присущим ему юмором:

— Ну, славы еще мало, а вот пошлость пошла, пошлости — хоть отбавляй.

После шума, пожимания рук тем, кто пришел позже, перекрестных разговоров — потому что, по слову Тэффи, русские никогда не разговаривают со своими соседями, а всегда по диагонали — И. А. поднялся в кабинет издателя.

Там он просидел с полчаса в общении А. О. Гукасова, Ю. Ф. Семенова, М. В. Бернацкого,\* А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, В. Ф. Ходасевича, П. П. Муратова, А. А. Плещеева,\* И. С. Лукаша и других сотрудников.

Внизу И. А. долго и беспомощно искал на вешалке пальто — свое, пока еще — «не нобелевское». По пути говорил:

— Велят из Стокгольма не забыть фрака. Как это «не забыть»? Откуда его взять, фрак? Приехал, портной снял с меня мерку, как с покойника. Неловко как-то... Грудь белая, хвосты. Но нельзя иначе, король будет принимать.

— А кто же вас представит?

— Меня, как прожившего тринадцать лет во Франции, возьмет под свое покровительство французский посол.

И. А. уходит. Вряд ли удастся ему отдохнуть. Его сейчас подхватят французские журналисты. А вечером, как вчера, он, вероятно, ища покоя, станет воевать с многочисленными лампами.

— Хочу погасить свет, — рассказывает он, — хожу из комнаты в комнату, ткну в одну кнопку — горит, в другую — опять горит. Еще одна лампа. Да когда же они потухнут? Вот тебе и гордый человек, простой лампе и то не хозяин.

## Комментарии

Тексты публикуются по первоисточнику — парижской газете «Возрождение». Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами. Слова, выделенные разрядкой или полужирным начертанием, выделяются курсивом.

### В гостях у А. И. Куприна

Возрождение. 1930. 16 дек., № 2023. С. 4.

Стр. 103. ...*Сапсан, Изумруд, Белый Пудель, Ю-Ю...* — Персонажи-животные одноименных рассказов А. Куприна.

*Да, пожалуй, Долохов.* — Офицер Федор Долохов — персонаж романа Л. Толстого «Война и мир», игрок и бретер.

*Дядя Ерошка* — персонаж повести Л. Толстого «Казачи».

«*Разве легко человеческую душу загубить!*»!.. — Неточное воспроизведение реплики Ерошки: «Душу загубить мудрено, ох, мудрено!»

...«*оберж*» *всякие...* — Гостиница (фр. auberge).

Стр. 104. *Бывало за границей, в Италии <...> Был я с Жакоминкой...* — Пребывание на курорте Сальцо-Маджорэ (Северная Италия) описано А. Куприным в рассказе «Соловей» (1929): «В пансионе „Сперанца“ нас жило трое русских. Один из них, с которым я приехал из Петербурга, был синьор Джакомо Чирени, он же клоун Жакомино, артист, который так завидно был любим петербургской детворой, что в игрушечных магазинах называли рождественских плюшевых обезьянок не иначе как Жакоминками» (Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1973. Т. 7. С. 525).

Стр. 105. *Гоголь сказал, что все русские — насмешники и не любят чувствительности.* — Ср., например: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительней, часто там, где видимо страдает душа и не расположена вовсе к веселости» (Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <В 14 т.> / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). <М.; Л.>: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 8. Статьи. — 1952. С. 369).

Возрождение. 1930. 30 дек., № 2037. С. 4.

В публикуемом тексте исправлены опечатки, имевшиеся в газетной публикации: геншпенст (правильно: гешпенст), название романа «Кухня» (правильно: «Кукха»), название журнала «Чикагская Москва» (правильно: чикагская «Москва»).

Стр. 105. *Ехать к Ремизову долго. Живет он за лесом.* — С августа 1930 г. до июля 1933 Ремизовы жили в пригороде Парижа Boulogne-sur-Seine, находящемся за Булонским лесом, по адресу: 3 bis, av. Jean-Baptiste Clement.

Стр. 106. *Всю жизнь ходил «по карнизам»...* — Автобиографическая повесть А. Ремизова «По карнизам» вышла в Белграде в 1929 г.

...чурку «esprit» ⟨...⟩ духи «еспри», «гешпенсты» охраняли его ⟨...⟩ гном «фейерменхен»... — Фигурки мифологических существ, неоднократно описанные А. Ремизовым в своих произведениях.

*Рукопись — «Парижские легенды».* — Эта работа позднее трансформировалась в книгу «Учитель музыки», где предстает панорама жизни русского Парижа 1920—1930-х гг. (отдельные главы публиковались в периодике, впервые целиком издана в Париже в 1983 г.).

...вспомнились иные легенды — «Три серпа». — Сборник «Три серпа» (в двух томах) вышел в Париже в 1927 г.

*После России, после «взвихренной Руси»...* — Образы этой Руси запечатлены Ремизовым в одноименной книге «Взвихренная Русь» (вышла в Париже в 1927 г.).

Стр. 107. *Слоном, Марк Львович, причислил меня к символистам — а я не хочу, я заспорил...* — Возможно, Ремизов имеет в виду выступление М. Слонима на заседании литературного объединения «Кочевье» 27 февраля 1930 г., посвященного творчеству А. Ремизова. Среди других выступавших Б. Сосинский, Г. Газданов, Ф. Грешищев, И. Голенищев-Кутузов, И. Козлок, Н. Оцуп, М. Цветаева.

...«моя работа перебирать слова... и нанизывать слова-раковинки, строчить, преодолевая матерьял». — Цитата из книги «По карнизам» (ср.: «...работа моя: перебирать слова, как камушки, и нанизывать слова-раковинки — строчить, „преодолевая материал“, со всем ощущением острым упора от бумаги, пера и чернил!») (Ремизов А. По карнизам. Белград, 1929. С. 15).

*Я когда-то Леонида Семенова встретил...* — Семенов Леонид Дмитриевич (1880—1917) — прозаик и поэт, близкий символизму, толстовец.

Стр. 108. *Ну, а опора всему, и без чего жить нельзя — это Николай Чудотворец.* — В период интервью А. Ремизов работал над книгой «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (вышла в Париже в 1931 г.).

*А через все просвечивает и объясняет — «Звезда надзвездная».* — Книга «Звезда надзвездная. Stella Maria Maris» вышла в Париже в 1928 г.

«Оля» — повесть; вышла в Париже в 1927 г.

«Посолонь» — книга «Посолонь. Волшебная Россия» вышла в Париже в 1930 г.

«Звезды» — скорее всего, имеется в виду не рассказ А. Ремизова «Звезды» (1912), а книга «Звезда надзвездная» (1928).

...составляет для чикагской «Москвы» литературную хронику... — Имеется в виду ежемесячный литературный и научно-популярный журнал «Москва», выходивший в Чикаго в 1929—1931 гг. Заметки А. Ремизова под псевдонимом «Семен Судак» опубликованы в 11 и 12 номерах журнала за 1931 г.

...еще в «Кукхе» подметил связь имен... — Книга «Кукха. Розановы письма» вышла в Берлине в 1923 г.

### В гостях у М. А. Алданова

Возрождение. 1931. 8 янв., № 2046. С. 4.

Стр. 108. *Кафе «Режанс» — историческое.* — Кафе де ля Режанс (Café de la Régence) — в XVIII и XIX вв. было известно как центр игры в шахматы. Многие годы в кафе находился мраморный шахматный стол, за которым в 1798 г. играл Наполеон.

Стр. 109. *«Девятое Термидора» — первая часть исторической тетралогии М. Алданова «Мыслитель» из истории Французской революции и наполеоновских войн, вышла в 1923 г.*

«Ключ», «Заговор»... — «Ключ» (1929) — первая часть трилогии М. Алданова из истории периода Первой мировой войны и русской революции и эмиграции. «Заговор» (1927) — третья часть исторической тетралогии «Мыслитель».

«Гран-Гиньоль» (Grand Guignol) — парижский театр ужасов. Его имя стало нарицательным обозначением вульгарного, пошлого зрелища.

Стр. 110. *Мельгунов рассказал, какой радостью было в первые дни у нас встречено назначение министром Протопопова...* — Мельгунов Сергей Петрович (1879—1956) — историк, политический деятель, публицист. Наряду с П. Н. Милюковым автор первого в эмиграции научного анализа истории Февральской, Октябрьской революций и Гражданской войны. Протопопов Александр Дмитриевич (1866—1918) — российский политик, крупный помещик и промышленник, утвержден министром внутренних дел Российской империи в 1916 г. По мнению некоторых современников, именно бездействию Протопопова стало основной причиной победы Февральской революции в Петрограде.

...радость по случаю восстания Вольнского полка... — 27 февраля 1917 г. находившаяся в Петрограде полковая учебная команда лейб-гвардии Вольнского полка, убив своего командира штабс-капитана Лашкевича, перешла на сторону революции.

За «Бегство» меня ругают... — «Бегство» (1932) — вторая часть исторической трилогии М. Алданова.



*Покойный Биркенхед говорил...* — Биркенхед Фредерик Эдвин Смит (1872—1930) — английский политический деятель, лорд, адвокат по профессии, лорд-канцлер Англии (1919—1922), министр по делам Индии (1924—1928), подавлял национально-освободительное движение индийского народа. После выхода в отставку в 1928 г. был директором Имперского химического треста.

*...вдруг Демьян Бедный с Литвиновым завоюют весь мир...* — Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883—1945) — поэт, публицист и общественный деятель; Литвинов Максим Максимович (настоящее имя — Меер-Генох Моисеевич Валах; 1876—1951) — советский дипломат и государственный деятель, в 1930—1939 гг. — нарком по иностранным делам СССР.

*...Пуанкаре как раз перед болезнью занялся основательным изучением пятилетки...* — Пуанкаре Раймон (1860—1934) — французский политический и государственный деятель. До 1929 г. — премьер-министр. После отставки по болезни отошел от политической деятельности.

### В гостях у Б. К. Зайцева

Возрождение. 1931. 13 янв., № 2051. С. 4.

Стр. 111. *Из окна его виден чужой сад, два дерева.* — Облик дома, в котором Б. Зайцев поселился в мае 1926 г., воссоздан им в романе «Дом Пасси» (1935).

Стр. 113. *Собственно, мне жизнь Тургенева так и явилась, так и писалась, как история любви.* — В это время Б. Зайцев работал над книгой «Жизнь Тургенева» (вышла в 1932 г.).

*Преподобный Сергей...* — Беллетризованное житие «Преподобный Сергей Радонежский» Б. Зайцева вышло в 1925 г.

*Меня уже тянет к беллетристике, к роману <...> из парижской жизни...* — Имеется в виду роман «Дом в Пасси».

Стр. 114. *И такая русская белокурая головка заглядывает в дверь.* — Имеется в виду дочь Зайцевых Наташа (в замужестве Зайцева-Соллогуб, 1912—2008).

### В гостях у Ходасевича

Возрождение. 1931. 22 янв., № 2060. С. 4.

Републиковано в работе: Янгиров Рашид. «Живые черты Ходасевича»: из откликов современников // Солнечное сплетение. <Лит. журн.>. 2003. № 5/6 (24/25).

Стр. 116. *...милее других мне группа «Перекрестка».* — Литературное объединение (содружество) молодых поэтов и писателей, близких к

Ходасевичу; основано в 1928 г.; членами «Перекрестка» были, в частности, Ю. Мандельштам, Г. Раевский, И. Голенищев-Кутузов, В. Вейдле.

Вы замечали на карте метро такую соединительную линию — *Navette*. Где-то она, кажется, около *Pré-St-Gervais*... — «Челночный путь» («*voie navette*») соединял 3 bis и 7 bis линии парижского метро между станциями Порт де Лиля и Пре Сен-Жерве. Поезда ходили по нему с 1921 по 1939 г.

Три эмиграции образовали три новых и великих литературы: Данте; вся классическая польская литература — Мицкевич, Словацкий и Красинский; у французов — Шатобриан и Сталь. — В. Ходасевич называет польских и французских литераторов эпохи романтизма: Адам Мицкевич (1798—1855), после 1829 г. жил за границами Российской империи; Юлиуш Словацкий (1809—1849) после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. жил в эмиграции в Париже, где и издал свои первые стихотворные произведения; Красинский Наполеон Станислав Адам Феликс Зигмунд (1812—1859) с 1829 г. жил за границей; Франсуа Рене де Шатобриан (1768—1848) восемь лет провел в эмиграции в Англии, затем много путешествовал; Анна-Луиза Жермена де Сталь (баронесса де Сталь-Гольштейн, 1766—1817) несколько раз вынуждена была покидать Францию.

### В гостях у Шмелева

Возрождение. 1931. 1 февр., № 2070. С. 4.

Стр. 117. *За те долгие месяцы, что я не бывала в предместье...* — В 1927 г. Шмелевы поселились в Севре, юго-западном предместье Парижа, где жили до 1933 г.

Стр. 118. *...дом на «Соловьёвой» улице...* — *Rue des Rossignols*. Шмелевы «сняли в верхней части Севра двухэтажный домик из пористого песчаника с подвалом, расположенный на Соловьёвой улице (дом № 9), которая шла вдоль железнодорожной насыпи. (...) Дом располагался посередине громадного сада (...). Места здесь были тихие: на идущий по насыпи поезд не обращали внимания» (*Жантйом Ив*. Мой дядя Ваня. Шмелев в повседневной жизни // *Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания*. М., 2009. С. 356).

Стр. 119. *Томасу Манну, — говорит И. С., — предложили писать о Гете.* — В 1939 г. вышел роман Т. Манна «Лотта в Веймаре», описывающий взаимоотношения постаревшего Гете и его юношеской любви Шарлотты Кестнер, ставшей прототипом героини «Страданий юного Вертера».

*...изданная Имкой книжечка: «Откровенный рассказ странника духовному своему отцу»...* — В 1930 г. в Париже издательство YMCA-Press выпустило книгу «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» с предисловием Б. П. Вышеславцева. Впервые книга опубликована в 1881 г. в Казани. Как и во всех последующих изданиях,

ния автора отсутствовало. Впоследствии неоднократно переиздавалась в России и за границей. Как недавно установлено, автором первой редакции был иеромонах Арсений (в миру Валентин Троепольский; 1804—1870): «Епископ Феофан Затворник использовал составленные о. Арсением „рассказы странника“ при подготовке издания „Откровенных рассказов странника духовному своему отцу“ (Казань, 1883, 1884). Он подверг текст редакции, прежде всего добавил в повествование фигуру духовного отца, стремясь {...} „воцерковить“ странника» (Запальский Г. М. Иеромонах Арсений (Троепольский): «Очерк странствования моего по бурному морю житейскому» // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2. С. 111—112).

Стр. 120. *Вот пишу «Лето Господне благоприятно». Праздники, и как они в быту отражались...* — Книга «Лето Господне: Праздники» с эпиграфом из А. С. Пушкина «Два чувства дивно близки нам...» вышла в 1933 г. Название восходит к Евангелию от Луки и — опосредованно — к книге пророка Исайи: «Ему подали книгу пророка Исаии, и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: „Дух Господень на Мне, ибо он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать Лето Господне благоприятное“» (Лк. 4: 17—19).

«Ивиковы журавли» — баллада Шиллера (1797), переведенная на русский язык В. А. Жуковским. Баллада пересказывает легендарный сюжет о том, как убийцу поэта Ивика видели журавли и позже указали на него перед собранием греков.

### В гостях у Н. А. Тэффи

Возрождение. 1931. 12 февр., № 2081. С. 4.

Стр. 120. *О театре...* — Н. Тэффи была одним из популярных в начале XX в. драматургов, входила в Союз драматических и музыкальных писателей. Одноактные пьесы Тэффи создавала и в эмигрантский период («Дамский бридж» и др.). Большинство дореволюционных миниатюр вошло в ее сборник «Пьесы» (Париж, 1934). Драматические произведения Тэффи составили значительную часть репертуара открывшегося в 1936 г. в Париже Русского театра.

«Вье Коломбье» — «Vieux Colombier» («Театр старой голубятни»), основан в Париже в 1913 г. актером и режиссером Ж. Копо.

«Ателье» — «Мастерская», французский театр в Париже. Открылся в 1822 г. под названием «Театр Монмартра». В 1922 г., с приходом в театр труппы режиссера Шарля Дюллена, получил название «Ателье».

Стр. 121. *А здесь Антуан придет...* — Имеется в виду известный французский режиссер театра и кино, кинокритик, историк театра Андре Антуан (1858—1943).

Бернштейн — Бернштейн Анри (1872—1922), популярный французский драматург, автор многочисленных пьес.

Михаил Чехов хочет восстановить со своей студией классический репертуар... — Актер и режиссер Михаил Александрович Чехов (1891—1955), племянник А. П. Чехова. В 1930-е гг. ставил в Париже пьесы В. Шекспира, Ю. Бергера, А. Стриндберга и др.

Даже и Бенуа грешил. — Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир Искусства».

Стр. 122. ...«Шарманка сатаны» — шла у Незлобина отлично. А в Императорском та же пьеса — ужас. — Драма Тэффи «Шарманка сатаны» в 1915 г. принята к постановке московским Малым Императорским театром; в 1916 г. поставлена в петербургском театре К. Н. Незлобина.

...мейерхольдовского «Ревизора» смотрела с большим интересом. — «Ревизор» — одна из самых известных постановок Вс. Э. Мейерхольда. Осуществлена в 1926 г. в ГосТИМе (Театре им. Вс. Мейерхольда).

...и «Египетские ночи» тоже дописывали... — В 1916 г. В. Я. Брюсов издал стилизованное продолжение поэмы Пушкина «Египетские ночи», вызвавшее крайне неоднозначную реакцию критики.

### В гостях у М. И. Цветаевой

Возрождение. 1931. 7 марта, № 2104. С. 4.

Републиковано в кн.: Воспоминания о Марине Цветаевой: [Сб.] / Сост. Л. А. Мнухин, Л. М. Турчинский. М., 1992; Марина Цветаева в воспоминаниях современников. [Т. 2]: Годы эмиграции / Сост., подгот. текста, вступ. статья, примеч. Л. Мнухина, Л. Турчинского. М., 2002; Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Мгновений след / Изд. подгот. Л. А. Мнухин; предисл. Е. Толкачевой. М., 2006.

Живя во Франции, Марина Цветаева вынуждена была часто менять местожительство: осень и зиму 1925 г. жила на окраине Парижа, с осени до весны 1932 г. — в Медоне (время интервью с Н. Городецкой), с 1932 по 1934 г. — в Кламаре, в 1934—1938 гг. — в Ванве, и только в 1938—1939 гг. она жила в центре Парижа.

Стр. 123. ...один из парижских вокзалов... — Возможно, имеется в виду вокзал Монпарнас, откуда ходили поезда до Медона.

В ее руку вцепился сын. — Эфрон Георгий Сергеевич (1925—1944), сын Марины Цветаевой и С. Я. Эфрона, домашнее имя Мур.

С «Перекопом» у меня сложная история. Закончила, — но и не закончила. — Поэма написана в 1928—1929 гг. При жизни Цветаевой не публиковалась. Впервые опубликована в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк. 1967. № 5).

Стр. 124. Знаете «Молодца»? — «Молодец» — поэма-сказка Цветаевой, написанная по мотивам народной сказки «Упырь». Работа над ней была начата в Москве, а закончена в Праге в 1922 г., опубл. в 1924 г.

...вокруг того же стержня заново написала... — Французская версия поэмы «Молодец» под названием «Le Gars» создавалась в

1929—1930 гг., при жизни Цветаевой не публиковалась. Опубликовано: *Tsvetaeva Marina. Le Gars / Preface de Efim Etkind. Paris, 1992; Цветаева М. Молодец. Иллюстрации Натальи Гончаровой / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. А. Ивановой. Статьи в прил. и пер. предисл. М. Цветаевой с фр. Е. Г. Эткинда. М., 2005.*

*Наталья Гончарова, зная вещь по-русски, сделала иллюстрации...* — Гончарова Наталья Сергеевна (1881—1962) — художница-авангардистка, с 1915 г. жила во Франции.

*О царской семье.* — «Поэма о Царской семье» создавалась Цветаевой в 1929—1936 гг. Текст не сохранился, черновые варианты двух фрагментов см.: *Цветаева М. Стихотворения и поэмы. М., 1990.* Как свидетельствует Марк Слоним, ссылаясь в своих воспоминаниях на пояснения самой Цветаевой, «мысль о поэме зародилась у нее давно, как ответ на стихотворение Маяковского „Император“. Ей в нем слышалось оправдание страшной расправы, как некоего приговора истории. Она настаивала на том, что уже неоднократно высказывала: поэт должен быть на стороне жертв, а не палачей, и если история жестока и несправедлива, он обязан пойти против нее» (Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 345).

Стр. 125. «Федра» — поэтическая драма Цветаевой (1927).

### Встреча с Буниным

Возрождение. 1933. 16 нояб., № 3089. С. 1.

Интервью Бунина эмигрантским газетам были также опубликованы, в частности, в изданиях: «Сегодня», 1933, 10 нояб.; «Время» (Белград), 1933, 27 нояб.; «Новое русское слово», 1933, 28 нояб. Обзоры откликов в иностранной печати см.: «Последние новости», 1933, 11 и 12 ноября. О первой реакции И. Бунина на известие о вручении премии и сопутствовавших событиях см. также: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 482—484; Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995. С. 280—287.*

Стр. 126. *И вдруг вижу — Киса Куприна!* — Куприна Ксения Александровна (Kissa Kourpîne, 1908—1982) — актриса, дочь А. И. Куприна от второго брака. Эмигрировала вместе с родителями, с 1919 по 1956 г. жила во Франции, работала манекенщицей в доме моделей Поля Пуаре, ездила с театром моды по Европе. Снималась в фильмах кинорежиссера М. Лертье, а также в Голливуде. Вернулась в Россию в 1958 г., работала в Москве, в театре им. Пушкина. Автор книги «Куприн — мой отец» (М., 1971). Основательница Дома-музея Куприна у него на родине в г. Наровчат Пензенской обл.

Стр. 127. *...и так был недоволен в прошлом году выбором жюри <...> Что мог написать англичанин?* — Нобелевским лауреатом по литературе в 1932 г. стал английский писатель Джон Голсуорси (1867—1933).

Может быть, и Жозеф не спит этой ночью, думая о славе Ивана Алексеевича... — Жозеф — повар Буниных. По воспоминаниям В. Буниной, в день известия о премии он произнес поздравительную речь за обедом.

### И. А. Бунин в «Возрождении»

Возрождение. 1933. 17 нояб., № 3090. С. 1.

Стр. 127. *Помнишь, как мы с тобой встретились, как познакомились?* — Бунин познакомился с А. Куприным в 1897 г. в Одессе, дружба продолжалась без малого четыре десятилетия.

Стр. 128. *...первый поздравлял Бунина с присуждением Пушкинской премии...* — Сборник стихов Бунина «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло были отмечены Пушкинской премией Российской Академии наук, присужденной Бунину 19 октября 1903 г.

*А как мы на Иматру ездили?* — Поездка состоялась около 1903 г. В очерке «Немножко Финляндии» (1908) А. Куприн вспоминал: «Помню, лет пять тому назад мне пришлось с писателями Буниным и Федоровым приехать на один день на Иматру. Назад мы возвращались поздно ночью. Около одиннадцати часов поезд остановился на станции Антреа, и мы вышли закусить. Длинный стол был уставлен горячими кушаньями и холодными закусками» (Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1972. Т. 5. С. 65).

Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) — писатель. Был знаком с И. А. Буниным и А. И. Куприным, часто наезжавшими в Одессу. Особенно близко Федоров сошелся с Буниным. Бунин подолгу гостил на даче Федорова в Люстдорфе под Одессой. Во многих своих стихотворениях Федоров ориентировался на Бунина.

Ю. Ф. Семенов ограничился кратким сердечным приветствием. — Юлий Федорович Семенов — политический деятель, кадет, ученый-физик, мемуарист. В 1927—1940 гг. главный редактор газеты «Возрождение».

Лукасов Абрам Осипович (Лукасянц; 1872—1969) — нефтепромышленник, геолог, меценат, издатель и общественный деятель. Основатель и издатель газеты «Возрождение» (1925—1940) и литературно-политического журнала «Возрождение» (1949—1974).

Стр. 129. *...встретился {...} с В. Ф. Ходасевичем. Благодарил за мудрую статью...* — Статья В. Ходасевича «О Буине» появилась накануне в газете «Возрождение» (1933, 16 ноября). За неделю перед тем Ходасевич также писал о Буине в обзоре 53-й книги «Современных записок» («Возрождение», 1933, 9 ноября).

Бернацкий Михаил Владимирович (1876—1943) — российский ученый-экономист. Министр финансов Временного правительства (1917).

Плещеев Александр Алексеевич (1858—1944) — писатель, театральный критик, историк балета.

Е. М. А К С Е Н Е Н К О

## ДОЛГ ПАМЯТИ

(Д. Е. Максимов как исследователь жизни  
и творчества Е. П. Иванова)

«Люди и сейчас меня интересуют  
больше всего остального...»

*Из письма Д. Е. Максимова Г. А. Шабельской  
от 27 марта 1982 г.*

13 марта 2012 года минуло 25 лет со дня кончины Дмитрия Евгеньевича Максимова — выдающегося исследователя, еще при жизни названного «создателем советского блоковедения»,<sup>1</sup> — «замечательного учителя многих поколений филологов, неординарного человека XX столетия».<sup>2</sup> Статьи и воспоминания современников о Дмитрии Евгеньевиче, вошедшие в Методия — самую объемную часть сборника, посвященного его столетнему юбилею, явились необходимым и востребованным этапом на пути осмысления масштаба и своеобразия личности ученого и его научного наследия.

---

<sup>1</sup> Лотман Ю. М. Поэзия науки: (К 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова) // Блоковский сборник. VII: А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века / Отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1986. С. 4 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 735); См. также: Ильюнина Л. А. «Создатель русской науки о символизме»: (Материалы из арх. Д. Е. Максимова) // Проблемы: историко-филологического изучения истории русской и советской литературы: Сб. науч. тр. / Науч. ред. В. Н. Сажин; ред. Н. А. Ефимова. Л., 1989. С. 145—147.

<sup>2</sup> Иезуитова Л. А. От составителя // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько; подгот. текста М. А. Орловой. М., 2007. С. 3; далее сокращенно: Д. Е. Максимов. К 100-летию.

По точному замечанию одной из учениц Максимова, ученый помимо трудов, ставших классическими, оставил нам в наследство «не только сумму нереализованных научных идей, но и особое отношение к литературоведению как к духовной науке, живущей по законам активно бодрствующей совести».<sup>3</sup> Каждый, кто прикасается к творчеству Дмитрия Евгеньевича — ученого и мемуариста, — неизменно ощущает главную особенность утверждаемого им «духовного» литературоведения — помимо интеллектуального участия это литературоведение требует «участия души».<sup>4</sup> Основанием же его служит глубоко личное отношение к объекту исследования. «Я знаю, что Вы человек с горячей душой, и верую, что она вошла в Вашу книгу...», — писал Максимов 20 мая 1972 года своей ученице Л. А. Розановой.<sup>5</sup> С ней же он делится, уверенный в понимании, своим переживанием о недостаточно «душевном» отношении к редкому изданию: «Роясь в своей беспорядочной библиотеке, я достал книгу, о которой часто вспоминал и которая при каждом соприкосновении с нею глубоко меня волнует — „Последние песни“ Некрасова в первом издании — 1877 г. Книга, ее обложка сохранились такими, какими вышли из печати, в неповторимом колорите и обаянии своей эпохи. Мне не захотелось включать ее в число книг (всех моих), которые я завещаю библиотеке ЛГУ. Там ее не оценят — нет людей, для которых она могла бы стать душевным явлением...»<sup>6</sup>

Очевидно, что для ученого литературоведения, несущее «высокие гуманитарные ценности духа — истину, совесть, красоту, добро — в понимании объектов, в их видении»,<sup>7</sup> включало в ряд вечных ценностей и нравственную категорию долга памяти. «Недавно был на Волковом кладбище на могиле отца и брата. И смотрел подолгу на могилы русских интеллигентов-демократов. Единственное, совсем особое место в Петербурге, в России и в мире... Вспомнил о своих

---

<sup>3</sup> Магомедова Д. М. «На страже духа и культуры...». (Д. Е. Максимов — исследователь русской литературы XX в.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 2. С. 191.

<sup>4</sup> Кривулин В. Б. Выступление на вечере, посвященном 90-летию Д. Е. Максимова // Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 156.

<sup>5</sup> Н. А. Некрасов в движении времени (из переписки Д. Е. Максимова и Л. А. Розановой) / Публ. и примеч. Л. А. Розановой (Иваново) // Карабиха: Ист.-лит. сб. Ярославль, 2009. Вып. VI. С. 235.

<sup>6</sup> Там же. С. 237.

<sup>7</sup> Максимов Д. Е. О себе: Автобиограф. заметка // Факт, домысел, вымысел в литературе. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1987. С. 173.



корнях».<sup>8</sup> Максимова душевно ранило, что ученые заседания в Пушкинском Доме и Ленинградском университете, посвященные празднованию памяти брата, В. Е. Евгеньева-Максимова, оставившего заметный след в российской науке и культуре своей научной, педагогической и общественной деятельностью,<sup>9</sup> организованы, как ему казалось, формально: «Со мной не посоветовались ⟨...⟩, — писал он 29 ноября 1983 года. — Да и литер⟨атурных⟩ поминок почти не будет. Лит⟨ературная⟩ газета артачится. Слабая память у людей. Помрешь — на другой день забудут».<sup>10</sup>

Тема памяти была значима для Максимова, об этом он говорил, например, в письме к Т. Г. Мальчуковой от 27 ноября 1985 года: «Дорогая Татьяна Георгиевна. Большое Вам спасибо за хорошую память о нашем Блоковском семинаре и обо мне ⟨...⟩. Тема Вашей книги меня очень интересует,<sup>11</sup> как и тема памяти (в книге о Блоке я о ней писал)».<sup>12</sup> Дмитрий Евгеньевич имел в виду ставшую основополагающей в блоковедении и шире — в науке о литературе — большую статью об идее пути в творчестве Блока,<sup>13</sup> в которой этому вопросу он отвел на первый взгляд немного места. Однако сделанный автором емкий и глубокий анализ «привычной Блоку антиномии: память—забвение» дает ясное представление о первостепенной важности этой категории не только для поэта, но и для самого уче-

---

<sup>8</sup> Н. А. Некрасов в движении времени. С. 238.

<sup>9</sup> Владислав Евгеньевич Максимов (псевд. Евгеньев-Максимов) (1883—1955) — советский литературовед. Окончил Петербургский университет. С 1920 г. преподаватель, затем профессор Ленинградского университета. Основные труды посвящены главным образом жизни и творчеству Н. А. Некрасова, а также истории русской журналистики. В 1971 г. вдова Евгеньева-Максимова Алиса Михайловна передала в Пушкинский Дом архив ученого (пост. № 47 за 1971 г.), на основе которого был учрежден его фонд (ИРЛИ. Ф. 719; 600 ед. хр.; 1886—1973).

<sup>10</sup> Н. А. Некрасов в движении времени. С. 236.

<sup>11</sup> Речь идет о книге: *Мальчукова Т. Г. Память поэзии.* (О сравнительно-типологическом изучении классической лирики): Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1985.

<sup>12</sup> Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 73.

<sup>13</sup> Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Блоковский сборник. II: Тр. Второй науч. конф., посвящ. изуч. жизни и тв-ва А. А. Блока / Отв. ред. Э. Г. Минц. Тарту, 1972. С. 25—121. Статья, значительно дополненная, в дальнейшем вошла в книгу: *Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока.* Л., 1975. (С. 6—143); То же. 2-е изд., доп. — Л., 1981. (С. 6—151).

ного. В раскрытии блоковского отношения к теме времени отчетливо видна позиция автора: «С принципом памяти связаны у Блока самые жгучие недра его поэзии, пафос единства личности, достоинство личности, ее верность ценностям, выстраданным за всю жизнь, способность сосредоточить всю громаду духовного опыта в каждой точке творческого пути <...>». <sup>14</sup> «Блоковское» понимание памяти очень близко Максиму — «это неизменное присутствие в душе знания о высоком, выходящем за пределы индивидуальности: об идеале, о мире, о людях, о долге. Человек для Блока — это Помнящий...» <sup>15</sup>

Бережное, внимательное отношение к людям, с которыми ученого сводила судьба, стало неотъемлемой частью его творческого почерка с первых шагов в науке. Еще в студенческие годы, собирая материалы к своим первым научным работам о журналах символистов, Максимов помимо занятий в архивах, как позднее сам писал об этом, «по мере возможности, встречался с оставшимися в живых и находившимися в пределах досягаемости участниками литературного движения начала века, которые могли дать и давали нужные сведения». <sup>16</sup> Деятельным помощником начинающему ученому в организации этих встреч был Р. В. Иванов-Разумник, к которому его направил старший брат — В. Е. Евгеньев-Максимов, хорошо знавший Разумника Васильевича как историка литературы и земляка-царскосёла.

В опубликованной в начале 1980-х годов заметке о спасении архива Иванова-Разумника Максимов с благодарностью вспоминал о помощи, оказанной ему в начале научного пути: «С Разумником Васильевичем мне приходилось много раз встречаться во второй половине 20-х и 30-х годов. <...> В рабочей комнате Иванова-Разумника среди книг и рукописей я провел немало интересных и полезных для меня часов. <...> Помню дружелюбные взгляды его близоруких

---

<sup>14</sup> Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 125.

<sup>15</sup> Там же. С. 126.

<sup>16</sup> Максимов Д. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовка издали // Андрей Белый: Проблемы. Воспоминания. Публикации. М.; СПб., 1988. С. 628. Ср. с признанием Д. С. Лихачева, однокашника Максимова по учебе в Ленинградском университете: «К несчастью, я не представлял себе тогда — как важно послушать поэтов и писателей, повидать их. Поэтому для меня учение в ленинградском университете было временем упущенных возможностей» (Лихачев Д. С. Воспоминания. 2-е изд., перераб. СПб., 1999. С. 153).

глаз, бодрый, заинтересованный тон его разговора с быстрыми, нередко ироническими репликами. Он помогал мне в моей работе по изучению символизма: не жалея времени, делился своими знаниями, извлеченными из кладовых его несравненной, исключительно точной памяти, давал дельные и конкретные советы, спорил со мною, похваливал и деликатно поругивал мои труды. Он познакомил меня с людьми, нужными мне по ходу моей работы и глубоко интересовавшими меня независимо от работы, — со своим близким другом Андреем Белым, с Евгением Павловичем Ивановым, с Ольгой Николаевной Черношвитовой-Чеботаревской <...> с К. Петровым-Водкиным, с бывшим секретарем Вольной философской ассоциации Д. М. Пинесом».<sup>17</sup>

В архиве Максимова сохранилось одно из рекомендательных писем этого времени. 19 декабря 1926 года Иванов-Разумник писал С. М. Соловьеву: «Дорогой Сергей Михайлович, привет и неожиданная просьба: „Податель сего письма“, Дмитрий Евгеньевич Максимов, пишет университетскую работу о символизме начала XX в.; ему необходимо получить ряд сведений от живых участников движения той эпохи. Направляю его к Вам, в надежде, что Вы не откажете в любезности — поделиться богатым запасом своих воспоминаний на пользу истории литературы».<sup>18</sup>

С весны 1927 года Максимов начинает записывать содержание своих бесед в отдельную тетрадь, первый лист которой он озаглавил: «Тетрадь Г. Начало века (о писателях уходящих и ушедших)».<sup>19</sup> Со временем круг интересующих его вопросов выходит за рамки темы

---

<sup>17</sup> Максимов Д. Е. Спасенный архив // Огонек. 1982. № 49. С. 19. Возможно, именно эти встречи с Ивановым-Разумником впоследствии явятся основанием для обвинения Максимова в причастности к деятельности «кружка» Иванова-Разумника и приговора к трем годам административной ссылки, из которой хлопотами братьев он будет освобожден через год.

<sup>18</sup> РНБ. Ф. 1136 (Арх. Д. Е. Максимова). Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1.

<sup>19</sup> В своих работах и воспоминаниях Максимов не раз упоминает, что в юности записывал свои впечатления. О том, что тетрадь, начатая в 1927 г., была не первой, свидетельствует ее обозначение буквой «Г». Вспоминая о выступлении Андрея Белого на знаменитом заседании Вольфилы, посвященном памяти Блока, Максимов ссылается на еще более раннюю запись, сделанную в 16-летнем возрасте: «Это произошло, как записано в одной из моих юношеских тетрадей, 20 мая 1921 года...» (Максимов Д. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. С. 619).

«символистских журналов», о чем свидетельствует и более поздняя надпись на обложке тетради: «Интересно! Мои „интервью“ (мои расспросы о журналах символистов и отчасти о символистах, о Блоке и пр.)». В тетради — более 30 имен интервьюированных, а последняя запись датирована 1983 годом.<sup>20</sup>

Максимов не считал себя вправе называться «знакомым» своих собеседников, поскольку не был связан с ними «традицией двустороннего общения», — будучи намного моложе, он называл себя их современником «лишь с большой оговоркой». «С некоторыми из них, — писал Максимов, — после этих встреч у меня установились прочные многолетние связи»,<sup>21</sup> о чем свидетельствуют сохранившиеся в личном архиве ученого письма к нему, например, И. М. Брюсовой (99 п., 1930—1961 гг.), К. Н. Бугаевой (65 п., 1936—1969 гг.), Н. А. Павлович (99 п., 1954—1978 гг.), П. П. Перцова (83 п., 1928—1939 гг.). О наиболее ярких встречах Максимов, как известно, впоследствии написал мемуарные очерки.<sup>22</sup>

Имя Евгения Павловича Иванова (1879—1942) — самого близкого друга А. А. Блока, публициста и детского писателя, ученый ввел в научный оборот в середине 1960-х годов. Своей обстоятельной статьей «Александр Блок и Евгений Иванов», предваряющей первую публикацию воспоминаний и записей Евгения Павловича о поэте,<sup>23</sup> Максимов положил начало изучению темы их личных и творческих взаимоотношений. Статья останется единственным увидевшим свет трудом ученого на эту тему, но интерес к личности

---

<sup>20</sup> Эту тетрадь Д. Е. Максимов завещал после смерти передать своему ученику, А. В. Лаврову, у которого она в настоящее время и хранится. Выражаю искреннюю благодарность Александру Васильевичу за любезно предоставленную возможность ознакомиться с содержанием тетради.

<sup>21</sup> Максимов Д. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. С. 628.

<sup>22</sup> См.: Библиографический указатель трудов Д. Е. Максимова и литературы о нем (1930—2005) // Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 399—411.

<sup>23</sup> Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова; подгот. текста Э. П. Гомберг; коммент. Э. П. Гомберг и А. М. Бихтера; вступ. статья Д. Е. Максимова // Блоковский сборник. <1>: Тр. науч. конф., посвящ. изуч. жизни и тв-ва А. А. Блока, май 1962 г. / Отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1964. С. 344—424. Далее ссылки на статью Д. Е. Максимова даются сокращенно: Блоковский сб. 1. Вступительная статья («Александр Блок и Евгений Иванов»). С. 344—361.

столь непохожего на других «всеобщего любимца» семьи Блоков Максимов сохранит до последних дней своей жизни.

Дмитрий Евгеньевич не оставил воспоминаний о Е. П. Иванове — сохранились лишь записи двух бесед с ним. Об одной встрече Максимова-студента с Ивановым, которая произошла в начале 1927 года, свидетельствует первая запись в упомянутой выше тетради «Мои „интервью“», начинающаяся словами: «7-го марта 1927 г. из беседы с Евг(ением) Павл(овичем) Ивановым я узнал следующие факты...» Из занесенных далее на семи страницах ответов видно, что Максимов интересовался сведениями о деятельности участников журналов «Новый путь», «Вопросы жизни», «Мир искусства» — в этих изданиях Иванов в 1903—1905 годах опубликовал несколько своих статей.<sup>24</sup>

Вторая — короткая — запись, помещенная под заголовком «Мои вопросы к Евг(ению) Павл(овичу) Иванову», относится к началу 1941 года (встреча состоялась между 28 января и 14 мая) и свидетельствует о том, что в это время Максимова все больше занимает судьба А. Блока, в изучение творчества которого он погружается с середины 1930-х годов.

Между этими двумя встречами была издана важная для характеристики личности Иванова и отношения к нему Блока книга: «Письма Александра Блока к Е. П. Иванову», подготовленная Ц. Вольпе и А. Косманом.<sup>25</sup> В кратком предисловии к публикации впервые была дана характеристика дружбы Блока и Иванова, которая, по словам автора, «питалась близостью ⟨их⟩ идейных исканий». Ценность этих отношений для поэта Ц. Вольпе видел прежде всего в той значимой роли, которую сыграл Иванов в эволюции блоковского мировоззрения «в сторону все более глубокого понимания действительности». По мнению автора предисловия, историко-литературный интерес к личности Иванова исчерпывается с того времени, когда «внутренняя связь Блока с религиозно-метафизическими философствованиями символистской общественности утратит для него прежнее значение».<sup>26</sup>

---

<sup>24</sup> Максимов перечисляет их во вступительной статье. См.: Блоковский сб. 1. Вступительная статья («Александр Блок и Евгений Иванов»). С. 346.

<sup>25</sup> Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. С приложением писем Ал. Блока к М. П. Ивановой и «Петербургской поэмы» Блока / Ред. и предисл. Ц. Вольпе; подгот. текста и коммент. А. Космана. М.; Л., 1936.

<sup>26</sup> Там же. С. 20.

С первых дней выхода из печати издание стало одним из востребованных источников в работах по культуре начала XX века и до сих пор не утратило своего научного значения. Тем не менее личностность адресата оставалась еще почти тридцать лет — до появления в печати воспоминаний и записок Евгения Павловича, подготовленных Максимовым, — практически не известной не только исследователям, но и его современникам. В этой связи показательно признание Н. Г. Чулковой, жены Г. И. Чулкова,<sup>27</sup> в письме Иванову от 25 марта 1940 года:

«Я очень радуюсь Вашему взгляду на вещи. Так дорого найти единомышленника. Я мало знала Вас раньше. Даже книжечку с письмами Ал. Блока к Вам не удосужилась прочитать — не было времени заняться этим. После Вашего письма прочту ее с особенным интересом. Меня это очень касается — Ваше общение с ним. Вы были дороги ему и его матери. <...>

Недавно в доме отдыха я встретила Н. А. Павлович.<sup>28</sup> Она мне рассказывала о последнем годе жизни Ал(ександра) Ал(ександровича). Мне хотелось бы не с ней об этом говорить, а с Вами».<sup>29</sup>

Очевидно, для Максимова человеческое «открытие» ближайшего друга Блока началось со времени знакомства с материалами его архива. Менее чем через год после второй записи о встрече с Ивановым в тетради «Мои „интервью“», в ночь с 3 на 4 января 1942 года, Евгений Павлович скончался от голода в блокадном Ленинграде. Спустя два года, в первых числах января 1944 года, Дмитрий Евгеньевич возвратился в Ленинград из эвакуации. К этому времени уже была издана его монография о Валерии Брюсове,<sup>30</sup> по тексту которой в 1940 году он защитил кандидатскую диссертацию, а также опубликовано около десяти статей и рецензий о творчестве Блока.<sup>31</sup> В еще не освобожденном от блокады Ленинграде Максимов становится докторантом Пушкинского Дома.<sup>32</sup> В материалах его личного

---

<sup>27</sup> Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — прозаик, поэт, драматург.

<sup>28</sup> Павлович Надежда Александровна (1895—1980) — поэтесса, мемуарист, критик, переводчик.

<sup>29</sup> ИРЛИ. Ф. 840 (М. С. Лесмана). Фонд находится в обработке.

<sup>30</sup> Максимов Д. Е. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940.

<sup>31</sup> См.: Библиографический указатель трудов Д. Е. Максимова... С. 399—401.

<sup>32</sup> Максимов состоял докторантом ИРЛИ с 1 января 1944 по 1 октября 1947 г. (См.: РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 13).

архива сохранились черновые автографы нескольких отчетов (с 1 января 1944 до конца 1946 года), свидетельствующих о том, что в докторантуре он планировал работать над книгой «Лирика А. Блока»<sup>33</sup> (как известно, тогда не завершённой).

Но плановой работой не ограничивался круг интересов Максимова в это время. Благодаря любви ученого к редким фактам, забытым и неопубликованным документам,<sup>34</sup> в научный оборот были введены не только архивные материалы многих литературных деятелей Серебряного века, но и созданы два фонда представителей блоковского окружения в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Прежде всего благодаря ученому был спасен гибнущий архив Иванова-Разумника, который Дмитрий Евгеньевич, находясь в августе 1944 года в Пушкине «по служебному заданию», обнаружил в разоренной квартире Разумника Васильевича.<sup>35</sup> В журнальной заметке, приложенной к «делу» фонда Иванова-Разумника,<sup>36</sup> есть не вошедшая в публикацию машинописная вставка Максимова, с перечислением имен сотрудников Пушкинского Дома, принявших участие в перевозке архива: «Вспоминаю хорошо знакомые лица участников этих экспедиций, стоящих с мешками и без мешков на оголенной платформе полуразрушенного вокзала в Царском и вереницей идущих по бульвару: Льва Борисовича Модзалевского, Льва Абрамовича Плоткина, Лидию Михайловну Лотман, Беллу Наумовну Капелюш, Шаргородского, аспиранток Семенову-Тяньшанскую,

---

<sup>33</sup> Там же. Ед. хр. 24. Л. XI.

<sup>34</sup> См.: *Куприяновский П. В. Д. Е. Максимов — исследователь русской поэзии // Куприяновский П. В. Вечерний час: Воспоминания. Иваново, 2003. С. 157—158.* Культуре работы с источниками Максимов-студент несомненно учился у старшего брата, В. Е. Евгеньева-Максимова, университетский ученик которого Д. С. Лихачев вспоминал: «...занятиям в рукописных отделениях в библиотеках учил нас милый В. Е. Евгеньев-Максимов. Дав нам рекомендацию в архив, он как бы невзначай приходил туда же и проверял — как мы работаем, все ли у нас благополучно. (...) Он пробуждал в нас инициативу поисков, учил нас не „бояться архивов“. Боязнь архивов В(ладислав) Е(вгеньевич) считал своего рода детской болезнью начинающего ученого, от которой он должен избавиться как можно быстрее» (*Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 152*).

<sup>35</sup> *Максимов Д. Е. Спасенный архив. С. 19.*

<sup>36</sup> ИРЛИ. Ф. 79; 908 ед. хр.; 1850—1997. Из-за плохого состояния документов и необходимости их реставрации после обработки материалы фонда Р. В. Иванова-Разумника стали доступны читателям только в конце 1980-х гг.

Панаеву и мою спутницу по первой поездке (в Пушкин. — Е. А.) Людмилу Львовну Ганзен».<sup>37</sup>

Столь же закономерно Максимов оказался причастным и к поступлению в Пушкинский Дом материалов из Ивановского архива, который после смерти Евгения Павловича сохранился его женой и дочерью, крестницей Блока.<sup>38</sup>

Материалы архива, не избежавшие участи многих рукописных собраний, оказались разбросанными в силу жизненных обстоятельств по разным архивохранилищам: московским — Центральный (ныне Российский) государственный архив литературы и искусства, Государственный литературный музей и ленинградским (петербургским) — Музей-квартира А. А. Блока, Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Перед Великой Отечественной войной письма Блока и его матери А. А. Кублицкой-Пиоттух к Евгению Павловичу попали в фонд Блока РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 8—12; 1904—1920); в начале войны небольшой комплекс писем разных лиц к Е. Иванову — в ГЛМ (Ф. 104. Ед. хр. 16; 1903—1942); часть материалов при посредничестве Н. А. Павлович в 1950-х годах купил известный московский коллекционер Н. П. Ильин, и впоследствии они были приобретены Музеем-квартирой А. А. Блока, большая же часть личного архива Иванова оказалась в Пушкинском Доме. Документы поступали в Рукописный отдел в несколько этапов от ближайших родственников, а затем — от Н. Г. Князевой, вдовы известного ленинградского коллекционера М. С. Лесмана, который в начале 1960-х годов купил остатки архива.

История пушкинодомских поступлений растянулась почти на семьдесят лет — с конца Великой Отечественной войны вплоть до настоящего времени.<sup>39</sup> Самые ранние из них — непосредственно от

---

<sup>37</sup> Среди привезенных материалов находилось несколько документов Е. П. Иванова: комментарии к диалогу Платона «Тимей» (1939—1940 гг.), четыре письма к Иванову-Разумнику (1939—1941 гг.), отрывок воспоминаний о Ф. Сологубе (1927—1928 гг.), машинописные копии семи писем Блока к Иванову (1904—1905 гг.). См.: ИРЛИ. Ф. 79.

<sup>38</sup> Александра Фаддеевна Иванова (урожд. Горбова; 1883—1972); Марина Евгеньевна Иванова (1917—1963).

<sup>39</sup> Отдельные документы Иванова появились в Рукописном отделе Пушкинского Дома еще до войны, например, в составе архива Блока, изъяттого из квартиры Л. Д. Блок после ее смерти (документы поступили в Рукописный отдел 29 марта 1940 года из квартиры Л. Д. Блок на основа-



Александры Фаддеевны и Марины Евгеньевны — состоялись в 1945 и 1946 годах. Именно из этих материалов в 1947 году был сформирован хорошо известный блоковедам фонд Е. П. Иванова,<sup>40</sup> но мало кто знает, что без деятельного участия Максимова передача документов могла не состояться. Историю знакомства и дружеского общения ученого с семьей Е. П. Иванова можно проследить по материалам поступлений последних лет. В частности, сохранилась тетрадь с дневниковыми записями Марины Евгеньевны за период с 26 сентября 1944 года по 12 мая 1946 года.<sup>41</sup>

Запись от 14 ноября 1944 года говорит о том, что инициатива знакомства исходила от М. Е. Ивановой: «Была на лекции по Крылову Евген(ьева)-Максимов(а). Наконец, познакомилась по Блоку, узнала о (Иванове-)Разумн(ике). В(асильевский) О(стров), д. 6 кв. 11. Т. 550-95. Садовая 92, кв. 9.<sup>42</sup> Брат его Дмитрий Евгеньевич Максимов...»

Через неделю состоялось знакомство Д. Е. Максимова с Ивановыми, о чем в дневнике Марины Евгеньевны есть запись от 21 ноября: «...приехал (..) Дмитрий Евгеньевич Максимов. Взял „Были и небылицы“ Любви Дмитриевны Мендел(еевой) и 25 папиных дневников последнего времени, оформленных, расписался...»

21 марта 1945 года на заседании экспертно-оценочной комиссии института Максимов представил материалы из архива Иванова, предложенные для продажи Мариной Евгеньевной и женой старшего брата Иванова — Александра Павловича — Е. А. Ивановой. В выписке из протокола, приложенной к «делу» фонда, значилось: «После подробного сообщения докторанта Д. Е. Максимова рассмотрены материалы из архива Евгения Павловича Иванова, состоящие из 39 дневников Е. П. Иванова, 25 тетрадей воспоминаний

---

нии постановления Ленинградского отделения государственной нотариальной конторы от 2 ноября 1939 года, № 2214). Среди них находилась тетрадь с копиями рукой Е. П. Иванова нескольких писем Блока к нему 1904—1909 гг., вошедших в состав фонда Блока (Ф. 654. Ед. хр. 54), а один из последних документов, имеющих отношение к архиву Иванова, — машинопись статьи Л. А. Ильюшиной «Е. П. Иванов в собрании М. С. Лесмана» — поступил в Рукописный отдел в 2011 г. в составе коллекции М. С. Лесмана (Ф. 840. Пост. № 6 за 2011 г.).

<sup>40</sup> ИРЛИ. Ф. 662. 89 ед. хр.; 1901—1920.

<sup>41</sup> ИРЛИ. Ф. 840.

<sup>42</sup> Домашние адреса В. Е. Евгеньева-Максимова и Д. Е. Максимова в это время.

⟨его⟩ с приложением 72 писем ⟨В. Н.⟩ Дюковой к Иванову, 61 письмо Ал⟨ександры⟩ Анд⟨реевны⟩ Кублицкой-Пиоттух к Е. П. Иванову и 53 писем Е. П. Иванова к А. А. Блоку», а также «три письма А. Блока к брату Е. П. Иванова Александру Павловичу Иванову» и «дарительные подписи поэта на имя А. П. Иванова» на пяти блоковских сборниках: «Земля в снегу», «Стихи о Прекрасной Даме», «Ночные часы», «Нечаянная радость», «Снежная маска», впоследствии переданных в библиотеку ИРЛИ.

Сохранившаяся в «деле» фонда небольшая переписка Максимова с Мариной Евгеньевной свидетельствует об уже сложившихся между ними к этому времени дружеских отношениях. На следующий день после заседания, на котором было принято решение о покупке материалов, ученый писал дочери Иванова о том, что оценочная комиссия готова приобрести все предложенные материалы, и подробно перечислял стоимость каждой группы документов. Письмо заканчивалось словами: «Мне кажется, согласиться на это предложение можно вполне, но, впрочем, подумайте сами и посоветуйтесь с кем-нибудь. Постараюсь вскоре к Вам заехать. Дружески Ваш Д. Максимов. Привет Ал⟨ексandre⟩ Фадд⟨евне⟩».

За скупыми строчками протокола заседания закупочной комиссии трудно увидеть, насколько «подробным» было «сообщение» докторанта о материалах, предлагаемых для покупки, а также невозможно оценить масштаб проделанной им предварительной работы. Но в недавно обработанном дополнении к личному фонду Д. Е. Максимова, находящемся в Российской национальной библиотеке, сохранился небольшой комплекс материалов Дмитрия Евгеньевича, связанных с его работой над документами из архива Иванова, к знакомству с которыми ученый приступил уже в конце ноября 1944 года. Максимов делает многочисленные выписки из воспоминаний и дневников Иванова, а также аналитические замечания к отдельным из них, как правило помечая эти места на полях начальными буквами своего имени «Дм», например: «с. 44. Е⟨вгений⟩ П⟨авлович⟩ признается, что в пору своего знакомства с Блоком „был слаб в понимании стихов“. Ergo: дружба их возникла на иной почве».<sup>43</sup>

Этот материал лег в основу доклада Дмитрия Евгеньевича, прочитанного на заседании закупочной комиссии, — «Материалы о Блоке в архиве Е. П. Иванова»,<sup>44</sup> целью которого было «в

<sup>43</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 127.

<sup>44</sup> Там же. Ед. хр. 105. Л. 1—10 об.

самой общей форме проинформировать о том, что нам удалось получить, и отчасти о том, что еще не удалось получить».<sup>45</sup> Свое выступление ученый начал с короткого рассказа о Евгении Павловиче. Вступительное «слово» Максимова носило вполне законченный характер и до настоящего времени не утратило самостоятельной ценности как первый подступ ученого к теме, поэтому приводим его полностью:

«Евг(ения) П(авлови)ча многие из нас знают не только по литературе, но помнят также как посетителя Пушк(инского) Дома, его Блоковск(их) Комиссий.<sup>46</sup> Не вспомнить о нем нельзя.

---

<sup>45</sup> Там же. Л. 2.

<sup>46</sup> В составе Отдела новейшей русской литературы Пушкинского Дома «в предвоенные, военные и первые послевоенные годы существовали так называемые комиссии (группы). Они занимались в основном творчеством А. Блока и Вл. Маяковского. Комиссия по Блоку (Блоковская группа) успела к началу войны завершить первый том своих исследований, который так и остался в рукописи». (См.: Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 297). Литературовед, блоковед В. Н. Орлов (1908—1985) вспоминал о работе Блоковской группы в своем вступительном слове на Блоковской конференции в ИРЛИ (26 ноября 1960 г.): «Блоковская комиссия начала свою деятельность в 1940 году и быстро развернула ее в довольно широких масштабах. Война прервала нашу работу. Мы возобновили ее вскоре же после окончания войны, в ноябре 1945 года. К сожалению, меньше, чем через год, работа Комиссии снова оборвалась — и больше уже не возобновлялась». В числе тех немногих, кто работал в Комиссии до войны и погиб в осажденном Ленинграде в период блокады, Орлов назвал также близких друзей А. Блока — Е. П. Иванова и А. В. Гиппиус, «тесно связанных с Блоковской комиссией» (Орлов В. Н. Некоторые итоги и задачи советского блоковедения // Блоковский сб. 1. С. 508). В документах из архива Иванова (поступивших в составе коллекции М. С. Лесмана) сохранилось приглашение на одно из заседаний 1941 г.: «31 января с(его) г(ода) в институте Литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Тучкова наб. 2) состоится 6-е заседание Блоковской комиссии. Порядок дня: 1. В. Г. Адмони — Блок и современная ему западно-европейская поэзия. 2. Е. Р. Малкина — О книге Д. Е. Максимова — „Поэзия Валерия Брюсова“. Начало в 6 час(ов) вечера» (ИРЛИ. Ф. 840). Содержание второго доклада, очевидно, соответствовало рецензии автора на книгу Максимова о Брюсове: Малкина Е. «Поэзия Валерия Брюсова» // Литературное обозрение: Двухнедельник рекомендательной библиографии художественной литературы / АН СССР ИМЛИ им. А. М. Горького. № 24, 20 декабря. М., 1940. С. 44—48.

Евгений Павлович — человек необычайный и редкий. Человек исключительной светлости, сверкающей чистоты. Его чистота и была его даром, его талантом.

Всех, знающих его, поражала его *отвлеченность*, его напряженная сосредоточенность в своих мыслях.

И вместе с тем он умел по-хорошему улыбнуться, почувствовать смешное. В нем жила какая-то маленькая частица Диккенса.

Казалось, что он заключен в мире домашнем, спокойном, теплом.

Но внутри его, что видно по дневникам и письмам, было много непокою, тревоги, и очень мучительных разговоров с совестью.

*Юмор* и *тревога*, вероятно, были самыми надежными его путями к жизни (так. — Е. А.). А в жизни Евгения Павлович был все-таки неудачник.

Несмотря на всю человеческую значительность его, — писатель из него не получился, хотя он и написал, вероятно, десятка два статей и рецензий, помещенных в старых символистских журналах.

Всю свою жизнь он был занят мыслями о новом религиозном сознании.

И был в этом отношении гораздо совестливей и целомудреннее своих учителей — Мережковского и Розанова.

Но своей концепции или своей интерпретации христианства он не создал (может быть), именно потому, что этому препятствовали его душевное целомудрие и чуткость).

Его внешняя биография складывалась с какой-то захватывающей печальной скромностью.

Он не доучился в университете. И целую жизнь служил за гроши: сначала мелким служащим в правлении железной дороги, потом — статистиком; потом — кассиром.

На этой должности и умер Евгений Павлович — умер от голода в самые страшные дни блокады — в январе (4/1) 1942 г.

Таким был живой Евгений Павлович, и будущий биограф его должен помнить о его *цельном* образе.

Но историческая память совершает с живыми людьми жестокое дело.

Историческая память всегда схематична.

Всегда склонна превращать живого человека в символический знак, утверждающий неизбежность лишь одной, частной, специальной стороны человека.

Здесь совершается как бы естественный отбор исторической памяти — дело жестокое, но нужное истории и, может быть, трагически справедливое.

Так и образ Евгения Павловича, входя в память нашей науки, теряет свою полноту и независимость.

Для истории литературы Евгений Павлович — прежде всего ближайший друг великого поэта Александра Блока.

Это высокое и все-таки грустное звание закрепляется за Евгением Павловичем навеки». <sup>47</sup>

<sup>47</sup> РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 105. Л. 1—5.

Пророческое обобщение, сделанное докладчиком в конце выступления, сформировало определенный стереотип в восприятии личности Е. П. Иванова, который длительное время преобладал в характеристике его исключительно как «ближайшего друга» поэта. Со временем сам Дмитрий Евгеньевич и постепенно появившиеся другие исследователи литературного, мемуарного и эпистолярного наследия Иванова в своих работах будут восстанавливать «полноту и независимость» его личности.

Представленный далее в докладе Максимова обзор поступивших в Пушкинский Дом материалов<sup>48</sup> достоин отдельной публикации и как исторический документ, и как ценная их характеристика: хотя ученый и предупреждал, что анализ и комментарии не были целью его сообщения, но и то и другое присутствовало в нем.

В качестве главного критерия при отборе документов для покупки институтом Максимов выдвигал степень их отношения к Блоку. Поэтому в конце доклада он перечислил документы, оставшиеся у семьи Иванова, особо выделяя «целый ряд воспоминаний» о Блоке: «Приобретение этих мемуаров нашим институтом отсрочено только потому, что у нас явилось сомнение: не проданы ли беловые копии с этих материалов в Москву. Запрос послан? В случае отрицательного ответа Москвы — нашему институту нужно будет присоединить к своим фондам и эту часть Архива Евг(ения) П(авловича)». <sup>49</sup> Некоторые из вариантов воспоминаний Иванова ученый считал вполне готовыми к публикации.

Но помимо исследовательского интереса действиями ученого руководило и желание помочь бедствовавшим владелицам материалов — вдове, дочери и невестке Иванова. В одном из поступлений документов из коллекции М. С. Лесмана в Рукописный отдел Пушкинского Дома сохранилась переписка Максимова с М. Е. и А. Ф. Ивановыми. Началась она сразу после знакомства в ноябре 1944 года. Письма раскрывают малоизвестные факты биографии Дмитрия Евгеньевича и представляют интерес для истории поступления фонда.<sup>50</sup> Приведем их, приближая пунктуацию к современной норме и раскрывая сокращения.

---

<sup>48</sup> Там же. Л. 5—10 об.

<sup>49</sup> Там же. Л. 10.

<sup>50</sup> ИРЛИ. Ф. 840.

⟨27 ноября 1944⟩

27/ХІ

Дорогая и многоуважаемая Марина Евгеньевна,  
я прошу просить Вас о разрешении немного отсрочить нашу встречу. К 1 дек⟨абря⟩ я не успею прочесть записки Евг⟨ения⟩ Павл⟨овича⟩, которые оказались исключительно неразборчивыми, но вместе с тем очень интересными. Если позволите, я приду к Вам во вторн⟨ик⟩ 5-го декабря. Простите за эту отсрочку и не беспокойтесь за сохранность материалов. Все будет в порядке.

Очень интересуюсь дневником Евг⟨ения⟩ Павл⟨овича⟩ и копиями напечатанных писем к нему Блока.

Всего хорошего!

Сердечный привет Ал⟨ександ⟩ре Фад⟨деевне⟩.

Ваш Д. Макс⟨имов⟩.

⟨12 декабря 1944⟩

Милая Марина Евгеньевна, в четверг я смогу прийти, к сожалению, только около 12 час⟨ов⟩ дня.

Если Вы не сигнализируете об отмене, — так и сделаю.

Поклон Алекс⟨андре⟩ Фад⟨деевне⟩.

Ваш Д. Макс⟨имов⟩.

Телеф⟨он⟩. 4-73-41

Максимов принимает живое участие в житейских трудностях больных женщин. 5 декабря 1944 года Марина Евгеньевна записала в дневнике: «Был Максимов. Наносил нам и распилил дрова». Несколько следующих писем касаются острой для послеблокадного Ленинграда «проблемы дров», иллюстрируя бытовые реалии этого времени:

⟨11 января 1945⟩

11/І 45

Дорогая Марина Евгеньевна, я узнавал относительно дров (можно ли получить по моему ордеру, т. е. ордеру Октябрьского р⟨айо⟩на, в Вашем районе) и получил отрицательный ответ. Поэтому могу Вам предложить только одно: я дам Вам ордер, но Вам придется получать дрова (с оч⟨ень⟩ большой очередью) в *нашем* районе и тащить их к себе на Петроградскую — в количестве одного метра. Предприятие это весьма трудное, но если дров у Вас совсем нет, то, может быть, и оно вас устроит. Решайте! И сигнализируйте мне скорее. Буду хранить свой ордер для Вас до 17/1. Если до этого срока Вы не дадите мне зна-

ка — «буду считать себя свободным». — Крепко, крепко жму Вашу руку. И Вы, и Ваша мама очень милые.

Дружески Ваш Д. Максим(ов).

Сердечный привет Ал(ексandre) Фад(девне).

〈6 февраля 1945〉

Милая Марина Евгеньевна.

Очень интересуюсь здоровьем Вашей мамы. Вероятно, она уже дома. Не могу заехать, т. к. сам болен — и не выхожу.

Дневники, в основном, уже проработал и скоро возвращу Вам. Материалов, касающихся Блока, нашел в них мало.

Сердечный привет Ал(ексandre) Фадд(евне).

Крепко жму руку.

Ваш Д. Макс(имов)

Если нужен ордер на дрова — он пока что еще сохраняется у меня.

6 /II 45.

Письма свидетельствуют о том, сколь значительна была поддержка (и психологическая в том числе), оказанная Максимовым дочери и жене Иванова при передаче материалов архива в Пушкинский Дом:

〈15 марта 1945〉

15/III

Дорогая Марина Евгеньевна, принципиальное согласие на покупку дневника получено. Возите его, как мы условились, и сдавайте, не опасаясь за его судьбу, в рукописное отделение Института литературы (Модзалевскому<sup>51</sup> или Добровольскому<sup>52</sup>) или кому-либо другому — секретарю; ученому секретарю, директору и пр. Продвижение дела я буду наблюдать, толкать и информировать обо всем Вас.

Постараюсь через неделю или полторы заехать к Вам.

Увы! Хомяков оказался неполным: имеются лишь первые четыре тома, а дальнейших нет. Не оказалось также (забыл у Вас) одного № «Нового Пути» за 1904 г. — приеду — захвачу.<sup>53</sup>

Всего хорошего.

<sup>51</sup> Лев Борисович Модзалевский (1902—1948) в это время был заведующим Рукописным отделом Пушкинского Дома.

<sup>52</sup> Лев Михайлович Добровольский (1900—1963) — ученый хранитель Рукописного отдела Пушкинского Дома.

<sup>53</sup> Очевидно, Максимов купил у Ивановых полное собрание сочинений А. С. Хомякова в 8 томах, переиздававшееся в начале XX в., и несколько

Крепко жму Вашу руку. Сердечный привет Александре Фадд(евне).

Ваш Д. Максим(ов)

⟨7 мая 1945⟩

7/V

Дорогая Марина Евгеньевна,

мне передали, что Вы наконец получили некую существенную сумму у нас в Институте. Не забывайте им напоминать о необходимости окончат(ельного) расчета. Не деликатничайте с ними!..

Сюртук,<sup>54</sup> оказывается, в пиджак переделать нельзя. Можно сделать из него только толстовку. Она мне тоже нужна, но во вторую очередь. Если я буду тратиться на нее сейчас, то останусь без пиджака. Деньги на сюртук я смог бы достать только оч(ень) нескоро. Поэтому я решил привезти его Вам обратно, еще раз поблагодарив Вас за Ваше милое отношение, проявившееся в этом «сюртучном вопросе». Оно мне дорого и вообще и потому, что этот сюртук — не просто сюртук.

Сердечный привет Алекс(андре) Фад(деевне).

Постараюсь в ближайшее время приехать.

Дружески жму Вашу руку.

Д. Максим(ов)

— А когда Вы приедете к нам в гости?

Простите за меркантильное содержание этой открытки.

А. Ф. Иванова ответила Максиму 17 мая 1945 года:

17/V-45 г.

Глубокоуважаемый и милейший Дмитрий Евгеньевич! Мариша прочла мне Вашу открытку к ней. Глубоко благодарна за заботы о нас и добрые советы.

По вопросу сюртука никакого разговора не должно быть. Сюртук Ваш. Он нам и Вам дорог; его носил дорогой, незабвенный Александр Александрович — и в нем же венчался неоцененный, наш Женичка-папочка. Ведь эти два человека были необычайно сложные натуры и Вы взя-

---

номеров журнала «Новый путь», что следует из дневниковой записи Марины Евгеньевны от 13 апреля 1945 г.: «Пришел, как обещал, Максимов, заплатил еще за журналы 150 р. И забрал все» (ИРЛИ. Ф. 840).

<sup>54</sup> Речь идет о сюртуке Блока, подаренном им Иванову, а в это время переданном А. Ф. Ивановой Максиму. Из дневниковой записи Марины Евгеньевны от 13 апреля 1945 г.: «Дмитрию Евгеньевичу, по его просьбе, показывали иконы ⟨...⟩ и подарили Блоковский сюртук. Он нуж(дается) и любит Блока. Он очень доволен...» (Там же).



ли на себя такой египетский труд разбираться в рукописях, в которых только монахи могут сидеть над черновыми записками-дневниками. Глубоко оцениваю Ваш труд над Женичками (так. — Е. А.) погрешностями недописок-сокращений. Какое требуется напряжение мысли и глаз, как порой это скучно и досадно, зачем так написано непонятными закорючками.<sup>55</sup>

Далее Александра Фаддеевна писала о сопротивлении со стороны некоторых членов комиссии, которое пришлось преодолевать ученому:

Вы боролись с самыми трудными обстоятельствами, да еще в докладе о Женичке и после доклада люди не поняли чистоты и благородства человеческой правды. Мне больно было слышать, когда было сказано: «*Да он сам такой!*»

Как больно! — человеческую правду умершего высказать нельзя. Вы не устали! Спасибо Вам, Вы мне дороги на моего, необыкновенно светозарного, чистого Женичку, на образ которого я молюсь. Дмитрий Евгеньевич, я знаю цену Вашей добродетели!

Спасибо за все, за Женичку, Маришу. От всей души желаю крепкого здоровья в Ваших трудах монаха. Помогите Господь!

Ваш труд над дневниками Женички мне напоминает труды Дмитрия Михайловича Пинеса и Разумника Васильевича Иванова над воспоминаниями Александра Александровича. Я очень слаба здоровьем. Мне делают выкочки желчи. Тяжело, очень утомляет и слабею значительно + — 35.5. Уважающая всем сердцем Ваша А. Иванова.<sup>56</sup>

15 июня Максимов отвечал ей:

15/VI 45

Дорогая и глубокоуважаемая Александра Фаддеевна, спасибо за ваше письмо и хорошее отношение ко мне, которого я не стою. В Вас самих так много света, что и все окружающее Вас кажется Вам, наверно, таким же светлым.<sup>57</sup>

---

<sup>55</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

<sup>56</sup> Там же. Л. 1 об.

<sup>57</sup> Эта характеристика Максимова вполне совпадает с устными воспоминаниями старшей племянницы Евгения Павловича — Вероники Петровны Ивановой — об А. Ф. Ивановой, которые приводит Л. А. Ильюнина в своем описании материалов фонда: «„Александра Фаддеевна была очень сильной физически, поэтому на ней держался весь дом. Много работала всегда. На работе к ней относились хорошо. Была очень заботливой, внимательной. Внешне была очень приятной. Периоды болезни в это время проявлялись нечасто (А. Ф. Иванова с 1910-х годов страдала душевной болезнью, неоднократно лежала в больнице св. Пантелеимона на Удельной —

Вот плохо только, что Вы болеете. Да еще так долго. Может быть, летнее солнце поможет Вам скорее справиться со своими недугами. Помня о том, как мощно Вы пилили со мною дрова, я верю, что это осуществится скоро.

В ближайшее время я поеду в Москву и проживу там, вероятно, не меньше месяца. Когда вернусь, Вы, наверно, будете уже совсем здоровой.

Еще раз позвольте поблагодарить Вас за письмо и вообще за все.

С сердечным и глубоким движением к Вам

Д. Максимов.

— Марине Евг(еньевне) сердечный привет.

— Но все-таки я считаю себя Вашим должником.

Между тем в жизни Максимова в это время были свои сложности. В июне 1945 года он писал Д. Н. Семёновскому: «Живу я однообразно. Продолжаю работать по Блоку. Работа эта только и спасает от того уныния, которое наполняет наш дом: Лина Як(овлевна)<sup>58</sup> беспрерывно болеет. На июль месяц уезжаю в Москву: опять-таки по блоковским делам».<sup>59</sup> Во время этой поездки Максимов мог получить в московском Литературном музее ответ на запрос о передаче туда копий документов из архива Иванова.

В преддверии двух юбилеев Блока — 65-летия со дня рождения (28 ноября 1945 года) и 25-летия со дня смерти (7 августа 1946 года) — в Москве и Ленинграде планировались праздничные мероприятия, издания сборников воспоминаний. Максимов обращается к Александре Фаддеевне с просьбой написать воспоминания о муже. В дневнике Марины Евгеньевны есть несколько записей об этом, сделанных в ноябре 1945 года:

7 ноября. <...> поехала к Дмитр(ию) Евг(еньевичу) <...> просить написать папину биографию. Что-то мама не охотно, придет(ся) мне в 10-дневный срок, а мне так некогда <...>.

.....

впоследствии психиатрическая больница им. И. И. Скворцова-Степанова. — Е. А.). Только во время блокады и после смерти Е(вгения) П(авловича) ее надолго пришлось поместить в больницу». Близко к этим словам и высказывание Д. Е. Максимова об Алекс(андре) Фадд(еевне): „Она какая-то очень светлая была. Лицо очень светлое“». (ИРЛИ. Ф. 840).

<sup>58</sup> Лина Яковлевна Ляховицкая (1903—1986) — жена Д. Е. Максимова.

<sup>59</sup> Письма Д. Е. Максимова к Д. Н. Семеновскому / Публ., примеч. О. К. Переверзева // Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 369. Дмитрий Николаевич Семёновский (1894—1960) — поэт; жил в Иваново. Максимов в 1942—1943 гг. преподавал в Ивановском педагогическом институте, в те годы и состоялось их знакомство.

9 ноября. <...> 3 часа писала <...> папину биографию. Слава Богу кончила все.

11 ноября. <...> Читала маме папину биографию, она свою. Поправилось <...>.

27 ноября. <...> Дмитри(й) Евгени(евич) приехал за рукопися(ми) 2 папиных биографий, которые мы с мам(ой) написали, и просил срочно рукописи о Блоке.

Беловой автограф воспоминаний Александры Фаддеевны, датированный 10 ноября 1945 года, хранится в архиве Максимова.<sup>60</sup> В Рукописном отделе ИРЛИ среди материалов, присоединенных к фонду Е. П. Иванова, имеется черновой вариант рукописи воспоминаний,<sup>61</sup> план которых Максимов, очевидно, обсуждал с Александрой Фаддеевной. Впоследствии, как в своем докладе, так и во время работы над предисловием к публикации материалов из архива Иванова, он учитывал записи Ивановой.<sup>62</sup> Так, например, Иванова писала в воспоминаниях о религиозности своего мужа:

«Е(вгений) П(авлович) — с 12-ти лет не расставался с Евангелием. Большое влияние на маленького Женю имела, конечно, сестра от 2-го брака М. П. Иванова,<sup>63</sup> которая из рук не выпускала Библию.

Е(вгений) П(авлович) глубоко был религиозен. Душа его была всегда кристал(л)ически чиста. Он был стойк в своем веровании в Христа.

Всегда какое-то чудное спокойствие — глубокая тишина. Не было житейской суеты. Все было серьезно. Полон глубины и благодати был его образ. Недаром Любовь Дмит(риевна) Блок раз сказала, смотря на портрет его: „и кто только выдумал такое апостольское лицо?“ Всегда призывал вместе читать Евангелие. У него был какой-то огонь вдохновения, когда задавался вопрос о Христе. Необычайная лич-

---

<sup>60</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 14—15.

<sup>61</sup> ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 2. Ед. хр. 13. 2 л.

<sup>62</sup> Воспоминания А. Ф. Ивановой, к сожалению, не свободны от некоторых ошибок и неточностей. Так, мать Е. П. Иванова, Мария Петровна, урожденная Шалыгина, из купеческой семьи, ошибочно отнесена А. Ф. Ивановой к роду Угрюмовых, приходившихся Шалыгиным родственниками. Эта ошибка повторяется во вступительной статье Максимова.

<sup>63</sup> Мария Павловна Иванова (1874—1941) — сестра Е. Иванова. Оба они были детьми Марии Петровны Ивановой от второго ее брака с П. А. Ивановым.

ность в своем веровании — величаво сложная. Он всегда умел быть человеком — добрым, нежным, любимым. Не даром бременил землю. Походка была в молодости скорая — в старости тихая. Одевался просто. Держался больше простого народа, любил его, верил ему. Женился на крестьянке — Александре Фаддеевне Горбовой. <...>

Е<вгений> П<авлович> женился на А. Ф. Горбовой в 1916 г. — 23/V — венчался в церкви Введения — против Царскосельского вокзала (теперь снесена). Венчал священник Егоров.<sup>64</sup> Шаферами были: А. А. Блок, В. А. Пяст, А. П. Иванов и Ю. Э. Лабановский — математик.

Е<вгений> П<авлович> в жизни был аскет. Благороден необычайно, светлый, всегда ровный со всеми. Ложился спать не раньше 3—4 час<ов> ночи.

Евангелие и Библия были неразлучны с ним...»<sup>65</sup>

В связи с празднованием юбилея в 1945 г. возобновляется работа Блоковской группы, к участию в которой Максимов привлекает А. Ф. и М. Е. Ивановых: сохранился приглашенный билет на «заседание комиссии по изучению творчества Блока», проходившее в день рождения поэта в дубовом зале Дома ученых.<sup>66</sup>

К этому же времени относится недатированное письмо Максимова, в котором он сообщал М. Е. Ивановой о ленинградских планах по изданию юбилейного сборника:

---

<sup>64</sup> Имеется в виду настоятель Введенской церкви, известный деятель обновленческого движения священник Иоанн Федорович Егоров (1872—1920), участник группы 32-х петербургских священников и Союза церковного обновления; создатель «Братства Святого Креста» (1907); один из организаторов «Союза прогрессивного петроградского духовенства» (1917); в 1919 г. создал общину сектантского типа «Религия в сочетании с жизнью». Иванов был знаком с ним еще по собраниям Религиозно-философского общества.

<sup>65</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 14. Ср. у Максимова: «...он неотступно, почти маниакально думал о христианстве и об отношениях между христианством и современной культурой. Христианскими критериями он проверял свои переживания и свое поведение. Он никогда не расставался с Евангелием, всегда носил его при себе и наполнял свой дневник цитатами из евангельских текстов» // Блоковский сб. 1. Вступительная статья («Александр Блок и Евгений Иванов»). С. 347. «В Е. П. Иванов Блок видел источник светлого, доброго, домашнего, которого ему не хватало в „зимней вьюге“ открывшегося пред ним сурового мира» (Там же).

<sup>66</sup> ИРЛИ. Ф. 840. В дневнике 28 ноября 1945 г. Марина Евгеньевна записала: «...я иду на Блоков<ский> вечер» (Там же).

Дорогая Марина Евгеньевна.

В Институте л(итерату)ры в оч(ень) спешном порядке выходит сборник о Блоке, в который можно поместить воспоминания о нем Евгения Пав(лови)ча. Среди проданных вами материалов этих воспоминаний нет. Они остались у Вас в нескольких вариантах. Наиболее интересный вариант, как я записал, составляет 96 страниц.<sup>67</sup> Его, вероятно, можно будет напечатать с приложением нашей общей статьи об Евгении Пав(лови)че.

Пожалуйста, приготовьте эти воспоминания и завезите их на Блоковский вечер. Если же не завезете, то — в ближайшую пятницу в 7—8 часов вечера к Вам зайдет моя сотрудница и соавтор Элеанора (так. — Е. А.) Петровна Гомберг,<sup>68</sup> которой все можно передать.

Жаль, что Вас не застал.

Сердечный привет.

Д. Максимов.

*Вечер Блока* в Доме ученых (около Эрмитажа) (с набережной) в 7 1/2 часов вечера (директор Дома ученых Матвей Матвеевич Колоушин<sup>69</sup> (так. — Е. А.)).

3 января 1946 года, отвечая на новогоднее поздравление Ивановых, Максимов писал им:

Дорогие Александра Фаддеевна и Марина Евгеньевна,

и я поздравляю Вас с Новым годом и желаю здоровья, счастья, дров, успехов в науках и во всем прочем.

И я занят умопомрачительно. Но все-таки воспом(инания) и дневник Е(вгения) П(авловича) постепенно готовим.

Всего лучшего.

Сердечно Ваш Д. Максимов.

---

<sup>67</sup> Речь идет о варианте воспоминаний из фонда Е. П. Иванова (ИРЛИ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 81).

<sup>68</sup> Элеанора Петровна (наст. отч. Пейсаховна) Гомберг-Вержбинская (1912—2002) — филолог, искусствовед, преподаватель истории искусства на историческом факультете Ленинградского государственного университета; с 1977 г. в эмиграции, умерла в Австрии. См. воспоминания о ней ее дочери, Н. М. Вержбинской-Рабинович, опубликованные Э. Лейтаном в его Живом журнале: Памяти Элеоноры Петровны Гомберг // 1) <http://edgar-leitan.livejournal.com/93003.html>; 2) <http://edgar-leitan.livejournal.com/93012.html>

<sup>69</sup> Матвей Матвеевич Калаушин (1904—1968) — заведующий Литературным музеем ИРЛИ; с апреля 1945 по апрель 1948 г. по совместительству был директором Ленинградского Дома ученых им. Горького АН СССР.

В следующих письмах уточняются детали, необходимые для работы над готовящейся публикацией:

21/І 1946

Дорогая Марина Евгеньевна, вот какое дело: в рукописи воспоминаний Евг(ения) Павл(овича) не оказалось нескольких (кажется 4-х) страниц.

Они очень нужны. Не остались ли они у Вас или у той Вашей знакомой,<sup>70</sup> которая хотела переписать воспоминания?

Если сможете достать эти страницы, — пожалуйста, их достаньте и сообщите об этом мне. Я постараюсь за ними прислать.

Привет Вам и Ал(ексandre) Фад(аддеевне).

Интересуюсь Вашими успехами в науке и ее здоровьем.

Всего хорошего.

Д. Максимов.

3/ІІІ 1946

Дорогая Марина Евгеньевна,

В каталоге Публичн(ой) библиотеки под именем «Евгений Иванов» числится две книги: 1) Сборник пьес: 1) «Трясина», 2) «Сны», 3) «Дивная смерть». СПб., 1910; и вторая: «Так вот она любовь! Эскизы жизни, кошмары любви и силуэты безумства». М., 1916.

Подразумеваю, что автор этих книг — однофамилец Евг(ения) Павл(овича).<sup>71</sup> Сообщите мне, пожалуйста, Ваше мнение по этому вопросу.

Как видите, работа моя и Элеан(оры) Петр(овны)<sup>72</sup> продолжается, хотя невообразимое количество других дел от нее отвлекает постоянно.

А как Вы живете? Как здоровье мамы?

Сердечный привет Вам и ей.

Ваш Д. Максимов.

Еще вопрос: в каких *газетах* до революции писал Е(вгений) П(авлович), много ли писал и за какие годы? Ответьте хотя приблизительно.<sup>73</sup>

<sup>70</sup> Личность не установлена.

<sup>71</sup> Однофамилец Иванова, Евгений Платонович Иванов (1884—1967) — московский журналист, этнограф и театральный деятель, редактор журнала «Театр в карикатурах». См. о нем: Чулаков А. П. Иванов Евгений Платонович // Русские писатели, 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2: Г—К. С. 380—381; Степан Эрьзя и Максим Горький: Из альбомов Е. П. Иванова / Публ. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2002. № 61. С. 15.

<sup>72</sup> Речь идет о Э. П. Гомберг.

<sup>73</sup> Очевидно, М. Е. Иванова смогла сообщить лишь о двух газетных публикациях отца, так как в своем предисловии к публикации Максимов

О московских делах, связанных с изданием сборника воспоминаний о Блоке, писала А. Ф. Ивановой Н. А. Павлович, которая в феврале 1946 года обращается к А. Ф. Ивановой с просьбой прислать ее воспоминания о Блоке для готовящегося сборника: «Дорогие Александра Фаддеевна и Мариночка, только недавно я узнала, что Вы обе живы, но родных наших Евгения Павловича и Марии Павловны больше нет с нами. Напишите мне, как Вы живете и жили во время блокады и как умерли наши дорогие и Княжнин, если Вам не оч(ень) больно вспомнить подробности.

Где воспоминания и Ваши, Александра Фаддеевна, и Евг(ения) Павл(овича) о Блоке? Сейчас в Гослитмузее выходит сб(орник) воспоминаний „Живой Блок“, где я участвую и как автор, и как редактор, и там их можно было бы напечатать. Это было бы и материальной поддержкой для Вас, и дорого для памяти и Алекс(андра) Алекс(андровича), и Евг(ения) Па(в)л(овича). Я помню Ваши воспоминания. Жду от Вас весточки. <...> Рукопись можете послать мне. Если она в Пушк(инском) Доме, мы снесем с ним. <...> В этом году будет 25 лет со дня смерти твоего крестного, Мариночка».<sup>74</sup>

В следующем письме, от 10 марта 1946 года, получив ответ Ивановых, Павлович пыталась выяснить, кто же именно занялся архивом, еще не зная, что это был знакомый ей с 1941 года Максимов. Она писала: «Если не секрет фамилия литератора, обрабатывающего дневник Евг(ения) Па(в)л(овича) и Ваши воспоминания, напишите. Его работу можно было бы напечатать в Моск(овском) сборнике воспоминаний, и Вы бы тоже получили гонорар, при этом печатанье у нас не лишило бы его права напечатать их кроме того в журнале, например в „Звезде“. <...> В редактировании этого сб(орника) я принимаю участие. Я мечтаю летом приехать в Л(енинград), когда прах Ал(ександра) Ал(ександровича) будет переноситься на Волково кладбище, увидеть Вас и посетить дорогие могилы Евг(ения) Павл(овича) и Мар(ии) Павл(овны). Сюда, в

---

напишет: «Сотрудничество Е. П. Иванова в газетах не учтено. Известно только, что в 1906 г. он участвовал в кадетской газете „Страна“, а в 1910 г. — в баптистской газете „Утренняя звезда“, где, между прочим, поместил статьи: „Се оставляется дом ваш пуст“ (13 авг. 1910 г., № 33) и „При дверях“ (8 окт. 1910 г., № 41)» // Блоковский сб. 1. С. 346.

<sup>74</sup> ИРЛИ. Ф. 840.

сб(орник), дали свои воспоминания и Верховский, и Волохова, и Над(ежда) Гр(игорьевна) Чулкова, и я, и Георг(ий) Петр(ович) Блок, и Городецкий. Было бы оч(ень) дорого, чтобы и Евг(ений) Павл(ович), и Вы были с нами. Тут все живые, кто был хорошо знаком. Если Вы напишите фамилию и адр(ес) литератора, мы сами с ним снесемся, но *Ваши материальные интересы будут обеспечены отдельно*».<sup>75</sup>

В этой обстановке оживившегося интереса к личности Блока Максимов способствует передаче в Пушкинский Дом через М. Е. Иванову новой партии материалов ее отца, «относящихся к характеристике Александра Блока». Сохранилась открытка Максимова от 16 марта 1946 г.:

Дорогая Марина Евгеньевна, меня мучит, что я встретил вас в Пуш(кинском) Доме суетливо и не мог как следует поговорить.  
Не сердитесь.

Ваш Д. Максимов.

Очевидно, следуя советам Максимова, в марте 1946 года<sup>76</sup> Марина Евгеньевна обращается в Пушкинский Дом с предложением купить воспоминания о встречах с Блоком в 1903—1904 годах, с черновыми и машинописными вариантами; черновики речей о Блоке; копии рукой Евгения Павловича писем Блока к нему; отпуски писем Е. П. Иванова к Л. Д. Блок, Э. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому, В. В. Розанову и другие письма; выписки из дневников 1905—1907 гг.

Уже в первых числах апреля предложение рассматривалось экспертно-оценочной комиссией Пушкинского Дома. Вновь готовя для заседания комиссии представление, Максимов дает письменную характеристику второго поступления. Она сохранилась в «деле» фонда: «Все указанные материалы представляют для изучения Блока большой интерес. Наиболее ценны воспоминания 1903—1904 гг. и выписки из дневников. Последние интересны не только сами по себе, но являются ключом к основным дневникам Е. П. Иванова,

---

<sup>75</sup> Там же.

<sup>76</sup> Под тем же числом, что и записка Максимова, в дневнике Марины Евгеньевны имеется запись с последним упоминанием о Максимове: «Прошла в Лит(ературный) музей, переписа(ла) черновик Договора, но денег пока нет, они боятся, что я передум(аю), а я сказ(ала), что я тверда в слове и что не изме(ню), а что я должна как чел(овек) от-веч(ать)».



приобретенным ИЛИ<sup>77</sup> в прошлом году. Ценность основных дневников без дополняющих их мемуарно обработанных „выписок“ значительно снижается. Большую часть их можно не только использовать для изучения Блока, но и напечатать. Считаю приобретение Институтом литературы материалов, перечисленных в заявлении М. Е. Ивановой, делом необходимым и первоочередным».<sup>78</sup>

О том, что и на этот раз могли возникнуть осложнения со стороны закупочной комиссии, говорит имеющаяся на выписке из протокола резолюция В. Н. Орлова, в то время сотрудника Пушкинского Дома: «Со своей стороны поддерживаю заключение Д. Е. Максимова со всей настойчивостью. Указанные материалы существенно дополняют „Блоковский фонд“ ИЛИ».

12 мая Максимов пишет М. Е. Ивановой:

Дорогая Марина Евгеньевна,

вчера в ИЛИ (в Пуш(кинском) доме) мне сказали, что Вы ко мне звонили и писали. Телефон у меня работает плохо, и Ваши неудачи понятны. Но факт неполучения от Вас ни одной открытки более странный. М(ожет) б(ыть), спутали адрес? Но м(ожет) б(ыть), и почтальон виноват. Пожалуй, лучше писать по служебн(ому) адресу — Н. А. Павлович хочет ознакомиться с воспоминаниями о Блоке Ал(ександ)ры Фад(деевны) и использовать их.<sup>79</sup> Но без ее разрешения я не могу выслать их (или копию с них). Разрешает ли Ал(ександ)ра Фад(деевна)?

Сердечный привет.

Ваш Д. Максимов.

Низкий поклон Вашей маме.

27 июня он сообщает новости и дает Марине Евгеньевне советы, как вести себя в Пушкинском Доме:

Дорогая Марина Евгеньевна, постановление о покупке состоялось. Зайдите для выяснения цены к Тимофею Исаевичу Шаргородскому<sup>80</sup> или

---

<sup>77</sup> С 1931 по 1948 г. Институт русской литературы назывался Институтом литературы, сокращенно ИЛИ.

<sup>78</sup> Ф. 662.

<sup>79</sup> Максимов выполнил просьбу Павлович. Она упоминает о воспоминаниях А. Ф. Ивановой о Блоке в своих мемуарах. См.: Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. I. С. 465. В другой редакции: Прометей: Ист.-лит. альм. М., 1977. № 11. С. 238.

<sup>80</sup> Тимофей Исаевич Шаргородский (1896—?) — зам. директора ИРЛИ по административно-хозяйственной части.

Льву Борис(овичу) Модзалевскому. Говоря с ними, учитывайте следующие мои советы (но меня не выдавайте, что я их Вам даю): 1) если Вас спросят, почему Вы не присоединили эти материалы к тем, которые продали раньше, — говорите, что еще не нашли их или что-нибудь такое (ведь это более или менее — правда);

2) обязательно торгуйтесь, не сдавайтесь на предложенную цену: почувствуйте себя цыганом;

3) требуйте быстрой выплаты, с указанием точных сроков;

4) настаивайте, чтобы в акте о продаже была оговорка о том, что Вы имеете право опубликовать эти материалы и сохраняете за собой право получать за их опубликование гонорар.

Эту открытку мою не показывайте в институте. Мне, как сотруднику института, неудобно брать на себя более активное посредничество.

Сердечн(ый) привет Вам и маме.

Д. Макси(мов).

Помните обо всех этих пунктах.

После покупки документов связи Максимова с семьей Евгения Павловича не прервались. Хотя последующая переписка в фонде отсутствует, но следы продолжающегося общения можно найти в материалах Александры Фаддеевны. Сохранилось ее письмо от 6 августа 1946 года и две записки к дочери с живыми впечатлениями о праздновании 25-й годовщины со дня смерти Блока, на которое обе были приглашены Пушкинским Домом.

Из письма видно, что переписка с Максимовым продолжалась:

Маринуся, милая, как жалко, что ты не приехала с утренним поездом. Я поехала в Лит(ературный) музей, на Тучкову н(абережную)/№ 2,<sup>81</sup> — на выставку А. А. Блока в 6 ч., а в 7 ч. 30 м. торжественное воспоминание и большой концерт. Вчера сначала говорила по тел(ефону) с В. Н. Орловым и, возвращаясь из Музея, встретила его лично. Я подарила от себя и тебя Пушкинскому Дому пароходик А. А. Блока, с которым он играл маленьким, а с папой забавлялись взрослыми, и затем А. А. подарил его Жене. Надеюсь, ты не будешь против этого. Будет выставлен его детский столик, а игрушек его нет совсем (в Литературном музее ИРЛИ. — Е. А.), как доложила об этом Елена Александровна Ковалевская,<sup>82</sup> которая и приняла с глубокой благодарностью этот дар. Очень благодарен и В. Н. Орлов. Я довольна, что это попало туда. Если не устала, приезжай хотя бы к концу

<sup>81</sup> Адрес Пушкинского Дома в то время, ныне — наб. Макарова, № 4.

<sup>82</sup> Елена Александровна Ковалевская (1908—1997) — в это время младший научный сотрудник Литературного музея ИРЛИ.

концерта, для переговоров с В. Н. Орловым по вопросу договора с Московской и получить гонорар. Прочитай внимательно открытку Д. М(аксимова).

⟨...⟩ Завтра панихида на Лит⟨ературных⟩ мост⟨ках⟩ — на Волковом кладбище в 12 ч. дня. ⟨...⟩ Целую еще раз тебя, дорогая девочка. Увидимся, много чего расскажу. Я, слава Богу, чувствую себя отлично. Поправились значительно. Храни тебя Христос, мою родную девочку. Твоя мама.<sup>83</sup>

Из записок узнаем, что в праздничной программе были запланированы также мероприятия в драматическом театре, трансляция воспоминаний о Блоке А. А. Ахматовой и других по радио.

После завершения в 1947 году обработки фонда Е. П. Иванова (ф. 662) на него обратила особое внимание исследователей Марфа Ивановна Малова.<sup>84</sup> В «Бюллетенях» отдела за 1950 год, в обзоре новых поступлений, она отмечала, что в архиве Е. П. Иванова находятся «ценные материалы для изучения биографии и творчества А. А. Блока» — дневники Е. П. Иванова за 1901—1915 гг. и его воспоминания за 1903—1906 гг., несколько крупных комплексов писем оригинальных и в копиях.<sup>85</sup>

В «деле» фонда Е. П. Иванова есть упоминание о том, что за прошедший между двумя поступлениями год Максимов, «по заданию Блоковской комиссии ИЛИ, подготовил к опубликованию 6 п⟨ечатных⟩ л⟨истов⟩ воспоминаний Е. П. Иванова и выписок из его дневников».<sup>86</sup> О том, что эта работа была завершена, известно из письма Г. П. Блока<sup>87</sup> к Максимову от 9 апреля 1947 года, в котором двоюродный брат поэта дает высокую оценку высланной Дмитрием Евгеньевичем статьи: «С огромным интересом прочитал Вашу статью об Е. П. Иванове. Мне кажется, Вы совершенно верно угадали основную пружину этой очень странной дружбы и очень тонко, мягко и справедливо охарактеризовали бедного Евг⟨ения⟩ Павлови-

<sup>83</sup> ИРЛИ. Ф. 840.

<sup>84</sup> Марфа Ивановна Малова (1907—1978) — зав. учетом документов Рукописного отдела.

<sup>85</sup> Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. II. 1950. С. 74.

<sup>86</sup> ИРЛИ. Ф. 662.

<sup>87</sup> Блок Георгий Петрович (1888—1962) — литературовед, архивист, мемуарист, писатель, двоюродный брат А. А. Блока; в начале 1920-х гг. работал в Пушкинском Доме.

ча. Ваша работа заставила меня по-новому отнести и к нему, и к их отношениям. Еще раз горячо благодарю Вас».<sup>88</sup>

С большой долей уверенности можно предположить, что материал, легший в основу статьи Максимова в первом «Блоковском сборнике» 1964 года, был подготовлен им к печати уже в 1945—1946 годах для ленинградского блоковского сборника воспоминаний, который так и не увидел свет. По свидетельству аспиранта Дмитрия Евгеньевича 1943—1946 годов П. В. Куприяновского, после постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» и доклада А. А. Жданова ученый «ушел из докторантуры Пушкинского Дома, считая, что в сложившихся условиях он не сможет согласно требованиям подлинной науки сказать о Блоке то, что хочет сказать».<sup>89</sup> Сам же Дмитрий Евгеньевич писал Д. Н. Семёновскому 26 мая 1950 года: «Блока пришлось оставить. В компенсацию замышляю нечто о Лермонтове».<sup>90</sup> Впервые Максимов печатно сошлется на материалы архива Иванова только через десять лет после их поступления в Пушкинский Дом — в 1956 году — в своей статье «Александр Блок и революция 1905 года».<sup>91</sup>

Есть большая доля вероятности того, что опосредованно ученый имел отношение и к следующему крупному поступлению материалов из архива Евгения Павловича, которые были приобретены Пушкинским Домом в 1960 году через посредство другого блоковеда, будущего сотрудника и руководителя Блоковской группы — Ю. К. Герасимова. Учетные документы этого времени не отразили подробностей передачи материалов, но Максимов был хорошо знаком с Герасимовым, тогда — аспирантом Ленинградского университета, а 14 декабря 1963 года давал отзыв на его диссертацию «Вопросы театра и драмы в критике А. Блока».<sup>92</sup>

---

<sup>88</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1 об.

<sup>89</sup> Куприяновский П. В. В вечерний час. С. 44.

<sup>90</sup> Письма Д. Е. Максимова к Д. Н. Семеновскому. С. 371.

<sup>91</sup> Максимов Д. Е. Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года и русская литература / Под ред. В. А. Десницкого, К. Д. Муратовой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л., 1956. С. 262, 265.

<sup>92</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Ед. хр. 255. В частности, Максимов писал: «...Ю. К. Герасимов как исследователь отличается выдающейся научной наблюдательностью и точностью, умением найти новые факты и сделать из них глубокие выводы и обобщения. При этом Ю. К. Герасимов пользуется не только печатными источниками, но и большим количеством

Материалы этого поступления из архива Е. П. Иванова оказались «невостребованными». Собственно «блоковских» среди них уже не было. Здесь была часть архива Евгения Павловича, относящаяся к началу его творческой деятельности: дневниковые записи 1902 года; несколько статей, написанных предположительно в 1910-е годы; письма отца, матери, семейная, дружеская и деловая переписка 1880—1900 годов и др. Научно-техническая обработка их была признана несвоевременной.<sup>93</sup>

Об атмосфере этого времени ученица Максимова А. Пайман вспоминала позднее: «...зимой 1960—1961 года ведь не удалось „протолкнуть“ сборник статей о Блоке в Пушкинском Доме. Над каждой публикацией дрожали: пройдет ли?»<sup>94</sup>

Несмотря на это Дмитрий Евгеньевич побуждал своих учеников продолжать изучение жизни и творчества Е. П. Иванова. В частности, он писал той же А. Пайман 26 декабря 1960 года:

---

интересных неопубликованных документов, извлеченных им из московских и ленинградских архивохранилищ (в том числе и неизданными текстами самого Блока). Отдельные части работы (...) опубликованные им как статьи, уже начинают входить в научный оборот и становятся предметом библиографических ссылок в исследовательских работах о Блоке» (Л. 1 об.). В первом «Блоковском сборнике» можно найти следы творческого общения Максимова и Герасимова во взаимных ссылках на работы друг друга. Так, Дмитрий Евгеньевич в предисловии к публикации «Воспоминаний и записей Евгения Иванова об Александре Блоке» благодарил Герасимова за указание на две записи из дневников Иванова (Блоковский сб. 1. С. 357).

<sup>93</sup> В настоящее время материалы поступления обработаны и присоединены к фонду 662 в качестве описи 2. Дневниковая запись Александры Фаддеевны начала 1960-х гг. описывает еще один эпизод отношений с Максимовыми: «23/II 1963 г. Вошла к нам дама. — Я и Мариша решили, что это врач. Дама проговорила, что она жена Дмитрия Евгеньевича Максимова. Прошу садиться. Смотрю и сама себе говорю: „Какая очаровательная! Какая-то изумительная, тонкообаятельная красота: облик и глаза“. Спросила ее, как имя и отчество. Она, должно быть, не слышала, так и не сказала. Спросила Маришу: „когда был в ссылке Е(вгений) П(авлович)“. — Мар(ина) отв(етила) с 1929 г. по 1932 г. Уходя она подошла к маленькому столу и положила пять рублей от Дмитр(ия) Евген(ьевича). Я была обескуражена. Неожиданная помощь. Спасибо им обоим. Вот уж — не знаешь, где найдешь, где потеряешь...». ИРЛИ. Ф. 840.

<sup>94</sup> Пайман А. Письма и память о Максимове // Д. М. Максимов. К 100-летию. С. 75. Аврил Пайман (род. 1930) — филолог-славист, переводчик, член Британской Академии; ученица Максимова, на рубеже 1950—1960-х гг. была стажером ЛГУ.

«...пожалуйста, цитируйте (не в большом количестве) воспоминания Евгения Павловича. И сошлитесь на Рукоп(исный) отдел Пушкинского Дома, где они хранятся. Тогда все будет по форме».<sup>95</sup> Позже А. Пайман так комментировала этот фрагмент письма: «Максимов готовил к печати воспоминания Е. П. Иванова о Блоке, и я их прочла в машинописной копии у него дома, из-за чего и сочла нужным попросить разрешения цитировать. Воспоминания, исключительно важные для понимания Блока, напечатаны в Блоковском сб. I. Тарту».<sup>96</sup>

По словам мемуаристки, в 1961 году при активном участии Максимова в напряженной атмосфере, «достойной сюжета», проходит первая Блоковская конференция в Тарту. С 1964 года там начинают выходить «Блоковские сборники», «выходят они с боем — иногда одни „тезисы“».<sup>97</sup> В первом из них ученый публикует материал из архива Иванова.

Ответ на вопрос: «В чем же заключалось внутреннее основание дружбы, притяжения, глубокого интереса Блока к Евгению Иванову?»<sup>98</sup> для автора статьи однозначен: «...не литературные опыты Евгения Павловича и не его „идейные решения“ привлекали к себе Блока, а его личность, его духовный облик. (...) Блок любил и ценил в Е. П. Иванове его до боли напряженную, требовательную совесть, его душевную чистоту, его редкую чуткость и умение заражаться чужой жизнью и переживать ее как свою собственную».<sup>99</sup>

В своей вступительной статье Максимов отметил наиболее значимые для изучения этой незаурядной личности темы, которые в дальнейшем будут успешно разрабатываться в работах о Евгении Павловиче. На первое место он выдвигал изучение темы «Блок и Е. Иванов»: «Извлечение их (сведений о Блоке, содержащихся в дневнике Иванова 1907—1915 годов. — Е. А.) из рукописей дневника — одна из задач, стоящих перед исследователями Бло-

---

<sup>95</sup> Там же. С. 80.

<sup>96</sup> Там же. С. 75. Пайман в своих книгах цитировала опубликованные воспоминания Иванова. См.: *Pyman A. The Life of Aleksandr Blok. Vol. I: The Distant Thunder 1880—1908. Oxford, 1979, 1980. P. VIII, 419; Пайман А. Ангел и камень: жизнь Александра Блока: В 2 кн. / Пер. с англ. А. Пайман. М., 2005.*

<sup>97</sup> *Пайман А. Письма и память о Максимове. С. 75.*

<sup>98</sup> Блоковский сб. 1. С. 348.

<sup>99</sup> Там же. С. 349.

ка».<sup>100</sup> В статье Дмитрий Евгеньевич уходит от категорических оценок роли Иванова в жизни Блока, высказанных в свое время во вступительном слове к представлению его архива: «Всего сказанного, конечно, недостаточно для полной характеристики Е. П. Иванова, его мировоззрения, его отношений с Блоком и оставшихся в его архиве материалов о Блоке. (...) „Воспоминания“ и „Записки“ Е. П. Иванова о Блоке представляют собой несомненную ценность. При всем различии идейных устремлений и путей Евгения Иванова и Блока оба они тонко чувствовали и понимали друг друга. Е. П. Иванов умел входить в поэтический мир Блока свободнее, горячее и глубже, чем многие другие, даже ближайшие сопутники поэта. Дружба Евгения Иванова с Блоком в некоторых отношениях была лабораторией, в которой складывались темы Блока, оттачивались его мысли, сгущалась необходимая для его поэзии лирическая атмосфера. Е. П. Иванов относился к Блоку с преданностью и любовью и следил с напряженным вниманием за изменениями его духовного строя и душевного склада. Проникнутые высоким опытом любви и дружбы, искренние и сердечные страницы мемуаров Евгения Иванова вносят в наше знание о Блоке новые черты и новые оттенки, которые не должны оставаться неизвестными исследователям и читателям поэта».<sup>101</sup>

Работа Максимова была высоко оценена представителями старшего поколения, современниками Иванова. Так, Н. Я. Мандельштам писала Максиму 27 ноября 1964 года: «Статья к запискам Иванова очень хорошо сделана — точно и изящно».<sup>102</sup>

Все последующие попытки переиздания статьи не увенчались успехом. Дмитрий Евгеньевич был огорчен тем, что статья не вошла ни в первое (1975), ни во второе (1981) издание его книги «Поэзия и проза Ал. Блока». Он писал А. Пайман 9 марта 1976 года: «...книгу мою о Блоке Вы, вероятно, получили («Поэзия и проза Ал. Блока». — Е. А.). Увы! ¾ материала в нее не вошло из-за объема и разных других причин. Особенно мне жалко, что выпали совсем готовые очерки о Е. П. Иванове и Блоке, Ахматовой и Блоке и пр. Они внесли бы биографическую стихию и очеловечили бы Блока. А для читателя, да и вообще, это так важно!»<sup>103</sup>

<sup>100</sup> Там же. С. 358.

<sup>101</sup> Там же. С. 361.

<sup>102</sup> Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максиму / Публ., вступ. статья и коммент. Н. Т. Ашимбаевой // Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 295.

<sup>103</sup> Пайман А. Письма и память о Максимове // Там же. С. 93.

В позднейшей рецензии на книгу Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока» А. Пайман писала: «В последнем разделе книги очень не хватает всестороннего исследования дружбы Блока с Евгением Павловичем Ивановым. К сожалению, при наличии других пробелов, отсутствие именно такого анализа о столь близком для Блока друге остается зияющей лакуной в сравнительно стройной подборке».<sup>104</sup>

Несмотря на то что больше к творчеству Иванова Максимов в своих работах не возвращался, в дальнейшем он всячески поддерживал и стимулировал изучение рукописного наследия Евгения Павловича: определив место и значение его в жизни Блока, Максимов до конца дней побуждал своих учеников продолжать исследование личности Иванова, духовный потенциал которой далеко еще не был осмыслен.

Период изучения материалов Иванова в частных собраниях нашел отражение в «блоковских» томах «Литературного наследства». Н. В. Скворцова в своей статье «К творческой истории стихотворения Блока „Перед судом“ (Из переписки Р. В. Иванова-Разумника и Е. П. Иванова)» благодарила Дмитрия Евгеньевича за предоставленные материалы: «Три письма Иванова-Разумника и два черновика к письму Е. П. Иванова были переданы семьей Е. П. Иванова известному исследователю творчества Блока Максиму».<sup>105</sup> А. В. Лавров, работая над статьей «Блоковиана в собрании М. С. Лесмана», также пользовался консультациями ученого.<sup>106</sup>

В сборнике памяти Д. Е. Максимова Л. А. Ильюнина писала о том, что Дмитрий Евгеньевич в 1980-е годы предложил ей, в то время сотруднице музея Блока, «попробовать завершить» начатую им работу и подготовить к публикации наследие Иванова. Исследовательница знакомилась с материалами архива в разных местах:

---

<sup>104</sup> Там же. С. 97.

<sup>105</sup> К творческой истории стихотворения Блока «Перед судом» (из переписки Р. В. Иванова-Разумника и Е. П. Иванова) / Предисл., публ. и коммент. Н. В. Скворцовой // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1987. Кн. 4. С. 647.

<sup>106</sup> Блоковиана в собрании М. С. Лесмана. Публ. А. В. Лаврова // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 347—357.



в коллекции Н. П. Ильина в Государственном музее истории Ленинграда,<sup>107</sup> в фондах ИРЛИ, ЦГАЛИ, в домашних архивах племянниц Иванова Ксении Петровны и Клеопатры Петровны Ивановых и подруги семьи Розановых — Лидии Ивановны Баранниковой; на квартире М. С. Лесмана: «Почти каждый день я рассказывала Д⟨митрию⟩ Е⟨вгеньевичу⟩, какая еще рукопись была обнаружена в архиве. Его это живо интересовало».<sup>108</sup>

Под руководством Максимова Ильюниной были написаны несколько статей,<sup>109</sup> сделано описание материалов Иванова для аннотированного каталога коллекции Лесмана<sup>110</sup> и подготовлена публикация писем Иванова к Блоку.<sup>111</sup> Уже после смерти Дмитрия Евгеньевича, но благодаря поддержке, оказанной им при жизни, в начале 1990-х годов появилась статья исследовательницы об Иванове в словаре «Русские писатели 1800—1917»,<sup>112</sup> где он был представлен как публицист, детский писатель и автор воспоминаний о Блоке. «Можно

---

<sup>107</sup> Филиалом этого музея (ныне Государственный музей истории Санкт-Петербурга) является музей-квартира Блока. В настоящее время значительная часть некогда существовавшего в ГМИ СПб. фонда Блока находится непосредственно в музее-квартире поэта.

<sup>108</sup> *Ильюнина Л. А.* «...Пока не станешь сам как стезя» // Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 234.

<sup>109</sup> *Ильюнина Л. А.* 1) «Так жили поэты» // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Межвуз. сб. Л., 1989. С. 176—180; 2) А. Блок и Е. Иванов в годы первой русской революции: (К вопросу о генезисе образа Христа в поэме «Двенадцать») // А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. Блоковский сборник. Х: Тарту, 1990. С. 21—31 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 881). (Доклад был сделан в Тарту в 1985 году.); 3) Круг чтения А. Блока 1910-х гг.: (Блок и «Добротолубие») // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 334—356.

<sup>110</sup> См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннот. каталог. Публикации. М., 1989. С. 299—300. Максимов хорошо знал коллекционера. Среди материалов продолжающей поступать в Пушкинский Дом коллекции М. С. Лесмана хранится журнальная вырезка с заметкой ученого «Спасенный архив» и дарственной надписью «Дорогому Моисею Семеновичу Лесману на добрую память. Д. Максимов. 13. XII. 1982». Ф. 840 (пост. № 36 за 2011 г.).

<sup>111</sup> *Ильюнина Л. А.* Неопубликованные письма из архива Е. П. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1990. М., 1992. С. 99—124.

<sup>112</sup> *Ильюнина Л. А.* Иванов Евгений Павлович // Русские писатели. Т. 2. С. 379—380.

сказать, — писала в своих воспоминаниях автор статьи, — Дмитрий Евгеньевич исполнил свой долг (а он почему-то именно так называл свое отношение к Евгению Павловичу)». <sup>113</sup>

С течением лет образ Е. П. Иванова в восприятии ученого углублялся, временная перспектива увеличивала масштаб его личности, постепенно все более отделяя от Блока. В статье Л. А. Ильюниной «А. Блок и Е. Иванов (по неопубликованным материалам)», переданной в Рукописный отдел с очередным поступлением из коллекции Лесмана, приводятся устные воспоминания Дмитрия Евгеньевича 1980-х годов об Иванове: «„Был он очень современным человеком, динамичным, не косным, откликающимся на все современные проблемы и колеблющимся. Но за этим движением и колебанием стояло что-то незабываемое, тишина какая-то, светлость. Он был как князь Мышкин. <sup>114</sup> И в доме была атмосфера светлая, но не сентиментальная“. И еще очень важное для нас суждение: „Думаю, что с Блоком они встречались как одинаково зрелые мыслители, на таком уровне и разговаривали“». В заключении автор приводит еще одно высказывание своего учителя: «Блоку повезло, что у него был такой друг». <sup>115</sup>

Статья Максимова в первом Блоковском сборнике и все последующее исполнение им «долга памяти» по отношению к Е. П. Иванову определили вектор, по которому было продолжено изучение личности и творчества Евгения Павловича в статьях и публикациях О. Л. Фетисенко. Именно она сделала то, что ученый считал «неимоверно-тяжелым трудом», <sup>116</sup> — прочитала дневники Иванова. Ее исследования последних лет, всецело основанные на материалах ар-

<sup>113</sup> Ильюнина Л. А. «...Пока не станешь сам как стезя». С. 235.

<sup>114</sup> В одной из статей Л. А. Ильюнина так продолжила это наблюдение своего учителя: «В символистских и околосимволистских кругах начала XX в. Е. П. Иванов играл роль князя Мышкина, и это было для него естественно. Он пытался примирить непримиримые направления в культурной жизни тех лет, он притягивал к себе детской открытостью, чистотой, умением сострадать, сочувствовать самым разным людям и одновременно до конца быть верным своим убеждениям. Писательский талант Е. П. Иванова был невелик, но о человеческой его значительности говорят многие знавшие этого князя Мышкина XX в. люди» (Ильюнина Л. А. Неопубликованные письма из архива Е. П. Иванова. С. 99).

<sup>115</sup> ИРЛИ. Ф. 840.

<sup>116</sup> РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 6.

хива Иванова,<sup>117</sup> позволяют добавить к словарным дефинициям «самого любимого» друга Блока еще одну — «религиозный мыслитель».

Хочется верить в то, что, как сказал один из учеников Максимова: «Придет время, и наша литературоведческая наука, преодолев болезнь „интертекстуальных“ изучений, обратится к методам, освоенным Д. Е. Максимовым в 1960—1970-е годы, — к его пониманию текста как живого организма...»<sup>118</sup>

---

<sup>117</sup> Фетисенко О. Л. 1) Проповедник Нагорной радости («Петербургский мистик» Евгений Иванов) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 323—390; 2) Сон о Башне: (По материалам архива Е. П. Иванова) // Башня Вяч. Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 220—225; 3) Из дневника «петербургского мистика»: Эсхатологические воззрения Е. П. Иванова // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 273—285; 4) Дневник Евгения Иванова — неизвестный источник для изучения Серебряного века // Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich / Red. naukowa: A. Woiodzko-Butkiewicz, L. Lucewich. Warszawa, 2007. S. 139—146 (Studia Rossica. XIX); 5) Евгений Иванов как читатель и «герой» Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альм. № 23. СПб., 2007. С. 145—156; 6) «Вечно падать и никогда не разбиваться о камни»: («Петербургский мистик» в мире Ибсена) // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб., 2007. С. 81—95; 7) В. В. Розанов в дневнике и незавершенных воспоминаниях Е. П. Иванова. Письма Розанова к Е. П. Иванову / Публ. О. Л. Фетисенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 годы. СПб., 2007. С. 439—515; 8) Александр Блок в дневнике Е. П. Иванова (1903—1941) / Вступ. статья, подгот. текста, примеч. О. Л. Фетисенко // Александр Блок: Исслед. и материалы. (Т. 4.) СПб., 2011. С. 311—436.

<sup>118</sup> Азадовский К. М. Вспоминая Максимова // Д. Е. Максимов. К 100-летию. С. 161.

К 180-летию со дня рождения К. Н. Леонтьева  
(1831—1891)

Вл. С. СОЛОВЬЕВ

〈РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА  
«ВОСТОК, РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО»〉

В минувшем году, как сообщали некоторые газеты, один из наших правительственных людей в заседании высшего государственного учреждения высказал пророчество, что приближающийся двадцатый век удивит мир своею реакцией.<sup>1</sup> В то время, как это говорилось в Петербурге, в Москве вышла интересная книга, в которой то же самое желание и чаяние реакции\* опирается на известные положительные идеи и определенные идеалы. В пестром ряде остроумных замечаний, живых рассуждений и горячих излияний почтенный автор этой книги то нападает на ненавистные ему начала либеральной и эгалитарной цивилизации — являются ли они в лице знаменитого французского деятеля или в лице новогреческого и болгарского «интеллекта», — то излагает своеобразные взгляды на процесс социального развития народов, то, наконец, проповедует свой положительный идеал византийско-русской церковно-государственной культуры. Мы не станем ни разбирать всего многообразного содержания этой книги, ни оценивать ее с литературной стороны. Мы остановимся главным образом на тех идеальных началах, которые автор противопоставляет господствующим идеям европейского прогресса.

В истекающем веке Европейская жизнь двигалась и волновалась, главным образом, во имя трех идей: идей 〈так. — Н. К., Г. К.〉 национальностей, которая в начале этого века была так громко и внушительно провозглашена знаменитым Фихте в его Речах к немецко-

---

\* В рукописи при слове «реакции» стоит знак вставки текста, однако текста, который должно было бы вставить, обнаружить не удалось. — Н. К., Г. К.

му народу и затем постоянно выдвигалась то в той, то в другой стране, пока наконец в наши дни выразителями национальной идеи вместо мыслителей с их философскими обобщениями явились разные короли и принцы с своими официальными речами и манифестами (так. — Н. К., Г. К.). — Если это начало народностей, идя от успеха к успеху, переделало всю политическую карту Европы, то внутренняя картина гражданского и общественного строя внутри каждого (так. — Н. К., Г. К.) из европейских государств была глубоко видоизменена второю господствующею идеей нашего века — идеей прав человека и гражданина, или идеей эгалитарной свободы. За этими двумя идеями, освещающими международную и внутреннюю политику последнего столетия, неизбежно выступает третья идея и третья задача — социально-экономическая: если начало национальностей стремится создать самостоятельные народы, если принцип либерализма хочет дать этим самостоятельным народам самостоятельных граждан, уравнивая гражданские права всех классов населения, то задача социально-экономического движения состоит в том, чтобы на деле осуществить эту [равноправность] свободу и равенство, дать самостоятельным и равноправным гражданам самостоятельные и равномерные средства к существованию.

Те, кому неприятно это освободительное и уравнивающее движение, должны знать, что успешно бороться против него невозможно ни во имя исторического права, ни во имя одних реальных интересов. Историческое право по самому понятию своему неопределенно и неустойчиво, как все дела рук человеческих. Если оно только историческое, то оно историей и изменяется. И если вчера и историю делали Меттернихи и Веллингтоны, а сегодня делают Бисмарки и Гладстоны, то завтра ее будут делать безымянные социалдемократы, которых теперь считают утопистами и лишь на том основании, на каком и Бисмарк в начале своего поприща подвергался осмеянию как полоумный фантазер. На наших глазах историческое право итальянского королевства вышло из революционного движения, начатого лишь полвека тому назад мечтательными заговорщиками. Никто еще не определил срок исторической давности, превращающей факт в право. По-видимому, даже здесь дело вовсе не в сроке, а в одном только успехе. Историческое право существует лишь до тех пор, пока оно защищается достаточною силою. Так было, так будет наверно и в двадцатом столетии, и ожидать какой-то общей реакции во имя исторического права самого по себе — значит прельщаться ничем не значащими словами.

Точно так же должно сказать о тех, которые стремлениям гуманитарного прогресса хотят противопоставить так называемые реальные интересы, причем этому термину придается ложный вид какого-то однородного и определенного политического принципа с охранительным и даже реакционным характером. А на самом деле реальных интересов столько же, сколько различных противоборствующих между собою сил в человечестве и в каждом определенном народе, и если некоторые из этих сил реально заинтересованы в охране настоящего порядка или в реакции в пользу прошлого, то другие общественные и личные силы столь же реальным образом заинтересованы в более или менее быстром прогрессе, в более или менее радикальных переменах. Если реальные интересы габсбургской династии заставляли Австрию противодействовать освобождению и объединению Италии, то столь же реальные интересы Савойского дома и Наполеоновской империи поддерживали это освобождение. И едва ли можно считать простою случайностью, что уже более полувека в международной политике борьба консервативных интересов и сил с прогрессивными неизменно оканчивается каждый раз победою этих последних. Что касается до области социально-экономической, то и тут «реальные интересы» вовсе не ручаются за охранение существующего, не говоря уже о возвращении к прошлому или о реакции, имеющей удивить мир. Напротив, совершенно ясно, что если общественные классы, заинтересованные в сохранении старого экономического строя, будут опираться только на свои реальные интересы, то они погибнут. Ибо реальные интересы, т. е. попросту своекорыстие, меньшинства будет тогда неизбежно сокрушено своекорыстием большинства. Прежде, когда правящие классы обладали привилегией умственного образования и вместе с тем имели в своем распоряжении вооруженную силу, отделенную и обособленную от народа, они могли заставлять народную массу быть бескорыстной и служить чужим интересам. Ныне такое выгодное для меньшинства положение существенно изменилось. Благодаря широкому распространению образовательных средств с одной стороны и установлению всеобщей военной повинности с другой, как умственная, так и материальная сила уже не находятся более в исключительном распоряжении правящих классов. И если эти последние против возрастающих и все более и более сознательных требований народного большинства не могут выставить ничего кроме своих частных интересов, то они сами себя осуждают на неизбежное и бесславное крушение.

Итак, если ни в политике исторического права, ни в политике реальных интересов не могут найтись твердые точки опоры для противников либерально-уравнительного движения, то они вынуждены искать спасения в каких-нибудь положительных и определенных идеалах, которые дали бы им [опору] почву более твердую, чем историческое право, и более широкую, чем реальные интересы.<sup>2</sup> <текст обрывается. — Н. К., Г. К.>

## Комментарии

Текст писан набело, четко и аккуратно, однако по воспроизведенным выше случаям простейших грамматических несогласованностей видно, что текст к тому моменту, когда была прекращена работа над ним, не перечитывался автором и остался невыправленным. Сообразно с господствующим в нашей эдиционной практике правилом («очевидные описки и ошибки исправляются без специальных оговорок») было бы легко редакторски восстановить необходимые согласования, появившиеся в силу перестроения в уме и под рукой пишущего первоначально возникавших фраз.<sup>3</sup> Мы, однако, не устранили несуразности, ради того, чтобы показать, что перед нами — только первоначальная версия текста. Подтверждается это наблюдение и тем, что предположенная вставка в начале текста (оговорена нами) не была сделана. Текст оборвался на третьем листе рукописи, так что в нижней части листа оставалось место для нескольких строк; можно говорить, что она была оставлена без продолжения по решению, возникшему или окрепшему уже при работе над текстом.

Фрагменты рецензии обнаружены в трех разных единицах хранения архивного фонда Вл. С. Соловьева, тех единицах, в которых лежат перепутанные листы рукописей многих работ философа, по большей части черновых и неопубликованных. Около половины первого фрагмента впервые напечатал А. П. Козырев.<sup>4</sup> Прочее предается печати впервые.

Тема начатой и брошенной рецензии опознается однозначно — речь идет о книге К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство».

По всей видимости, нужно принять, вслед за А. П. Козыревым, датировку рукописи 1886 годом, с которой согласились и редакторы Полного собрания сочинений Леонтьева В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко.<sup>5</sup> В пользу отнесения рецензии к 1886 году свидетельствуют ее первая и вторая фразы: «В минувшем году <...> в Москве вышла интересная книга».

Соловьев принимал близкое участие в подготовке книги Леонтьева, принадлежа к небольшому кругу друзей, с которыми Леонтьев обсуждал состав будущего сборника, сроки подготовки, остро желанную ему рекламную кампанию. Об этом можно судить, например, по его письму от 27 февраля 1885 года к О. А. Новиковой, у которой находились материалы второго тома книги, где двойным знаком вопроса были отмечены

статьи и заметки, на перепечатку коих автор не мог решиться без одобрения доверенных советчиков: «... ??» помечена, во-1-х, вся смесь, которая под общим заглавием *Сквозь нашу призму* печаталась в „Варшавск(ом) Дневнике“. — Относительно этого отдела у меня больше всего сомнений; тем более что и мнения людей, которым я прочитывал отрывки из него, различны: Владим(ир) Соловьев, С. П. Хитрова, С. А. Толстая, Астафьев<sup>6</sup> и некоторые молодые люди — *очень* хвалят остроумие и т. п. Но К. П. Победоносцев еще в 80-м году говорил мне, что *этот отдел* ему не нравится. — Он, видимо, недоволен его *легкомыслием*; тогда как о передовых статьях моих он в обществе, в доме Кня(зя) В. П. Мещерского заявлял, что они даже перед Катковым имеют одно преимущество, „захватывают вопрос с корня“ (так он выразился).

Влад(имир) Соловьев тоже очень хвалит небольшую статью *Выговор Г. Суворину*,<sup>7</sup> которая тоже обозначена знаком ??. Я как-то теперь лично никого раздражать и оскорблять не хочу и во всем подобном сомневаюсь».<sup>8</sup>

Соловьев обещал Леонтьеву выступить в печати с откликом на книгу. 2 июля 1885 года Леонтьев писал об этом О. А. Новиковой: «Многие собираются заранее писать об ней (Вл. Соловьев, Кристи, Грингмут, Н. Н. Бахметьев в Русск(ой) Мысли и т. д.). — Не верю никому, кроме Соловьева и Бахметьева: это люди верные, хотя 2-й и противник по духу».<sup>9</sup> Леонтьев, как известно, мучительно переживал невнимание критики и общества к его писаниям и, следовательно, идеям. Тяготясь литературным одиночеством, тем большие надежды он возлагал на инициативу Соловьева, который, казалось Леонтьеву, его неподдельно любит и читит. Потому и писал он тотчас по выходе первого тома «Восток, Россия и Славянство» своему задушевному приятелю К. А. Губастову: «...по прежним достаточным, как Вы знаете, примерам, ни от кого почти (разве от Вас и от Владимира Соловьева) не жду серьезного содействия (пожалуй — еще от Филиппова, но он сам теперь вовсе почти не пишет)».<sup>10</sup> Тем дороже было для Леонтьева твердое намерение, если не обещание, Соловьева, о котором он сообщал Т. И. Филиппову 6 июля 1885 года, вскоре после той встречи, упоминание о которой мы уже видели в письме к О. А. Новиковой: «На днях у меня на даче был Влад(имир) Соловьев, мы очень теперь дружны; он собирается писать о моей книге (к сентябрю) статью. Где напечатает, не знаю».<sup>11</sup>

Вопрос, где можно было бы опубликовать соловьевскую рецензию, неожиданно занимает большое место в леонтьевской переписке. В июльском письме 1885 года Леонтьев рассказывает К. А. Губастову о своем столкновении с редактором «Православного обозрения» прот. Петром Преображенским: Леонтьев, по его собственному признанию, в 1882 году недопустимо, грешно и грубо заступился в печати, по просьбе кн. В. П. Мещерского, за книгу Филиппова «Современные церковные вопросы» в ответ на рецензию, помещенную в «Православном обозрении». «...От(сц) Преображенский с тех пор, — пишет Леонтьев, — до того меня ненавидит, что, очень дорожа статьями Влад(имира) Соловьева для своего журнала, он о моей этой новой книге „Восток, Россия и Слав(янство)“ ни за



что в „Православном Обозрении“ его (т. е. Влад⟨мира⟩ Соловьева) благоприятного отзыва не допустит». <sup>12</sup>

К той же теме Леонтьев возвращается в письме от 9 августа, отвечая на соображения друга о возможных авторах, которых можно было просить об откликах на его книгу:

«...Вы приводите некоторые имена, но, отчасти по незнанию всех фактов, вывод не верен; отчасти освещение ложно, вследствие чисто практического рационализма. — Филиппов, Соловьев, Астафьев — по-Вашему, не специалисты и не критики. — Так. Оставим то, что они не специальные критики; во-1-х, это и не нужно. — А во-2-х, им всем случалось быть не раз и критиками. — Небольшая, но дельная заметка в газете в наше время совершенно достаточна. — Скажем о специальности. ⟨...⟩

3) Соловьев (Влад⟨мир⟩). — Этот, во-1-х, специальностью не стесняется; — он судит с своей точки зрения печатно даже и об социализме (и очень верно). — Во-2-х, он-то пользуется уж 2-й год всяким случаем, чтобы упомянуть обо мне; даже Аксакова заставил отдать однажды мне справедливость. — Лично он очень меня любит и не брезгает даже иногда и послушаться меня. — Но — ему самому иногда некуда деваться с своими статьями. — Катков слышать об его взглядах не может. С Аксаковым он через Папство разошелся. — О чисто либеральных органах и говорить нечего. — Только и была одна Редакция у него — небогатая, нераспространенного издания — „Правосл⟨авного⟩ обозрен⟨ия⟩“. — Но — Редактор, отец Преображенский, лично меня возненавидел, и за дело: я виноват и грешен против него. — И даже думаю, как бы мне извиниться перед ним, но тогда, когда уже не будет возможности подозревать меня в мерсиканьи ножкой через статью... (Зачем же вводить и его в заблуждение; тогда ведь и его примирение не было бы искренним?)

Влад⟨мир⟩ Соловьев недавно был у меня на даче и сказал, что он хочет писать о моей книге статью в таком духе: Леонтьев прав в том смысле, что вся жизнь должна быть основана на религии, и еще в том, что он верит в торжество социализма над нынешней буржуазией; — но социализм его не либеральный, а строгий... и т. д. Где поместить — не знает. — Хочет предложить свою статью в Редакцию „Русской мысли“, несмотря на то, что там уже была библиографичес⟨кая⟩ заметка о моей книге (которую, кажется, и Вы читали). — Посмотрим. Видите — что факты Вы не все еще знали и вывод у Вас не тот. — И теперь еще не все.

Что касается до Ламанского, Аксакова и Бессонова, о которых Вы упомянули, даже обвиняя их в личностях противу меня и считая их специалистами, то и с этим я не согласен. — Ламанский личностей со мной не имеет; — даже, кажется, скорее благоволит лично. — Аксаков, как я слышал и знаю, очень ценит меня как повествователя; — лично — ни да, ни нет; — скорее правда, что не благосклонен; идеи мои — ненавидит. — Это мне говорили и Новикова, и Влад⟨мир⟩ Соловьев; он считает их ужасным искаженьем Славянофильства... О Бессонове ничего не знаю». <sup>13</sup>

Необходимо сказать, что Леонтьев вольно или невольно преувеличивает затруднения Соловьева с поиском трибуны. Как раз в момент, когда Соловьев рассказывал о них Леонтьеву на даче, в июньском номере

1885 года катковского «Русского вестника» появился большой цикл стихотворений Соловьева. В феврале и марте 1886 года, т. е. около того времени, когда Соловьев мог бы закончить рецензию на книгу Леонтьева, его шуточные стихи печатаются в «Новом времени», в 1885 году подпись Соловьева появляется в «Ниве» и т. д. Да и отношения с «Русью» И. С. Аксакова не были испорчены безнадежно — опять-таки около мыслимой даты публикуемого наброска рецензии Аксаков писал 15 декабря 1885 года Н. Н. Страхову в Петербург: «Едет к Вам В. С. Соловьев. Мы с ним опять сошлись, условившись не касаться вопроса о Латинстве. Но боюсь я его поездки к Штрессмайеру в Загреб...»<sup>14</sup> А на деле, невзирая на рознь, осенью 1885 года в «Руси» были опубликованы важнейшие полемические выступления Соловьева — «Государственная философия в программе Министерства Народного Просвещения», «Как пробудить наши церковные силы? Открытое письмо к С. А. Рачинскому», «Новозаветный Израиль», и место для рецензии на книгу Леонтьева, скорее всего, Соловьеву было бы предоставлено. Логистические трудности, обсуждавшиеся на даче Леонтьева, забывать нет смысла, но и объяснять исключительно ими то, что Соловьев бросил свою рецензию едва начатой, — нет возможности.

Дошедшее до нас начало рецензии — замечательно четкая и заостренная экспозиция того приговора европейской и русской исторической действительности, в котором оба мыслителя были согласны меж собою. Продолжи Соловьев свою реплику, он должен был бы заговорить о «положительных и определенных идеалах, которые дали бы» безнадежно торжествующим противникам «либерально-уравнительного движения» «почву более твердую, чем историческое право, и более широкую, чем реальные интересы», о том, что Леонтьеву и самому Соловьеву представлялось общественной силой, властной то ли отложить конец исторического эона (или вообще истории), то ли направить человечество к сознательному сотворчеству Божественному Провидению. Обоим такой силой представлялась Церковь. Леонтьев писал Губастову в уже приведенном июльском письме 1885 года: «...он (Катков) боится именно того, чего мы с Филипповым желаем — чрезмерного в будущем усиления Вселенской Патриархии, в случае присоединения Царьграда и неизбежной нужды сосредоточить Церковное управление Православия; — Катков опасается того, чего нужно желать, т. е. оппозиции Церкви Русскому Государству; — эта возможность оппозиции, эта сила и Свобода Церкви и есть единственная годная для России и для всего Православного Востока Конституция; — Катков этого не желает; — и в этом он просто глуп... Ибо только Церковь сильная и смелая, так сказать, в лице своего духовенства может в будущем в иные минуты спасать самую Государств<sup>енную</sup> власть от каких-нибудь анафемских новых либеральностей...»<sup>15</sup> «Церковь сильную и смелую» перед лицом русского государства Соловьев искал в папском Риме, и Леонтьева, как известно, соловьевский папизм не страшил, разделить могло мыслителей только признание Соловьевым за высшую ценность правоты «либерально-уравнительного движения».

За недостатком положительных данных мы не станем перебирать догадок, почему Соловьев не дописал публикуемую рецензию. Скажем только, что к рубежу 1885—1886 годов условия разрыва, произошедшего в самом конце жизни Леонтьева, еще далеко не созрели и не выявились, не могли бы, вероятно, сказаться и в рецензии.<sup>16</sup> Но не вызрели еще и условия, по которым Леонтьев стал прообразом того героя, голос которого так легко принимается за голос автора в предсмертных «Трех разговорах», завещании Владимира Соловьева.<sup>17</sup>

<sup>1</sup> К сожалению, не удалось выяснить, что Вл. Соловьев имеет в виду.

<sup>2</sup> РГАЛИ. Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 40—41; Ед. хр. 6. Л. 67—68; Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 23. Публикаторы выражают признательность Е. Н. Даренковой-Котрелевой за помощь в подготовке текста.

<sup>3</sup> Из педантизма высветим механизм появления ошибок, которые автор то ли не заметил, то ли оставил без правки до окончательного перечтения рукописи.

Первоначальное «...жизнь двигалась и волновалась, главным образом, идеей ⟨...⟩ национальностей» после уточнения числа жизнестроительных принципов дает «...жизнь двигалась и волновалась, главным образом, во имя трех идей: идей ⟨так. — Н. К., Г. К.⟩ национальностей».

Первоначальное «...в наши дни выразителями национальной идеи вместо мыслителей с их философскими обобщениями явились разные короли и принцы с своими официальными речами и манифестами» после решения изменить падеж косвенного дополнения, при том что предлог не был должным образом изменен, дает «...в наши дни выразителями национальной идеи вместо мыслителей с их философскими обобщениями явились разные короли и принцы с своими официальными речами и манифестах ⟨так. — Н. К., Г. К.⟩». Эта фраза должна была бы подвергнуться более сложным перестроениям, поскольку требовалось бы дополнение к словам «в своих официальных речах и манифестах».

Третий случай нарушенного согласования вполне аналогичен второму, первоначальное «в каждом из европейских государств» при изменении предлога дает невыправленное «внутри каждом ⟨так. — Н. К., Г. К.⟩ из европейских государств».

<sup>4</sup> Козырев А. П. В. Соловьев и К. Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» // Начала. М., 1992. № 2. С. 67; включено в книгу: Козырев А. П. Соловьев и гностики. М., 2007. С. 276. А. П. Козырев высказывает некоторое сомнение в своей датировке («если эта рецензия была написана действительно в 1886 году»), при этом не рассматривает иных возможностей временного приурочения статьи; в этой связи отметим, что он называет ее откликом на первый том книги Леонтьева, тогда как в самом конце 1885 г. появился и второй том, так что рецензировать первый отдельно уже не имело смысла.

<sup>5</sup> Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2009. Т. 8, кн. 2. С. 790.

<sup>6</sup> Отметим ту же констелляцию имен и в другом письме к О. А. Новиковой, много более раннем, от 1 января 1884 г.: «Вижусь я почти только исключительно с Хитрово-Толстыми, Соловьевыми и Астафьевыми. К остальным не хочется». (Леонтьев К. Н. Избранные письма, 1854—1891 / Публ., предисл. и коммент. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 277).

<sup>7</sup> Впервые опубликована: Варшавский дневник. 1880. 19 июня. № 128. С. 3—4. Републикована: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. СПб., 2006. Т. 7, кн. 2. С. 180—185 (коммент.: с. 884—886).

<sup>8</sup> РГБ. Ф. 126. К. 3323. Ед. хр. 22. Л. 8—8 об. (эта цитата, с разбивкой на два фрагмента, приведена в преамбулах Полн. собр. соч. Леонтьева: Т. 7, кн. 2. С. 790—791, 886).

<sup>9</sup> Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. С. 783.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 287.

<sup>12</sup> Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. С. 862; другой фрагмент процитированного письма — с. 860.

<sup>13</sup> РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 135 об.—137 об. Приведенная выдержка частично использована: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. С. 789—790.

<sup>14</sup> ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 70 об.

<sup>15</sup> РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 125 об.

<sup>16</sup> Нам представляется анахронизмом черезчур сильное утверждение А. П. Козырева: «...если эта рецензия была написана действительно в 1886 году, то в ней наверняка проявилось увлечение В. Соловьева европейским прогрессом» (Козырев А. П. Соловьев и гностики. С. 276). — Именно к 1885 г. относится признание Соловьева в любви к Леонтьеву, как единственному из современников, стоящему «на религиозной почве» (см. письмо Соловьева от конца февраля или начала марта 1885 г.: Владимир Соловьев. Из несобранного: Церковные дела: Письмо первое. (Разыскания Н. В. Котрелева) // Вестник русского христианского движения. 1990. № 158. С. 149). Леонтьеву это признание было дорого и памятно (ср.: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. С. 92). О почти дословных совпадениях Соловьева и Леонтьева в суждениях о церковной централизации свидетельствуют пометы Леонтьева на выполненной В. М. Эберманом (общим их с Соловьевым знакомым) копии статьи Соловьева «Церковные дела» (1885), хранящейся в РГАЛИ (Ф. 290. Оп. 2. Ед. хр. 86). См.: Фетисенко О. Вл. Соловьев в «Голосе Москвы» (новые материалы) // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева: Мат-лы междунар. науч. конф. 14—15 февр. 2003 года. СПб., 2003. С. 390—391.

<sup>17</sup> См.: Котрелев Н. В. Эсхатология у Владимира Соловьева: (К истории «Трех разговоров») // Эсхатологический сборник / Отв. ред. Д. А. Андреев, А. И. Неклесса, В. Б. Прозоров. СПб., 2006. С. 238—257.

А. П. СОЛОВЬЕВ

**АРХИЕПИСКОП НИКАНОР (БРОВКОВИЧ)  
И К. Н. ЛЕОНТЬЕВ: КОНГЕНИАЛЬНОСТЬ МЫСЛИ  
И ДУХА\***

28 февраля 1891 года, за полгода до принятия монашеского пострига, К. Н. Леонтьев в письме о. Иосифу Фуделю рассуждал о мудрости и простоте русского духовенства: «И почему вы говорите, наконец, что От⟨ец⟩ Амвросий человек простой умом и сердцем? — Вы упоминаете также по тому же поводу имя От⟨ца⟩ Иоанна Кронштадтского. — Его я лично не знаю; в молитвенность великую и чудодействие его верю; и даже в 87 году из М⟨осквы⟩ писал ему больной, прося молиться за раба Бож⟨ия⟩ К⟨онстанти⟩на, и получил очень скоро исцеление. — Это особый дар; а вот проповеди его из рук вон слабы и рутинны; — особенно если вспомнить о великолепных проповедях Амвросия (Харьк⟨овского⟩) и Никанора покойного (тоже не из «невинных» был, кажется, покойник!)».<sup>1</sup>

Приведенный фрагмент письма интересен тем, что в нем упоминаются четыре светила русского духовенства конца XIX века — св. Амвросий Оптинский, св. Иоанн Кронштадтский, архиепископ Амвросий (Ключарев) и архиепископ Никанор (Бровкович). Это сопоставление особо выделяет именно о. Иоанна (1829—1908) и архиеп. Никанора (1826—1890), поскольку еще в 1855 году под руководством молодого бакалавра Санкт-Петербургской Духовной Академии иеромонаха Никанора (Бровковича) студент Иван Сер-

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-03-00033а («Философия архиепископа Никанора (Бровковича) в контексте истории русской мысли XIX—XX веков»).

<sup>1</sup> «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 278.

гнев готовил выпускное (кандидатское) сочинение «О Кресте Христовом. В обличение мнимых старообрядцев».<sup>2</sup> Но еще важнее то, что много лет спустя, в то самое время, когда Леонтьев обратился ко «всероссийскому Батюшке», прося молитв «о рабе Божиим Константине», архиеп. Никанор был вызван для присутствия в Св. Синод (1887—1889), в Петербург, где и стал свидетелем того почитания, которым народ окружал о. Иоанна.

В 1888 году архиеп. Никанор писал: «Поразительнейшее знамение времени — о. Иоанн Кронштадтский. Ведь его ждут принять везде, от подвалов до раззолоченных палат. (...) Его молитвенной помощи ждут и просят не только во всех концах России, но и за границею. И молитвенная помощь его, всегда с его стороны простая, ничего чудесно прямо не обещающая, бывает иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна сама вера в о. Иоанна Кронштадтского всех сословий Петербурга, да и всех концов России. А такой простой, безыскусственный человек, но истинно верующий в действительность силы Божией, и в наши дни священник. „Чудотворна та икона, — выразился глубоко мудрый первосвянитель Российской Церкви, 90-летний старец,<sup>3</sup> — которая сильна возбудить веру в свою чудотворность“. Силу этого глубоко-мысленного изречения можно применить и к о. Иоанну Кронштадтскому. Да, чудотворец он уже потому самому, что возбудил крепкую веру в чудотворную силу Божию, содеевающуюся в человеческой немощи и в наши неверные дни».<sup>4</sup>

Этот отрывок из петербургского послания архиеп. Никанора одесской пастве напрямую перекликается с мыслью Леонтьева, высказанной в цитированном выше письме о простоте, безыскусственности и чудотворности о. Иоанна. И это не единственный пример совпадения оценок архиеп. Никанора и Леонтьева. Так, будучи людьми одного поколения (Леонтьев на пять лет моложе архипастыря) и принадлежа к православно-охранительному идейному направлению, архиеп. Никанор и Леонтьев, как мыслители и публицисты,

---

<sup>2</sup> См. современное издание: *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* О Кресте Христовом. В обличение мнимых старообрядцев. М., 2006.

<sup>3</sup> Имеется в виду Исидор (Никольский; 1799—1892), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего Синода.

<sup>4</sup> *Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа по возвращении к пастве // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1888. № 27. С. 725—726.

затрагивали схожие темы в своих произведениях. Они оба критиковали нигилизм, либерализм и идею общественного прогресса, оба высказывались по балканскому вопросу (в связи с греко-болгарским конфликтом), оба писали о русских идейных течениях и русской литературе (например, о Ф. М. Достоевском, И. С. Аксакове, Л. Н. Толстом и др.).

Во всех этих вопросах, ценя сердечную простоту о. Иоанна Кронштадтского, и архиеп. Никанор, и Леонтьев проявляли себя как совсем «не простые» и весьма глубокомысленные философы. Относительно архиеп. Никанора вполне можно согласиться с мнением Леонтьева о том, что «не из „невинных“ был» архипастырь. Эту свою «не-невинность» подтверждал и сам архиеп. Никанор в искренних и мудрых записках своих, которые В. В. Розанов определил как «лучший образец ⟨...⟩ совестливого языка».<sup>5</sup>

В своем отзыве на публикацию автобиографических материалов архиеп. Никанора Розанов восклицал: «Почему не издаются записки ⟨...⟩ арх. Никанора как *классики* для юношества ⟨...⟩. По крайней мере, эти книги заставили бы задуматься кое над чем серьезным завтрашних докторов, адвокатов, чиновников, писателей — так мало обнаруживающих до сих пор мысли?»<sup>6</sup> Записки архиеп. Никанора до сих пор ждут своего издания в полном объеме, как ждут они и своих исследователей.

Знатокам же истории русской мысли имя архиеп. Никанора известно преимущественно не по его трудам — поучениям, запискам, богословским и философским статьям и трактатам, но в значительной степени благодаря тому, что одну из проповедей архиеп. Никанора Леонтьев положил в основу заметки «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни» (1885), написанной специально для второго тома сборника «Восток, Россия и Славянство»

---

<sup>5</sup> Розанов В. В. ⟨Рец. на кн.:⟩ Архиепископ Никанор. «Из истории ученого монашества». «Русское обозрение». 1896 г. 1—3 кн. // Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. Т. 1: Религия и культура. С. 311. Розанов отмечал искренность, честность как черты характера и Леонтьева: «Да, „по натуре“ это была изумительно благородная и чистая душа, без единого пятнышка притворства, лжи, лицемерия, фальши, гордости, тешеславия» (Розанов В. В. О Константине Леонтьеве // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 414).

<sup>6</sup> Розанов В. В. ⟨Рец. на кн.:⟩ Архиепископ Никанор. «Из истории ученого монашества». С. 312.

и служившей своеобразным послесловием к двум мемуарным очеркам 1883 года.

Леонтьев привел в своей заметке обширный отрывок из поучения архиеп. Никанора, сказанного при освящении железнодорожного вокзала в Одессе.<sup>7</sup> Комментируя позицию архипастыря, Леонтьев характеризовал его поучение следующим образом: «Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма и современного вавилонского *все-смешения*».<sup>8</sup> Позже Леонтьев не менее восторженно писал об этом поучении преосвященного Никанора:

«Что касается <...> до того, что́ я позволил себе назвать *пессимистическим направлением реальной науки*, то тем, кому это не ясно, я могу указать, во-1-х, на „Поучение при освящении новых зданий вокзала желез<ной> дор<оги> в Одессе, Пр<еосвященного> Никанора, Еп<ископа> Херсонского и Одесского“. («Православное обозр<ение>»), 1884, октябрь).

Это поучение — превосходный образец смелого и прямого *пессимистического* отношения к знаменитым изобретениям и открытиям ненасытного XIX века. Образцов же *эвдемонического* и *утилитарного*, то есть противоположного воззрения на все эти усовершенствования, — такое множество, что затруднение только в выборе. Их найти можно везде и сколько угодно».<sup>9</sup>

Антипрогрессистские позиции несомненно сближали воззрения архиеп. Никанора и Леонтьева, что проявлялось в неоднократных упоминаниях архиепископа Никанора в статьях и письмах Константина Николаевича.

В одной из своих известнейших статей «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» Леонтьев писал:

«Итак, что же делать, чтобы быть *несомненно* полезным человеком?»

---

<sup>7</sup> См. преамбулу к комментариям: *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2009. Т. 8, кн. 2. С. 909—914. (По уточненным данным, датировать леонтьевскую статью можно концом октября 1885 г. — *Примеч. отв. ред.*).

<sup>8</sup> *Леонтьев К. Н.* Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни // *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 8, кн. 1. С. 150.

<sup>9</sup> *Леонтьев К. Н.* Письма о Восточных делах (Дополнение 1885 года) // Там же. С. 105.



Изобретать *машины?* — По Боклю и ему подобным — это так.

По преосвященному Никанору, который не менее Бокля учен или начитан, — это вовсе не так. — Яков Уатт по этому взгляду оказывается человеком гораздо более вредным, чем полезным.

И, повторим здесь еще раз: так как *новейшее* направление истории идет против *капитализма* и *неразрывного* с ним умеренного, *среднего либерализма*, то, вероятно, и ближайшие события пойдут не по пути купеческого сына Бокля, а по духу Епископа Никанора, по крайней мере с этой *отрицательной* стороны: против *машин* и вообще противу всего этого физико-химического умственного разврата, — против этой страсти орудиями мира неорганического губить везде органическую жизнь, — металлами, газами и основными силами природы — разрушать растительное разнообразие, животный мир и самое *общество человеческое*, долженствующее быть организацией *сложной* и *округленной* наподобие организованных тел природы». <sup>10</sup>

В определенном смысле можно сказать, что в том числе и против пагубной страсти «губить везде органическую жизнь» направлено поучение архиеп. Никанора, сказанное при освящении одесского вокзала. Но оно посвящено не только этому «экологическому» вопросу.

Упомянутое поучение архиеп. Никанора условно делится на три части. В первой части архипастырь предложил рассматривать историю человечества с точки зрения развития способов передвижения и выделил пять этапов или «фаз» этой истории: «Первая фаза — это патриархальная. Вторая — фаза движений древних великих государств из-за борьбы за всемирное владычество. Третья — фаза переселения народов в конце древней истории и в начале средних веков. Четвертая — фаза крестовых походов. И наконец, пятая и последняя — фаза великих сперва морских, а затем и сухопутных передвижений в новейшей истории, во все концы земли, сперва посредством ветра, а затем и пара, — фаза, в которой железные пути, электрические телеграфы и телефоны составляют пока последнюю, высшую точку развития путей и способов сообщения народов». <sup>11</sup>

---

<sup>10</sup> Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. С. 173—174.

<sup>11</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Поучение при освящении новых зданий вокзала железной дороги в Одессе // Православное обозрение. 1884. Т. 3, окт. С. 327.

Вторая часть поучения собственно и есть отрывок, представленный в статье Леонтьева и заканчивающийся апокалипсической картиной техногенной и нравственной катастрофы: «В могильное, глухое безмолвие погружается теперь оголяемая тупою корыстью пустынная русская земля. Эта корысть скоро убьет самый вкус к прелестям природы, как убивает самую красоту природы. Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавают только отошальные всеядный человек, как голодный паук, не имей кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли. Эти железнодорожные линии, не похожи ль на нити всемирной паутины?...»<sup>12</sup>

Леонтьев этой фразой завершает цитирование проповеди архиеп. Никанора. Само же поучение (по тексту в «Православном обозрении») содержит еще четыре страницы, на протяжении которых мыслитель-архиерей рассуждает о возможной (хотя и сомнительной) пользе железных дорог и о неизбежности распространения их. Подобный вывод был обусловлен тем, что архиеп. Никанор понимал необходимость развития путей сообщения и для просвещения, и для удобства, и для того, чтобы Россия могла противостоять Европе в техническом плане, при полном осознании того, что эта «гонка скоростей» навязана России извне.

Завершил же архиеп. Никанор проповедь словами: «Вот о чем помолимся: попросим у Господа Бога, чтоб наши, освящаемые молитвою Христовой Церкви, усовершенствованные пути несли нам только свои блага, каких все мы от них чаем: блага высшего просвещения, блага улучшенной культурой жизни; но в то же время и не лишали нас благ, которые составляли коренную основу благосостояния нашего русского народа; чтоб не истощали сокровищницу народной поэзии, не подрывали нашу истинно-святую православную Христову веру, не снимали с нас наше русское обличье и отличие, не сглаживали с нас особенности нашего старорусского характера, как в духе, так даже и во внешности...»<sup>13</sup>

Можно было бы подумать, что мысль о признании некоторой пользы железных дорог могла быть расценена Леонтьевым как уступка прогрессу, но этого не случилось. В восприятии Леонтьева это поучение архиеп. Никанора оставалось образцовым примером

<sup>12</sup> Там же. С. 338—339.

<sup>13</sup> Там же. С. 342—343.

критики утилитарного прогресса и либерального разлагающего духа европеизма. В 1883 году, за год до произнесения и публикации поучения архиеп. Никанора, Леонтьев написал две заметки с критикой «железнодорожного прогресса» для газеты-журнала кн. В. П. Мещерского «Гражданин». Основная идея, как первой статьи — «Два представителя индустрии», так и второй — «Знакомство с Лессепсом», заключается именно в том, что технический прогресс тлетворен не сам по себе, но порочно стремление прогрессистов «осчастливить» все человечество. Леонтьев писал:

«Итак, не надо строить железных дорог? Не надо проводить телеграфы?»

Нет, я этого не говорю: стройте и проводите себе, что хотите, восхищайтесь изобретениями; но, прошу вас, не уверяйте меня и столько других людей, что вы через это наши благодетели! Многим, *очень* многим людям, может быть, это вовсе невыгодно и неприятно».<sup>14</sup>

Год спустя та же мысль была высказана архиеп. Никанором.

Интересно и то, что некоторые пассажи Леонтьева в этих статьях очень напоминают отдельные положения поучения архиеп. Никанора. Так, Леонтьев писал:

«По железной дороге приедет, положим, скорее ко мне друг, сын поспеет легче обнять умирающую мать; но зато приедет и неприятный мне человек, враг и соперник в делах или в привязанностях моих. <...> По железной дороге я легче уеду вылечиться от ревматизма на дальние воды, о которых я прежде и не смел и помыслить; но эта же железная дорога разнесет скорее прежнего по всему краю отвратительный и ужасный бич — холеру, от которой погибнет любимый мною человек. <...>

Железные дороги и фабрики, работающие паром, нещадно истребляют леса; от истребления лесов меняется климат, мелеют реки, учащаются неурожайи, изменяется самый характер жителей к худшему».<sup>15</sup>

В этом отрывке — чуть ли не конспект части поучения архиеп. Никанора, сказанного при освящении одесского железнодорожного вокзала. Но ведь Леонтьев писал свою статью за год до появления проповеди архиеп. Никанора! При этом нельзя отрицать ве-

<sup>14</sup> Леонтьев К. Н. Два представителя индустрии // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 1. С. 137.

<sup>15</sup> Там же. С. 137—138.

роятность того, что архиеп. Никанор читал статью Леонтьева в «Гражданине», поскольку архипастырь активно следил за новинками литературы и читал светскую прессу.<sup>16</sup>

Однако, в конечном счете, о прямом заимствовании ни с той, ни с другой стороны говорить не приходится. Еще в 1875 году Леонтьев самостоятельно сформулировал антипрогрессистскую установку. В работе «Византизм и Славянство» он писал: «Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма — сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, как процесс разложения, процесс того вторичного упрощения целого и смешения составных частей, о котором я говорил выше, процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т. е. деспотически) свойственны общественному телу».<sup>17</sup> До 1875 года Леонтьев не мог ничего знать об архиеп. Никаноре, поскольку именно в этом году только и вышел первый том философского сочинения этого достойного архипастыря «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». При этом в данном томе не было ничего напрямую касающегося проблемы общественного прогресса.

Одновременно с этим нельзя утверждать и о влиянии статей Леонтьева за 1883 год на отношение архиеп. Никанора к прогрессу и технике. В подтверждение этому можно привести тот факт, что первое выступление архиеп. Никанора против идеи прогресса относится к 1860 году, когда он, еще будучи ректором Саратовской духовной семинарии в сане архимандрита, произнес поучение на новый год. Это поучение было опубликовано спустя десять лет в 1870 году в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник» (во время ректорства архиеп. Никанора в академии), а затем перепечатано в собрании его поучений. В этом слове, получившем

---

<sup>16</sup> Примером такого активного интереса может служить случай, описанный самим архиеп. Никанором в письме К. П. Победоносцеву (август 1883 г.). Владыка Никанор вспоминал, что, прибыв однажды к уфимскому губернатору Щепкину, он намеревался обсудить с ним статью из «Русского вестника». Щепкин же отказался, обескуражив преосв. Никанора. См.: Переписка К. П. Победоносцева с Никанором, епископом Уфимским // Русский архив. 1915. № 5. С. 74. Подобных примеров увлеченного чтения современной публицистики архиеп. Никанором можно найти много на страницах его записок и воспоминаний.

<sup>17</sup> Леонтьев К. Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7, кн. 1. С. 384.

подзаголовок «Христианство и прогресс», архиеп. Никанор показал взаимосвязь идеи бесконечного прогресса с ложной мечтой о земном рае, о всеобщем благоденствии в этом мире. Архиерей-философ вывел происхождение этого заблуждения в Европе из механико-материалистического и идеалистическо-пантеистического мировоззрений.

Относительно следствий и проявлений этого ложного прогрессистского мечтания архиеп. Никанор еще в 1860 году отмечал: «Немецкий прогресс и вечное личное существование моего духа — это два понятия несовместимые; о вреде этого учения для нашего вечного блаженства тут и говорить нечего. Но будет ли русский человек счастливее даже на земле, если уничтожить в нем его наследованную от отцов веру? <...> Подорвите в православной России православно-русскую веру, — вы сгубите Россию <...>. Не говорим о том, что это химерическое учение учит презирать все прошедшее, громить укорами настоящее, нетерпеливо рваться к будущему <...> что грозит оно крутыми переворотами; — что, смотря глубже, хочет заставить Россию поспешно изжить predeterminedенную ей долю жизни, пробежать предназначенный нашему народу круг существования подобно тому, как рука шаловливой неопытности может спустить пружину часов, и часы опишут в несколько секунд все те круги, которые правильным ходом должно было совершить в сутки и более, и за тем станут: так как это безбожное и бездушное антихристианское учение о прогрессе есть тот крайний вывод растления мысли и нравов, к которому человечество в массе, и то без сомнения не все, может придти не ранее, как через 1000 лет».<sup>18</sup>

Можно с уверенностью утверждать, что Леонтьев подписался бы под каждой фразой этого поучения архиеп. Никанора. Но с большой вероятностью можно утверждать, что Леонтьев не знал этого поучения архиеп. Никанора ни в 1860-х, ни в 1870-х годах. Таким образом, позиция Леонтьева оказывается не просто совпадающей, но скорее конгениальной воззрениям архиеп. Никанора, который, как и Леонтьев, уточняет свою позицию с той точки зрения, что сама по себе железная дорога не плоха и не хороша, но все зависит от слабой нравственной воли человека, постоянно стремящегося к материальному комфорту и земному благоденствию.

Конгениальность Леонтьева архиеп. Никанору раскрывается и в предыстории знакомства Леонтьева с поучением архиеп. Никанора о

---

<sup>18</sup> А. Н. <Никанор (Бровкович), архиеп.>. К первому дню нового года // Православный собеседник. 1870. Т. 1. С. 74—75.

железных дорогах. Рассказ об этом известен от Г. И. Замараева (1860—1902) — одного из членов юношеского кружка, собиравшегося у Леонтьева. Комментируя обособление от кружка одного из знакомых, Ивана Кристи, Леонтьев в запальчивой мечтательности сказал: «Вы подумайте только: Ванечка, человек образованный, кончил курс в университете, кончит скоро и в академии, дворянин, со средствами, и вот вы представьте себе такого священника или, может быть, архиерея в облачении, поучающего народ на молебне при открытии какой-нибудь железной дороги. „Помолимся, мол, братья, о путешествующих, чтобы им не погибнуть, но не будем особенно радоваться появлению у нас чугунных дорог, как и всякому вообще утилитарному прогрессу, а рассмотрим лучше, сколько вреда приносят нам все эти дороги“. Разве это не была бы такая именно проповедь пастыря к своей пастве, какая теперь нужна?»<sup>19</sup> Как отмечал Замараев, это высказывание Леонтьев произнес еще до публикации поучения архиеп. Никанора.

История продолжилась позже. Замараев писал: «Прошло после этого несколько месяцев <...> не более двух или трех, — заходит ко мне однажды с книжкой в руках тоже уже покойный теперь Петр Евгеньевич Астафьев.<sup>20</sup> — А, батюшка, нате-ка прочтите, — говорит он мне, передавая книжку журнала „Православное обозрение“, — вы только вникните хорошенько, что сказано и как сказано преосвященным Никанором при освящении нового железнодорожного вокзала в Одессе. Ведь это, батюшка, бесподобно: и научно, и доказательно, и сжато так, что ни капли риторики... Я прочел поучение с глубочайшим интересом и тут же не мог не припомнить нашей

---

<sup>19</sup> Замараев Г. И. Памяти К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 201—202.

<sup>20</sup> Петр Евгеньевич Астафьев (1846—1893) — русский философ, психолог и публицист; разрабатывал персоналистическую философию в духе монадологии Г. В. Лейбница. По воззрениям близок поздним славянофилам. С 1885 по 1890 г. заведовал университетским отделением Лицея в память Цесаревича Николая (Катковского лицея). В 1890—1893 гг. — приват-доцент Московского университета. Основные работы: «Понятие психического ритма, как научное основание психологии полов» (1883), «Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки» (1890), «Вера и знание в единстве мировоззрения. (Опыт начал критической монадологии)» (1893). Астафьев входил в круг общения Леонтьева, но при этом они активно друг с другом дискутировали по национальному вопросу.

беседы с К. Н. Леонтьевым, мастерски нарисовавшим мне ту самую картину и ту обстановку, при которой наш Ванечка должен был бы говорить именно то, что так прекрасно сказано было преосвященным Никанором. Когда я напомнил об этом Константину Николаевичу, то он ответил мне замечательно просто: „Ну вот видите? а я так и позабыл совсем об этом, но от души порадовался поучению преосвященного... А вы, мои милые друзья, все зеваете и зеваете“, — прибавил он с оттенком искренней грусти.<sup>21</sup>

\* \* \*

Подобного рода предчувствия были характерны для Леонтьева как проявление особого рода интуитивной мудрости, которой не был лишен и архиеп. Никанор. Но для понимания позиции архиеп. Никанора в вопросе о прогрессе следует обратиться к его философским трудам, поскольку практически каждый аспект своего мировоззрения архиерей-философ пропускал через призму критической рефлексии. В этом смысле особое значение имеет его трехтомный труд «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (1 том — 1875, 2 том — 1876, 3-й — 1888), который неоднократно упоминал в своих статьях и письмах Леонтьев, иногда ошибочно называя его «Позитивизм и Христианство».<sup>22</sup>

Действительно, труд архиеп. Никанора посвящен критике позитивизма, но критике с позиций более глубокого, чем у самих позитивистов, понимания «позитивной» методологии. Это позволило ему обосновать возможность такой «позитивной философии», которая признавала бы реальность сверхчувственного бытия (Бога и бессмертной души). Архиеп. Никанор начал свое исследование с вопросов об особенностях чувственного познания и о реальности познаваемого. Решение этих вопросов привело его к выводу о прирожденности предмета познания «внутренним душевным чувствам» — чувству истины (разуму), нравственному чувству (совести) и эстетическому чувству (вкусу). Далее архиеп. Никанор обосновал

---

<sup>21</sup> Замараев Г. И. Памяти К. Н. Леонтьева. С. 203. Об И. Кристи и Г. Замараеве см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012 (по указателю). Пояснения к сцене, описанной Замараевым: Там же. С. 498—499.

<sup>22</sup> Леонтьев К. Н. Епископ Никанор о вреде железных дорог... С. 150.

онтологический статус и конкретность предмета познания — идеи-εἶδος-а, который не есть отвлеченное, абстрактное понятие. Идеи, по архиеп. Никанору, оказываются прирождены человеческому разуму (поскольку сам человек представляет собой особый εἶδος, являющийся разумным средоточием всех идей). Экспликация этих идей и представляет собой истинный путь познания. Разуму архиеп. Никанор противопоставлял рассудок, который способен лишь на абстрактно-понятийное, отвлеченное, «внешнее» мышление, не способное подняться до истины, до идей разума.

Именно в плане противоположности разума (стремящегося к истине, к полноте бытия, к абсолютному бытию) и рассудка (стремящегося к наиболее абстрактному формально-логическому обобщению, к чистому, пустому понятию, т. е. к абсолютному небытию) архиеп. Никанор обнаружил взаимосвязь между отпадением человека от абсолютного бытия и увлечением человека чувственно-рассудочным познанием и субъективизмом в познании. Так, с точки зрения архиеп. Никанора, процесс совершенствования человека связан с «идеальным» разумным познанием. Но человек, в своем увлечении «внешним», рассудочным познанием и научным прогрессом, «разрушает весь не только умственный, но и нравственный и социальный строй человечества».<sup>23</sup> Архиеп. Никанор подразумевал, что увеличение знаний о внешнем мире ничего не дает для нравственного развития человека.

Более того, праздное любопытство и отвлекает человека от совершенствования своего духовного мира, и приводит к его деградации, саморазрушению: «Много ли пользы принесло человечеству открытие, что луна изрыта потухшими вулканами, а у полюсов на Марсе громоздятся льды, как и на земле? Или что масса солнца весит столько-то пудов, а плотность земли у центра земного шара достигает такой-то величины? Но усилие, хотя и бесплодное, современной философской ученой и дилетантской интеллигенции отрешить умы всего человечества от внушений внутреннего чувства и идеального разума, — оно не только превратно, но и губительно. (...) Оно изгонит, как и изгоняет из мира всякую возвышенную любовь и самоотвержение, всякую надежду, всякую поэзию, всякие идеалы жизни. Оно понизит не только общий душевный, но и умственный уровень. Оно принизит род людской до одичания, до сознательного

---

<sup>23</sup> *Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие.* СПб., 1888. Т. III. С. 340.



оскотинения».<sup>24</sup> Этот вывод этического учения архиеп. Никанора основывался на его гносеологии, на идее о разнонаправленности деятельности разума и рассудка.

В аспекте развития философской системы архиеп. Никанора его проповеди, посвященные критике идеи прогресса, дополняли и проясняли отдельные выводы «Позитивной философии и сверхчувственного бытия». Ведь, например, развитие железных дорог не обусловлено праздным любопытством, но тем не менее оказывается по преимуществу губительным. И пагубность именно в том, что распространение железных дорог и идея «социального прогресса» связаны с развитием, расширением и стремлением к удовлетворению чувственно-рассудочных потребностей, «внешних» запросов. При этом архиеп. Никанор понимал, что если идея социального прогресса как начало, ориентирующее человечество на привязанность к материальным благам, к комфорту, является порочной, то демонизировать саму технику неверно.

Техника плоха как проявление идеи «внешнего» прогресса, то есть только как симптом. И, как уже говорилось, свое знаменитое поучение о железных дорогах архиеп. Никанор все же завершил призывом молить Господа о том, чтобы неизбежное распространение железных путей приносило как можно меньше вреда и дало как можно больше пользы. Причем признание некоторой практической пользы от достижений технического прогресса проявлялось в непосредственной деятельности архиеп. Никанора. Так, например, возглавляя Уфимскую епархию с конца 1876-го до конца 1883 года, архиеп. Никанор инициировал организацию дорожного сообщения между отдельными населенными пунктами Уфимской губернии. Архиеп. Никанор был первым, кто в Уфе использовал телефонную связь (прямой провод между кабинетом в архиерейском доме и зданием консистории).<sup>25</sup> Можно приводить множество примеров технического усовершенствования бытовых условий в Рижской (с 1855 г.), Саратовской (с 1858 г.), Полоцкой (с 1865 г.) семинариях, в Казанской духовной академии (с 1868 г.) в период ректорства в них архиеп. Никанора. Но это не помешало ему в первый же год пребывания на Одесской епископской кафедре произнести речь

---

<sup>24</sup> Там же. С. 340.

<sup>25</sup> Зефиров Е. А. Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877—1884 гг.) // Странник. 1893. Т. 3, дек. С. 718.

о том вреде, который приносят железные дороги, порочность которых, повторим, заключалась в том, что они являлись именно проявлением идеи «утилитарного», «внешнего» прогресса.

Кажется возможным утверждать, что для Леонтьева был характерен подобный же подход к технике. Для Леонтьева техника — это результат и признак «гниения» определенного культурно-исторического типа, который, как и все явления тварного мира (во грехе лежащего), подчинялся закону трех стадий развития. Стоит отметить, что, с точки зрения Розанова, именно этот закон оказывается средоточием мировоззрения Леонтьева: «Учение Леонтьева о трех фазах всякого развития, всякой истории, всякого прогресса, взятое им практически из медицинских наблюдений, из фазисов просто „жизни“ и „смерти“ под глазами „мудрого врача“ и перенесенное затем великими эстетическими порывами и глубокой филантропией, бесконечной любовью к человеку, быющему на земле в узах жизни и смерти, — это учение есть корень „всего Леонтьева“, всех его отщипаний и утверждений, его политики и монашества».<sup>26</sup>

Суть учения Леонтьева о триедином процессе развития заключается в том, что все существующее в мире представляет собой динамически изменяющееся целое, которое, появляясь, усложняется по мере заложенных возможностей, а затем приходит в упадок, разлагаясь на составные элементы. Леонтьев писал:

«Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного *смесительного* упрощения, свойствен точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам».<sup>27</sup>

В любом явлении Леонтьев стремился подчеркнуть момент разнообразия, которое и указывает на сложность, а значит, и высокий уровень развития данного явления. После достижения пика сложности явление начинает деградировать, разлагаться на составляющие и в целом упрощаться. Леонтьев очень чутко чувствовал, что в тварном мире царят как Божественный закон роста и развития, закон усложнения, так и (в силу греховности тварного мира) — закон смерти, распада, энтропии. Именно с этой точки зрения прекрасным может быть только то, что жизненно, то, что зрело и разнообразно, а в пределе — причастно жизни вечной.

---

<sup>26</sup> Розанов В. В. О Константине Леонтьеве. С. 412.

<sup>27</sup> Леонтьев К. Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7, кн. 1. С. 382.

По Леонтьеву, субъект триединого процесса развития — это форма некоего явления. В частности, развитие государства «сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим». <sup>28</sup> Иначе говоря, процесс развития — это изменение формы как границы между явлением и окружающей средой. Четкость и даже деспотичность этой границы способствует формированию своеобразия явления, развитию тех его черт, которыми это явление отличается от других. Леонтьев полагал, что форма «вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании). Она есть отрицательный момент явления, материя — положительный. В каком это смысле? Материя, например, данная нам, есть стекло, форма явления — стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух вокруг или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своего полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом». <sup>29</sup>

Это положение можно интерпретировать таким образом, что понятие «материя» в данном случае указывает на содержание явления, а этим содержанием оказывается идея, т. е. смысл явления (то, для чего это явление существует, его предназначение). А форма этого смысла («идеи») есть граница данного явления (содержащего смысл), форма в таком случае — это структура, способ организации содержания явления (смысла).

Леонтьев определял форму как «деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбежаться». <sup>30</sup> Интересно при этом то, что «идея» в приведенных выше высказываниях оказывается понятием, указывающим и на содержание, которое выражается в некоей форме, и на императивный принцип, лежащий в основе формы. По всей видимости, такое несоответствие способов употребления понятия «идея» объясняется характерным для Леонтьева пренебрежением к логико-философской форме выражения своих воззрений. Подтверждение же тому, что понятие «идея» у Леонтьева используется неоднозначно, можно обнаружить в незавершенной статье Леонтьева «Культурный идеал и племенная политика».

---

<sup>28</sup> Там же.

<sup>29</sup> Там же. С. 382—383.

<sup>30</sup> Там же. С. 383.

Леонтьев писал в этой работе:

«Нация — это сама *вещь*; термин *нация* соответствует самому конкретному из всех представлений, принадлежащих к разбираемому порядку.

*Национальность* понятие более отвлеченное. — Это какой-то *йдос* — той нации, которую мы только что воображали себе *во плоти*.

Когда мы говорим — русская национальность, французская, китайская, то мы вспоминаем о тех общих качествах или признаках, которые более или менее свойственны всем людям, составляющим эту нацию (или хотя бы большинству их), и *совокупностью* которых эта нация *отличается от других*.

Чем эти признаки резче, чем эта совокупность их выразительнее, тем более в нации *национальности*, т. е. особенности, своеобразности, оригинальности».<sup>31</sup>

Таким образом, здесь «идея» («идос») оказывается понятием отвлеченным, тогда как сама «вещь» максимально конкретна. При этом сама «идея» оказывается совокупностью признаков, которыми одна вещь отличается от другой, а это значит, что понятием «идея» («идос») здесь обозначается то, для чего ранее использовалось понятие «форма».

Небрежность Леонтьева при использовании понятия «идос» объясняет то примечание, которое он делает к этому тексту: «Это не шуточное словечко — „йдос“ — сорвалось у меня почти нечаянно. — Ужаснувшись, однако, тотчас же моей дерзости, я стал искать у себя надежного источника для проверки и нашел его в книге Еп(ископа) Никанора — „Позитивная философия и сверхчувственное бытие“. — (На стр. 119—126; 2-го тома.) Оказалось, что я имею право в данном случае употребить это слово. — Значит, я могу быть виноват разве в том, что Еп(ископа) Никанора не так понял».<sup>32</sup> И, к сожалению (а возможно и к радости для почитателей пророческо-интуитивного гения Леонтьева, не вмещающегося в рамки логико-понятийного философского дискурса), можно констатировать, что Леонтьев действительно «не так» понял смысл понятия «εἶδος» у владыки Никанора.

Согласно онтологии Леонтьева, насколько ее можно реконструировать, любое явление («вещь») представляет собой единство со-

---

<sup>31</sup> Леонтьев К. Н. Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву // Там же. Т. 8, кн. 2. С. 23—24.

<sup>32</sup> Там же. С. 23.

держания (которым иногда оказывается идея как смысл), организующего принципа (структуры, которая иногда определяется через понятие «идеи») и формы (которая представляет собой отличительные черты «вещи», отграничивающие ее от окружающих явлений, и для обозначения которой Леонтьев также использует понятие «идея» («идос»)). С точки же зрения онтологии архиеп. Никанора, идея-εἶδος есть сама конкретная «вещь» в своем подлинном бытии как таковая, во всем богатстве своих свойств. Так понятая «идея» оказывается схожей с «монадой» Лейбница, которая является индивидуальной субстанцией и представляет собой «метафизический атом».

По архиеп. Никанору, кроме идей-εἶδος-ов существует вечное абсолютное бытие — неизменное, постоянное, совершенное. Это — абсолютная константная сила, которую архиеп. Никанор отождествляет с Божественным «творческим разумом ⟨...⟩ зиждительною идеєю, силою и благодатью».<sup>33</sup> Так же есть и абсолютное небытие как противоположность абсолютного бытия и как то «ничто», из которого творится мир. Любая «идея» как конкретная индивидуальная субстанция представляет собой самоограничение абсолютного бытия абсолютным небытием. Собственно это «самоограничение» и есть акт творения, в силу которого «идея» содержит абсолютное бытие как всеобщую сущность и абсолютное небытие как принцип оформления, отграничения данного εἶδος-а от всех остальных.

Именно на указанных Леонтьевым страницах 119—126 второго тома «Позитивной философии и сверхчувственного бытия» архиеп. Никанор писал о том, что «при возникновении мира, каждый ново-возникающий εἶδος привносил с собою в мир известную силу, извлекая ее из недр силы абсолютной, самоограничивающей себя небытием».<sup>34</sup> Тут же можно найти и такое понимание «идоса»: «Эти-то εἶδος-ы, которые, как цельные, чуждые всякой отвлеченности, полножизненные образы, никак не следует смешивать ⟨...⟩ с более или менее отвлеченными рассудочными понятиями; эти-то εἶδος-ы и суть основные законы бытия, суть живые субстраты, суть неизменные сущности явлений...»<sup>35</sup> Таким образом, текст, упоминаемый Леонтьевым, содержит прямое указание на то, что

---

<sup>33</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1876. Т. II. С. 398.

<sup>34</sup> Там же. С. 120.

<sup>35</sup> Там же. С. 122.

«идос» не является отвлеченным понятием — он, по архиеп. Никанору, и есть то, что «во плоти». И тогда «нация», о которой писал Леонтьев как о «вещи», оказывается как раз «идосом» (согласно архиеп. Никанору), а «национальность» — отвлеченным понятием (которое является абстрактным и в этой абстрактности — противоположным *εἶδος*-у).

Представляется возможным утверждать, что в строгом философско-понятийном аспекте онтологии Леонтьева и архиеп. Никанора имели определенные различия. Однако следует обратить внимание на то, что, расходясь в «букве» своих воззрений, они оказываются близки по духу. Так, по их воззрению, любая «вещь» (*εἶδος*) оказывается причастной всеобщей сущности, абсолютному бытию. Одновременно эта же конкретная «вещь» имеет в себе основу своего отличия от другой «вещи» — абсолютное небытие как принцип ограничивающей формы. Каждая «вещь» является вечной по своей внутренней сути, но поскольку она причастна и небытию, то эта «вещь», имея возможность проявить свою внутреннюю силу, всегда будет стремиться в конечном счете к распаду на более простые формы. Таким образом, вне зависимости от различий в интерпретации отдельных понятий, философские воззрения архиеп. Никанора и Леонтьева можно охарактеризовать с помощью понятий «динамизм» и «антиномизм».

«Динамизм» предполагает, что мировая субстанция — это всеобщая «сила» или совокупность «сил». «Динамизм» характерен для философии жизни, для волюнтаризма, для экзистенциализма и персонализма. В России второй половины XIX века «динамизм» развивал, например, Н. Н. Страхов, который характеризовал его следующим образом: «Известно, что динамическая теория вещества считает сущностью не вещество, а силы; вещество по этой теории само происходит от взаимодействия двух сил, притягательной и отталкивающей. Но этого мало. Нужно найти силу в полном смысле живую, т. е. внутреннюю, не механическую; нужно открыть ее закон, не математический, но служащий основой всем математическим законам. Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть в эти внутренние биения его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокие движения его сущности. Только тогда можно будет рассматривать мир как одно целое, как гармоническую сферу».<sup>36</sup>

---

<sup>36</sup> Страхов Н. Н. Мир как целое. М., 2007. С. 406.

«Динамизм» у Леонтьева опирается на восприятие мира как совокупности живых организмов — биологических и социокультурных, которые, получая первоначальную силу для «цветения», приходят в конечном счете к упрощению через разложение. Вечным и неизменным остается лишь начало «мистическое», религиозное — Церковь как Тело Христово, благодать Божия, питающие все «цветущее». В этом же аспекте одновременного и разнонаправленного процесса развития-разложения раскрывается антиномизм, лежащий в основе воззрений Леонтьева и отражающий «биение пульса» мироздания.

Тот же «динамизм» составляет и у архиеп. Никанора основу понимания мироздания (включая и явления социокультурного порядка). Как уже отмечалось, любой «идос» имеет всеобщую основу в абсолютном бытии и одновременно — индивидуальную сущность. При этом если абсолютное бытие есть начало жизненной силы, то индивидуальный аспект бытия есть начало противоположное, начало обособления через соприкосновение с небытием. Эти два начала разрывают «идос», и это составляет главное условие его существования. На антиномизм, как одну из важнейших характеристик своего философского мировоззрения, указывал сам архиеп. Никанор: *«Распадение всякого εἶδος-а на частные и частнейшие εἶδος-ы есть неизбежный результат его индивидуальной сущности, а включение его в высший родовой εἶδος есть неизбежный результат его сущности элементарной, индивидуальной его цельности, происшедшей из специального ограничения в нем абсолютного бытия абсолютным небытием. Это — противоречие, но противоречие не логическое, а антиномическое».*<sup>37</sup>

\* \* \*

«Динамизм» и антиномизм, будучи философскими принципами архиеп. Никанора и Леонтьева, связаны еще и с такой характеристикой их мировоззрения, как персонализм. Под персонализмом в данном случае понимается философский подход, с точки зрения которого Бог понимается как Личность, человек — как образ и подобие Божие, а любовь к Богу и ближнему — как условие совер-

<sup>37</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. II. С. 123.

шенствования человека в его стремлении к личностному соединению с Богом. «Динамизм» в аспекте персонализма проявляется как коммуникация, общение с Богом и ближним, как совершенствование, как любовь, как трансцендирование человеком наличного бытия в направлении возрастания бытия личностного, сверхприродного. А. В. Соболев пишет, что «декартовский тезис на почве персонализма преобразуется в тезис: „Я мыслю, следовательно, существуют интимно близкие мне люди“». <sup>38</sup>

Эта интимность, исповедальность, взглядывание в себя и в личность ближнего, чуткость к другой личности делает мышление подлинно персоналистичным. И такого рода персонализм был свойственен и архиеп. Никанору, и Леонтьеву. Но этот же персонализм, как явление динамическое, невозможен и без антиномизма, который дает возможность понять то, что человек, призванный к вечности, одновременно греховен и смертен. Антиномизм дает возможность понять и то, что Бог как Высшая Личность, как Вечный и Всевышний мог умалиться до воплощения в Богочеловеке, умереть и воскреснуть. Персонализм невозможен без принятия возможности одновременного положительного обнаружения двух противоположных онтологических характеристик в одной личности, то есть — без антиномизма.

В этом смысле, говоря об истории русской философии в целом, «нельзя толково и интересно изложить вне перспективы становления персонализма в России, достигшего зрелости в творчестве Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова и П. А. Флоренского. Только в свете высших достижений все моменты истории философии приобретают осмысленность <...>. В персонализме, являющемся жизненным нервом философии как таковой, философия осознает свою природу как особого способа организации знания». <sup>39</sup> Вопросы антропологические, вопросы о личности оказываются ключом к пониманию процессов, происходивших в истории русской философии в конце XIX—начале XX века. И здесь важное место занимают идеи Леонтьева, для которого антропологическая тематика стоит на одном из первых мест. С другой стороны, надо иметь в виду, что преимущественно персонализм в России развивается в рамках традиции русского неолейбницианства. Так, учение о человеке архиеп. Ника-

---

<sup>38</sup> Соболев А. В. О русской философии. СПб., 2008. С. 286.

<sup>39</sup> Там же. С. 285.



нора невозможно реконструировать без учета влияния монадологии Лейбница на его философию.

Философский XIX век можно рассмотреть в перспективе противостояния «универсализма» и «индивидуализма», в ракурсе преодоления «отвлеченного» и «абстрактного» «конкретным». К концу века в западноевропейской и русской философии начали остро выявляться оппозиции рационализма и интуитивизма, «генерализма» и персонализма, прогрессизма и катастрофизма, эволюционизма и креационизма, аналитизма и аритмологизма. С. М. Половинкин замечает, что «преобладающими в философии XIX в. были „генерализирующие“ тенденции: немецкая классическая философия, кантианство и неокантианство, позитивизм, материализм, марксизм, экономизм, историзм, социологизм, эволюционизм. Реакцией на эти „генерализирующие“ тенденции было возрождение лейбнизианства в конце XIX в. в трудах Германа Лотце (1817—1881) и Густава Тейхмюллера (1832—1888). Последний преподавал в Дерптском университете, где его лекции слушали русские неолейбнизианцы А. А. Козлов и Е. А. Бобров. К неолейбнизианцам можно причислить и Л. М. Лопатина. Русские монадологи пошли назад далее Лейбница. Они укоренялись в христианском персонализме».<sup>40</sup> Ответом на универсализм и прогрессизм новоевропейской культуры были и идеи Леонтьева (который понимал универсализм как эгалитаризм, как нечто неэстетичное, как упрощение и примитивизм), и учение архиеп. Никанора, направленное на преобразование позитивизма в духе христианского мировосприятия.

Неолейбнизианство возникает вообще как непосредственная реакция на невозможность объяснения феномена личности в рамках немецкой классической философии. Русский персонализм, который часто непосредственно отождествляют с неолейбнизианством, именно в монадологии Лейбница обнаруживал онтологическое обоснование личности. Притом специфика русского неолейбнизианства состоит в идее разомкнутости монад, каковые у Лейбница не имеют «окон» и «дверей». Для русского неолейбнизианства важна возможность общения между монадами, возможность союза их на почве взаимной любви и любви к Богу как Высшей Субстанции (или Сверхсубстанции).

---

<sup>40</sup> Половинкин С. М. Философский контекст Московской философско-математической школы // София: Альманах. Уфа, 2005. Вып. 1: А. Ф. Лосев: Ойкумена мысли. С. 180.

Но нельзя забывать о том, что персонализм в России шире неолейбницеанства как такового, в смысле укорененности русского персонализма не в западноевропейском либерализме, а в христианской антропологии. Выше говорилось, что к персоналистам относят и Достоевского, и Розанова, и о. Павла Флоренского. Персоналистами были А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Н. Я. Данилевский, архиеп. Никанор, Н. В. Бугаев, А. А. Козлов, Л. М. Лопатин и даже Вл. С. Соловьев (в раннем периоде своего творчества). К этому же кругу персоналистов можно отнести П. Е. Астафьева, Н. О. Лосского, С. А. Алексеева (Аскольдова) и ученика Л. М. Лопатина — В. Шилкарского.<sup>41</sup> Персоналистами, в большей или меньше мере, были Н. А. Бердяев и Л. Шестов. Конечно же, не все вышеперечисленные мыслители были неолейбницианцами, хотя круг их идей один и его можно очертить категорией «личность».

У Леонтьева антропологическая проблематика была связана, прежде всего, с «восстанием против „антрополатрии“». <sup>42</sup> Поклонение человеку, возвышение его, какой бы то ни было антропоцентризм чужд Леонтьеву. Мироззрение Леонтьева, как и архиеп. Никанора, теоцентрично. Но именно это острое ощущение теоцентрической необходимости личного общения человека с Богом, лежащее в основе спасения, и делает Леонтьева христианским персоналистом. Личность человека — это индивидуум, который есть образ и подобие Божие, но это и существо греховное, страх Божий иметь должное. Страх Божий — именно как осознанное ощущение присутствия Божия здесь и сейчас, в любой момент жизни человека. В. В. Зеньковский отмечал: «Леонтьев отказывается трактовать проблему человека, проблему его жизни лишь в отношении к отрезку его земной жизни. Он глубоко живет сознанием, что человек живет в потустороннем мире, и что его жизнь *там* зависит от жизни *здесь*». <sup>43</sup>

Особо ярко христианский персонализм Леонтьева проявляется в связи с его отношением к Вл. Соловьеву, его философским и общественно-политическим воззрениям. Следует обратить внимание на то, что «ранний Соловьев видится пионером русского неолейбници-

<sup>41</sup> См.: Яковенко Б. В. История русской философии. М., 2003. С. 400.

<sup>42</sup> Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1. С. 512.

<sup>43</sup> Там же. С. 513.

анства конца XIX—начала XX века». <sup>44</sup> Однако «поздний Соловьев растворяет личность не только в „сверхличном“ Боге, но и в „человечестве“». <sup>45</sup> Именно «позднего» Соловьева не принимает Леонтьев и требует выслать его за границу, запретить ему писать. <sup>46</sup> 24 января 1891 года Леонтьев писал: «При всем моем личном пристрастии к Влад(имиру) Сергеичу и при всем даже почтительном изумлении, в которое повергают меня *некоторые* из его творений («Теократия»; некотор(ые) места из критики «отвл(еченных) Начал» и «Религиозн(ых) Основ», напр(имер)), я сам ужасно недоумен им за последние 3 года». <sup>47</sup>

Но Леонтьев принимает, например, «Критику отвлеченных начал». Более того, именно эту работу Соловьева Леонтьев ставил на один уровень с трактатом архиеп. Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие»: «...служит, например, и в наше время эта благородно-порабощенная вере наука у Еписк(опа) Никанора в его книге „Позитивная философия“ или у Владимира Соловьева в его „Критике отвлеченных начал“...» <sup>48</sup>

Леонтьеву было близко то отрицательное отношение к новейшему эгоистическому эгалитаризму, которое мы находим в ранних текстах Соловьева, который писал в «Философских началах цельного знания»: «...чрезмерное развитие индивидуализма в совре-

---

<sup>44</sup> Половинкин С. М. В. С. Соловьев и русское неолейбницианство // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 91.

<sup>45</sup> Там же. С. 96.

<sup>46</sup> Леонтьев пишет 31 октября 1891 г. своему ученику А. А. Александрову о Соловьеве в связи со склонностью последнего к либеральным воззрениям в конце 1880—нач. 1890-х гг.: «А лучше всего было бы, если бы г. Петровский (редактор «Московских ведомостей». — А. С.) обратился с просьбой к Великому Князю Сергею Александровичу уговорить митрополита Иоанникия, чтобы он сказал сам проповедь противу этого смешения христианства с демократическим прогрессом или обнародовал какое-нибудь краткое послание к своей пастве. Скажут: много чести? Я не согласен. Преосв. Никанор удостоил же внимания своего Л. Н. Толстого, а что такое проповедь этого самодура и юрода сравнительно с логической и связною проповедью сатаны — Соловьева!» (Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 126—127).

<sup>47</sup> «Преемство от отцов». С. 265.

<sup>48</sup> Леонтьев К. Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. Т. 8, кн. 1. С. 300.

менном Западе ведет прямо к своему противоположному — к всеобщему обезличению и опошлению. Крайняя напряженность личного сознания, не находя себе соответствующего предмета, переходит в пустой и мелкий эгоизм, который всех уравнивает»<sup>49</sup>. Здесь Соловьев оказывается родственен славянофилам в своем антизападническом порыве. Но Соловьев все же ближе Леонтьеву, чем славянофилы. Леонтьев «и богословие В. Соловьева принял с радостью, несмотря на все католические нотки, прежде всего потому, что католицизм с его иерархизмом и властью духовного авторитета Папы был ему ближе, чем „немножко протестантский дух, которым веет от богословских трудов“ славянофилов».<sup>50</sup>

Соловьевская критика западной культуры несомненно приемлетя Леонтьевым. Они оба против абстрактности, «отвлеченности»: «Аристократические пышные наслаждения мыслящим сладострастием, „бесполезной (!) отвлеченной философией и вредной изысканностью высокого идеального искусства“, эти стороны западной жизни, унаследованные ею или прямо от Эллады, или чрез посредство Рима времен Лукуллов и Горациев, утратили также свой прежний барский и царственный характер и приобрели характер более демократический, более доступный всякому и потому неизбежно и более пошлый, некрасивый и более разрушительный, вредный для старого строя. Личные права каждого, благоденствие всех (перерождение, демократизация германского индивидуализма и христианская личная доброта, обращенная в предупредительный безличный сухой утилитаризм) и здесь играют свою роль».<sup>51</sup> Здесь Леонтьев выступал против пошлости «общего», за конкретность и индивидуальность, понятые как своеобразие и разнообразие.

Для Соловьева конца 1870-х годов конкретное бытие представлено метафизическими атомами (монадами): «Итак, мы должны признать, что все существующее состоит из единичных неделимых, или монад, имеющих собственную внутреннюю действительность, однородную с тою, какую мы знаем непосредственно в своем собст-

---

<sup>49</sup> Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 204.

<sup>50</sup> Козырев А. П. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» // Начала. 1992. № 2. С. 65.

<sup>51</sup> Леонтьев К. Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7, кн. 1. С. 406.

венном внутреннем опыте».<sup>52</sup> Это понимание индивидуальности субстанций оказывается близким учению архиеп. Никанора об «идосах», которые, как уже отмечалось выше, представляют собой индивидуальные субстанции, среди которых особое место занимает «идос» человека.

Человек, с точки зрения архиеп. Никанора, является средоточием мировой жизни: «Как душа есть душа человеческого тела, так человек, разумное существо, есть, в известном относительном смысле, душа мира и мир есть тело человека, тесно органически спаянная с ним его оболочка».<sup>53</sup> Во втором томе своего философского труда архиеп. Никанор пояснял: «...человек и человечество <...> являют в себе резервуар мирового разума, мирового самосознания и самочувствия, резервуар, который нудится общею мировую жизнью постепенно расширяться и наполняться, через развитие и возвышение человеческого духа, человеческого разума и чувства».<sup>54</sup> Таким образом, человек представляет собой особую индивидуальную субстанцию, которая по своей сути отлична от всех остальных «идосов» тем, что обладает возможностью сознания и самосознания, которые делают человека средоточием мироздания.

Леонтьев, как и ранний Соловьев, предельно близок к такому пониманию человека. Для Леонтьева конкретное — это личность, субстанция, представляющая собой индивидуальную, самобытную человеческую душу:

«Субъективный эвдемонизм есть в высшей степени *антитеза* христианского аскетизма <...>».

И тот, и другой имеют в виду прежде всего *личность, душу* человеческую (*индивидуума*); — но один говорит: *все на земле и все для земли*; — а другой — *ничего на земле; ничего для земли*. — «*Царство Мое не от мира сего!*»<sup>55</sup>

Именно с этим «индивидуумом» борется Соловьев в 1880—1890-х годах, защищая примат общего над частным, превосходство челове-

---

<sup>52</sup> Соловьев В. С. О действительности внешнего мира и основании метафизического познания: (Ответ К. Д. Кавелину) // Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 197.

<sup>53</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб., 1875. Т. I. С. 69.

<sup>54</sup> Там же. Т. II. С. 200.

<sup>55</sup> Леонтьев К. Н. Четыре письма с Афона // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7, кн. 1. С. 153.

чества над личностью. Здесь уже наряду с западноевропейским эвдемонизмом Соловьев отторгает и христианский аскетизм.<sup>56</sup> И если Леонтьев согласен с Соловьевым в отношении противоестественности западноевропейского индивидуалистического эвдемонизма (каковой, по сути, является вырождением христианского персонализма), то соловьевская критика монашества неприемлема для Леонтьева.<sup>57</sup> Особо остро Леонтьев высказывался в адрес Соловьева по поводу реферата «Об упадке средневекового мирозерцания», читанного последним в Московском психологическом обществе 19 октября 1891 года.

В данном реферате Соловьев критиковал средневековое мирозерцание, которое, по его мнению, искажало истинную суть христианского учения. Средневековое мирозерцание — это «исторический компромисс между христианством и язычеством, — тот двойственный полуязыческий и полухристианский строй понятий и жизни, который сложился и господствовал в Средние века как на романо-германском Западе, так и на византийском Востоке».<sup>58</sup> Такой «строй понятий и жизни» предполагал развитие одностороннего индивидуализма, спиритуализма и догматизма. Истинное же христианство, по Соловьеву, предполагает «перерождение человечества и мира в духе Христовом, превращение мирского царства в Царство Божье (которое не от мира сего)».<sup>59</sup> Средневековые односторонности препятствовали достижению этой цели, каковая начала достигаться лишь с развитием новоевропейского гуманизма и либерально-демократического прогресса, в котором Соловьев видит залог всечеловеческого преобразования.

Подобного рода идеи, конечно, не могли не вызвать отрицательную реакцию со стороны Леонтьева. Леонтьев никоим образом не мог простить «сближения христианства с гуманитарным прогрессом и демократией — это уже посягало на святое святых К. Н., на са-

---

<sup>56</sup> Вл. Соловьев 27 июля 1891 г. пишет брату Михаилу следующее: «Я был на Валааме, видел квинтэссенцию строгого монашества и... плюнул» (цит. по: Соловьев С. М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 277).

<sup>57</sup> См. соловьевскую критику «подвижнического христианского эгоизма» в его реферате «Об упадке средневекового мирозерцания» (Соловьев В. С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьев В. С. Избранное. М., 1990. С. 127).

<sup>58</sup> Там же. С. 114.

<sup>59</sup> Там же. С. 115.

мое интимное в его религии и эстетике».<sup>60</sup> Для Леонтьева неприемлема идея всечеловеческого спасения, тем более достигаемая теми средствами (гуманизма и либерализма), которые он связывал с возрождением человечества. Но более всего возмутительным для Леонтьева было отношение Соловьева к монашеству (учитывая то, что к тому времени Леонтьев принял монашеский постриг). По мнению Соловьева, подвижники, «при всей своей праведности и святости, ошибочно думали, что спасти можно и должно только отдельные души».<sup>61</sup> То, что делали «лучшие христиане» Средневековья («свои собственные и многие другие души спасали»<sup>62</sup>), Соловьев определяет как «индивидуальное спасение»,<sup>63</sup> которое одновременно есть и спасение, ограниченное «одной личной жизнью»,<sup>64</sup> и каковое оказывается для Соловьева искажением истинного христианства.

Реферат стал очевидным поводом для разрыва между Соловьевым и Леонтьевым. Леонтьев писал Александрову:

*«Правда, что неверующие люди сделали гораздо больше, не для ощутимого благоденствия (это еще вопрос), а для уравнилельного прогресса, чем верующие. Но тот, кто верует, поймет из этого не то, что хочет понять негодяй Соловьев, а то, что сам прогресс — нехорош... и что до него в сущности христианству и дела нет. Оно может только допускать его как неизбежность и в житейской практике мириться с ним, пока он (прогресс) не идет противу Церкви, открыто. И только. (...)*

*Изгнать, изгнать Соловьева из пределов Империи нужно...»<sup>65</sup>*

Неприязненно относился к идеям Соловьева и архиеп. Никанор. Для него было неприемлемо то, что Соловьев пытался уподоблять священноначалию,<sup>66</sup> неприемлемо его увлечение Католи-

---

<sup>60</sup> Бердяев Н. А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. С. 117.

<sup>61</sup> Соловьев В. С. Об упадке средневекового миросозерцания. С. 126.

<sup>62</sup> Там же.

<sup>63</sup> Там же. С. 127.

<sup>64</sup> Там же. С. 126. Следует обратить внимание, что понятия «личное» и «индивидуальное» для Соловьева в данном докладе взаимозаменяемы, при этом противоположностью «личного» и «индивидуального» является «публичное», «общественное», «универсальное».

<sup>65</sup> Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. С. 124—125.

<sup>66</sup> Беседы и поучения Никанора, епископа Херсонского и Одесского. Одесса, 1884. Т. 1. С. 40—41 (Почтение на Новый (1882) год).

цизмом.<sup>67</sup> 23 октября 1886 года архиеп. Никанор писал Н. Я. Гроту: «Я видел портрет В. С. Соловьева у нас на выставке. <...> Его идеям, особенно по части веры и откровения, я не особенно сочувствую. Это какая-то мистическая символика. Так мыслили и писали о предметах откровения во времена Филона Александрийского. Однако же, если б он чуточку поделился с Вами избытком своего духа, ударяющегося в крайность, то для Вас это было бы, пожалуй, и полезно».<sup>68</sup>

\* \* \*

Подход, предполагающий принцип плюралистического субстанциализма совместно с акцентированием внимания на личностных аспектах выдвигаемых концепций, то есть подход собственно персоналистический, характерен как для владыки Никанора, так и для Леонтьева. И личностный подход к идеям Вл. Соловьева — это не единственный пример такого персонализма. Выше уже говорилось о схожести оценок о. Иоанна Кронштадтского со стороны архиеп. Никанора и Леонтьева. Можно привести еще множество характерных для них примеров подобной близости личностных оценок. Например, несмотря на то что лично они не были знакомы, круг их интересов был близок. Как у Леонтьева, так и у архиеп. Никанора можно найти суждения о Достоевском, И. Аксакове, Л. Толстом.

Так, 30 июня 1879 года из Уфы в Чебоксары от владыки Никанора было отправлено письмо Василию Петровичу Федорову, слушателю одного из светских учебных заведений Казанской губернии. В письме преосв. Никанора содержались ответы на волновавшие молодого человека вопросы о формировании православного мировоззрения. Один из вопросов касался круга чтения. В перечне научной литературы, который рекомендовал владыка Никанор, присутствует и одно художественное произведение — «Братья Карамазовы» Достоевского.<sup>69</sup> Студент Василий Федоров закончил учебу и вступил на поприще народного просвещения. В 1894 году он был

---

<sup>67</sup> См.: *Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа о том, есть ли что еретическое в латинской Церкви // Прибавление к «Церковному Вестнику». 1888. № 34, 35, 37, 38.

<sup>68</sup> Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 320—321.

<sup>69</sup> Русский архив. 1894. № 2. С. 272.



инспектором городского училища в г. Балашов Саратовской губернии. Неизвестно, насколько повлияло на становление его мировоззрения письмо архиерея-философа. Неизвестно также, насколько повлиял на него Достоевский. Но указанное письмо свидетельствует, что, с точки зрения преосв. Никанора, литература занимает особое место в формировании характера человека, его пристрастий, наклонностей, идей.

Мировоззрение самого архиеп. Никанора складывалось в детские годы преимущественно под влиянием литературы. Будучи оторван от семьи, певчим в хоре епископа Могилевского, Саша Бровкович<sup>70</sup> в одиночестве, на отдыхе, читал не только «Библию, от доски до доски, или Четь-Минеи, от доски до доски», но и — «письма Карамзина, романы Загоскина, Лажечникова, барона Брамбеуса, Марлинского, Булгарина, стихи и прозу Жуковского и Пушкина, Кукольника, Полевого и наконец первые выпуски Гоголя, Лермонтова и т. д.»<sup>71</sup>

Архиеп. Никанор постоянно следил за новинками русской литературы. Для владыки русская литература — это образ тех блудный от веры к неверию, которые претерпевает русская культура, русский народ. Так, он хранил у себя портрет Пушкина, которого считал примером блудного сына, вернувшегося с покаянием к Отцу Небесному. Жизненной драме и произведениям Пушкина посвящена проповедь владыки Никанора по поводу 50-летия со дня кончины поэта (1887). Творчество Пушкина рассматривается здесь именно с углубленным вниманием к последним дням жизни поэта после дуэли, к его покаянию в своих грехах. Тот же мотив возвращения в отчий дом блудного сына доминирует и в поучении архиеп. Никанора после панихиды по Ивану Аксакову в 1886 году. У Ивана Сергеевича владыка обнаруживал преобладание любви к славянству вне зависимости от отношения славянства к Православию, что и рассматривалось как заблуждение, при признании прочих заслуг.

Однако первое поучение-поминовение архиеп. Никанора на Неделю о блудном сыне было сказано в Уфе в 1881 году по случаю кончины Достоевского. День поминовения писателя пришелся на Неделю о блудном сыне, образ которого Достоевский вполне вопло-

---

<sup>70</sup> Архиеп. Никанор — в миру Александр Иванович Бровкович, сын священника с. Высокое Могилевской губернии.

<sup>71</sup> *Никанор (Бровкович), архиеп.* Биографические материалы. Одесса, 1900. Т. 1. С. 75.

тил в своей жизни. Преосв. Никанор произнес поучение в Крестовой церкви Уфимского архиерейского дома, где совершалась служба. Речь произносилась в присутствии приехавшего из Петербурга сенатора Ковалевского и некоторых других должностных столичных и уфимских лиц.

Эта проповедь владыки имела категорически обличительный характер в отношении русского «просвещенного» и заблудшего в этом «просвещении» общества. Свидетель этого поучения — Е. А. Зефиров (инспектор Уфимской духовной семинарии и ученик преосв. Никанора по Казанской духовной академии) вспоминал, что присутствовавшим на литургии «высоким гостям» «при таком самобичевании чувствовалось как-то неловко».<sup>72</sup> В этой проповеди владыка упоминает о Пушкине и Гоголе, о которых пишет: «Имели мы Пушкина, который во многом был не христианский мыслитель и поэт, который воспевал только страсти и страсти, у которого бывали только минутные проблески обращения к духовной природе человека и к небу, да и то не называя Бога даже по имени; который умер, однако же, христианином после известного предосудительного заключения. Имели Гоголя, который был реальным изобразителем сколько высокой поэзии человеческого, как только человеческого, а не христианского сердца, столько же величайшей его грязи, который обратился к христианству, когда уже пошатнулся душевными силами, что именнейшие наши мыслители поставили ему в тяжкий упрек».<sup>73</sup>

Но в этой же речи владыка показал метания Достоевского, который блудным сыном «прошел все ступени ниспадения и восстания, все ступени до мысленного шатания и нравственного блуждания, до отрицания и преступления, до самых тяжких жизненных испытаний, даже до каторги; который затем стал не только достойнейшим и полезнейшим сыном отечества, но обновленным сыном Отца Небесного, который трудился на самом трудном и высоком поприще мысленного творчества и свой беспримерный по психическому анализу, не только в русской, но и в европейской литературе, художественно-мыслительный Гений употребил <...> на создание многих трога-

<sup>72</sup> Зефиров Е. А. Мои воспоминания о Никаноре, архиепископе Херсонском, за время его пребывания на Уфимской Кафедре (1877—1884) // Странник. 1893. Т. 3, нояб. С. 523.

<sup>73</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Беседы и поучения. Одесса, 1884. Т. 1. С. 57.

тельных образов блудных сынов и дочерей из среды нашего (русского современного общества)». <sup>74</sup>

Заслуга Достоевского, вернувшегося блудного сына, по мысли архиеп. Никанора, в том, что писатель «не стыдился употребить свой высокий дар на служение идеалу добра, возникающему иногда из самой нравственной грязи; который не постыдился в своей предсмертной исповеди признать себя рабом Христовым, а Христа провозгласить светом мира, и в частности светом Христолюбивого нашего отечества, просвещением во тьме неведения сидящего, в тине греховной валяющегося русского люда, который, однако же, и из этой бездны умеет вопиять к Богу: Господи, Владыко живота моего, спаси и помилуй...» <sup>75</sup> Завершал же свою проповедь архиеп. Никанор словами: «Помолимся об отшедшем к Богу нашем достохвальном и приснопамятном учителе, который не умрет для России никогда, пока не умрет в ней русский христолюбивый народный дух, — о верном рабе Христовом Федоре Достоевском». <sup>76</sup>

Вопрос, касающийся отношения архиеп. Никанора к творчеству Достоевского, может быть поставлен в аспекте прямого сопоставления их воззрений. Это представляется возможным, если учитывать то, что для их мировоззрений был характерен персонализм и антиномизм. Антиномизм, как принцип воззрений Достоевского на человека, отмечал о. Василий Зеньковский. <sup>77</sup> Антиномизм — радикальная разорванность и раздвоенность человека в своем бытии — предполагает противостояние «светлой» и «темной» сторон в человеке. Вот это противостояние у Достоевского: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». <sup>78</sup> Красота антиномична, разум и воля антиномичны, то есть буквально разорваны по сущности, по закону своего существования. И, как было уже сказано выше, этот антиномизм был характерен и для архиеп. Никанора. Близость небытия в мироздании одинаково чувствовалась как Достоевским (преимущественно в отношении человека), так и архиеп. Никанором (в отношении ко всему тварному миру). Однако нельзя не видеть и

---

<sup>74</sup> Там же. С. 57—58.

<sup>75</sup> Там же. С. 58—59.

<sup>76</sup> Там же. С. 59.

<sup>77</sup> *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. С. 484—485.

<sup>78</sup> *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 100.

определенных различий в установках воззрений архиеп. Никанора и Достоевского. Раскрываются они, например, в оценке воззрений архиеп. Никанора и Достоевского со стороны Леонтьева. Христианство в понимании Достоевского Леонтьев назвал «розовым», односторонним, благодушным, без учения о «страхе Божиим», о Страшном Суде. Наиболее ярко эта характеристика проявилась в статье Леонтьева «О всемирной любви» (1880), написанной по поводу Пушкинской речи Достоевского.

В этой речи Достоевский говорил о Пушкине как «всечеловеке», выразившем особую «миссию» русского народа. А сама эта «миссия» понималась Достоевским следующим образом: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. <...> ...стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе всечеловечной и всеобъединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»<sup>79</sup>

Леонтьев справедливо замечал, что подобное понимание смысла и назначения России противоречит самому духу христианства, которое в основе своей предполагает то, что Царствие Божие не от мира сего и что все земное пройдет, и будет «новое Небо и новая Земля». Леонтьев писал, что учение о «всечеловечестве» есть учение космополитическое, размывающее границы культур, разлагающее народный дух в благодушном самообмане, что и сама связь этого учения с христианством есть ложное понимание христианства. Он отмечал характерное для Достоевского стремление связать христианство с утопической идеей осуществления Царствия Божия на земле, идеей социалистической по своей сути.<sup>80</sup> А это несомненно никак не при-

---

<sup>79</sup> Там же. Т. 26. С. 147—148.

<sup>80</sup> В статье «О всемирной любви» Леонтьев сопоставлял речь Достоевского и поучение, читанное в то же время в Ярославской епархии обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым: «...в речи г. Победоносцева Христос познается не иначе, как *через Церковь*: „любите прежде всего Церковь“. В речи г. Достоевского Христос, *по-видимому*, по крайней мере, до того помимо Церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе, даже не справясь с азбукой катехизиса, т. е.

емлемо ни для Леонтьева, ни для архиеп. Никанора, поскольку для них социализм и утопия земного рая есть не благо, но царство антихриста. Леонтьеву в оценке Достоевского вторит прот. Василий Зеньковский, который подчеркивает особое влияние социалистических увлечений «петрашевствовавшего» молодого Достоевского на все его творчество (включая и поздний, «религиозный», его период).<sup>81</sup>

И даже возвеличивание Пушкина, характерное для Достоевского, получает косвенную критическую оценку и со стороны архиеп. Никанора. Как отмечает А. П. Дмитриев, архиеп. Никанор в своем поучении, посвященном Пушкину, обращается к скрытой полемике с Достоевским, «прозрачно намекая на его известную речь 1880 года».<sup>82</sup> По мысли исследователя, архиеп. Никанор действительно,

---

с самыми *существенными* положениями и *безусловными* требованиями православного учения, приписывать Спасителю никогда не высказанные им обещания „всеобщего братства народов“, „повсеместного мира“ и „гармонии“» (Леонтьев К. Н. Собр. соч.: 〈В 9 т.〉 М., 1912. Т. VIII. С. 207). Примечательность этого сопоставления заключается в том, что Леонтьев недолюбливал Победоносцева и относился настороженно к нему: «Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению; но *расти* при нем ничто не будет. Он не только не творец, он даже не реакционер, не восстановитель, — он только консерватор...» (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 196.). А в статье «О всемирной любви» Леонтьев ставит Победоносцева как церковного мыслителя намного выше Достоевского. Победоносцев же у архиеп. Никанора получает наивысшую оценку и как мыслитель, и как политический и церковный деятель, и как личность. Архиеп. Никанор неоднократно обращался к К. П. Победоносцеву за советом, а тот в свою очередь поручал владыке Никанору составление поучений на отдельные злободневные общественно-политические и общественно-церковные темы. Архиеп. Никанор всецело поддерживал деятельность Победоносцева по массовому распространению церковно-приходских школ. Отношения, сложившиеся между Победоносцевым и архиеп. Никанором, можно назвать не просто дружескими, но даже и доверительными. Переписка Победоносцева и архиеп. Никанора была опубликована в «Русском архиве» в 1915 г.

<sup>81</sup> Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. С. 477.

<sup>82</sup> Дмитриев А. П. Портрет в церковной проповеди как литературно-критический жанр: (О «поучениях» архиепископа Никанора (Бровковича)) // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика: Сб. статей. СПб., 2000. С. 15.

признавая заслуги Пушкина в русской литературе, показывает иного Пушкина — не «всечеловека», а человека, чья гениальность оказалась пограничной, роковой для русской культуры. Архиеп. Никанор высказал суждение, что до Пушкина лучшие писатели были истинными христианами, а после него — «лучшие писатели стали прямо и открыто совращаться в язычество, каковы Белинский, Тургенев, Лев Толстой».<sup>83</sup>

Это несогласие с Пушкинской речью Достоевского вновь показывает близость идейных позиций архиеп. Никанора и Леонтьева. Причем следует обратить внимание на то, что архиеп. Никанор, рассматривая личность Достоевского в поминальном поучении, раскрывает ее особенности через библейский образ Блудного сына. Такое видение Достоевского (особенно в контексте письма владыки Никанора к студенту с рекомендацией читать Достоевского) предполагает понимание того, что творчество писателя может быть отправной точкой для новонаначального христианина, только пришедшего или приходящего к вере.<sup>84</sup> Но точно так же, как первый шаг ко Христу, рассматривал творчество Достоевского и Леонтьев, критикуя при этом позицию, с точки зрения которой творчество Достоевского понималось как адекватное полноте православного миропонимания.

В статье «О всемирной любви» Леонтьев отмечал определенную пользу Достоевского и его творчества для миссионерских, по своей сути, целей:

«Мнения Ф. М. Достоевского очень важны — не только потому, что он писатель даровитый, но еще более потому, что он писатель весьма влиятельный и даже весьма *полезный*».

Его искренность, его порывистый пафос, полный доброты, целомудрия и честности, его частые напоминания о христианстве — все это может в высшей степени благотворно действовать (*и действует*) на читателя; особенно на молодых *русских* читателей. Мы не

---

<sup>83</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Беседа в Неделю блудного сына, при поминании раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его // Никанор (Бровкович), архиеп. Поучения, беседы, речи, воззвания и послания: В 5 т. Одесса, 1890. Т. 1. С. 255—256.

<sup>84</sup> Это хорошо прослеживается в продолжении всего письма архиеп. Никанора В. П. Федорову. См.: Русский архив. 1894. № 2. С. 270—272.

можем, конечно, счесть, скольких юношей и сколько молодых женщин он отклонил от сухой политической злобы нигилизма и настроил ум и сердце совсем иначе; но верно, что таких очень много».<sup>85</sup>

Здесь, как и во многих других случаях, открывается полное согласие Леонтьева и архиеп. Никанора в личном подходе при оценке явлений, событий, мнений и персоналий.

Но если определенную пользу творчества Достоевского они признавали, то их отношение к Л. Н. Толстому и его анархизму в особенности — преимущественно отрицательное. Так, раскрывая в поучениях суть понимания христианства, Церкви, государства, семьи и брака у Толстого,<sup>86</sup> архиеп. Никанор характеризует его учение как «нигилистическое <...> антихристианское».<sup>87</sup> Анализируя социально-философские воззрения Толстого, архиеп. Никанор прежде всего обращает внимание то, что для Толстого государство есть насилие, которое должно быть изжито, преодолено. Архиеп. Никанор при этом почти не вдается в разбор учения о государстве самого Толстого, но противопоставляет ему христианское понимание государства.

Владыка отмечает, что «государство исполняет целую внешнюю половину того служения Богу и человечеству, какое некогда несла сама же Церковь до выделения из нее государства».<sup>88</sup> Государство, с точки зрения архиеп. Никанора, появилось из религиозной общины. В этом смысле государство является Богоустановленным и оно оформляет и направляет народы к их цели — Богопознанию: «...Бог, сотворив от единыя крове весь род человеческий и предначертав жить ему по всему лицу земному, Сам установил предучиненные времена и пределы селения народов, сколько времени и в каких пространствах какому народу жить, указав цель жизни всякому народу — взыскать Господа».<sup>89</sup>

Государство, с одной стороны, утверждается Промыслом Божиим, с другой — подтверждается «договором» между властью и на-

---

<sup>85</sup> Леонтьев К. Н. О всемирной любви // Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 187.

<sup>86</sup> Всего учению Толстого посвящено восемь поучений архиеп. Никанора, которые отдельной книгой были изданы в Одессе в 1891 г., после кончины архипастыря.

<sup>87</sup> Никанор (Бровкович), архиеп. Церковь и государство. Против графа Л. Толстого. СПб., 1888. С. 46.

<sup>88</sup> Там же. С. 19.

<sup>89</sup> Там же. С. 21.

родом, который смиряется перед Богоустановленной властью.<sup>90</sup> Владыка Никанор пишет о том, что в основе государства не может стоять свобода как произвол, но самоотречение народа от такой «дикой» свободы в пользу высшей правды.<sup>91</sup> В мысли об отречении, смирении как основе нормальной общественной жизни архиеп. Никанор оказывается полностью созвучен леонтьевской идее необходимости «стеснительных условий» для нормального развития общества.

При этом созвучии следует отметить, что в отличие от архиеп. Никанора Леонтьев не обходил вниманием и большие заслуги Толстого как эстета и романиста-реалиста. В 1890 г. Леонтьев, зная об антихристианских увлечениях Толстого, писал: «Сила Толстого, — даже и в немощах его замечательная, — завлекла меня слишком далеко <...> я, неожиданно сам для себя, оставил в стороне вопросы общественной нашей жизни и почувствовал неудержимую потребность отдать (прежде всего самому себе) ясный отчет в моих эстетических взглядах на труды нашего знаменитого реалиста».<sup>92</sup> Возможно, здесь играло роль то, что Леонтьев был лично знаком с Толстым. Возможно — на такой подход к идейному противнику повлиял эстетизм и художественный вкус Леонтьева, который в данном случае оказался важнее идейных расхождений.

Одновременно с этим Леонтьев не мог понять и принять безвкусицы и рассудочности псевдорелигиозного учения Толстого. Характерно в этом отношении письмо Леонтьева Т. И. Филиппову<sup>93</sup> от

---

<sup>90</sup> Там же. С. 26—27.

<sup>91</sup> Там же. С. 55.

<sup>92</sup> Леонтьев К. Н. Анализ, стиль и веяние // Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. VIII. С. 349.

<sup>93</sup> Третий Иванович Филиппов (1825—1899) — государственный деятель (государственный контролер с 1889 г.), общественно-политический и церковный мыслитель. Состоял в дружеских отношениях с Леонтьевым, сочувственно относился к его воззрениям. Как и Леонтьев, выступал в печати с прогрессивной позицией в греко-болгарском конфликте. Филиппов был лично (в отличие от Леонтьева) знаком с архиеп. Никанором. Описание этого знакомства (в 1887 г.) можно найти в записках владыки Никанора: «...я заметил [в церкви] некоего христороубца, причесанного по-русски, в скобку, по купечески. <...> вдруг подают мне карточку „Третий Иванович Филиппов, товарищ министра государственных имуществ“ <...> <Ошибка памяти: Филиппов в то время (с 1878 г.) был товарищем государственного контролера. — А. С.> И оказалось, что оный, замеченный мною в церкви христороубец и есть сам Третий Иванович Филиппов.



14 марта 1890 г. В этом письме Леонтьев пишет о своей встрече с Толстым, который приехал в Оптину пустынь повидаться с сестрой, собиравшейся стать монахиней. В беседе с Леонтьевым Толстой прямо говорил, что в Троицу не верит, а Христа считает человеком и пр. Леонтьев оценил это следующим образом: «Я, признаюсь, в свободной беседе с глазу на глаз ожидал чего-нибудь более глубокого и нового, но оказывается и из этой беседы то же, что и из статей его, что этот человек, столь оригинальный и характером, и в творчестве художественном, в учении своем ничуть не самобытен. Боже! Какая старая песня! *Разум, мораль* и т. д. И какая бесплодная!»<sup>94</sup>

В конце разговора Леонтьев сказал Толстому о том, что за такие воззрения того нужно сослать «в Томск». На это Толстой воскликнул: «Голубчик К. Н.! Напишите ради Бога, чтобы меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу Вас, напишите!»<sup>95</sup> Далее Леонтьев добавляет: «Я верю искренности этого восклицания: ему хочется пострадать за свою веру и тем усилить действие своей проповеди. Я думаю, что он прав по-своему. Другое дело какой-нибудь *только* энергический, но умом ничтожный и бе-

---

Я имел о нем сведения, так как он близок обер-прокурору Синода, графу А. П. Толстому, писал много по Болгарскому вопросу, причем защищал греков и Константинопольскую церковь; кроме того был горячим хвалителем моего проповедания. Теперь же он свое знакомство со мною начал с того, что похвалил наше пение, отчетливое священнослужение, благоговейное Богу предстояние: „так все благоговейно (...) пришел познакомиться и представить свои печатные сочинения“. Свой визит отдал я ему не скоро; тем не менее скоро он пожаловал затем ко мне вечером и просидел несколько часов. Беседа его была занимательна, потому что для Церкви он делал немало: работал по расколу, повлиял на обращение о. Павла Прусского. Лучшим из обер-прокуроров считает своего родича графа Толстого, с чем я не согласен, однако же не возражал...» (*Никанор (Бровкович), архиеп. Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем все-российском Синоде // Никанор (Бровкович), архиеп. Минувшая жизнь. Из быта белого и монашеского духовенства второй половины 19-го века. Одесса, 1913. Т. II. С. 54*). Следует отметить, что в 1889 г. архиеп. Никанор пишет воззвание «Братьям славянам» (Православное обозрение. 1889. №5. С. 68—78), посвященное греко-болгарским отношениям и содержащее призыв к болгарам покаяться и примириться с греками и Константинопольским патриархом.

<sup>94</sup> Пророки Византизма. С. 580—581.

<sup>95</sup> Там же. С. 581.

зыменный нигилист: того сегодня повесили, а завтра забыли. А его не забудут. Поэтому, пожалуй, и лучше, что его оставляют на воле, но неужели нельзя ничего придумать, чтобы помешать ему сеять плевелы свои в крестьянской среде?»<sup>96</sup> Стоит при этом отметить, что архиеп. Никанор также ставил вопрос об ограничении влияния проповеди Толстого на народ. И что еще более важно, в конечном счете определение Синода от 20—22 февраля 1901 года об отпадении Толстого от Церкви было в первую очередь подписано именно учеником архиеп. Никанора по Казанской духовной академии — митрополитом Антонием (Вадковским).

Однако Синодальное определение — мягкое, скорбящее, призывающее молиться о возвращении заблудшего графа Толстого — составлено вовсе не в духе проповедей архиеп. Никанора, который категорически ставил на одну планку нигилистов и Толстого: «Так вот куда, естественно и прямо, в конце концов, заводит отступничество от православной христианской веры. Опыт этого мы видели в русских нигилистах. Опыт того же видим и в графе Льве Толстом. Он начал, как и нигилисты начали, от корня: от подрыва корней христианской веры, а оканчивает, как и нигилисты, призывом ко всеобщему перевороту — разрушать основы существующего общественного и государственного порядка. Отступничество от веры — это корень, призыв ко всеобщему взрыву — это плод».<sup>97</sup>

Неоднократно Толстой именуется у архиеп. Никанора «хулителем», «ересеучителем» и т. п.<sup>98</sup> Образ Толстого, в котором резко выделяются отрицательные характеристики, приобретает черты демонические. Но почти то же самое — у Леонтьева:

«Рухнули в вечность два столпа Церкви Русской — Алексей и Никанор.

А „Вестник Европы“ жив. <...>

И старый безумец Лев Толстой продолжает безнаказанно и беспрепятственно проповедывать, что Бога нет, что всякое государство есть зло и, наконец, что пора прекратить существование самого рода человеческого на земле.

И он не только жив и свободен, но и мы сами все, враги его бредней, увеличиваем его преступную славу, возражая ему!..

---

<sup>96</sup> Там же.

<sup>97</sup> *Никанор (Бровкович), архиеп.* Против графа Льва Толстого. Восемь бесед. Одесса, 1891. С. 55—56.

<sup>98</sup> Там же. С. 104, 119, 227.

Как же быть? Что делать? Чему верить? На что нам надеяться?»<sup>99</sup>

У Леонтьева, но больше у архиеп. Никанора видны те характеристики Толстого, которыми позже, по всем правилам иконописного изображения падших духов, наделял Толстого преп. Иоанн Кронштадтский: «Толстой возгордился, как сатана, и не признает нужды покаяния. <...> Толстой мечтает о себе как о совершенном человеке или сверхчеловеке, как мечтал известный сумасшедший Ницше; между тем что в людях высоко, то есть мерзость пред Богом. <...> Ну кто же, православные, кто такой Лев Толстой? Это Лев рыкающий, ищущий кого поглотить. И скольких он поглотил чрез свои льстивые листки! Берегитесь его».<sup>100</sup>

Личность о. Иоанна, как и образ его антипода — Толстого, напоминает то высказывание митр. Исидора о чудотворности иконы, дарующей веру, с помощью которого архиеп. Никанор характеризовал преп. Иоанна Кронштадтского. Иконографичность образов людей в проповедях и в личном восприятии — это та характеристика, которая присуща мировоззрению архиеп. Никанора (как, видимо, и преп. Иоанну). Это «„иконное“ видение сути вещей» «отвергает картинное копирование тварного мира с его сме-

---

<sup>99</sup> Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 1. С. 445. Ср. в письме к о. Иосифу Фуделю от 3 января 1891 г.: «Церковь наша все несет утраты: сперва *Алексей*, а теперь *Никанор*! Печально. — А Исидор жив! — что в нем?» («Преемство от отцов». С. 256). *Алексий* — архиепископ Литовский и Виленский *Алексий* (Лавров-Платонов).

<sup>100</sup> Ответ о. Иоанна Кронштадтского на обращение гр. Л. Н. Толстого к духовенству // *Духовная трагедия Льва Толстого*. М., 1995. С. 99. Надо отметить, что заключение проповеди св. Иоанна Кронштадтского перекликается с фразой из поучения архиеп. Никанора при освящении вокзала в Одессе: «Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавает только отошальный всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотить, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли» (*Православное обозрение*. 1884. Т. 3, окт. С. 339). Понятно, что как архиеп. Никанор, так и о. Иоанн перифразировали слова из первого послания ап. Петра: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5 : 8). Однако примечательно то, что чуть выше приведенной цитаты о. Иоанн критикует прогрессизм Толстого, его веру в телефон, телеграф и железные дороги!

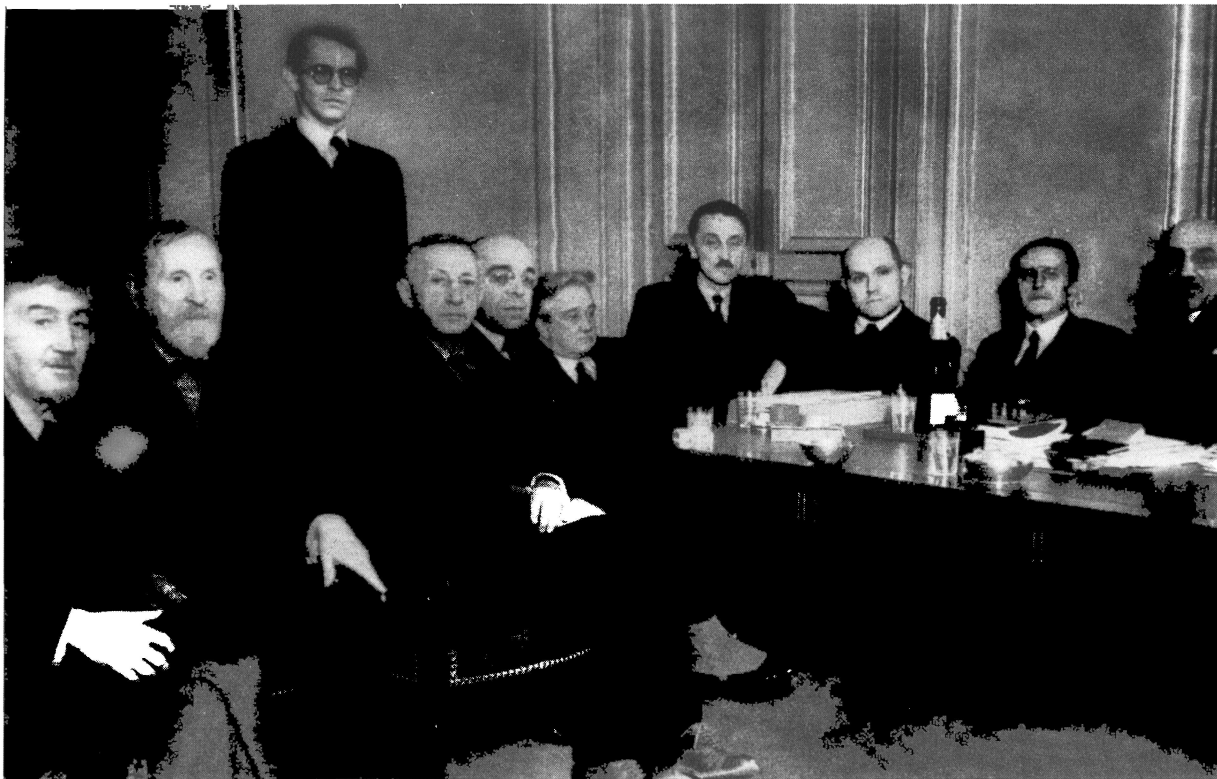
шением добра и зла, но требует их безусловного разделения с позиций вечной правды».<sup>101</sup>

Подобное стремление к иконографическому разделению добра и зла проявлялось у архиеп. Никанора в его философии, которая имела в своей основе персоналистический антиномизм (монадологию, в которой индивидуальная монада-субстанция, метафизический атом, является результатом самоограничения абсолютного бытия абсолютным небытием). Даже понятие «εἶδος» в том виде, как оно понимается у архиеп. Никанора, оказывается близким по смыслу «иконе». Как «идея», так и «икона» означают «образ» — тот «вид», который показывает истину вещи и личности. «Иконность» эта раскрывается в полной мере в проповедях архиеп. Никанора. И этот же иконографический христианский персонализм, исходящий из понимания, что человек в своей подлинной сути — это образ и подобие Божие, присутствует в записках, воспоминаниях владыки — в тех исповедальных, «совестливых», по определению Розанова, записках, показывающих либо путь личностного восхождения к Богу, который проходили его ближние и он сам через нравственные страдания, либо путь падения и гибели души, сросшейся с грехом.

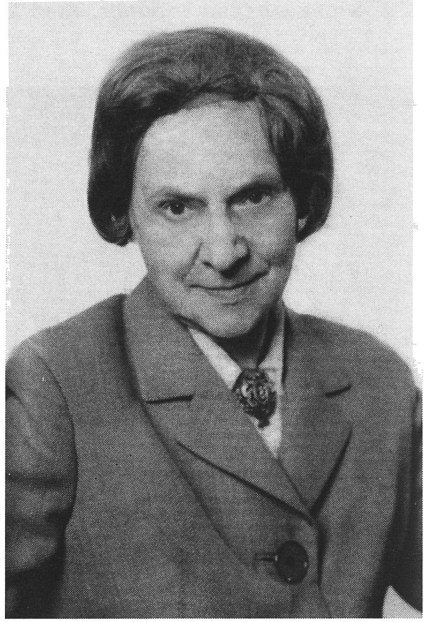
Учитывая то сходство мировоззренческих установок и оценок, которое обнаруживается у архиеп. Никанора и Леонтьева, представляется возможным утверждать «иконность» воззрений Леонтьева. Подобная характеристика имеет значение не только для понимания того, почему Леонтьев, верно следуя обету, принимает монашество — «ангельский образ», в котором отсекается все случайное, мирское, отсекается смешение добра и зла, в котором, как на иконе Страшного Суда, зло отделено от добра и низвергнуто в ад. Это подчеркивает и особое промыслительное значение иконы Богородицы, к которой молитвенно воззвал Леонтьев во время своей болезни, приведшей спустя много лет к преобразению его эстетизма в «иконографическое» мировосприятие.

---

<sup>101</sup> *Дмитриев А. П.* Портрет в церковной проповеди как литературно-критический жанр. С. 14.



Чествование И. А. Бунина в редакции газеты «Возрождение» после получения Нобелевской премии.  
Слева направо: А. И. Куприн, А. А. Плещеев, В. Ф. Ходасевич, И. А. Бунин, Э. П. Гукасов, С. П. Яблоновский, Б. К. Зайцев,  
И. С. Лукаш, М. В. Бернацкий, А. О. Гукасов. Париж, 16 ноября 1933 г.



Н. Д. Городецкая. 1950-е гг.  
Фото Вилфреда Коула

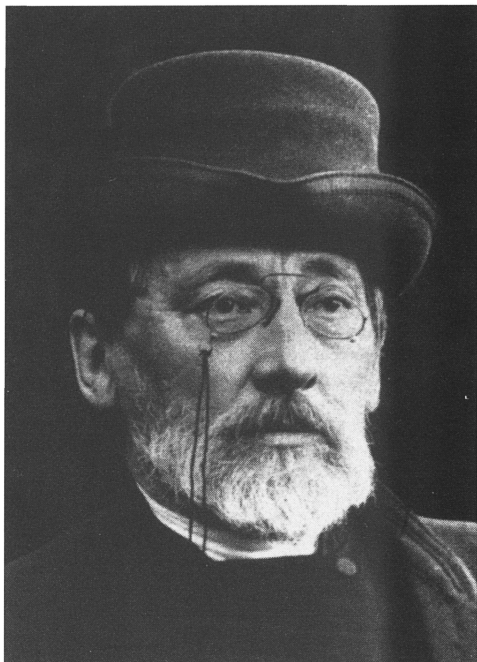


Д. Е. Максимов.  
Фотография. 1980-е гг.



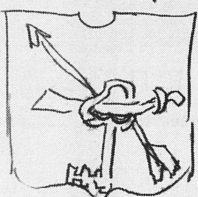
Е. П. Иванов.

Рисунок неизвестного художника. 1930-е гг.



К. Н. Леонтьев.  
Фотография. 1889 г.

Перо раба Дурново.  
Сынчик дур. козю

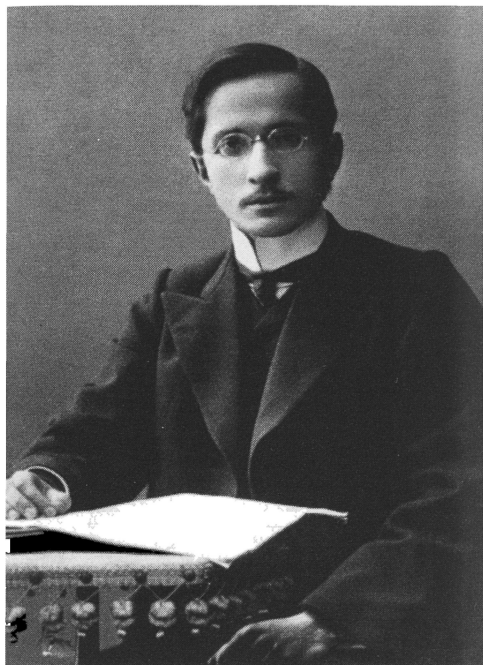


Леонтьев

Видите и почитайте именуем поше изроду  
мен перекладу, мерно дозвонити К. Н. Леонтьев; слага  
колыцо сего К. Н. Леонтьев и изроду, а именно  
доловая Садил и серед. Садил, обращенная  
отрокомерие к правому верши. ушю, а  
на правую сторону К. Н. Леонтьев, а именно  
видно серебрян К. Н. Леонтьев, а именно  
Фермен, именуем с дурново, на нем К. Н. Леонтьев  
К. Н. Леонтьев на шите именуем, дурново.

Запись С. Н. Дурнылина о гербе рода Дурново, к которому принадлежал настоящий отец К. Н. Леонтьева





С. Н. Дурылин.  
Фотография. 1912 г.



С. Н. Дурылин.  
Фотография. 1922 г.



Архиепископ Никанор (Бровкович).  
Гравюра с факсимиле подписи

# ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ

и

## СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ БЫТІЕ.

ОСНОВАНІЕ

ЕПИСКОПА НИКАНОРА.

Т О М Ъ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»  
по ул. Б. М. Д.

1875.

# ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ

и

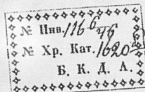
## СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ БЫТІЕ.

ТОМЪ III.

### КРИТИКА НА КРИТИКУ ЧИСТАГО РАЗУМА КАНТА.

НИКАНОРА

Архієпископа Херсонскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Г. Ежаковскаго и К<sup>о</sup>. Невскій пр., д. № 134.

1888.

Гитульные листы книги архи-  
епископа Никанора «Пози-  
тивная философия и сверх-  
чувственное бытие»



Священник Иосиф Фудель.  
Фотография. Нач. 1900-х гг.

Д. И. СТОГОВ

**«РЕЛИГИЯ ЛЕОНТЬЕВА БЫЛА РЕЛИГИЕЮ ПОДВИГА  
И ЖЕРТВЫ»**

**(Б. В. Никольский о наследии К. Н. Леонтьева)**

Идеи выдающегося русского мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891) оказали значительное влияние на ход развития консервативной мысли конца XIX—начала XX века. В частности, к творчеству Леонтьева на протяжении всей своей жизни неоднократно обращался специалист по римскому праву, поэт, литературный критик и общественный деятель (один из основателей и активных участников Союза русского народа — крупнейшей правомонархической организации начала XX века) Борис Владимирович Никольский (1870—1919).

Напомним вначале основные моменты его биографии. Б. В. Никольский родился 3 октября 1870 года. Его отец, Владимир Васильевич Никольский (1836—1883) — сын священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, профессор русской словесности, пушкинист, преподаватель Александровского лицея и других учебных заведений, автор ряда работ по истории русской литературы.<sup>1</sup> Мать Бориса Владимировича, Мария Ивановна (урожденная Скроботова), также была дочерью священника.<sup>2</sup>

С 1881 года Никольский учился в классической гимназии при историко-филологическом институте, в 1884 году, после смерти отца,

---

<sup>1</sup> См.: *Никольский В. В.* Идеалы Пушкина: (Актовая речь с прил. статей того же автора). 4-е изд. СПб., 1899; *Дневник Б. В. Никольского за 1905—1907 гг.* / Публ. Д. Заславского // *Красный архив.* 1934. Т. 63. С. 94.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 50 б; *Дневник Б. В. Никольского за 1905—1907 гг.* С. 55.

перешел в Училище правоведения. В 1885 году Никольский впервые выступил в печати с переводами с английского языка. 15 мая того же года он написал свое первое стихотворение.<sup>3</sup>

Из архивных источников известно, что Никольский учился в университете успешно и считался одним из лучших студентов курса. Окончив факультет, он был оставлен для подготовки к ученой карьере, при этом находясь на государственной службе. Так, в 1893 году, сразу после окончания университета, Никольский поступил в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел,<sup>4</sup> где составил очерк страхового дела в России. Одновременно он сотрудничал в «Новом времени» А. С. Суворина, где печатал свои статьи, и готовился к профессуре. 20 апреля 1894 года Никольского назначили помощником столоначальника Хозяйственного департамента, а затем (с 1 августа) младшим ревизором во вновь образованном Страховом отделе этого же департамента.

К концу 1893 года относится первая встреча Никольского с его будущей женой, Екатериной Сергеевной Шубинской (?—1935), дочерью редактора «Исторического вестника» С. Н. Шубинского.<sup>5</sup> Между ними вскоре завязываются роман и переписка. В 1895 году, 7 июля, состоялась свадьба Никольского с Шубинской. В 1896 году у них родился первенец Владимир.<sup>6</sup>

В январе 1896 года Никольский вышел в отставку, причислившись к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел.<sup>7</sup> В это же время в журналах «Русский вестник», «Исторический вестник», в газете «Новое время» и т. д. (с 1892 по 1903 год) публиковались его критические статьи, исследования по истории русской мысли и литературы (о Н. Н. Стрехове, К. П. Победоносцеве, А. А. Фете, Н. Я. Данилевском и др.), рецензии и стихотворения.

---

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 а, 4 б (по новой нумерации — соответственно Д. 2 и 1). Архивная справка. Л. 1; Беззубов В. И., Исаков С. Г. Блок — участник студенческого сборника // Блоковский сборник. Тарту, 1972. <Сб.> II. С. 326; РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 6.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 121 об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 278 об.

<sup>6</sup> Там же. Д. 4 а—4 б (по новой нумерации — соответственно Д. 2 и 1). Архивная справка. Л. 3 об.

<sup>7</sup> Там же. Архивная справка. Л. 1 об.

23 марта 1898 года Никольский успешно выдержал магистерский экзамен, а в апреле того же года его выбрали в члены-сотрудники Юридического общества по отделению обычного права.<sup>8</sup> В мае 1899 года он защитил магистерскую диссертацию по римскому праву «Система и текст XII таблиц».<sup>9</sup> В октябре того же года Никольский стал приват-доцентом гражданского права (вне штата), а в 1900 году начал чтение курсов по праву в Петербургском университете,<sup>10</sup> а также читал лекции в Училище правоведения и на Высших женских курсах.<sup>11</sup> С 1900 года он стал приват-доцентом по кафедре русской словесности на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, а в 1901—1902 годах читал в университете факультативные курсы.

Одним из главных увлечений Бориса Никольского было соби­рание редких книг, прежде всего по римскому праву и по литературе. Его библиотека постепенно составила около 7500 томов.<sup>12</sup> Сам Никольский собирал рукописи и книги с 1886 по 1917 год. Библиотека включала в себя «систематический подбор книг по большинству кафедр юридического и историко-филологического факультетов, подбор, приуроченный к трем основным предметам: лирической поэзии всех веков, стран и народов, русской истории и словесности и римскому праву».<sup>13</sup>

Конец 1890-х годов — время, когда в печать вышли первые научные труды Никольского, а также первый и единственный его сборник стихотворений (1899), посвященный жене. Излюбленная тема творчества Никольского — проблема героя и толпы.

В 1896 году выходит критико-биографический очерк Никольского, посвященный Н. Н. Страхову. Тогда же он вплотную подошел к изучению биографии и творчества Пушкина. Его работа «Поэт и читатель в лирике Пушкина» была издана в 1899 году, а несколько позже вышел биографический очерк под названием «Последняя дуэль Пушкина». Никольский работал над составлени-

---

<sup>8</sup> Там же. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 37, 39.

<sup>9</sup> Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 14325. Л. 1.

<sup>10</sup> Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 14337. Л. 29—29 об.

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 46 (по новой нумерации — Д. 1). Л. 95, 98 об., 164 об.; Дневник Б. В. Никольского за 1905—1907 гг. С. 57.

<sup>12</sup> Там же. Д. 4 а (по новой нумерации — Д. 2). Л. 24 б.

<sup>13</sup> Там же. Л. 25 а.

ем дополнений, указателей, осуществлял критический разбор первого тома Академического собрания сочинений Пушкина, издание которого, равно как и вышеназванной работы, было приурочено к столетию со дня рождения великого поэта. Критические очерки Никольского были помещены в изданном П. П. Перцовым сборнике стихотворений «Философские течения русской поэзии».

Другое направление литературоведческой деятельности Никольского — исследование творчества А. А. Фета. Интерес к Фету возник у него еще в юности, а с 1896 года началась серьезная работа по подготовке издания сочинений великого поэта.<sup>14</sup> В начале 1900-х годов вышло Полное собрание стихотворений Фета, при издании которого Никольский выполнял редакторскую работу и написал статью «Основные элементы лирики Фета».

В 1897 году была издана магистерская диссертация Никольского «Система и текст XII таблиц», а также сводный текст отрывков XII таблиц со свидетельствами древних авторов и указателями, который предназначался в первую очередь для учащейся молодежи и с помощью которого можно было проводить сравнительный анализ с «Русской правдой».<sup>15</sup>

В конце 1890-х годов произошло пополнение в семье Никольского: 2 августа 1898 года родился сын Сергей, однако вскоре (в июне 1900-го) он скончался вследствие болезни. 1 декабря 1899 года родилась дочь Анна.<sup>16</sup> Позже, уже в начале XX века, у Никольских родился сын Роман (7 апреля 1903) и дочь Анастасия.<sup>17</sup>

В первом десятилетии XX века Никольский работал над докторской диссертацией «Дарение между супругами», которую в 1903 году представил в Новороссийский университет; но из-за личной неприязни и конфликтов с либеральной профессурой защита не состоялась.

Позже Никольский перешел к адвокатской практике и стал частным поверенным и присяжным стряпчим. 26 октября 1903 года Ни-

---

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 152 об.

<sup>15</sup> См.: Никольский Б. В. Система и текст XII таблиц. СПб., 1897; XII таблиц. Сводный текст отрывков со свидетельствами древних и указателями. СПб., 1897.

<sup>16</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 59 об., 61, 103, 134 об.

<sup>17</sup> Там же. Архивная справка. Л. 4.



кольский баллотировался в первой крупной правомонархической организации — «Русском собрании».<sup>18</sup> Ее устав был утвержден еще в январе 1901 года товарищем министра внутренних дел П. Н. Дурново.<sup>19</sup> Никольский сразу же стал одним из активнейших членов собрания, участвовал в его заседаниях, беседах, вечерах.

1905-й год вынес Никольского на политическую авансцену. Он стал личным секретарем генерала от инфантерии, члена Совета министра внутренних дел, старосты Исаакиевского собора и издателя правых брошюр Е. В. Богдановича.<sup>20</sup> Вскоре Никольский начал участвовать в составлении писем императору Николаю II, так называемых «записок» в защиту самодержавия. Известна «Всепоподданнейшая речь» Никольского 31 декабря 1905 года, в которой он обращал внимание царя на «мятежную измену» врагов и их «предательское кровопролитие» в дни потрясений 1905 года. Свою речь Никольский произнес перед царем во время принятия последним депутации Русского собрания.

Никольский был у истоков создания Союза русского народа. Руководил Союзом главный совет, сформированный 8 ноября 1905 года под председательством статского советника, доктора медицины А. И. Дубровина. В состав главного совета входил и Никольский.<sup>21</sup> В годы революции 1905—1907 годов он сблизился с виднейшими деятелями правых — в частности с архиепископом Вольнским Антонием (Храповицким). В пору своей деятельности в Союзе русского народа Никольский, как и многие его друзья и соратники, высказывался за осуществление жестких мер по отношению к революционерам.

В 1910 году Никольского пригласили заниматься с сыновьями великого князя Константина Константиновича Олегом и Гавриилом. О жизни князя Олега Константиновича, трагически погибшего в самом начале Первой мировой войны, Никольский оставил воспоминания, в которых он охарактеризовал молодого человека как прилежного, трудолюбивого и богобоязненного ученика.

---

<sup>18</sup> Там же. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 223.

<sup>19</sup> См. о нем примеч. 49.

<sup>20</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б. Л. 232; Дневник Б. В. Никольского за 1905—1907 гг. С. 90.

<sup>21</sup> Платонов О. А. Император Николай Второй. Жизнь и царствование. СПб., 1999. С. 198—199; Острецов В. М. Черная сотня: взгляд справа. М., 1994. С. 31; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 90.

1915 году).<sup>29</sup> В январе 1916 года Никольский пробовал пройти в Городскую Думу, сначала — по первому разряду, а затем — по второму, но в обоих случаях неудачно.<sup>30</sup>

Февральскую революцию Никольский воспринял отрицательно.<sup>31</sup> В то время его материальное положение было настолько тяжелым, что он подумывал о продаже своей уникальной библиотеки. 25 сентября 1917 года скончалась его мать, 74-х лет от роду.<sup>32</sup> Тем не менее даже в таких условиях Никольский продолжает упорно работать. Среди всего прочего он писал статьи о «Памятнике» Горация, о Г. Р. Державине, о А. С. Пушкине, о Тибулле, о К. Н. Батюшкове и другие.<sup>33</sup>

Сразу после событий марта 1917 года, по-видимому из-за своего участия в работе монархических организаций, по предложению министра народного просвещения А. А. Мануйлова, Никольский подал в отставку<sup>34</sup> и находился на положении заштатного профессора до октября 1917 года, когда был избран сначала приват-доцентом, а затем доцентом классической филологии историко-филологического факультета Юрьевского университета, куда в спешном порядке и направился читать лекции.<sup>35</sup>

События 25 октября 1917 года Никольский встретил в Петрограде и не принял их.<sup>36</sup> В ноябре того же года он столкнулся с проблемой выезда из Юрьева, так как солдаты, возвращавшиеся с фронта, пускали только своих и запирали двери.

Новый 1918-й год Никольский отметил на даче своей жены, в Любани, а в январе он стал приват-доцентом римского права юридического факультета Юрьевского университета, в котором читал

---

<sup>29</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 а—4 б (по новой нумерации — соответственно Д. 2 и 1). Архивная справка. Л. 2 об.; *Беззубов В. И., Исаков С. Г.* Блок — участник студенческого сборника. С. 327.

<sup>30</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 374, 375.

<sup>31</sup> *Чхартишвили П. Ш.* Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133.

<sup>32</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 а (по новой нумерации — Д. 2). Л. 50 б.

<sup>33</sup> Там же. Л. 12 а, 14 а, 39 а, 112 б.

<sup>34</sup> Там же. Д. 4 а—4 б (по новой нумерации — соответственно Д. 2 и 1). Архивная справка. Л. 2 об.

<sup>35</sup> Там же. Д. 4 а (по новой нумерации — Д. 2). Л. 60, 66 б.

<sup>36</sup> Там же. Л. 70 а.

публичные лекции. По-прежнему он испытывал сильную материальную нужду, увеличивавшуюся с каждым днем.

В феврале 1918-го Никольский временно приостановил свою научную работу, так как типографии закрыли, а писать при холоде не было сил.<sup>37</sup> В это же время прекратились его поездки из Петрограда в Юрьев: сообщение прервалось в результате немецкой оккупации Эстляндии. В Петрограде Никольский продолжал преподавать в Училище правоведения.

В августе 1918 года Никольский написал письмо в комитет по устройству Воронежского университета (личный состав Юрьевского университета к тому времени находился в Воронеже) и, получив положительный ответ, в конце сентября собирался отправиться в Воронеж для преподавания в университете.<sup>38</sup> Однако, судя по письму к литератору Б. А. Садовскому, датированному 26 октября (8 ноября) 1918 года, и последующим событиям, он никак не мог туда выехать.<sup>39</sup>

До самой своей трагической гибели в 1919 году Никольский не оставлял литературную деятельность. По словам анонимного автора некролога Никольского, «в издании Академии наук должен был выйти его труд — „Пушкин и его современники“». <sup>40</sup>

Не позднее 21 июня 1919 года Никольский был расстрелян по приговору Петроградского ЧК «за принадлежность к контрреволюционной деятельности».<sup>41</sup> «Известия Петроградского Совета...» охарактеризовали Никольского как «видного деятеля монархических организаций — неисправимого черносотенца».<sup>42</sup>

Согласно материалам следственного дела Никольского, хранящегося в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области,<sup>43</sup> Никольский был арестован 17 мая 1919 года «в свя-

---

<sup>37</sup> Там же. Л. 137 б.

<sup>38</sup> Там же. Л. 329 б.

<sup>39</sup> Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913—1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. С. 371.

<sup>40</sup> Никольский Б. В. <Некролог> // Вестник литературы. 1919. № 6. С. 13.

<sup>41</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 а—4 б (по новой нумерации — соответственно Д. 2 и 1). Архивная справка. Л. 3.

<sup>42</sup> Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 21 июня 1919 г. № 137 (330).

<sup>43</sup> Архив Главного управления Федеральной службы безопасности (ГУ ФСБ) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следст-

зи с фильтровкой служащих и сотрудников Комитета по военным делам» вместе с подданной Швейцарии Эмилией Эмильевной Коллен.<sup>44</sup> 31 мая 1919 года вышло постановление Следственного отдела Петроградской губернской ЧК об освобождении Э. Э. Коллен «за недоказанностью обвинения»; ее дело было прекращено, а дело по обвинению Никольского следствием продолжено.<sup>45</sup> Через некоторое время, 12 июня 1919 года, вышло постановление по делу Никольского Петроградской губернской ЧК, гласившее: «Гражданина Никольского, как убежденного организатора Союза русского народа, проникшего в военную организацию с целью шпионажа, — расстрелять (Подчеркнуто в тексте документа. — Д. С.); дело следствием прекратить и сдать в архив».<sup>46</sup> При этом какие бы то ни было доказательства якобы имевших место фактов шпионажа в следственном деле отсутствуют.

Также в «деле» нет и документов, связанных непосредственно с обстоятельствами расстрела Никольского; нам неизвестна даже дата приведения приговора в исполнение. Документы о месте захоронения расстрелянного также отсутствуют. Богатая библиотека Никольского была конфискована, а книги были распределены среди крупнейших книгохранилищ Петрограда. Большая часть его библиотеки до сих пор хранится в фондах Российской национальной библиотеки.<sup>47</sup> Летом 2002 года Никольский был полностью реабилитирован.<sup>48</sup>

Рассмотрим некоторые обстоятельства, связанные с обращением Никольского к наследию К. Н. Леонтьева. Судя по всему, Никольский ознакомился с творчеством мыслителя еще в юности, однако, по всей вероятности, не был лично знаком с Леонтьевым (в 1891 го-

---

венное дело № П-92726; См. также: *Стогов Д. И.* «Ничто мне в этом мире не забава, и жизнь мне ряд трудов, а не утех» // *Знаменитые университеты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета.* СПб., 2005. Т. III. С. 258—260.

<sup>44</sup> Архив ГУ ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № П-92726. Л. 2.

<sup>45</sup> Там же. Л. 14.

<sup>46</sup> Там же. Л. 15.

<sup>47</sup> Подробнее о судьбе библиотеки Никольского см.: *Грин Ц. И., Третьяк А. М. Б. В. Никольский (1870—1919): Судьба ученого, книжника на изломе истории* // *Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: Сб. статей.* СПб., 1998. С. 46—57.

<sup>48</sup> Архив ГУ ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-следственное дело № П-92726. Л. 21.

ду, когда Константин Николаевич скончался, Никольскому был всего 21 год). К сожалению, как свидетельствовал сам Никольский, дневник своей юности он уничтожил и точно установить все обстоятельства, связанные с изучением юным Никольским наследия Леонтьева, не представляется возможным. Поэтому нам приходится рассматривать обстоятельства, связанные с обращением уже зрелого Никольского к творчеству выдающегося мыслителя. Между тем уже в своей позднейшей работе Никольский вспоминал о том, какое сильное влияние наследие Леонтьева оказало на него в юности: «Пишущий эти строки на себе испытал в молодые годы эту раскрепощающую силу произведений Леонтьева и немногим писателям так благодарен, как именно этому великому освободителю. Против затхлого, заплесневелого в своем убожестве российского либерального доктринерства и бесшабашно невежественного нигилизма он выступает такую же элементарно-властной и одиноко-властной фигурой, какую на наших глазах П. Н. Дурново<sup>49</sup> обрисовался на фоне сановных трусишек бюрократии наверху, а внизу — камаринских товарищей революционеров и пресмыкающихся убийц из-за угла».<sup>50</sup>

В полностью сохранившейся части дневника Никольского, который он систематически вел начиная с 6 августа 1896 года и вплоть до 14 сентября 1918-го,<sup>51</sup> мы находим всего лишь семь упоминаний имени Леонтьева, т. е. сравнительно немного. В частности, одно из

---

<sup>49</sup> Петр Николаевич Дурново (1845—1915) — директор Департамента полиции (1884—1893), товарищ министра внутренних дел (1900—1903), начальник Управления почт и телеграфов министерства (1903—1905), член Государственного совета (1905), министр внутренних дел (октябрь 1905—апрель 1906), с 22 апреля 1906 г. — статс-секретарь.

<sup>50</sup> *Никольский Б. В.* Сокрушить крамолу / Сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогова. М., 2009. С. 361.

<sup>51</sup> Дневник Никольского дошел до нас в виде двух огромных по объему тетрадей, хранящихся ныне в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). — РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 а—4 б (по новой нумерации — соответственно Д. 2 и 1). В первой из этих тетрадей (Д. 4 б, по новой нумерации — Д. 1) содержатся дневниковые записи за период с 6 августа 1896 г. по 30 июля 1916 г., во второй (Д. 4 а, по новой нумерации — Д. 2) содержатся дневниковые записи за период с 18 июля 1917 г. по 14 сентября 1918 г. В период со 2 апреля 1908 по 29 июня 1912 г. Никольский дневник вообще не вел, или же записи в это время им велись в недошедшей до нас тетради. Дневник Никольского с 31 июля 1916 по 18 июля 1917 г. совсем недавно был выявлен в его фонде в ГАРФ (Ф. 588).

них напрямую касается представлений Бориса Владимировича о сословности и о роли правящего сословия в жизни империи, которые мы и рассмотрим подробнее. Так, 30 марта 1897 года Никольский в дневнике подверг критике позицию известного консервативного деятеля, издателя газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерского, напечатавшего на страницах «Московских ведомостей» без указания своей фамилии статью, в которой воспевал идеалы сословного строя, подчеркивая особую роль дворянства как высшего сословия Российской империи. Князь, помимо прочего, заявлял: «В сущности, наше дворянство было историческим созданием государственной власти, служебным ее учреждением. <...> Что же мудреного, если и дворянство, внезапно лишенное своих прав и преимуществ, утратило в лице отдельных своих представителей ясное сознание своего государственного значения?»<sup>52</sup>

Вразрез с этой позицией выступает Никольский. Он приводит доводы, противоположные точке зрения кн. Мещерского, возражая князю следующими словами: «...это вздор и ложь. Ведь попытки пошатнуть монархическую власть *всегда* исходили из дворянской среды. <...> Дворянство — умирающая политическая традиция; духовенство — призвано ему на смену». Почему именно духовенство? Вот как объясняет на страницах своего дневника это положение сам автор: «Жаль его <дворянства. — Д. С.> широкой, просторной жизни, со столетними садами, от которых лишь отдельные липы уцелели среди заводов, дач, мелочных лавочек... Жаль его политически: жаль первобытной нашей крепостной организованности, часто жестокой, но не всегда могучей. <...> Дворянство кончено, и нужно искать нового, не местного, но близкого народу сословия. Таково духовенство. <...> Имений нет, господа все вышли, но церкви целы и пока остались».<sup>53</sup>

Можно ли, однако, заявлять о том, что Никольский был противником реализации принципа сословности? Думается, что нет. И это следует не только из его точки зрения о роли и месте духовенства в социальной организации российского общества, но и исходя из неоднократного обращения к идеям Леонтьева, горячим поклонником которого он был.

---

<sup>52</sup> Московские ведомости. 25 марта 1897 г. № 83. С. 2 (статья помечена датой — 24 марта).

<sup>53</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 3 об.—4.

Так, как бы развивая свои мысли, записанные 30 марта 1897 года, и критикуя теперь уже собственно не кн. Мещерского, а редакционную политику «Московских ведомостей», 16 мая того же года Никольский пишет буквально следующее: «Что же касается до „Московских ведомостей“ с их сословностью, то они несносны. У Леонтьева его поклонение сословности было частью кровною традицией, частью — идеалом художника; это было личное дело, неотделимое от него самого, один из контрастов, составлявших этого удивительного человека. У Мещерского его сословность опять-таки личное дело, это программа его прошлого политического влияния, которой он изменить не в силах».<sup>54</sup> Таким образом, Борис Владимирович фактически признает положительный смысл концепции сословности Леонтьева.

Напомним вкратце сущность этой концепции по вопросу о социальной организации общества. Резко выступая против «всесмешения», против стирания каких бы то ни было границ между социальными группами, мыслитель подчеркивал необходимость сохранения в обществе жесткой социальной иерархии. Анализируя опыт балканских народов, получивших независимость от турок и, вследствие того что эти народы долгое время развивались в условиях турецкого господства, практически лишенных привилегированных сословий, Леонтьев пишет о «полнейшей *плутократической* и *грамматократической эгалитарности*»<sup>55</sup> народов Балканского полуострова, подчеркивая отрицательные последствия этого явления. По мнению философа и публициста, отказ от основополагающего принципа сословности, который происходил в Западной Европе со времен французской революции конца XVIII века, постепенно приводил к формированию бессословного, так называемого «среднего человека», последствия чего, по его мысли, крайне губительны для общества («Стремление к *среднему типу* есть <...> стремление <...> к *расстройству общественному*», так как оно «слишком скоро изнуряет дотла психические запасы обществ и делает их неспособными к долговому после этих порывов существованию»)<sup>56</sup> Постепенное размыва-

---

<sup>54</sup> Там же. Л. 6 об.

<sup>55</sup> Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8, кн. 1. С. 502.

<sup>56</sup> Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. С. 218.

повторить слова Леонтьева: „На что нам Россия не православная и не самодержавная!“ Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию — одно и то же», — замечает Никольский.<sup>59</sup>

В 1911 году Никольский подготовил к печати работу «К характеристике К. Н. Леонтьева»,<sup>60</sup> которая является одним из лучших образцов критических статей автора и характеризует идеи и взгляды выдающегося представителя русского консерватизма. По признанию современных исследователей творчества Леонтьева, работа Никольского дает «одну из лучших художественно-образных характеристик психологического облика мыслителя».<sup>61</sup> Очерк Никольского был опубликован в сборнике «Памяти К. Н. Леонтьева», а затем переиздан отдельной брошюрой. До этого вместе с К. А. Губастовым<sup>62</sup> он хлопотал о возможности издания собраний сочинений Леонтьева. В Петербурге издание не состоялось, а с 1912 года начали выходить тома собрания, подготовленного учеником Леонтьева, протоиереем Иосифом Фуделем.<sup>63</sup>

Вокруг Губастова, лично хорошо знавшего Леонтьева, к декабрю 1908 года сформировался кружок, который, хотя и был неформальной структурой без фиксированного членства, членских взносов и пр., тем не менее ставил перед собой далеко идущие цели — популяризировать наследие Леонтьева. В частности, кружок Губастова выпустил к 20-летию со дня его кончины сборник работ, посвященных личности Константина Николаевича.<sup>64</sup>

В работе кружка Губастова принимали участие люди различных взглядов и убеждений, поэтому руководство этих собраний придер-

---

<sup>59</sup> Там же. Л. 238 об.

<sup>60</sup> Никольский Б. В. К характеристике К. Н. Леонтьева // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 365—381; отд. отт.: СПб.: Сириус, 1911.

<sup>61</sup> Шириняц А. А., Мячин А. Г. Жизнь и идеи К. Н. Леонтьева. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41255.php?PRINT=Y>.

<sup>62</sup> Константин Аркадьевич Губастов (1845—1919) — действительный тайный советник, сотрудник Министерства иностранных дел, один из основателей и руководителей Русского генеалогического общества. Друг Леонтьева, участник собрания в его память.

<sup>63</sup> Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 1—9. М., 1912—1913. Издание не было завершено.

<sup>64</sup> <Никольский Б. В.> Предисловие // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. V—VI.



живалось «полной взаимной терпимости и безусловной непредвзятости».<sup>65</sup> Среди участников кружка были К. М. Аггеев, А. А. Александров, В. В. Бородаевский, А. Н. Волжин (будущий обер-прокурор Святейшего Синода), П. М. Евреинов, П. М. Казначеев, Ю. С. Карцов, А. М. Коноплянцев, А. В. Королев, М. В. Леонтьева, Н. О. Лернер, А. И. Маликов, П. П. Перцов, Е. Н. Погожев (Поселянин), В. В. Розанов, В. В. Розов, А. А. Сидоров, С. Т. Филиппов, М. М. Янковский.

Издание сборника, как считал Никольский, подготовило почву для фуделевского собрания. 11 августа 1912 года он записал в дневнике: «Отправлял письма и телеграммы и купил 1-й том Леонтьева. Это издание — плод нашей с Губастовым работы. Без него ничего бы не было, но и он говорит, что без меня у него едва ли бы что-нибудь вышло. Я очень поддерживал его энергию, привлек Королева, Антония, написал сам статью и предисловие, прочел доклад и вообще организовал чествование в Русском собрании, наконец, вся мысль о полном собрании сочинений была и начата, и спасена мною. Мы, правда, потерпели неудачу, но без моей инициативы и московского издания никогда бы не было».<sup>66</sup>

И впоследствии Никольский неоднократно обращался к наследию Леонтьева. Так, 2 июля 1915 года он записал в дневнике о том, что вечером разговаривал со своим старшим сыном Владимиром о Тургеневе, Достоевском, Леонтьеве, Л. Толстом. При этом Никольский отмечает, что Владимир «теперь только начинает, видимо, но зрелей и равновеснее, переживать то, что я переживал 15—16 лет от роду».<sup>67</sup> Вновь Никольский свидетельствует нам о том, что еще в ранней юности глубоко прочувствовал идеи русских классиков, в том числе и Леонтьева.

Чуть позже, 19 июля того же года, Никольский снова упоминает в дневнике имя Леонтьева, отмечая, что работает над статьей о русских мыслителях XIX века, составляя, судя по всему, сборник их произведений.<sup>68</sup> Однако этой публикации так и не суждено было выйти в свет.

Уже в тяжелые революционные годы Никольский вновь обращается к имени Леонтьева. Так, в письме к известному русскому поэ-

---

<sup>65</sup> Там же. С. V.

<sup>66</sup> РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации — Д. 1). Л. 268 об.

<sup>67</sup> Там же. Л. 361 об.

<sup>68</sup> Там же. Л. 364.

ту, прозаику, критику и литературоведу Серебряного века Б. А. Садовскому от 28 октября 1918 года Борис Владимирович писал, что тот «хнычет о своей судьбе как „захолустного обывателя“ (дал бы Вам покойник Леонтьев за такие выражения!)».<sup>69</sup>

Для того чтобы понять особенности воззрения Никольского на творчество Леонтьева, подробно рассмотрим содержание очерка «К характеристике К. Н. Леонтьева». Прежде всего автор очерка обращает внимание читателя на противоречивость и порывистость в характере и поступках выдающегося мыслителя, что и предопределило в итоге особенности его творчества. Леонтьев по своей натуре, как отмечает Никольский, был словно соткан из противоречий. «Леонтьев был бурей внутренних противоречий, которую неотразимой силой влекло на Афонскую скалу, где ей суждено было разбиться»,<sup>70</sup> — пишет в этой связи Борис Владимирович. По словам Никольского, «Леонтьев не был <...> зиждательным веянием, ни стихийно-постоянным пассатом или муссоном, ни даже переменчиво-разноструйным течением духа. Его порывистая, страстная душа, его стремительный, причудливый ум сливались, как несродные стихии, море и тучи, в ураган противоречий, в ревуший, сверкающий и сокрушительный смерч. Он был какою-то бурей, разом мечущуюся во всех направлениях, одновременно и славословя и разрушая одно и то же, существуя тем раздором несогласимых стремлений, который явился бы концом и гибелью для прямолинейно-веющего духа. Его мысль ни для кого не была ни попутным, ни встречным ветром: она размалывала в своих противоречиях почти каждого, кого захватывала. И пределом этого смерча могла быть только такая несокрушимая преграда, о которую он разбился бы, чтоб освобожденные тучи ушли в небо, освобожденные волны ушли в море».<sup>71</sup>

По мысли Никольского, в итоге «этою преградой, разрешившею все противоречия, но зато убившею самую жизнь его, явилась Афонская гора».<sup>72</sup> Напомним, что Леонтьев после тяжелой болезни (1871) отправился верхом через горы на Афон, где он оставался до августа 1872 года. Он собирался исполнить свое

<sup>69</sup> Монархист и Советы... С. 370.

<sup>70</sup> Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 361.

<sup>71</sup> Там же. С. 355.

<sup>72</sup> Афон — полуостров в Восточной Греции, в районе Халкидики (Македония), представляющий собой гору высотой 2200 м над уровнем моря. Для православных всего мира — одно из главных святых мест со знаменитыми монастырями, почитается как земной удел Божьей Матери.

обещание и стать монахом, но его афонские духовники отговорили его от такого поспешного шага. Однако незадолго до смерти Константин Николаевич все же принял монашество на Афоне. Никольский обращает внимание на то, что его «пострижение почти совпало с его кончиною». «Неутомимая жажда подвига, жертвы, неудержимое стремление „в заоблачную келью, в соседство Бога“ влекли его к той полноте отречения, которая осуществляется только монашеством; страстная жажда жизни, наслаждений, прямолинейность властного ума и повелительное обаяние красоты стремили его в круговорот живых страстей, в политику, творчество, проповедь, романы в жизни, романы в воображении. Этот внутренний разлад беспредельно высоких идеалов и неодолимо соблазнительных страстей при полной невозможности отрешиться своими силами от той или другой стихии составлял самое существо и вместе главную потребность его духа»,<sup>73</sup> — такими словами оценивал поступки Леонтьева Никольский. По словам автора очерка, Леонтьев «не только понимал противоречия, но любил их. Когда не было бури, он, как чуткая осина, улавливал едва заметные струи воздуха только для того, чтобы с наслаждением отвечать трепетными сочувствиями их веяниям, для других неосязаемым. Он был весь трепет, порыв и стремление».<sup>74</sup>

Никольскому фигура Леонтьева представляется неким «живым противоречием внутри своего духа», «единым, цельным и стройным порывом, если взглянуть на него извне». При этом, по мысли автора очерка, в деятельности великого мыслителя не было никакой системы и начертать ее исследователям творчества Леонтьева совершенно невозможно и бесполезно. Никольский утверждает, что «весь он был противоречием, возведенным в систему», что он был «стихийным отрицанием всякой системы».<sup>75</sup>

Автор очерка о Леонтьеве отмечает, что среди критиков «существуют попытки охарактеризовать мировоззрение Леонтьева как эстетическое»,<sup>76</sup> и обращает внимание на то, что и сам Леонтьев был

---

<sup>73</sup> Никольский Б. В. Сокрушить крामолу. С. 356.

<sup>74</sup> Там же. С. 356.

<sup>75</sup> Там же. С. 356—357.

<sup>76</sup> Об эстетизме Леонтьева, в частности, писал современник Никольского В. В. Розанов. «Главная забота писателя (...) в сохранении жизни, в чувстве влечения к ней как к величайшей красоте природы. И в самом деле, в этом состоит общий и главный смысл всех его писаний: красота

склонен к этой мысли. Однако в этой связи Никольский задается вопросами: «Позволительно спросить, какой эстетизм может завести человека в монахи? Равным образом, возможно ли сочетать яркий и твердый патриотизм Леонтьева с эстетизмом, как основу, будто бы, его идей?» По мнению автора очерка о Леонтьеве, «эстетизм, как система, или как принцип, исключает возможность гражданского подвига, ибо исключает идею нравственного долга». Признавая возможность того, что у мыслителя религиозность и эстетизм уживались одновременно, Никольский указывает, что тем не менее «нельзя одно сводить к другому», но следует «отметить эту совместность — одну из весьма многих — в его душе двух несогласных идеалов»<sup>77</sup> — религиозного и эстетического.

Также Никольский, ссылаясь на слова самого Константина Николаевича, признает вслед за другими критиками, что еще одна «характерная черта, довольно дружно признаваемая за мировоззрением Леонтьева, это — пессимизм».<sup>78</sup> Однако, пишет далее Никольский, «трудно было бы согласиться с тем, кто в пессимизме усмотрел бы коренную, принципиальную его особенность; а сам себе никто не судья и в этом смысле мнение самого Леонтьева еще ничего не дока-

---

есть мерило жизни, ее напряжения; но красота не в каком-либо узком, субъективном ее понимании, а только в значении — разнообразия, выразительности, сложности» (*Розанов В. В.* Теория исторического прогресса и упадка // *Русский вестник*. 1892. № 3. С. 326); «Три элемента образуют существо его <Леонтьева. — Д. С.> духа, обуславливают его суждения, формируют его мировоззрение: натурализм, эстетика и религиозность» (*Розанов В. В.* Поздние фазы славянофильства. 2. К. Н. Леонтьев // *Розанов В. В.* Сочинения. М., 1990. С. 195); «...о Леонтьеве можно сказать, что его „эстетизм“ был синонимичен, или, пожалуй, вытекал или коренился на анти-смертности, или, пожалуй, на бессмертии красоты, прекрасного, прекрасных форм» (*Розанов В. В.* Неузнанный феномен // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 173—174).

<sup>77</sup> Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 357.

<sup>78</sup> В частности, Розанов, построивший свою метафизику христианства на леонтьевском пессимизме, был одним из первых, кто назвал Леонтьева «русским Ницше» (ранее Вл. С. Соловьев писал о том, что Леонтьев «предвосхитил многие мысли Ницше»). Подробнее см.: *Репников А. В.* К истории взаимоотношений В. В. Розанова и К. Н. Леонтьева // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сб. статей. Кострома, 2003. С. 249—258.

зывает». И в этой связи Борис Владимирович обращает внимание на тот неоспоримый факт, что у Леонтьева «его страстное чувство жизни, его вера и страх Божий, его пламенный патриотизм, его умение беззаветно любить тою высшею любовью, которая, по слову апостола, страха не имеет, наконец, живая деятельность как черта, присущая всем его идеалам, в своей совокупности исключают возможность последовательного и целостного пессимизма».<sup>79</sup>

Что же касается признания самого Леонтьева в наличии у него пессимистических воззрений, то на сей счет Никольский заявляет, что это не более чем «просто недовольство личною судьбою, совместно с зоркою наблюдательностью врача, постоянно ему напоминавшее о зияющей смерти, грозящей рано или поздно поглотить все живущее». Земную же жизнь Константин Николаевич, как отмечает Никольский, считал прекрасной. Отдельные же пессимистические моменты в творчестве Леонтьева Никольский склонен рассматривать не более чем «порывы ума и воли, а не принципы». По мнению автора очерка, «это было либо голодом, либо пресыщением хищника в клетке, ибо и вся жизнь его была жизнью хищника в клетке».<sup>80</sup>

По словам Никольского, Леонтьев был рожден «не для довольства и власти», и поэтому ему никогда не давались в жизни «ни довольство, ни власть». Никольский указывает на то, что Константин Николаевич «мог быть только тем, чем был на самом деле, и никакая обстановка не могла бы удовлетворить или согласовать его непримиримые противоречия». «Дали бы ему какую угодно волю и власть, — и он роковым образом вернулся бы к своей неволе и своему безвластию», — замечает Никольский. Также автор очерка обращает внимание на то, что хотя жизнь Леонтьева вела его на Афон кружными путями, но тем не менее все равно привела его туда. По мысли Никольского, «не было такого пути, на котором он мог бы миновать это пристанище».<sup>81</sup>

Также Никольский комментирует утверждения о том, что «Леонтьев любил истину в ризах парадокса». И действительно, автор очерка склонен согласиться с таким утверждением. По его словам, «у страшно серьезного Леонтьева эта стихийная игривость мысли сказывалась в его любви к парадоксальным и крайним

---

<sup>79</sup> Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 357.

<sup>80</sup> Там же. С. 358.

<sup>81</sup> Там же. С. 359.

формам выражения». Никольский обращает внимание на то, что «как в разговорах собеседника, так в литературе он любил озадачить, поразить читателя, раздражить противника замысловатой безусловностью своих суждений», обостряя «резкость своих мнений категоричностью выражения». «Прекрасно зная относительность иных своих суждений, он все-таки высказывал их с такою безусловностью, которая ошеломляла не только противников, но даже и тех простодушных или тугодумных слушателей, которые вполне согласились бы с ним, обставь он истину громоздким аппаратом оговорок»,<sup>82</sup> — пишет в этой связи Никольский. Таким образом, утверждает автор очерка, «потребности Леонтьева обострять мысли, его любви к парадоксу и капризно-вычурной логике, к замысловатым подходам к намеченной мысли и стремительным скачкам к неожиданным из нее выводам, наконец, его боевой склонности недоговаривать, пренебрегать оговорками, — всего этого совершенно непозволительно забывать при понимании и толковании его произведений».<sup>83</sup>

Также Никольский указывает на то, что этот леонтьевский способ подачи своих мыслей в особенной степени очаровывал и очаровывает молодое поколение, которое обладает «всею непредвзятостью и восприимчивостью своего возраста». «Всегда независимые сами по себе, его мнения обостренною крайностью выражения становятся в глазах тех, кому пришлись по душе, прямо сокрушительными для того, против чего направлены», — пишет Никольский. Оценивая творчество Леонтьева, Борис Владимирович отмечает, что во многом благодаря этим особенностям выражения своих мыслей «нет писателя, полней освобождающего молодую мысль из-под власти вокабул и катехизисов либерализма и современного лжедемократизма». По словам автора очерка, Леонтьев «учит не бояться общих идолов и идольчиков и потому, как никто, подготавливает душу к служению истинному Богу».<sup>84</sup>

В своем очерке Никольский пытается найти истоки противоречивости и порывистости в мировоззрении Леонтьева. По его словам, «смысл влечения» мыслителя следует искать в двух понятиях — подвиге и жертве. «Не в эстетизме, не в пессимизме, не в религии даже надо искать ключа к пониманию Леонтьева, но в

---

<sup>82</sup> Там же.

<sup>83</sup> Там же. С. 360.

<sup>84</sup> Там же. С. 361.

героизме. Несомненно, мировоззрение Леонтьева глубоко религиозно, но только потому, что всякий героизм религиозен, будет ли это героизм дикаря, вроде какого-нибудь якута или социал-демократа, или героизм избранников рода человеческого, подобных христианским мученикам или святым отшельникам. Религиозен и в жизни, и в творениях он стал только в поздние зрелые годы. Вера для него сама была подвигом, и ту веру, которая является для иных людей только душевным удобством, он ненавидел сильнее, чем какое угодно безверие», — такими словами поясняет свою мысль автор очерка, отмечая при этом, что «религия Леонтьева» была «религиею подвига и жертвы». <sup>85</sup> Никольский полагал, что «верховным критерием сочувствий и несочувствий» Леонтьева была героичность. «Добрый, прекрасным, мудрым, правым для него могло быть только то, что способно к подвигу и жертве; что не способно, то в его глазах могло бы не существовать, не должно было, не имело права существовать. Более того, способность к подвигу и жертве искупала пред его судом какие угодно вины, а неспособность к подвигу и жертве являлась сама по себе виною неискупимой», — пишет автор очерка о Леонтьеве.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением современных исследователей о том, что Никольский считал, в отличие от большинства пишущих о Леонтьеве, что эстетизм и пессимизм есть основные черты леонтьевского мировоззрения, а также о том, что Никольский «противопоставляет им в качестве таковой идею героизма, который сам по себе всегда религиозен». <sup>86</sup>

Также Никольский останавливается на, казалось бы, парадоксе: «При такой жгучей прямолинейности основного идеала откуда же буря противоречий?» И делает вывод о том, что происходило это у Леонтьева «от неодолимых соблазнов страстей». <sup>87</sup>

Свое суждение автор очерка поясняет следующими своими примечательными мыслями: «Леонтьев как бы признавал грех сильнее себя, но не желал примириться с его владычеством. (...) Как ни сильна была его ненависть к соблазнам и греху, он не мог подавить любви к их очарованиям. Из этой трагедии исходов только два: гибель или подвиг. Но беспредельно-страстное чувство жизни исклю-

---

<sup>85</sup> Там же.

<sup>86</sup> *Шириняну А. А., Мячин А. Г. Жизнь и идеи К. Н. Леонтьева. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41255.php?PRINT=Y>.*

<sup>87</sup> *Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 362.*

чало для Леонтьева возможность первого исхода, и потому он стихийно стремился ко второму. Он признавал свою греховность, признавал неодолимость греха, но весь трепетал жаждой подвига и жертвы, пламенел готовностью хоть ими засвидетельствовать, что быть рабом греха не согласен. В его художественных произведениях главной темой является искупающее значение жертвы и подвига. Он не боялся в самых глубинах падения за того, кто сохранил способность к жертве, и никакая безупречность не оправдывала в его глазах такого существования, в котором не предвиделось возможности подвига. Разбойник, убийца, кровосмеситель, даже предатель в его суждении бесконечно выше какой-нибудь „честной“ акушерки, „честного“ кассира. Головорез албанец ему по душе, от цивилизованного Лессепа<sup>88</sup> ему душу выворачивает».<sup>89</sup>

Также Никольский указывал и на «нравственный разлад» у Леонтьева «в области прекрасного», утверждая, что эстетизм Леонтьева — это «эстетизм подвига». В этой связи автор очерка о Леонтьеве поясняет свою мысль следующими словами: «Прекрасного, которое не могло быть ризами подвига, он не понимал, оно было для него просто шкурою скота. И в то же время он узнавал красоту подвига и жертвы в красоте удали и риска».<sup>90</sup> Отсюда, по мысли Никольского, Леонтьев как художник и как мыслитель «готов был не менее восхищаться красотой зверства, чем красотой святости».<sup>91</sup>

Исходя из тезиса об «исключительном преобладании нравственных и эстетических начал» в мировоззрении Леонтьева, о готовности мыслителя «мириться с противоречиями», Никольский делает вывод о «преобладании воли над разумом» в творчестве Константина Николаевича, поясняя свою мысль следующими словами: «Если был на свете человек, органически, стихийно нефилософский, так это был Леонтьев. Каждый порыв он стремился исчерпать до дна и потому умел доводить его с инквизиторскою последовательностью до крайних выводов; но согласованность отдельных порывов ему была совершенно безразлична».<sup>92</sup>

---

<sup>88</sup> Фердинанд Лессепс (1805—1894) — французский инженер, предприниматель, руководил строительством Суэцкого канала в 1859—1869 гг., возглавлял акционерное общество по прорытию Панамского канала.

<sup>89</sup> Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 362—363.

<sup>90</sup> Там же. С. 363.

<sup>91</sup> Там же.

<sup>92</sup> Там же. С. 363—364.



Вместе с тем Никольский далек от мысли о том, что «ра: ума или ума было у Леонтьева мало». Напротив, пишет автор очерка, «он обладал сильной и цепкою логикою, наблюдательным и ясным умом, глубокою правдивостью и строгою трезвостью мысли», «умел созерцать жизнь с беспощадной объективностью врача и предписывать ей, смотря по диагнозу, когда режим, когда лекарство, когда огонь, когда железо».

В своем очерке Никольский обращает внимание и на то, что по своему образованию Леонтьев был медиком. Отсюда — «недостаток юридической, исторической и филологической школы», который в произведениях мыслителя чувствуется «чаще, нежели бы читателю хотелось, ежели опускает их высокое достоинство». Однако, отмечает далее Никольский, если этот недостаток и замечается, то «тем выше ценишь ясность и силу его ума, самоучкою судившего так дальновидно, пронизательно и здраво о делах, событиях, народах и людях», поясняя свою мысль следующими словами: «Пользуясь его собственным сравнением, его мысли как бы несравненно пестрый и пышный цветник, где яркие, прекрасные заблуждения сочетаются с благоухающими истинами в нерасторжимое целое, где истины еще прекрасней и царственнее цветут от этого соседства с заблуждениями, где заблуждения не менее дороги зрителю, чем истины. Классификатор ботаник с удивлением и завистью встретит между ними редчайшие цветы, которых ему не найти в отборнейших ботанических садах, и поморщится на „хлам“, в котором они теряются; художник залюбуется вдохновенным сближением форм и красок, столь несродных в отдельности и столь нерасторжимых в целом».<sup>93</sup>

Среди прочих особенностей творчества Леонтьева Никольский обращает внимание читателя и на еще одну «героическую черту», которая, по словам автора статьи, проявлялась у мыслителя «с особою резкостью». Это его независимость. Поясняя свое утверждение, Никольский пишет, что Леонтьеву было безразлично, «нравятся ли другим или не нравятся его мысли и суждения».<sup>94</sup> Также, по мысли автора очерка, Леонтьеву «тернии подвига» «казались выше лавров, и он всегда шел туда, где его ждало всего более терний».<sup>95</sup>

---

<sup>93</sup> Там же. С. 364—365.

<sup>94</sup> Там же. С. 365.

<sup>95</sup> Там же.

Рассуждая о независимости Леонтьева, Никольский отмечает, что она «сочеталась в нем с глубокою любовью к чужой независимости», и в этом отношении «его эстетические сочувствия шли часто вразрез с его идеалами грозной государственности и порою даже торжествовали над ними».<sup>96</sup> Свою мысль автор очерка поясняет следующим суждением: «Подобно тому как ригоризм в области нравственной имел у него только *succes d'estime*,<sup>97</sup> — он отдавал Катону<sup>98</sup> должную дань почтения, с таким же примерно чувством, с каким проходил курс медицинского факультета, но любоваться мог только Фабрицием, — так, в области политической он с неподражаемою непоследовательностью любовался этнографическою, федеративною пестротою, хотя вполне справедливо даже для текущей минуты провозглашал национализм орудием всемирной революции. Голосовал бы он всегда с Катонем, но он плакал бы со Сципионом<sup>99</sup> над пылающими развалинами Карфагена».<sup>100</sup> По словам Никольского, «так прекрасно сосуществование этих разногласий, столько великодушия слышится в каждом из них, что как-то жаль признавать их противоречивость: сердцу хочется провозгласить, как провозгласил бы, я думаю, сам Леонтьев, что в них нет разногласия, что в них полное единство, что лжет логика и лжет очевидность».<sup>101</sup> По мысли Никольского, «и логика, и очевидность, конечно, простили бы Леонтьеву эти мятежные возгласы». Этим утверждением он заканчивает свой очерк о творчестве Леонтьева.

Подводя некоторые итоги, необходимо подчеркнуть, что Никольский обращался к наследию Леонтьева на протяжении всей своей жизни. Первое знакомство с творчеством великого мыслителя состоялось у Никольского еще в юности, однако об этом нам известно только лишь из более поздних свидетельств. Впоследствии Борис Владимирович не только выступал как исследователь творчества Леонтьева, но знакомил с его идеями сына, вспоминал о Леонтьеве

---

<sup>96</sup> Там же.

<sup>97</sup> Умеренный успех (*фр.*).

<sup>98</sup> Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) — государственный деятель, писатель Древнего Рима.

<sup>99</sup> Сципион Африканский Младший (185—129 гг. до н. э.) — полное имя — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский — римский полководец, который разрушил Карфаген, победно завершив Третью пуническую войну.

<sup>100</sup> Никольский Б. В. Сокрушить крамолу. С. 365—366.

<sup>101</sup> Там же. С. 366.

при контактах с близкими людьми и т. д. В своей оценке творчества Леонтьева Никольский, в противовес Вл. Соловьеву, Розанову и другим критикам, подчеркивая крайнюю противоречивость натуры философа, утверждал, что эстетизм и пессимизм, хотя и присущи Леонтьеву, не являются краеугольными камнями его мировоззрения. По его мнению, смысл творчества мыслителя следует искать в героизме — в «подвиге и жертве».

## ПИСЬМА К. А. ГУБАСТОВА К Б. В. НИКОЛЬСКОМУ (1898, 1908—1911)

В деле собирания и издания наследия К. Н. Леонтьева довольно значительную роль сыграл кружок его памяти, собранный в декабре 1908 года известным дипломатом, незадолго до того по собственному прошению ушедшим в отставку с поста товарища министра иностранных дел, Константином Аркадьевичем Губастовым (1845—1919), одним из ближайших друзей Леонтьева с 1867 года. Кружок собирался на квартире Губастова в доме 1 по Большой Колюшенной. Встречи проходили нерегулярно, а дела двигались столь неспешно, что это позволило близко знакомому с основными участниками кружка В. В. Розанову печатно упрекнуть их в равнодушии и бездействии.<sup>1</sup> Не увенчались успехом попытки заинтересовать Императорскую Академию наук планом издания леонтьевского собрания сочинений, и в то же время у Губастова и его соратников не было ни той решимости, ни умения приняться за дело самостоятельно, которыми обладал протоиерей о. Иосиф Фудель, в одиночку сделавший в Москве больше, чем весь петербургский кружок.

Однако один замысел удался и стал достойным приношением к леонтьевскому юбилейному году:<sup>2</sup> «литературный сборник» «Памяти Константина Николаевича Леонтьева», изданный тиражом 2000 экземпляров в одной из лучших типографий Петербурга

---

<sup>1</sup> *Розанов В.* Константин Леонтьев и его «попечители» // Новое слово. 1910. № 7. С. 24—26. Более подробно о кружке и его издательских проектах см.: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 730—740; далее сокращенно: «Гептастилисты».

<sup>2</sup> В 1911 г. исполнялось 80 лет со дня рождения и 20 лет со дня смерти К. Н. Леонтьева.

(«Сириус»). Главным помощником и советчиком Губастова в его эдиционных замыслах стал Борис Владимирович Никольский (1870—1919).<sup>3</sup> В архиве Никольского в ГАРФ (ф. 588) сохранилось двадцать писем и записок Губастова, главным образом относящихся к периоду создания кружка памяти Леонтьева и особенно — ко времени подготовки сборника статей и воспоминаний о нем. Нам показалось целесообразным опубликовать эти письма в дополнение к представленной в нашем сборнике статье Д. И. Стогова, рассказывающей о Никольском как почитателе и истолкователе Леонтьева.

Об истории знакомства Губастова и Никольского в настоящий момент сведений нет. Вероятнее всего, оно могло состояться через С. Н. Шубинского, тестя Никольского. У Шубинского в «Историческом вестнике» Губастов иногда печатался под псевдонимом «К. Г-в».

Первое из сохранившихся писем датировано 11 сентября 1898 года. Послано оно из Цетинье, где Губастов был министром-резидентом при князе Черногорском. Никольский в это время готовился к защите диссертации, и ему понадобились какие-то сведения из Архива МИД. Губастов, лишь недавно оставивший пост вице-директора Азиатского департамента, советует, к кому в этом департаменте можно обратиться за помощью. Только это первое письмо никак не связано с Леонтьевым (разве что напоминает о раннем периоде его биографии — нескольких месяцах службы в Азиатском департаменте в 1863 году). Дальше, начиная с ноября 1908 года, в письмах звучит исключительно леонтьевская тема, и по ним можно проследить хронику кружка почитателей «оптинского отшельника». Особенно интересны здесь свидетельства о встрече Губастова с великим князем Константином Константиновичем, о малоудачной протекции академика А. И. Соболевского, а также два официальных письма другого академика — Алексея Александровича Шахматова (1864—1920), возглавлявшего Отделение языка и словесности. Они сообщены Губастовым в копиях.

Нельзя сказать, что Губастов — фигура совсем забытая.<sup>4</sup> По крайней мере как ближайший друг Леонтьева он и не мог быть

---

<sup>3</sup> См. о нем статью Д. И. Стогова в наст. изд. (с. 225—249).

<sup>4</sup> Хотя долгое время единственным источником сведений о нем был только некролог: Лукомский В. К. А. Губастов // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13.

вполне забыт. Интерес к нему сейчас постепенно пробуждается (главным образом у историков).<sup>5</sup> Тем не менее не будет лишним напомнить основные этапы его биографии, уточняя их по до сих пор неизданным мемуарам нашего героя, хранящимся в ИРЛИ. Константин Аркадьевич Губастов родился 24 апреля 1845 года в тамбовском городке Елатьма, где его отец Аркадий Константинович (1806—1878) служил окружным начальником. Мать — Юлия Андреевна (урожд. Воеводская) была свояченицей липецкого уездного предводителя дворянства М. И. Бартенева (1826—1904), старшего брата известного историка и издателя П. И. Бартенева (1829—1912), с которым позднее Константин Аркадьевич близко общался. Можно сказать, что его интерес к истории и генеалогии имел «домашнее» происхождение.

Семейная жизнь родителей скоро разладилась, Юлия Андреевна с детьми жила у своей матери Е. А. Воеводской (урожд. Сальковой; ?—1866) в ее имении Борисовка Лебедянского уезда, а Константин был, по совету М. И. Бартенева, определен во Второй кадетский корпус, где в конце 1830-х годов учился и сам дядюшка. Окончив кадетский корпус (1863) и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте (1866), Губастов стал «студентом посольства в Константинополе». Здесь-то в начале 1867 года у М. А. Хитрово он и познакомился с Леонтьевым, приехавшим в посольство из Адрианополя, чтобы «просить самостоятельного поста».<sup>6</sup>

Константина Николаевича не могли не расположить к себе «любезность и веселонравие»<sup>7</sup> молодого человека. Сам же он быстро приобрел на него влияние, став для своего тезки «наставником» по

---

<sup>5</sup> См., например: Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860—1900 гг.» / Публ. В. Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35—51; Жуков К. А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К. А. Губастова) // Мат-лы конф. «Россия и арабский мир: К 200-летию проф. Санкт-Петербургского ун-та Шейха ат-Тантави (1810—1861)», 2—3 ноября 2010 г. СПб., 2010. С. 92—93.

<sup>6</sup> Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 188; далее сокращенно: Памяти Леонтьева.

<sup>7</sup> Эти качества находил в нем П. И. Бартенев (*Бартенев П. И. Воспоминания* / Публ. А. Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альм. М., 1994. С. 59).

всем вопросам. Возвращение в Адрианополь не прервало их общения: «Тотчас же началась между нами переписка...» — вспоминал Губастов.<sup>8</sup> Дружба еще больше укрепилась в следующий приезд Константина Николаевича, который произошел очень скоро — летом того же года, перед отправлением Леонтьева в Тульчу, на Нижний Дунай. Губастов сменил Леонтьева в должности секретаря Адрианопольского консульства, но выехал к месту нового назначения только в декабре, так что имел возможность поучаствовать в настоящей авантюре, устроенной Леонтьевым, — похищении «от мадамы» (из публичного дома) некой молдаванки Лины, которую затем они переправили на Дунай (Лина — один из прототипов жены генерала Матвеева в романе «Две избранницы»).<sup>9</sup>

С 1869 года Губастов также служил на Дунае, вице-консулом в Виддине, но Леонтьев в это время был уже далеко оттуда — в албанской Янине. В 1871 году Губастов вернулся в Петербург, став делопроизводителем в Азиатском департаменте, но уже в следующем году получил назначение младшим секретарем посольства в Константинополе, куда прибыл в сентябре 1872 года. Через несколько месяцев здесь он снова встречается с Леонтьевым, вернувшимся с Афона и вышедшим в отставку: «...он поселился на о. Халки и приезжал в город раза два, три в месяц, останавливаясь у меня».<sup>10</sup> Теперь их общение носит уже совсем другой характер, ведь Леонтьев пережил обращение, как он говорил, в «личное Православие» и превратился в настоящего миссионера.

---

<sup>8</sup> Памяти Леонтьева. С. 191. Эта переписка хорошо сохранилась (см.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 28), уничтожены были только более интимные письма 1867—1873 гг., правда развернутые выдержки из писем этого периода Губастов привел в своих воспоминаниях о Леонтьеве. Губастов разрешил публикацию писем Леонтьева к нему в «Русском обозрении», но сам сделал большие купюры в рукописи, дополненные также и сильным редакторским вмешательством: многие из упомянутых в письмах (часто нелестно) лиц были еще живы, не стоило предавать печати и фрагменты, посвященные семейным обстоятельствам Леонтьева. В полном виде письма не изданы до сих пор. Ответные письма Губастова хранятся в ГЛМ (Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109—112) и РГАЛИ (Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 45). В серии Приложений к ПСС Леонтьева планируется со временем издание тома, посвященного письмам и воспоминаниям Губастова.

<sup>9</sup> См.: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., Т. 5. С. 816—820.

<sup>10</sup> Памяти Леонтьева. С. 215.

В 1874 году Леонтьев, вышедший до этого в отставку по болезни, вернулся в Россию, а Губастов продолжал дипломатическую службу: в 1875 году он уже второй секретарь посольства, в 1877 году — «исправляющий должность» секретаря миссии в Гааге.

В этот период друзья виделись в течение нескольких дней зимой 1875 года в Москве.<sup>11</sup> В январе—феврале 1878 года (в связи с эвакуацией посольства) Губастов находился в Петербурге. Сюда же приехал из Москвы Леонтьев, пытавшийся вернуться на консульскую службу. Друзья «поселились вместе в меблированных комнатах, в Большой Морской».<sup>12</sup> В марте 1878 года Губастов был назначен временно управляющим генеральным консульством в Константинополе и оставался на этой должности ровно год. В 1879—1880 годах он был чиновником особых поручений Министерства иностранных дел при варшавском генерал-губернаторе П. Е. Коцебу. Здесь сначала он проводил время в приятном *far niente*, пока ему не было поручено цензурование «Варшавского дневника». Именно Губастов пригласил Леонтьева в Варшаву в помощники новому редактору газеты, кн. Н. Н. Голицыну.

С назначением нового генерал-губернатора Губастов был отозван со своей должности, с конца мая 1881 года он ожидал нового назначения и в октябре получил завидный пост: был назначен консулом (до 1885), а затем и генеральным консулом в Вене. Из Вены, кстати, Губастов посылал Леонтьеву философские и политические книжные новинки, запрещенные к продаже в России, а «всякий раз, что <...> бывал в отпуску <...> ездил в Москву, навестить Константина Николаевича».<sup>13</sup> Но он так и не побывал в Кудиново, куда Леонтьев его настойчиво приглашал еще в 1870-х годах (в 1882 году имение было им продано), не доехал и до Оптиной пустыни.

Последняя их встреча произошла в начале октября 1891 года. По воспоминаниям Губастова, она длилась два дня — 8 и 9 октября, по свидетельству же Леонтьева, даже четыре.<sup>14</sup> Леонтьев в последние годы жизни был окружен преданными учениками, не было недостатка в общении, но не все можно было открыть молодым. Перед близкой смертью (а Леонтьев эту близость предчувствовал) ему хотелось увидеться с тем, кому говорил: «...только вы (не считая

<sup>11</sup> Там же. С. 216.

<sup>12</sup> Там же. С. 217. Речь идет о доме Лауферта (д. 35).

<sup>13</sup> Там же. С. 222.

<sup>14</sup> См.: «Гептастилисты». С. 720.



Марьи Владимировны <...>) понимали *меня* и *мою жизнь* так, или хоть приблизительно так, как я сам ее понимал. <...> Вы для меня поэтому незаменимы никем, и когда Вы умрете <...> не будет на земле ни одного человека, который бы знал меня».<sup>15</sup>

Губастов писал о своей дружбе с Леонтьевым: «Я <...> знал его очень близко, любил его по-родственному, и он посвящал меня во все почти свои личные дела и тайны».<sup>16</sup> Но именно эта посвященность, считал он, и мешала ему дать читателю «духовный портрет» Леонтьева «в натуральную величину».<sup>17</sup> В мемуарном очерке осталась какая-то недосказанность.

Вернемся к послужному списку Губастова. В 1896—1897 годах он был вице-директором Азиатского департамента, но, поскольку возражал против взятого руководством Министерства курса на союз с Китаем, был в июле 1897 года с этой должности переведен в почетную ссылку — министром-резидентом сначала при князе Черногорском (1897—1900), затем при папе римском (1900—1904). С марта 1904-го он — чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Сербском. А вершиной его карьеры стало назначение в 1906 году товарищем министра иностранных дел.<sup>18</sup> Но в этой должности он пробыл недолго: в январе 1908 года вышел в отставку по прошению на Высочайшее имя — «по домашним обстоятельствам» (вероятнее же всего — из-за расхождений со своим непосредственным начальством).

Характеризуя Губастова как дипломата, современный историк отмечает: «...это был человек глубоких знаний, незаурядных способностей, умевший ясно выразить свою точку зрения, невзирая на то, что она могла быть приятна не всем высокопоставленным лицам».<sup>19</sup> Знания и способности Константина Аркадьевича находили приложение не только в служебной деятельности. Его страстью были генеалогические разыскания и нумизматика.<sup>20</sup> Губастов был одним из инициаторов «Русского биографического словаря», участвовал в подготовке «Русской родословной книги» кн. А. Б. Лобанова-Рос-

<sup>15</sup> Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 367 (письмо от 26—31 мая 1888 г.).

<sup>16</sup> Памяти Леонтьева. С. 225.

<sup>17</sup> Там же. С. 224—225.

<sup>18</sup> Министром тогда стал А. П. Извольский (см. о нем примеч. 6 к п. 1).

<sup>19</sup> Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка... С. 36.

<sup>20</sup> Впоследствии Губастов передал свое собрание монет и медалей Музею изящных искусств им. императора Александра III.

товского. В 1897 году стал одним из основателей и разработчиков устава Русского генеалогического общества (в 1906—1914 годах сменил кн. С. Д. Шереметева на посту товарища председателя этого общества). В 1908 году он стал членом Русского исторического общества, а в 1910—1914 годах был и его казначеем. Кроме того, он был членом Историко-родословного общества в Москве, Императорских Русского Военно-исторического и Русского Археологического обществ, Тамбовской ученой архивной комиссии, действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III и членом-корреспондентом Императорского Общества любителей древней письменности.

Его статьи печатались в «Известиях Русского генеалогического общества», «Записках Нумизматического отделения Имп. Русского археологического общества», «Летописи Историко-родословного общества». Также он помещал статьи по истории дипломатии в «Новом времени». В 1908 году вышла книга Губастова «Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов».<sup>21</sup>

Во второй половине 1910-х годов Губастов писал мемуары, которые должны были выйти в издательстве «Огни». Книга осталась незавершенной (последние по времени примечания и записи на полях относятся к 1918—1919 годам). Рукопись и авторизованная машинопись хранятся в ИРЛИ. Здесь же находится и архив Губастова — скорее всего, та самая коллекция писем, о которой говорит В. К. Лукомский (1882—1946) в некрологе Губастову как о подаренной ему.<sup>22</sup>

Скончался Губастов 4 февраля 1919 года в Детском (б. Царском) Селе.

Письма печатаются по автографам: ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 238. На нескольких конвертах и на л. 22 рукой Никольского приписано: «От Губастова».

<sup>21</sup> Сравнительно недавно она была переиздана: *Губастов К. А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / Публ. и коммент. Р. Г. Красюкова. СПб., 2003.

<sup>22</sup> «Весьма общительный по своему характеру, К. А. Губастов оставил значительную, подаренную им автору этих строк, переписку со многими государственными деятелями, дипломатами и представителями русской литературы» (*Лукомский В. К.* А. Губастов. С. 13).

Цетинье, 11 сентября 1898

Любезнейший  
Борис Владимирович,

Сейчас получил Ваше письмо с запросами по службе, и спешу посоветовать Вам зайти в первую удобную для Вас минуту (очевидно в сюртуке) к Базили<sup>1</sup> или к Гартвигу (моему преемнику)<sup>2</sup> и объяснить им все, что Вам от Департамента необходимо для успеха Вашего диспута.

Я уверен, что как Базили, так и Гартвиг сделают все что можно и окажут Вам полное содействие.

Если бы случайно Вы пришли к начальству 1-го Департамента, когда оно занято и не может Вас принять, — то обратитесь к Нератову<sup>3</sup> или Веретенникову (кажется, кто-то из них Ваш товарищ по Лицею)<sup>4</sup> и попросите их устроить Вам свидание с Директором или В<ице>-Директором. Вам придется обеспокоиться вторичным приходом в Департамент. Беспокойство, в сущности, уж не Бог знает какое тяжелое...

Потрудитесь передать от меня Сергею Николаевичу,<sup>5</sup> что я недавно виделся с Извольским,<sup>6</sup> и он сообщил мне, что одна из его статей, назначающихся для «Истор<ического> Вестника», готова и будет доставлена в Редакцию в конце сентября. Извольский просит моего содействия для напечатания статьи в ноябрьской или декабрьской книжках «Вестника».<sup>7</sup> Я надеюсь, что Сергей Николаевич, несмотря на обилие у него материяла, для первого знакомства с автором — Посланником, окажет ему внимание и предоставит ему «соу-ре-file»<sup>8</sup> (право, даваемое дипломатическим экипажам при всех церемониях и съездах).

Поклон Екатерине Сергеевне.<sup>9</sup>

Жму Вашу руку и остаюсь

преданный  
К. Губастов

<sup>1</sup> Александр Константинович Базили (1846—1902) — директор Азиатского департамента в 1897—1900 гг.

<sup>2</sup> Николай Генрихович Гартвиг (1855, по др. свед. 1857—1914) — российский дипломат; вице-директор (с 1897; непосредственный преемник Губастова) и директор (1900—1906) Азиатского департамента МИД, затем посланник в Персии (до 1908) и Сербии (1909—1914).

<sup>3</sup> Анатолий Анатольевич Нератов (1863—1938), дипломат; служил в Азиатском департаменте; товарищ министра иностранных дел (1910—1916).

<sup>4</sup> Александр Порфирьевич Веретенников (1870—1936). Окончил Училище правоведения.

<sup>5</sup> Речь идет о тесте Никольского С. Н. Шубинском (1834—1913), редакторе «Исторического вестника».

<sup>6</sup> Будущий министр иностранных дел (1906—1910) Александр Петрович Извольский (1856—1919); в 1897—1899 гг. был русским посланником в Мюнхене.

<sup>7</sup> Статья А. П. Извольского в последних номерах «Исторического вестника» за 1898 год напечатана не была.

<sup>8</sup> Право проезда вне очереди (фр.).

<sup>9</sup> О Е. С. Шубинской см. с. 226 наст. изд.

## 2

СПб. Бол(ьшая). Конюшен(ная). 1  
15 ноября 1908.

Любезнейший  
Борис Владимирович,

Я нашел у себя фотографич(ескую) карточку К. Н. Леонтьева, сделанную в 1867 г. (когда ему было 37 лет) в Конст(антино)п(о)ле,<sup>1</sup> и очень хорошую и похожую.

Мне случилось видеть (не помню где и у кого) еще одну фотографию его, едва ли не московскую, значительно позднейшую с болезненным выражением лица.<sup>2</sup>

Единственное лицо, которое несомненно имеет несколько фотограф(ических) портретов Леонтьева, — это его родная племянница, Мария Владимир(овна) Леонтьева, проживающая в Орловском Женском Монастыре.<sup>3</sup>

Может быть, имеются фотографии и у Розанова.<sup>4</sup>

Другой почитатель Леонтьева, о котором я вчера Вам вскользь упомянул: Александр Михайл(ович) Коноплянцев, помощ(ник) Прис(яжного) Поверенного в Петербурге.<sup>5</sup>

Если Вы свободны в самых последних числах ноября, то я устрою маленькое собрание у себя.

Но в Петербурге нет *ничего* труднее, как собрать несколько лиц вместе. Всегда найдется у каждого какая-нибудь помеха.

Но попытаться можно, а главное сговориться заранее.

Начну с предложения Вам двух чисел: 28 и 30 нояб⟨ря⟩<sup>6</sup> на выбор. Конечно, соберемся вечером между 8—9 ч.

В ожидании ответа, жму Вашу руку.

Ваш  
К. Губастов

<sup>1</sup> Эта фотография впоследствии была воспроизведена в сборнике «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (вклейка между с. 186 и 187). В той же книге на фронтисписе впервые была опубликована фотография Леонтьева 1863 г.

<sup>2</sup> Имеется в виду фотография 1887 г., предпоследний прижизненный портрет, посылая который Т. И. Филиппову, Леонтьев писал 26 июня: «Не знаю, понравится ли Вам этот портрет, мне что-то не очень по вкусу этот изнуренный старик с лицом „en lame de couteau“ ⟨как лезвие ножа, фр.⟩. Мне кажется, что я еще все-таки получше этого. Если я нынешний год не снимусь где-нибудь еще, то это будет мой *последний* портрет. Я не одобряю вообще тех людей, которые снимаются слишком поздно...» (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 430).

<sup>3</sup> См. о ней в статье Т. Н. Резвых в наст. изд.

<sup>4</sup> В. В. Розанову, с которым Леонтьев свел эпистолярное знакомство в апреле 1891 г., была подарена последняя фотография Леонтьева, снятая в Козельске в 1889 г. директором ремесленного училища В. Ф. Мейснером.

<sup>5</sup> А. М. Коноплянцев (1875—после 1932?) — уроженец Ельца, приятель В. В. Розанова и М. М. Пришвина; юрист, первый биограф Леонтьева.

<sup>6</sup> Первоначально было: «трех чисел: 28, 29 и 30 ноября».

### 3

19 ноября 1908.

Любезнейший  
Борис Владимирович,

Совершенно непредвиденно приходится вновь выбирать день и число для Леонтьевского вечера.

Торжественное заседание Славянск⟨ого⟩ Благ⟨отворительно-го⟩ Общ⟨ест⟩ва в память Гр⟨афа⟩ Н. П. Игнатьева, назначенное на 23-е ноября, перенесено на 30-ое.<sup>1</sup> Я участвую в этом заседании.

Позволю себе предложить Вам 1-ое или 3-е декабря, в надежде, что Розанов и Коноплянский<sup>2</sup> примут приглашение на избранный нами вечер.

В ожидании ответа  
жду Вашу руку

Ваш  
К. Губастов

<sup>1</sup> В этот день Славянское благотворительное общество почтило память своего бессменного (с 1888 г.) председателя — скончавшегося 20 июня 1908 г. в своем киевском имении Круподеринцы русского государственного деятеля и дипломата графа Николая Павловича Игнатъева (1832—1908). См.: Памяти графа Н. П. Игнатъева: Речи, произнесенные на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 30 ноября 1908 г. СПб., 1909. Губастов много лет служил под началом гр. Игнатъева в Константинополе.

<sup>2</sup> Описка: подразумевается А. М. Коноплянцев.

4

12 января 1909.

Многоуважаемый  
Борис Владимирович,

Я все это время был нездоров и только сегодня мог видеть Розенера<sup>1</sup> и переговорить с ним о произведениях Леонтьева в приложении к «Ниве».<sup>2</sup>

Вы оказались пророком, и ответ Розенера был решительно отрицательный.

В виду этого, и согласно с намеченными на беседе нашей шагами à entregene(u)re,<sup>3</sup> благоволите поговорить с Соболевским относительно возможности академического издания Леонтьева.<sup>4</sup>

По получении от Вас извещения о результате Вашего разговора, мы можем условиться относительно выбора дня для следующего собрания Кружка, число членов (вернее число желающих быть оными) коего за это время увеличилось.

У меня завелась уже настоящая корреспонденция с столичными и провинциальными почитателями К. Н.

Жму Вашу руку.

Ваш К. Губастов

Если бы Вам было удобнее (находясь поблизости когда-нибудь *<от>* меня) зайти ко мне между 12—1, то милости прошу прямо со мною позавтракать (в 12 ½), исключая воскресений. Это избавит нас от переписки и упростит решение о выборе дня.

<sup>1</sup> Ф. Ф. Розенер — переводчик, сотрудничавший с издательством А. Ф. Маркса; в 1860-е гг. — преподаватель Василеостровского бесплатного училища.

<sup>2</sup> Отношения с журналом Маркса не слишком благоприятно складывались и у самого Леонтьева. Здесь, правда, в 1879 г. был напечатан биографический очерк о нем Вс. С. Соловьева, а в 1882 г. появился (без подписи) и леонтьевский очерк «О. А. Новикова». Затем, в 1884 г., «Нива» напечатала рассказ «Разбойник Сотери», но зато оказался отвергнутым чрезвычайно дорогой для автора роман «Две избранницы».

<sup>3</sup> К антрепренеру (фр.).

<sup>4</sup> Речь идет об академике Алексее Ивановиче Соболевском (1856/1857—1929), знакомом Губастову и Никольскому по Русскому собранию.

## 5

*<*26 февраля 1909 г.  
Четверг

Многоуважаемый  
Борис Владимирович,

Если я Вас не увижу завтра вечером на юбилее А. С. Суворина,<sup>1</sup> то позвольте Вас просить пожаловать ко мне в субботу в 12 ½ позавтракать и потолковать о Леонтьеве.<sup>2</sup> Мне бы хотелось в виду моего отъезда в Египет 11 марта собраться еще раз.

Жму Вашу руку.

Ваш  
К. Губастов

Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте (л. 9):  
Его Высокоблагородию  
Борису Владимировичу  
Никольскому  
Ямская 36. Кв. 9

На конверте рукой Никольского карандашом приписано: «От К. Губастова».

<sup>1</sup> 27 февраля 1909 г. в Большом зале Дворянского собрания праздновалось 50-летие литературной деятельности Алексея Сергеевича Суворина (1832—1912). Публики «собралось свыше 4000 человек, все по именным билетам» (*Глинский Б. Б.*) Пятидесятилетний юбилей Алексея Сергеевича Суворина // Исторический вестник. 1909. Т. СХVI, апр. С. 194).

<sup>2</sup> К этому времени у племянницы писателя, М. В. Леонтьевой, возникла идея привлечь к изданию сочинений Леонтьева Академию наук. Уезжая в Египет, Губастов поручил А. М. Коноплянцеву письменно объясниться с М. В. Леонтьевой о трудностях этого предприятия. См.: «Гептастилисты». С. 732—733.

## 6

7 декабря 1909.

Любезнейший  
Борис Владимирович,

Не пожалуете ли Вы ко мне в четверг, 10 декабря, в 8 ½ ч. вечера побеседовать с почитателями К. Н. Леонтьева об издании его сочинений.<sup>1</sup>

Жму Вашу руку и надеюсь Вас видеть.

Ваш  
К. Губастов

<sup>1</sup> На этом собрании обсуждались вопросы об издании Полного собрания сочинений Леонтьева Академией наук, о выпуске третьего тома сборника «Восток, Россия и Славянство» (об этом мечтал при жизни сам Леонтьев) и об издании сборника статей о Леонтьеве к 1911 году. Был наметчен и предварительный план сборника. См. об этом в письме Коноплянцева к М. В. Леонтьевой от 11 декабря 1909 г.: «Гептастилисты». С. 733.

## 7

Понедельник,  
21 декаб⟨ря⟩ ⟨1909⟩

Любезнейший  
Борис Владимирович,

Я буду завтра в 3 ½ ч. принят В⟨еликим⟩ Князем Константином Константиновичем.<sup>1</sup>



Если Вы будете дома от 4—5, то я с удовольствием заеду прямо из Дворца к Вам сообщить о результатах разговора, и еще кое о чем поговорим.

Ваш  
К. Губастов

Записка на карточке библиографического формата. Сохранился конверт (л. 13). Адрес:

Его Высокоблагородию  
Борису Владимировичу  
Никольскому

Офицерская. 3

На конверте Никольский подписал карандашом: От Губастова

<sup>1</sup> К великому князю Губастов обратился как к президенту Академии наук. Прием происходил в Мраморном дворце. Константин Константинович, по-видимому, не возражал против самой идеи издания сочинений Леонтьева за государственный счет, но, как становится ясно из следующего письма к Никольскому, в дело вмешались «оппозиционные академики».

## 8

3 февраля (1910)

Очень Вам благодарен, многоуважаемый Борис Владимирович, за сообщение по делу Леонтьева.<sup>1</sup>

Я не знаю, кто были оппозиционные академики, и более чем вероятно, что не знаком ни с одним из них.

Нельзя ли Вам, в данном случае, передать всю мою мочь, если мое предположение оправдается. В противном случае я охотно постараюсь поинтриговать.

Я нахожу, что этот способ наилегчайший и к нему и нужно прибегнуть, тогда как представление дополнительной записки<sup>2</sup> является уже более сложным действием.

Благоволите решить и указать

преданному Вам  
К. Губастову

Датируется по связи с п. 7 и 9.

<sup>1</sup> Никольский, по-видимому, сообщил Губастову о негативной реакции академиков на предложение издать сочинения Леонтьева.

<sup>2</sup> Уже была подана записка от 23 января (см. п. 9).

9 апреля 1910.

Многоуважаемый  
Борис Владимирович,

Спешу сообщить Вам копию отрицательного ответа Академии относительно издания Сочинений Леонтьева.

Он меня не удивил, и я не верю в приводимые в ответе аргументы, потому что если бы Академия хотела издать Леонтьева — то могла бы предложить нам облегчить «тяжелые условия», что мы бы охотно и сделали.

Академия выставила материальную невозможность, чтобы не распространяться ни о чем другом...

Что же теперь нам делать? Ставлю этот вопрос Вам, моему Главному Советнику.

Будет ли у Вас охота и свободный вечер в течение апреля, которым Вы могли бы пожертвовать, чтобы постановить сообща то или другое решение по задуманному делу.

Я в полном Вашем распоряжении.

Как бы наше совещание не было последним!

Жму Вашу руку и ожидаю указаний.

Неизменно преданный  
К. Губастов

Копия письма Шахматова  
от 9 апреля 1910, № 210

Отделение Русского Языка и Словесности, заслушав записку Вашу от 23 января, представленную при письме на имя Августейш(его) Президента Академии, относительно издания сочинений К. Н. Л(еонтье)ва, постановило сообщить Вам, что ввиду стесненного положения академич(еской) Типографии и тяжелых условий, выставленных в упомянутой записке, оно не может, к сожалению, взять на себя издания Собрания Сочинений К. Н. Л(еонтье)ва.

Подпис(ал) Шахматов

Впервые опубликовано: «Гептастилисты». С. 734—735.

⟨Без даты, апрель 1910 г.⟩

К. А. Губастов покорнейше просит Бориса Владимировича Никольского пожаловать к нему в субботу, 24 апреля, в 9 ч. в⟨ечера⟩ на совещание.

12 ноября 1910

Многоуважаемый  
Борис Владимирович,

Как было у нас условлено, я послал 4 ноября Шахматову возражение на его первое сообщение.<sup>1</sup>

Вчера получил я от него следующий отзыв:

«Отделение р⟨усского⟩ яз⟨ыка⟩ и слов⟨есности⟩ еще раз обсудило возбужденный Вами вопрос и поручило мне сообщить Вам, что должно остаться при прежнем своем решении. Главное затруднение в типографских средствах. В распоряжении Отделения имеется ежегодно 600 листов, и эти листы должны быть распределены по многочисленным изданиям Отделения. Из прилагаемого списка Вы увидите, что 600 листов едва-едва хватает на уже начатые издания. Мы принуждены отказаться от печатания целого ряда научных трудов и потому не можем позволить себе направить наши средства в сторону предлагаемого Вами издания.

Примите и пр.».

Из записки оказывается, что печатание начатых изданий поглощает 630 листов.

Ввиду этого я полагаю, что дальнейшие настояния будут бесполезны, и возобновлять их я не желаю.

Если Екатерина Сергеевна оправилась от своего нездоровья, — то я с удовольствием явлюсь к ней в понедельник.

Лернер обещает свою статью о Леонтьеве в январе.<sup>2</sup> Когда можно ожидать статью из Москвы?<sup>3</sup>

Я бы хотел в феврале начать печатание Сборника, потому что вижу по опыту, что все типографии завалены заказами и работают очень медленно.

Жму Вашу руку.

Ваш  
К. Губастов

<sup>1</sup> См. выше письмо Шахматова от 9 апреля 1910 г.

<sup>2</sup> Еще 10 декабря 1909 г. Николай Осипович Лернер (1877—1934) предложил в сборник статью «Леонтьев как беллетрист» (см.: «Гептастилисты». С. 733). Статья не была написана (возможно, отдельные ее положения вошли в рецензии Лернера на первые тома собрания сочинений Леонтьева). На выход сборника Лернер, правда с почти годичным опозданием, отозвался рецензией в «Историческом вестнике» (1912. Т. 130, окт. С. 405—409; подпись: Н. Л.).

<sup>3</sup> Здесь может идти речь о статьях П. П. Перцова (он еще в 1911 г. не оставлял намерения принять участие в сборнике) или Е. Н. Погожева (см. примеч. 6 к п. 15). Ожидались позднее статьи кого-нибудь из московских религиозных философов — Бердяева, Булгакова или Л. М. Лопатина. См. более позднее свидетельство (письмо Коноплянцева к П. П. Перцову от 9 апреля 1911 г.): «Гептастилисты» С. 737—738.

## 12

30 декабря 1910

Любезнейший  
Борис Владимирович,

Посылаю Вам на прочтение и на суждение мои Воспоминания о К. Н. Леонтьеве.<sup>1</sup> Благоволите мне их возвратить дней через 8—10 или ранее, если удосужитесь их пробежать.

Отнеситесь к ним как *строгий* читатель и критик.

Посылаю и проект докладной записки, составленной по Вашим указаниям. Прошу Вас изменить ее от А до Z, если признаете нужным.

Я отдалился от указанной Вами мне формы 3-го лица. Переделайте из 1-го в 3-е, если найдете последнюю форму более пригодною.<sup>2</sup>

Желаю Екатерине Сергеевне и Вам от души здоровья, бодрости и успехов в наступающем году.

Ваш  
К. Губастов

Один мой приятель, читавший этюд о Леонтьеве, восстает против сопоставления его жизни с Чаадаевскою.<sup>3</sup> Но его восстание не убедительно. Будьте в этом разногласии — судьей.

<sup>1</sup> Речь идет об очерке «Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве» (с. 185—234).

<sup>2</sup> Форма повествования от первого лица была сохранена.

<sup>3</sup> В своем очерке о Леонтьеве Губастов заметил, что, если бы статья «Византизм и Славянство» была написана в Николаевское царствование и попала бы на глаза Государю, «он бы, конечно, не простил автору его подсчета о приближении России к 1000-летнему историческому существованию и о наступлении для нее периода ⟨...⟩ разложения», а значит, автора статьи могла бы ждать судьба Чаадаева. Упомянув о различии консервативных взглядов Чаадаева и Леонтьева, Губастов далее показывает общность этих мыслителей: «Оба они были русские дворяне, по духу и убеждениям аристократы. Оба не любили службу, хотя шли хорошо и им предстояла отличная карьера, и преждевременно ⟨...⟩ покинули ее; потом под давлением стесненных материальных обстоятельств просили о принятии их вновь на государственную службу. ⟨...⟩ Оба были горды и непреклонны в своих воззрениях. Обоиими ими занимаются более после их смерти. ⟨...⟩ ...оба умерли в одном возрасте 61—62 лет» (Памяти Леонтьева. С. 230—231).

## 13

10 января 1911

Многоуважаемый  
Борис Владимирович,

Пожертвуйте, пожалуйста, каким-нибудь свободным вечером между *23 января* и *10 февраля* на вероятное последнее заседание по вопросу об издании Сборника в память К. Н. Леонтьева.

Необходимо обсудить окончательно:

- 1, Содержание Сборника,
- 2, Время начатия печатанья его,
- 3, Выбор типографии, формата книги и пр.

Так как Вы самый необходимый сочлен и самый из всех нас занятый и неуловимый, — то я заранее принимаю для заседания указанный Вами вечер и от прочих членов отказа не допущу.

В ожидании любезного извещения, шлю усердный поклон Екатерине Сергеевне и жму Вашу руку.

Ваш  
К. Губастов

18 февраля 1911.

Дорогой Борис Владимирович,

Спешу возвратить Вам письмо Сидорова<sup>1</sup> с благодарностью как за сообщение его, так и за Вашу энергию, без которой затеянный нами Сборник вышел бы малосодержательный и тощий.

Жму Вашу твердую руку в ожидании осуществления Ваших заказов.

Ваш  
К. Губастов

<sup>1</sup> Имеется в виду Алексей Алексеевич Сидоров (1864—?), цензор, участник кружка памяти Леонтьева.

28 апреля 1911.

Дорогой Борис Владимирович,

Всю вторую половину марта я хворал (сильным бронхитом) и по выздоровлении уехал в Москву, где пробыл Страстную и Святую.

Познакомился с о. Фуделем<sup>1</sup> и получил от него новинку, вышедшую в свет на Страстной: *К. Н. Леонтьев, О романах Гр<афа> Л. Толстого (Его статья «Анализ, стиль и веяние»)*, изд<анную> Товар<иществом>м Культура, ц. 1 р.<sup>2</sup>

Только под этим заглавием Александрову<sup>3</sup> удалось переиздать критическую статью Леонтьева, которая в большой чести у его читателей.

Я сдал рукописи в Типографию Сириус.<sup>4</sup> По составленной смете лист (с бумагой) обойдется 33 р. 20 к.

На днях начнется печатание. Неужели Королев<sup>5</sup> окажется так же неисправен, как Лернер и Погожев<sup>6</sup> (неисправностью которого я скорее доволен). В таком случае он не вполне Ваш ученик....

По возвращении я опять прихворнул и сижу теперь под арестом.

Без статьи Королева выпускаемый Сборник будет наполнен «воспоминаниями». Однообразно и «trop de souvenir», сказал бы бессмертный Калхас!<sup>7</sup>

Может быть, при Вашем авторитетном влиянии на Королева и можно будет его упросить написать статью к 1 июня.

Весь май будут печататься «Материалы для биографии» Коноплянцева.<sup>8</sup>

Как Вы поживаете? Все ли благополучно в семье? Давно Вас не видал и давно не имел никаких о Вас известий.

Один из Ваших Августейших учеников<sup>9</sup> в отъезде.

Жму Вашу руку

Вам преданный  
К. Губастов

<sup>1</sup> О прот. Иосифе Ивановиче Фуделе (1864/1865—1918), младшем друге и ученике Леонтьева (с 1888), см.: *Фетисенко О. Л.* «Отче и друге мой» // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012. С. 5—67. О. Иосиф, в то время настоятель церкви Николая в Плотниках (на Арбате), был давно и хорошо известен Губастову заочно — из писем и рассказов Леонтьева. Благоприятное впечатление от личного знакомства привело к тому, что Губастов передал Фуделю все имеющиеся у него материалы, которые могли бы пригодиться для издания собрания сочинений.

<sup>2</sup> Речь идет об отдельном издании наиболее известной критической статьи Леонтьева, впервые опубликованной в «Русском вестнике» (1890. № 6—8). В товарищество «Культура» перешло в 1913 г. от В. М. Саблина издание собрания сочинений Леонтьева.

<sup>3</sup> См. о нем примеч. 136 в статье Т. Н. Резвых (с. 305). А. А. Александров был привлечен к участию в сборнике (См.: *Александров А.* Из воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // Памяти Леонтьева. С. 145—156; Стихотворения, посвященные К. Н. Леонтьеву // Там же. С. 157—162).

<sup>4</sup> Типография «Сириус» принадлежала Сергею Николаевичу Тройницкому (1882—1946), искусствоведа, одному из основателей журнала «Старые годы»; находилась на Рыночной ул. (ныне Гангутская ул.), д. 10. Первые рукописи были сданы Губастовым еще в начале апреля 1911 г. (см. письмо Коноплянцева к Перцову от 9 апреля: «Гептастилисты». С. 737).

<sup>5</sup> Историк Александр Васильевич Королев (1884—1938) завершил свою статью «Культурно-исторические воззрения К. Н. Леонтьева» (с. 325—363) только 1 августа 1911 г. См.: «Гептастилисты». С. 736, 738.

<sup>6</sup> Евгений Николаевич Погожев (псевд. — Евг. Поселянин; 1870—1931) — духовный писатель, один из почитателей Леонтьева (с. 1889). Об их общении и переписке см.: «Гептастилисты». С. 692—699. Погожев написал для сборника мемуарный очерк «К. Н. Леонтьев в Оптиной пустыни» (с. 383—401).

<sup>7</sup> Слишком много воспоминаний (*фр.*). Аллюзия на оперетту Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена».

<sup>8</sup> Первый опыт биографии Леонтьева, над которым Коноплянцев работал с 1907 г. (*Коноплянцев А.* Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Леонтьева. С. 1—141). Один из молодых друзей

Леонтьева, дипломат Ю. С. Карцов впоследствии оценил это жизнеописание как «обстоятельное и правдивое» (Карцов Ю. С. Хроника распада. К. Н. Леонтьев и М. Н. Катков // Новый журнал. 1980. № 138. С. 113).

<sup>9</sup> Речь идет об одном из сыновей великого князя Константина Константиновича — Гаврииле (1887—1955) или Олеге (1892—1914).

## 16

16 июля 1911.

Дорогой Борис Владимирович,

Надеюсь, что Екатерина Сергеевна совсем оправилась от своего недуга.

Я уезжаю завтра в Эстляндию к знакомым и вернусь к 1 августа. Если Вы будете в начале авг⟨уста⟩ в П⟨етер⟩бурге, улучите пожалуйста свободную минуту и загляните ко мне. Быть может, к тому времени Ваши статьи<sup>1</sup> будут готовы и Вы мне их дадите на прочтение.

Типография уже будет работать в это время.

Я не очень восторгаюсь выбором В⟨еликого⟩ Князя Иоанна Константиновича невесты.<sup>2</sup>

Передайте мой усердный привет жене.

Жму Вашу руку.

Ваш К. Губастов

<sup>1</sup> Для сборника Никольский написал предисловие (с. III—VIII) и статью «К характеристике К. Н. Леонтьева» (с. 365—381).

<sup>2</sup> Великий князь Иоанн Константинович (1886—1918) в 1911 году женился на Елене Петровне (1884—1962), принцессе Сербской, дочери короля Петра I Карагеоргиевича и сестре короля Александра I.

## 17

6 августа 1911.

Дорогой Борис Владимирович,

4-го вернулся домой и побывал уже в Типографии, где печатание Сборника идет неожиданно быстрыми шагами. От 8—10-го я получаю корректурные листы *всего* переданного рукописного материала, кроме библиографии Коноплянцева.

Спешу Вас об этом известить, обращаясь к Вам с просьбою сообщить мне можно ли быть уверенным в получении статьи Преосвящ⟨енного⟩ Антония<sup>1</sup> и когда<sup>2</sup>



Надеюсь также, что в течение месяца Вы улуччите время написать задуманное Вами.

Простите, что я до сих пор не ответил на Ваше предложение обратиться к кн. Мещерскому.<sup>2</sup>

Если Вы обращаетесь ко мне, как к Редактору Сборника (я же считаю себя только наблюдателем за печатанием), — то я не желал бы впускать М(ещерско)го в нашу компанию, хотя согласен с Вами, что от этого Сборник проиграет.

Правда, Леонтьев водился с Мещерским, был сам эротоманом на все лады, но с нас довольно участия в Сборнике и одного извращенного эротомана...<sup>3</sup>

Я остаюсь в Петербурге до 17 августа. Свидеться с Вами безусловно необходимо. Предоставляю вполне Вам указать мне для этого время и способ. Я с удовольствием приеду на дачу Гомеопатова<sup>4</sup> для того, чтобы хотя гомеопатически повидать Екатерину Сергеевну и Вас.

Преданный  
К. Губастов

<sup>1</sup> Архиепископ Антоний (Храповицкий), будущий глава Русской Зарубежной Церкви, написал для сборника очерк «Искренняя душа» (с. 235—308), во многом носящий мемуарный характер. В бытность ректором Московской духовной академии, осенью 1891 г. он дважды подолгу беседовал с Леонтьевым, а 15 ноября возглавил его отпевание (в соборном сослужении шести других священников). См.: «Гептастилисты». С. 717, 718, 724.

<sup>2</sup> Речь идет об издателе газеты «Гражданин», сотрудником которой на протяжении многих лет был Леонтьев, князе Владимире Петровиче Мещерском (1839—1914).

<sup>3</sup> Подразумевается В. В. Розанов. В сборнике была помещена его статья «Неузнанный феномен» (с. 163—184), переработанный вариант его предисловия к публикации в «Русском вестнике» (1903) писем к нему Леонтьева.

<sup>4</sup> Адрес дачи, которую Никольский снимал в 1911 году, сохранился на конверте от письма к нему Н. О. Лернера от 29 июня 1911 г.: «Сестро-рецк. {...} Школьная площадка, дача Гомеопатов, № 4» (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 2).

## 18

31 авг(уста) 1911.

Дорогой Борис Владимирович,

Весьма обрадовало меня Ваше письмо и особенно приложения к нему.<sup>1</sup>

Предисловие прекрасно и даже превосходно. Я только позволил себе заменить признание в сборе «около 350 р.» выражением «необходимую для этого сумму».<sup>2</sup>

Я нахожу, что Вы дальше и глубже всех проникли в душевные тайники Леонтьева, но при этом думаю, что монашество совместимо с эстетикою.<sup>3</sup>

Если Ваша статья и Архиеп(ископа) Антония в типографии, — то печатание Сборника может идти отныне правильно и равномерно, а темп печатания предоставляю определить Вам. Набрать осталось всего:

Статью Погожева

\_\_\_\_\_ Королева

\_\_\_\_\_ Вашу

\_\_\_\_\_ Выс(око)преосв(ященного) Антония

всего 6—7 листов, а времени у нас 5—6 недель. Все лучше, если изготовим книгу к началу октября.

Отпечатано уже 19 листов, да библиография около 1 листа.<sup>4</sup>

Будьте здоровы. Жму Вашу руку.

Ваш  
К. Губастов

Упоминание о П. Н. Дурново многим читателям придется не по вкусу, но очень метко.<sup>5</sup>

Я с удовольствием ознакомился с Вашим циркуляром, из которого усмотрел богатство Вашего книгохранилища.<sup>6</sup>

Под вечер я заехал в Типографию и передал Предисловие и Вашу статью.

К. Губастов

<sup>1</sup> Подразумеваются рукописи Никольского. См. примеч. 1 к п. 16.

<sup>2</sup> В результате фраза в предисловии стала звучать так: «Издание сборника стало возможно, благодаря взносам нескольких членов кружка, собравших между собой необходимую для этого сумму» (с. VII).

<sup>3</sup> Ср. в статье Никольского: «Позволительно спросить, какой эстетизм может завести человека в монахи?» (с. 369).

<sup>4</sup> Речь идет о библиографическом указателе, составленном Коноплянцевым: Сочинения К. Н. Леонтьева и литература о нем (с. 403—424).

<sup>5</sup> Цитата приведена на с. 234 наст. изд.

<sup>6</sup> О библиотеке Никольского см. примеч. 47 в статье Д. И. Стогова (с. 233).

31 авг⟨уста⟩ 1911.

Дорогой Борис Владимирович,

Уезжая в конце недели дней на 15—20 в Харьковскую и в Волынскую губернии, к знакомым помещикам, я передаю Вам всю мою мощь относительно Леонтьевского Сборника и предупреждаю об этом управляющего Типографией «Сириус».

Остались ненабранными *только две* статьи: Погожева и Королева. Библиография Коноплянцева уже набрана.

Если можно, не запаздывайте присылкою Вашей статьи и Предисловия.

Укажите Королеву, чтобы он ставил на корректурах обычную формулу: «по исправлении печатать».

Если желаете меня видеть до отъезда, — то буду очень рад. Письма же Ваши посылайте на Конюшенную

Ваш  
К. Губастов

⟨30 сентября 1911⟩<sup>1</sup>  
*Четверг*

Дорогой Борис Владимирович,

Я благополучно вернулся и, как подобает, со второго же дня приобрел бронхит, ради которого сижу в заключении.

Если Вы будете в наших местах и у Вас найдется ½ часа свободного времени — то соблаговолите заглянуть к заключенному и сообщить ему о ходе печатания Сборника.

До свидания. Жму Вашу руку.

Ваш  
К. Губастов

<sup>1</sup> Датируется по штемпелю на конверте (л. 44).

Т. Н. РЕЗВЫХ

**«Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ КАК БЫ ЕГО ВНУКОМ —  
ЧЕРЕЗ СЫНА — ЧЕРЕЗ О. ИОСИФА...»**

**(Отец Сергей Дурылин — исследователь творчества  
К. Н. Леонтьева<sup>1</sup>)**

Сергея Николаевича Дурылина (1886—1954), священника, религиозного писателя, поэта, философа и искусствоведа, без преувеличения можно назвать одним из тех, кто в идейном отношении был наследником Леонтьева.<sup>2</sup> Однако Дурылин не только испытал сильнейшее влияние леонтьевской эстетики и историософии, но посвятил много лет изучению творчества К. Н. Леонтьева и собиранию материалов о нем. 24 июня 1929 года из томской ссылки он написал своей многолетней корреспондентке Е. П. Казанович:<sup>3</sup> «Отношение

<sup>1</sup> Благодарю Г. Б. Кремнева за ценные замечания, дополнения и уточнения, а также за предоставление ряда материалов.

<sup>2</sup> См. наиболее важные научные публикации о нем: Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред., предисл. А. Резниченко. М., 2010 (Сер.: «Исследования по истории русской мысли». Т. XIV); Резниченко А. Сергей Николаевич Дурылин (Сергей Раевский) // Резниченко А. О смыслах имен. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012.

<sup>3</sup> Евлалия Павловна Казанович (1885—между 20 дек. 1941 и 10 янв. 1942) — филолог, исследовательница творчества Ф. И. Тютчева, Д. И. Писарева, П. Л. Лаврова. Работала в Пушкинском Доме со дня его основания (библиотекарем, хранителем, секретарем Н. А. Котляревского). Познакомилась с Дурылиным при подготовке Тютчевского альманаха «Уrania» (Л., 1928). См.: РНБ. Ф. 326; Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 160—180; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005 / Под ред. Н. Н. Скатова. СПб., 2005 (по указателю).

к Леонтьеву: *мимо него* — или с *остановкой* на нем (на год, десятилетие, на всю жизнь) — давно стало в моих глазах некоторою мерою для людей. С 1911 г. я непрерывно думал о нем, — и писал».<sup>4</sup>

Юность Дурылина пришлось на революционные годы. С 1903 года он участвовал в революционном гимназическом эсеровском кружке А. С. Буткевича.<sup>5</sup> В 1904 году ушел из гимназии и, сблизившись с толстовцами, стал сотрудничать в издательстве «Посредник» и журнале «Свободное воспитание». Находясь в неясных поисках чего-то настоящего, Дурылин начиная с 1906 года почти каждое лето путешествовал по России: Нижний Новгород, Архангельск, Каргополь, Соловки, Урал. Причину, побудившую его к этим странствиям, он называет в одном из писем к руководителю того самого кружка: «Влечет меня в дикие страны... Надоели мне всякие — „измы“, томит меня „политика“ и гнетет „экономика“... Из-за них не видать ни жизни, ни свободы, ни себя самого, и я прямо с ужасом внимаю рассказам {...} о том, что вы пишете про здешних всяких „истах“ и „истках“... Это какое-то болото с святающимися гнилушками и пнями, которые мы по глупости принимаем чуть ли не за электрические фонари... Вот это-то все мне и осточертело».<sup>6</sup>

Эти поездки сыграли определенную роль в повороте Дурылина к «вере отцов», когда появилось «в душе и мысли некое хранительное ощущение Руси, вера в ее пребывающий незримый град, вера, вобравшая в себя и углубившая и ту красоту русской народности, которая открылась мне на Севере».<sup>7</sup> В 1910 году он получает экстер-

---

<sup>4</sup> «Слух узнает знакомого певца»: переписка С. Н. Дурылина и Е. П. Казанович / Публ. и предисл. Т. Резвых // Русский сборник. М., 2011. С. 312 (Сер.: Исследования по истории России. Т. X).

<sup>5</sup> Андрей Степанович Буткевич (1865—1940) — в молодости народо-волец, по специальности врач. Был знаком с Л. Н. Толстым, занимался распространением его сочинений. С 1904 г. — член Московского комитета партии социалистов-революционеров, в 1905 г. — один из организаторов московского декабрьского восстания. Арестован и выслан за границу (1906). Сотрудничал в журналах «Свободное воспитание», «Вестник воспитания», «Журнал для всех», «Образование». После революции работал врачом, а затем учителем биологии.

<sup>6</sup> РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 35. Л. 5—5 об. (письмо от 5 октября 1906 г. из Москвы).

<sup>7</sup> Дурылин С. Н. Письмо к Г. С. Виноградову, без даты // Мемориальный архив Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина. Фонд С. Н. Дурылина. КП-614/16. Л. 5. Далее сокращенно: МД; шифр по книге поступлений указывается без аббревиатуры «КП».

ном аттестат, поступает в Московский Императорский археологический институт и начинает заниматься в кружке «Молодой Мусагет», а в 1912 году становится членом Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева и его секретарем. В это время в круг чтения Дурылина входят произведения Леонтьева. Так, в июле 1912 года Дурылин сообщал своему другу Всеволоду Разезигу,<sup>8</sup> что прочел работу Леонтьева «Анализ, стиль и веяние».<sup>9</sup>

В конце мая 1913 году вместе с матерью<sup>10</sup> Дурылин побывал в Оптиной пустыни и вскоре стал духовным сыном преп. Анатолия Оптинского.<sup>11</sup> В письме к Т. А. Буткевич,<sup>12</sup> где Дурылин описывает впечатление от первого посещения монастыря, он вспоминает Леонтьева: «В Оптиной пустыни природа удивительная: благословенно-тихая, понимающая, смиренная и святая. Только там мне стало ясно, почему Гоголь заезжал туда из Малороссии, почему влекло туда Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева, почему там похоронен Киреевский, постригся Леонтьев. Молитва создала там место, откуда, кажется, короче и доходней молитвы, — и легче устам произносить слова, которые труднее всего нам произносить: слова сми-

<sup>8</sup> Всеволод Владимирович Разезиг (1887—1924) — один из ближайших друзей и корреспондентов Дурылина, в университете изучал философию, впоследствии преподавал историю в гимназиях Серпухова и Москвы. Путешествовал с Дурылиным в Лапландию в 1911 г. В советское время работал в школе. Письма Дурылина к нему см.: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 371—376.

<sup>9</sup> Там же. Ед. хр. 371. Л. 24.

<sup>10</sup> Анастасия Васильевна Дурылина (урожд. Кутанова; 1852—1914), в первом браке была замужем за купцом Сергеем Сергеевичем Калашниковым. См. о ней: Дурылин С. Н. 1) 〈В родном углу〉. Записки С. Раевского. Ч. 1. Бабушка и мама // МД. 265/40. Л. 5—6; 2) В своем углу. X, 5 // Там же. 265/19. Она умерла от удара 11 ноября 1914 г., последнее напутствие ей дал о. Иосиф Фудель, о котором речь пойдет ниже, а отпевал епископ Димитрий (Добросердов; см. о нем примеч. 49). Смерть матери описана в воспоминаниях Дурылина об о. Иосифе Фуделе.

<sup>11</sup> См. о нем: Дурылин С. Н. В своем углу. Тетрадь XIII. Фрагмент 51 // МД. 265/27. Л. 137—151.

<sup>12</sup> Татьяна Андреевна Буткевич (1891—1983) — друг юности и многолетний корреспондент Дурылина. Закончила высшие женские курсы. В 1913 г. вышла замуж за А. А. Сидорова (см. о нем примеч. 211). См.: Буткевич Т. А. Воспоминания о Сергее Николаевиче Дурылине. 1903—1916 // МД. 611/28; Переписка Т. А. Сидоровой-Буткевич с С. Н. Дурылиным: Там же. 525/22; РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 35—36.

рения, простоты и беспомощности. Помнишь слова Павла апостола, что христианство — „элинам безумие, а иудеям — соблазн“ — вот соблазн и безумие эта оптинская — природная и людская — простота и тихость всем, ищущим мудрости и сбивающимся вместо нее на мудрование».<sup>13</sup> Начиная с этой поездки к «незримому граду» русского народного Севера прибавляется для Дурылина «незримый град» русского монастыря, а сама оппозиция «двух градов», «незримо-го» и «зримо-го», становится одной из главных идей его религиозно-философского творчества.

Решающее значение в духовной судьбе Дурылина сыграла его встреча с протоиереем Иосифом Ивановичем Фуделем (1864/1865—1918), настоящим преемником леонтьевской мысли. Ко дню выступления о. Иосифа Фуделя на заседании Московского религиозно-философского общества (далее: МРФО) 4 октября 1912 г., где Б. А. Грифцов читал свой доклад «Религиозная судьба Константина Леонтьева»,<sup>14</sup> Дурылин уже был знаком с отцом Иосифом. Но именно с этой речи Дурылин начал впоследствии свои воспоминания о нем: «Первое и последнее слово, услышанное мною от отца Иосифа, было о Константине Леонтьеве: я увидел и услышал отца Иосифа *впервые* осенью 1912 года, когда он горячо и глубоко-мысленно возражал Грифцову».<sup>15</sup> Сын о. Иосифа, С. И. Фудель<sup>16</sup> вспоминал:

---

<sup>13</sup> РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 29—29 об. (письмо от 27 июня 1913 г. из Пирогово). Сохранились наброски работы Дурылина на тему «Русские писатели и Оптина Пустынь» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 239).

<sup>14</sup> Борис Александрович Грифцов (1885—1950) — критик, литературовед, переводчик Бальзака, Флобера, Пруста, автор книги: «Три мыслителя. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов» (М., 1911), член Совета Вольной академии духовной культуры (1919—1922). Доклад был опубликован в журнале «Русская мысль» (1913. № 1, 2, 4); переиздан: К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: В 2 кн. / Вступ. статья А. А. Королькова, сост., послесл. и примеч. А. П. Козырева. СПб., 1995. Кн. 1. С. 294—358.

<sup>15</sup> *Дурылин С. Н.* Отец Иосиф Фудель: (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко) // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 1. Воспоминания написаны с 13 по 22 января 1919 г. Впервые опубликованы с купюрами Н. С. Фуделем, Г. Б. Кремневым и С. В. Фоминым: Литературная учеба. 1996. № 3, май/июнь. С. 179—187.

<sup>16</sup> Сергей Иосифович Фудель (1900—1977) — духовный писатель, младший друг Дурылина, входивший во второй половине 1910-х гг.

«Любовь Сергея Николаевича к моему отцу была большая, я помню его горькие слезы после смерти отца, и эта любовь была взаимной».

Мне кажется, что они познакомились не раньше 1914 года, но уже в 1915 году отец в завещательном письме оставляет ему всю свою работу над изданием К. Леонтьева — это было знаком полного сердечного доверия».<sup>17</sup>

В воспоминаниях об о. Иосифе Дурюлин писал: «У меня была одна особая и глубокая связь с о. Иосифом — это то, что он был — единственный хранитель тайны жизни, личности, творчества и веры Кон(стантина) Н(иколаевича) Леонтьева. А для меня знакомство с первыми же страницами Леонтьева — это были страницы его книги „О. Климент Зедеггольм“ — было величайшим духовным счастьем: оно привело меня в Оптину пустынь. Как мыслитель Леонтьев обесценил для меня многое, почти все, чему я отдал свою юность и первую зрелость, обесценил навсегда, научив искать и хранить иные ценности; как человек, как путник своего жизненного пути, приведшего его к монастырю, к Афону, к Оптиной пустыни, Леонтьев был и остается для меня столь необычайно значителен, учителен, близок и нужен, что я не могу об этом писать. Я чувствовал себя как бы его внуком — через сына — через о. Иосифа».<sup>18</sup>

В дневнике «Троицкие записки»<sup>19</sup> Дурюлин 18 января 1919 года сделал запись: «Все дни — за воспом(инаниями) об о. Иосифе.

---

в его ближайшее окружение наряду с С. А. Сидоровым (будущим священником и новомучеником), Н. С. и И. С. Чернышевскими и Г. Х. Мокринским. Несмотря на периоды охлаждения в отношениях, оставался корреспондентом Дурюлина до самой его смерти. Так, в письме от 8 марта 1952 г. С. И. Фудель писал: «Я очень дорожу связью дружбы между нами, которая прошла испытания наших десятилетий. Каждое Ваше слово ко мне драгоценно для меня. Я бы хотел сейчас, когда вы больны, сидеть сейчас около Вашей постели и не говорить, а что-нибудь читать Вам, или, может быть, писать под Вашу диктовку, или же молчать, зная, что уже все прочтено и написано» (Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подг. текста прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М., 2001. Т. 1. С. 392). См. также: Балашов Н., прот., Сараскина Л. Сергей Фудель. М., 2010; Письма С. И. Фуделя к С. Н. Дурюлину // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869.

<sup>17</sup> Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 51.

<sup>18</sup> Дурюлин С. Н. Отец Иосиф Фудель // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 18.

<sup>19</sup> В 1918—1919 гг. Дурюлин жил в Сергиевом Посаде, по всей видимости в мезонине дома Ю. А. Олсуфьева на Валовой улице, по соседству



Они растут и делятся воспоминаниями моими и о Леонтьеве». <sup>20</sup> Слушая дурьлинское чтение этих воспоминаний, Л. А. Тихомиров увидел глубину их духовной связи: «Вот что Леонтьеву был Фудель, как вы Фуделю». <sup>21</sup> В сознании Дурьлина и Леонтьев, и о. Иосиф Фудель, и преп. Анатолий Оптинский, и св. прав. Алексей Мечев были представителями типа подлинно христианской личности, немногими гражданами Святой Руси, уходящей с наступлением «последних времен» и «таянием» <sup>22</sup> видимой Церкви.

Начиная с 1913 года одна за другой выходят первые религиозно-философские работы Дурьлина «Древне-русская иконопись и Олонецкий край» (1913), «Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства» (1913), «Церковь Невидимого Града. Сказание о граде-Китеже» (1914), «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном творчестве» (1915), «Начальник Тишины» (1916). Сергей Фудель писал: «Я не думаю, чтобы в Сергее Николаевиче было когда-нибудь, даже в те годы — 17, 18 и 19-м, о которых я пишу, что-нибудь от „византизма“ Леонтьева, хотя занимался он им тогда усердно и в те времена, наверное, считал себя „леонтьевцем“». <sup>23</sup> В 1913—1915 годах молодой мыслитель и в самом деле еще находился, скорее, под влиянием Вл. Соловьёва, о. Павла Флоренского <sup>24</sup> и символизма в целом, впитанного на занятиях «Молодого Мусагета» под руководством Элиса (Л. Л. Кобылинского), Э. К. Метнера и Андрея Белого. Статья «Церковь Невидимого Града», в которой соотношение «двух Градов» мыслилось по образцу бодлеровской «correspondance», была написана по совету С. Н. Булгакова и одобрена кн. Е. Н. Трубец-

---

с о. Павлом Флоренским. В кругу его постоянного общения были епископ Феодор (Поздеевский), о. Павел Флоренский, В. В. Розанов, М. А. Новоселов, П. Б. и С. П. Мансуровы, А. А. Александров (один из учеников Леонтьева), А. С. Мамонтова.

<sup>20</sup> МД. 2057/1. Л. 27.

<sup>21</sup> Там же. Л. 59 об. (запись от 18 марта 1919 г.).

<sup>22</sup> Ср.: Дурьлин С. Н. В своем углу. IV. 9; VII. 22 // МД. 265/7. Л. 11; 265/13. Л. 20.

<sup>23</sup> Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 51.

<sup>24</sup> Когда в 1914 г. вышла книга «Столп и утверждение истины», Дурьлин написал В. В. Разевигу: «Флоренского книга чудесна и творит чудеса» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 14 об.; письмо от 13 января).

ким.<sup>25</sup> Тогда Дурьилин был убежден, что «видимое несовершенство Церкви, столь всеми замечаемое ныне, ни в каком случае не есть свидетельство исчезновения видимой Церкви из мира и неудачи Христова дела в истории».<sup>26</sup> Следов идеи «византизма» у Дурьилина мы тоже не найдем. Царьград виделся Дурьилину «незримым Градом» Софии — чистой твари, мира идей, человечества и природы, просиявших во Христе. Воплощена идея Царьграда в сознании русского народа. Константинополь «чтился Русью за незримый Град», «второй Рим почитался ради небесного Иерусалима, крепость стен Влахерны — за то, что открыла крепость оград небесных».<sup>27</sup> «Русский народ хранил в себе невидимую Византию», русским народом были созданы «целые проекции мировой истории, целые теории исторического процесса».<sup>28</sup>

Но очень скоро поиски соответствия двух Градов сменяются у мыслителя ощущением разрыва этой связи и напряженным ожиданием конца, но не как исполнения сроков, а исчерпания, оскудения времени.<sup>29</sup> Времени больше не будет, потому что время больше нечем наполнить: повсюду царствует зло. Так, уже в статье «Начальник тишины», появившейся в 1916 году в «Богословском вестнике», Дурьилин писал: «Богом дана власть и возможность человечеству: в этом времени — определить себя к Богу или к диаволу, свободно избрать, свободно творить жизнь. Но вот — край времени. И если

---

<sup>25</sup> Ср. в письме Дурьилина Разевигу: «Трубецкой наговорил мне добрых и ласковых слов о моем Китеже. Я всегда его боялся и больше всего боялся за Китеж: там ведь есть *русский* Христос» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 12; <ноябрь 1913>). Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920) — философ, публицист, общественный деятель, один из учредителей МРФО. Упомянутая работа фактически является ответом на его доклад в МРФО 19 февраля 1912 г. (опубл.: Русская мысль. 1912. № 3). Влияние идей Е. Н. Трубецкого прослеживается в работе Дурьилина «Иконопочитание в древней Руси» (1919).

<sup>26</sup> Дурьилин С. Н. Церковь Невидимого Града // Дурьилин С. Н. Русь прикровенная. / Сост., публ., вступ. статья С. В. Фомина. М., 2000. С. 121.

<sup>27</sup> Дурьилин С. Н. Град Софии // Дурьилин С. Н. Русь прикровенная. С. 146.

<sup>28</sup> Там же. С. 147.

<sup>29</sup> Ср.: у Е. Н. Трубецкого конец мира есть «достижение его цели, исчерпывающее откровение и осуществление его внутреннего (имманентного ему) смысла» (Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 228). Ср. концепцию разрывов, «мистических катастроф» у В. Ф. Эрна.

не успел сделать своей всемирной истории к тому моменту, как подошел к краю времени — все равно, ничего не сделаешь: „времени больше не будет“. Мы и стоим ныне на краю времени: и Россия, и все. Сколько еще осталось этого края — неизвестно. Но край виден: „времени больше не будет“. Истории конец».<sup>30</sup> Здесь очевидны параллели с тем, что говорил Леонтьев о старости всего человечества, наступающей исчерпанности смысла исторического процесса.<sup>31</sup> Царство Божие расширяется «не на земле — видимо, а на небе — невидимо», «Спасителем предречено господство зла и неверия; оно и расширяется видимо, и когда уже очень возобладает, тогда дело будет только за почином».<sup>32</sup> Одновременно с эсхатологической темой у Дурьлина усиливался и интерес к Леонтьеву.

Современные исследователи Леонтьева отмечают, что в эпоху Серебряного века было не только создано множество мифов о Леонтьеве, но и самого Леонтьева стремились сделать мифом.<sup>33</sup> Одним из этих мифов было отмеченное поэтом В. В. Бородаевским суждение о противоречивости Леонтьева, которое «вошло как общее место о Леонтьеве во все, что о нем позже писалось».<sup>34</sup> Это мнение и побудило Бородаевского выступить с докладом о нем в Петербургском религиозно-философском обществе (28 февраля 1910 года). В своем докладе он как раз попытался найти в Леонтьеве «объединяющий центр». В культуре религиозного Ренессанса интерес к Леонтьеву

---

<sup>30</sup> Дурьлин С. Н. Русь прикровенная. С. 310. Ср.: Дурьлин С. Н. В своем углу // МД. 265/1. Л. 15.

<sup>31</sup> См., например, в его письме к А. А. Александрову от 3 мая 1890 г.: Александров А. И. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма К. Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 93—96.

<sup>32</sup> Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2007. Т 8, кн. 1. С. 452—453. Далее ссылка на это издание дается сокращенно: Леонтьев.

<sup>33</sup> Козырев А. Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 417—435. Ср.: Гоголев Р. А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: Опыт реконструкции. М., 2007. С. 18—21.

<sup>34</sup> Бородаевский В. В. О религиозной правде Константина Леонтьева // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. / Сост. О. Т. Ермишин, О. А. Коростелев, Л. В. Хачатурян. М., 2009. Т. 2. С. 92. Впервые опубликовано: К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 253—264.

был довольно высок,<sup>35</sup> но не сопоставим с интересом к Соловьеву, Толстому или Достоевскому. Через несколько дней после выступления Б. А. Грифцова в МРФО Булгаков, планируя деятельность издательства «Путь», высказал мысль сразу после сборников о Соловьеве и Толстом подготовить сборник о Леонтьеве, но назвал его имя просто в ряду авторов (Чаадаев, Киреевские, В. Одоевский), «о которых монографий нет, и пишет пока один Гершензон».<sup>36</sup> Кроме того, в серии монографий «Русские мыслители» в «Пути» Бородаевский должен был написать биографию Леонтьева.<sup>37</sup> Оба эти проекта не были осуществлены, и в 1917 году Розанов имел полное право сказать, что даже к разбору леонтьевского закона развития никто «в нашей ленивой литературе не приступал».<sup>38</sup>

То, что отталкивало мыслителей Серебряного века от Леонтьева, Дурыйлин понял уже из доклада Грифцова: «Нам, живущим в XX веке, учившимся у Ничше, истончившим свой мозг на оселке Кантовых критик, прошедшим чрез эстетический искус декадентства, нам, для кого пишет Розанов, для кого создавали „Демона“ Врубель и „Поэму экстаза“ Скрябин, нам, чьи сверстники Андрей Белый и Блок, — нам нужен не второй инок Климент, не тайный пострижник Предтечева скита, горькими слезами оплакивавший раннюю могилу строгого и мыслительно-неумолимого монаха Климента, под вековыми оптинскими соснами, — а тот блестящий красавец, смелый умом, бестрепетный волей, дерзостный в мысли, которого мы узнали в его гениальных афоризмах, в его странных вселенских

---

<sup>35</sup> См.: *Трубецкой С. Н.* Разочарованный славянофил // *Вестник Европы.* 1892. № 10. С. 772—810; *Бердяев Н. А.* Леонтьев — философ реакционной романтики // *Вопросы жизни.* 1905. № 7. С. 165—198; *Франк С. Л.* Миросозерцание Леонтьева // *Критическое обозрение.* 1909. Кн. XI. С. 79—85; *Аггеев К. М.* Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909.

<sup>36</sup> *Булгаков С. Н.* Письмо В. Ф. Эрну от 16 октября 1912 г. // *Взыскующие Града: Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников* / Вступ. статья, публ. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 493.

<sup>37</sup> *Голлербах Е.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности / Под общ. ред. М. А. Колерова. СПб., 2000. С. 215.

<sup>38</sup> *Розанов В. В.* О Константине Леонтьеве // *К. Н. Леонтьев: pro et contra.* Кн. 1. С. 412.

предчувствиях, в его ослепительных — жизнью, как сказкой, наполненных — картинах Востока!»<sup>39</sup> Работы Дурылина будут посвящены именно монаху Клименту и тому пути, который прошел к нему Константин Леонтьев; идеи Леонтьева войдут в плоть и кровь дурылинского творчества, а религиозный путь Леонтьева станет в каком-то смысле образцом и собственного пути. В силу этого не попытками систематизации, не поисками философских концептов Леонтьева будет заниматься Дурылин, а феноменологией его религиозного опыта. Для понимания того, чем был Леонтьев для Дурылина, стоит процитировать его слова из письма к о. Иосифу из пасхального письма 1915 года:

«Только что прочел я письма Леонтьева к Александрову (в отд⟨ельном⟩ изд⟨ании⟩) и опять пережил то, что постоянно переживаю около Леонтьева: какой-то восторг ясности, суровой ясности, уясняющей и меня самого, и все, что вне меня и, главное, подводящей вплотную к вопросу: да чем же в самом деле мы обязаны православию, что же оно для нас? По Леонтьеву лечу себя, узнаю себя, вижу, что мне нужно, — и все нужное от монастыря, от Церкви, от «Христос Воскресе!» — и ни от чего больше. Хочется мне Вас долго не спрашивать, а — по-древнерусскому: пытать о Леонтьеве от Вас: — и боюсь: не будет ли это Вам тяжело? Все ценю в нем — но больше всего, это его вечное понуждение себя о Христе.

Христианином стать нельзя, им надо родиться: так многие говорят, но что это вздор — убеждаешься на Л⟨еонтье⟩ве: именно *стать* он стал, именно он *захотел* — и *стал*. В этом *все*. А этого-то и не понимают».<sup>40</sup>

Первое публичное выступление о Леонтьеве Дурылин сделал в 1916 году, когда исполнялось 25 лет со дня его смерти. Об этом юбилее подробно говорится в мемуарах об о. Иосифе.

«Август 1916 года. Я приехал из Крыма и зашел как-то к о. Иосифу. В его кабинете, вдвоем, мы оба заговорили о том, что приближается четвертьвековая годовщина кончины Леонтьева. Как ее отметить?»

---

<sup>39</sup> Дурылин С. Н. Отец Иосиф Фудель // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 3—4.

<sup>40</sup> «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 428—429 (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Прил. Кн. 1).

— Я отслужу обедню по нем у себя<sup>41</sup> и сделаю объявление в газетах. А там как хотят.

Я подал мысль, что должно устроить публичное заседание Религиозно-философского общества, посвященное Леонтьеву. Он согласился со мной. Я подчеркивал, что заседание должно быть публичным, с самым широким оповещением о нем: о Леонтьеве молчали 25 лет — нужно по крайней мере, чтобы слышали, когда будут говорить о нем. Нужно, чтобы и панихида по нем и обедня были не от частного лица, а от того же Религиозно-философского общества: это свидетельствовало бы хоть о позднем, но явном признании религиозно-философского значения Леонтьева для России. О. Иосиф одобрил это. Пришла нам мысль привлечь к чествованию Леонтьева и Братство Четырех Святителей Московских.<sup>42</sup> Мы оба принялись писать для этих заседаний. Было совместно решено, что я выступлю в обоих заседаниях с докладами, в Соловьевском обществе — „Писатель-послушник“, в Братстве — „Монастырь и старчество в жизни Леонтьева“. О. Иосиф решил писать об отношениях Леонтьева к Вл. Соловьеву. Он особенно настаивал, чтобы я писал по *письмам* Леонтьева.

— Их совершенно не знают. Их никто не читал, — говорил он, — а между тем, в них — весь Леонтьев: тут он прям, ясен, всякую мысль доводит до конца.

Он отдал мне пачку неизданных писем Леонтьева в Оптину пустынь».<sup>43</sup>

11 ноября 1916 года на заседании Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа в Чудовом монастыре, где

---

<sup>41</sup> Имеется в виду — в церкви Николая в Плотниках. Настоятелем этого храма о. Иосиф был с 1907 г. — *Примеч. отв. ред.*

<sup>42</sup> Братство Святителей Московских было создано в 1909 г. по инициативе Ф. Д. Самарина и с благословения митрополита Московского Владимира (Богоявленского), будущего новомученика. В составе совета Братства были А. А. Корнилов, В. К. Истомин, И. А. Лебедев, о. Иосиф Фудель. В деятельности Братства принимали участие М. А. Новоселов, прот. В. И. Постников, Д. И. Зарин, Н. Д. Кузнецов. См.: Письма П. Б. Мансурова к Ф. Д. Самарину // РГБ. Ф. 265. К. 193. Ед. хр. 12.

<sup>43</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 47. По предположению Г. Б. Кремнева, имеются в виду главным образом автографы писем Леонтьева к оптинскому иеромонаху и дееписателю обители, о. Эрасту (Вытropicкому, в монашестве — Эразму). Их нынешний архивный адрес: Там же. Ед. хр. 1011.

«Мансуров<sup>44</sup> был председателем и где собирались остатки московских славянофилов и поклонницы Чудовского наместника»,<sup>45</sup> Дурылин сделал сообщение «Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева». Фрагменты черновой редакции доклада сохранились в фонде Дурылина в РГАЛИ.<sup>46</sup> В докладе Дурылин проводил мысль, что Леонтьева можно понять, лишь зная его настойчивое стремление стать из язычника христианином: «...изваять в себе, с помощью Церкви, пособием старческого руководства, духовного человека, сияющего красотой Церкви и ее благодати».<sup>47</sup> Леонтьев пришел в Церковь, поняв, что «только здесь, в лоне Церкви, еще можно жить, а вне ее — смерть: не смерть вообще, далекая от меня, а вот моя именно смерть, это ощущение и уверенность преисполняют такого человека всего, всецело».<sup>48</sup> Определяющим для понимания творчества Леонтьева докладчик считал именно его самопринуждение быть христианином, второе рождение христианина из язычника.

Дурылин ничего не говорит в мемуарах о реакции слушателей на свой доклад, зато приводит запомнившуюся ему реплику епископа

---

<sup>44</sup> Павел Борисович Мансуров (1860—1932) — дипломат, духовный писатель, в тот период чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел, ближайший друг Ф. Д. Самарина; участник самаринского Кружка москвичей и новоселовского Кружка ищущих христианского просвещения. (Сын известного церковно-общественного деятеля Б. П. Мансурова (1828—1910); в 1880-е гг. близкий приятель одного из учеников Леонтьева, И. И. Кристи. — *Примеч. отв. ред.*)

<sup>45</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. XIII а. IV // МД. 265/30. Л. 51. Имеется в виду Арсений (в миру Александр Иванович Жадановский; 1874—1937), наместник московского Чудова монастыря в сане архимандрита (1904), с 1914 г. — епископ Серпуховской, викарий Московской епархии. Пережил несколько арестов, последний раз арестован в 1937 г. Расстрелян на Бутовском полигоне.

<sup>46</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 239.

<sup>47</sup> Там же. Л. 128 об. Ср. о монастыре как «самоваянии» (Леонтьев К. Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской // *Леонтьев*. Т. 6, кн. 1. С. 753).

<sup>48</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 125 об. Ср.: Черноглазов А. Формула воцерковления. О Православии Константина Леонтьева // К. Леонтьев, наш современник / Сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. СПб., 1993. С. 400—401.

Димитрия (Добросердова)<sup>49</sup> на выступление о. Иосифа: «Я должен покаяться: я мало читал Леонтьева, почти вовсе не знаком с ним, но его „Письма с Афона“ произвели на меня такое впечатление, что я считаю их лучшим в светской литературе изображением монашества и монастыря. Теперь же я чувствую, если бы все мы больше знали Леонтьева, какая была бы это великая польза для нас и Церкви!»<sup>50</sup> Эти слова Дурылин привел, чтобы показать принципиальную разницу в восприятии Леонтьева внутри и «около церковных стен».

13 ноября 1916 года в особняке М. К. Морозовой<sup>51</sup> в Мертвом переулке состоялось заседание МРФО, где выступали Г. А. Рачинский,<sup>52</sup> о. Иосиф Фудель (с докладом «Вл. Соловьев и К. Леонтьев в их взаимных отношениях»<sup>53</sup>), С. Н. Булгаков (с докладом «Победитель-побежденный»<sup>54</sup>). Дурылин прочел доклад «Писатель-послушник», от которого сохранился большой фрагмент.<sup>55</sup> Вот как он вспоминал о вечере в Соловьевском обществе:

«Почему-то дело бесконечно тянулось, чиновники утверждали, что нужно навести какие-то справки не то в консистории, не то у митрополита, — а время шло, подходил день заседания, нужно бы-

---

<sup>49</sup> Димитрий (в миру Иван Иванович Добросердов; 1864—1937), священномученик — в тот период епископ Можайский, викарий Московской епархии, настоятель Саввино-Сторожевского монастыря (с 1914 г.). Будучи еще священником, преподавал Дурылину в IV мужской гимназии Закон Божий. См.: Дурылин С. Н. «В родном углу». Ч. III. Гимназия. Гл. III. Батюшка // МД. 265/53.

<sup>50</sup> Дурылин С. Н. Отец Иосиф Фудель // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 50.

<sup>51</sup> Маргарита Кирилловна Морозова (1873—1958) — меценатка, одна из организаторов МРФО. Дурылин был с ней в дружеских отношениях, дважды бывал в ее имении Михайловское (где написал свой рассказ «Жалостник»), занимался с ее сыном М. М. Морозовым (Микой). Летом 1915 г. Дурылин, Морозова, Э. К. Метнер и Мика путешествовали в Ростов и Ярославль. В 1949 г. возобновилась переписка Дурылина с М. К. Морозовой, в 1950 г. она побывала в Болшево. Дурылин помогал ей материально, их переписка длилась до самой его смерти.

<sup>52</sup> Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939) — председатель МРФО, переводчик.

<sup>53</sup> Опубликовано: Русская мысль. 1917. Ноябрь./дек. Отд. II. С. 17—32.

<sup>54</sup> Впервые опубликован: Биржевые ведомости. 1916. 9, 16, 22 дек.; вошел в сборник статей Булгакова «Тихие думы» (М., 1918. С. 115—135).

<sup>55</sup> Черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 20.



ло печатать афиши, билеты. Наконец, осталось дня три до срока: разрешения все не было, пришлось ограничиться обыкновенным закрытым заседанием у Морозовой, но без прений.

Рачинский открыл заседание краткой вступительной речью. „Почтили память“ Леонтьева вставанием. Я представил себе, как возненавидел бы это „вставание“ на юбилеях и поминках сам Леонтьев: достаточно вспомнить его статью о юбилее Фета.<sup>56</sup> Слово было дано о. Иосифу. Его доклад был крайне интересен, как-то особенно рельефен и сжат. Содержание же его для слушавших было совершенно ново. После о. Иосифа говорил я, — вернее сказать: я передал свое слово Леонтьеву: говорил он отрывками из своих писем, целыми страницами своих мыслей, предвидений, почти пророчеств. Все это было густое „леонтьевское“, — настоящий сгусток Леонтьевской пахучей мысли. Все это было, конечно, не по тогдашнему настроению русского общества, — в том числе и „Соловьевского“».<sup>57</sup>

Этой формы Дурылин будет неизменно придерживаться и в дальнейшем: говорить о Леонтьеве словами самого Леонтьева, все еще «неуслышанного», «непрочтенного» «страстного письма с неверно написанным на конверте адресом».<sup>58</sup> На теперешний взгляд, в докладе Дурылина не содержалось никакой «революционной» трактовки Леонтьева. «Вопрос о Леонтьеве, — говорил Дурылин, — есть вопрос о перерождении души, о вторичном рождении — вопрос вечный, центральный в Православии».<sup>59</sup> Дурылин с еще большей настойчивостью и подробнее, чем в стенах Чудова монастыря, развивал мысль о том, что родившийся с душой-язычницей, с «алкивиадизмом» в крови Леонтьев, пережив в Салониках страх смертный, не мог не посвятить всю дальнейшую жизнь понуждению себя к Церкви: «Вопрос об Алкивиаде,<sup>60</sup> который уже не может быть Ал-

---

<sup>56</sup> См.: *Леонтьев*. Т. 8, кн. 1. С. 625—637.

<sup>57</sup> *Дурылин С. Н.* Отец Иосиф Фудель // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 51.

<sup>58</sup> Цитируется примечание Розанова к письму Леонтьева от 18 октября 1891 г. (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. Переписка В. В. Розанова с Н. Н. Страховым. Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым // *Розанов В. В.* Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. Т. 13. С. 387).

<sup>59</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 7об.

<sup>60</sup> Алкивиада вспоминает Милькеев, герой романа Леонтьева «В своем краю», излагая леонтьевскую мысль о том, что сфера прекрасного шире сферы нравственного: «Иначе куда же деть Алкивиада, алмаз, тигра

кивиадом, жаждет разбить себя, как Алкивиада, потому что уже нельзя быть Алкивиадом: земля не держит, — и стать Никодимом, и услышать это от самой Истины: это страшное и невозможное: родись вновь, — и не понимать, бунтовать против этого: „неужели вновь войти мне в утробу матери?“ — и потом все-таки войти в эту утробу, — в утробу Матери-Церкви, и родиться? Вот вопрос о Леонтьеве, вот центр, к которому стягиваются едва ли не все нити наших исканий, наших неудач, наших спасений в христианстве — и уж к к(отор)ому, в л(еонтьев)вском случае, стягивается весь Л(еонтьев): человек и писатель». <sup>61</sup> Идея эта была впоследствии положена в основу дурылинского доклада «Религиозный путь Константина Леонтьева» (1922).

Выступление в Соловьевском обществе оказалось точно таким же «страстным письмом, с неверно написанным на конверте адресом», что и сочинения самого Леонтьева. «Мой доклад явно провалился. Хмурился кн. Трубецкой, явно был недоволен Рачинский, <sup>62</sup> молчал Булгаков. Рачинский даже не выдержал и в перерыве сказал мне, рассердясь:

— Это вы оттого так написали, что знали, что не будет прений». <sup>63</sup> Отрицательно отнесся к докладу и Сергей Фудель, с точки зрения

---

и т. д.?» (Леонтьев. Т. 2. С. 23). Сравнение самого Леонтьева с Алкивиадом принадлежит Розанову (Розанов В. В. Неузнанный феномен // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 171).

<sup>61</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 8. Розанов это «второе рождение» Леонтьева оценивал диаметрально противоположно, комментируя в 1913 г. письма к нему Леонтьева: «...эстетизм был натурой его, а в христианство он все-таки был только крещен; это — первозаконие и второзаконие» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 375).

<sup>62</sup> С Г. А. Рачинским Дурылин был знаком по кружку «Молодой Мусагет» (1910—1913), где Рачинский вместе с Ф. А. Степуном преподавал теоретическую эстетику. В дальнейшем Рачинский следил за творчеством Дурылина. Ср. в его письме к М. К. Морозовой от 24 июля 1915 г.: «Я очень его люблю и ценю, несмотря на ведомые мне недостатки его, и боюсь влияния на него Самарина и Новоселовского кружка, вкупе с епископами и черносотенным духовенством» (Взыскующие Града. С. 646).

<sup>63</sup> Дурылин С. Н. Отец Иосиф Фудель: (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко) // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 51.

которого текст, «как это часто бывало у Сергея Николаевича, был полон сплошного восхищения перед Леонтьевым, причем не только в отношении исторических прогнозов и социальной зоркости, но и в отношении его явного примитивизма в чисто религиозной области, в отношении его метафизической слепоты».<sup>64</sup>

С этих двух докладов началась история дурылинских занятий Леонтьевым. Ее приходится воссоздавать по отрывочным записям в дневниках (до нас дошло небольшое количество, поскольку многие из них Дурылин уничтожил), записных книжках, письмах. От времени 1910-х годов дошло несколько набросков издательских проектов, в каждом из которых мы неизменно обнаруживаем имя Леонтьева. Все они остались нереализованными. Так, в 1914—1915 годах Дурылин задумал выпускать ежемесячник по вопросам религии, литературы и искусства «Московский вестник». Журнал намечался Дурылиным как издание с большим коллективом авторов, в числе которых были С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, Г. А. Рачинский, С. А. Цветков, Ф. Д. Самарин, Ф. К. Андреев, М. А. Новоселов, В. А. Кожевников, В. В. Зеньковский, А. С. Волжский, С. А. Аскольдов, свящ. С. И. Цукин, прот. И. И. Фудель, прот. В. И. Постников, А. И. Успенский, еп. Феодор (Поздеевский), А. В. Ельчанинов и Д. А. Хомяков.<sup>65</sup> Крошечный проект журнала выглядит следующим образом:

«В Ежемесячнике будут печататься неизданные статьи, письма, стихи, отрывки Ю. Ф. Самарина, И. В. Киреевского, Н. С. Лескова, Вл. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, К. Н. Леонтьева, архим. Серапиона Машкина».<sup>66</sup>

Еще один проект был набросан Дурылиным на последней странице небольшой брошюры о Карле Брюллове:

«Библиотечка „Русская мысль“. Вст(упительная) монография. Сочинения. Портр(еты). <нрзб.> И. В. Киреевский, Н. В. Гоголь,

---

<sup>64</sup> Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 65.

<sup>65</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 81. Список авторов включал участников трех Религиозно-философских обществ и участников новоселовского Кружка ищущих христианского просвещения, к которому принадлежал и Дурылин. Судя по всему, «Московский вестник» должен был заполнить некую издательскую лауну в книгоиздательстве «Путь»: задумывался ежемесячный журнал, а не сборники статей и монографии, на которых был сконцентрирован «Путь».

<sup>66</sup> Дурылин С. Н. Записная книжка // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 3—4.

К. Н. Леонтьев, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Н. Н. Страхов, В. В. Розанов, А. С. Хомяков, Н. И. Пирогов, А. И. Герцен, Н. Я. Данилевский, кн. С. Н. Трубецкой, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Тютчев, И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, митрополит Филарет, Иннокентий, архиеп(ископ) Херсонский, еп. Феофан, еп. Игнатий, А. С. Пушкин».<sup>67</sup>

Этот замысел можно отнести к 1916—началу 1917 года, так как в записной книжке, которую Дурылин вел летом 1917 года, тот же проект присутствует в расширенном виде.<sup>68</sup> Для написания биографий Дурылин надеялся привлечь М. О. Гершензона, С. Н. Булгакова, С. П. Боброва,<sup>69</sup> П. И. Васильева.<sup>70</sup> О Леонтьеве же он собирался писать сам.

В 1917 году Дурылиным был задуман (совместно с о. Павлом Флоренским) «Московский сборник», где также планировалась публикация леонтьевских материалов. Проект продвинулся уже до стадии разговора с издателем: «В июле я получил от Г. А. Лемана»<sup>71</sup>

---

<sup>67</sup> Карл Павлович Брюллов. Летучая энциклопедия. М.: Издание И. А. Маевского, 1911 (Мемориальная библиотека дома-музея С. Н. Дурылина. 1231).

<sup>68</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 81.

<sup>69</sup> Сергей Павлович Бобров (1889—1971) — поэт, писатель, переводчик, стиховед. В 1913 г. вместе с Дурылиным, Н. А. Асеевым, Б. Л. Пастернаком и А. А. Сидоровым входил в поэтическую группу «Лирика»; в 1914 г. создал футуристскую группу «Центрифуга» (Пастернак, Асеев); автор социально-утопических романов и научно-популярных книг для детей; подвергался репрессиям.

<sup>70</sup> Пантелеймон Иванович Васильев (1891—1977) — младший друг, ученик и многолетний корреспондент Дурылина, впоследствии композитор и пианист (ученик С. И. Танеева и Н. К. Метнера). Пропагандист творчества Н. К. Метнера и автор работ о нем, за переписку с ним отправлен в лагерь в Амдерму. Находился в ссылках в Ашхабаде и Чимкенте, вернулся в Москву в 1947 г.

<sup>71</sup> Георгий Адольфович Леман (1887—1968) — совладелец издательства «Леман и Сахаров», в котором выходили книги Розанова, Бердяева, И. А. Ильина, Вяч. Иванова, С. Л. Франка, Н. О. Лосского и два выпуска философского ежегодника «Мысль и слово» (1917, 1921). Знакомство с Леманом и возможная причастность к его религиозно-философскому кружку 1920-х гг. были одним из поводов для второго ареста Дурылина в 1927 г. (см.: Макаров В. Г. «Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти» (по материалам следственных дел в отношении С. Н. Дурылина 1922 и 1927 годов) // Сергей Дурылин и его время. Кн. 1. С. 51—52, 69).

согласие на издание под моей редакцией „Московского Сборника“, посвященного материалам по истории русской религиозной культуры. Я спешил поделиться радостью с о. Иосифом.

— Полсборника Леонтьеву, — говорил я ему. — Остальное место: Гоголь, Киреевский, Достоевский.

— Было бы целнее, если бы без Гоголя. Леонтьев не любил ничего „Гоголевского“.

Мы много обсуждали с ним план сборника. Он сразу же решил дать в него законченные<sup>72</sup> воспоминания Леонтьева „Моя литературная судьба“; но мне хотелось большего: я мечтал, чтобы сам о. Иосиф написал для сборника свои воспоминания о Леонтьеве. Я стал убеждать его не откладывать этого дела и, уезжая из Москвы на дачу, писать там. У него была начата и другая работа — по приходскому вопросу.<sup>73</sup> Всякий раз, как я видел о. Иосифа, я спрашивал: „а Леонтьев?“<sup>74</sup>

В «Московский сборник» должны были войти следующие леонтьевские материалы:

«П. К. Леонтьев.

1. Письма К. Н. Леонтьева в Оптину пустынь. Примечания С. Дурылина.

2. К. Н. Леонтьев. Воспоминания о И. С. Аксакове.<sup>75</sup>

3. Прот. И. И. Фудель. Из воспоминаний о К. Н. Леонтьеве.

4. Письмо Вл. С. Соловьева к К. Н. Леонтьеву с ответом К. Н. Леонтьева.<sup>76</sup>

5. Письмо К. Н. Леонтьева к М. П. Соловьеву.<sup>77</sup>

Упомянутые в проспекте «Московского сборника» воспоминания о Леонтьеве о. Иосиф согласился писать только после настоячи-

---

<sup>72</sup> В действительности эти воспоминания не были завершены Леонтьевым. — *Примеч. отв. ред.*

<sup>73</sup> О приходском вопросе о. Иосиф писал еще с начала 1890-х гг. — *Примеч. отв. ред.*

<sup>74</sup> Дурьлин С. Н. Отец Иосиф Фудель // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 54—55.

<sup>75</sup> По всей вероятности, речь идет о фрагменте записок «Моя литературная судьба». — *Примеч. отв. ред.*

<sup>76</sup> Скорее всего, подразумеваются письма 1885 г. — *Примеч. отв. ред.*

<sup>77</sup> Дурьлин С. Н. Дневник (1918 г.) // РГБ. Ф. 872. К. 1. Ед. хр. 31. Л. 49. Местонахождение последнего документа неизвестно. Сохранились и другие варианты проектов сборника. Опубликовано А. И. Резниченко: С. Н. Дурьлин и его время. Кн. 1. М., 2010. С. 482—487.

вых просьб Дурылина. Они были закончены лишь незадолго до его смерти 2 (15) октября 1918 года.<sup>78</sup> Часть этих воспоминаний Дурылин впоследствии пересказал в книге «В своем углу».<sup>79</sup>

Все найденные проекты, своими названиями отсылающие к традиции славянофильской периодики, были контекстными. Не трактат или статья, а воспоминание и письмо стало для Дурылина наиболее адекватной формой для выражения философской мысли, идеальным пространством памяти как модуса истинного бытия, способа связи личности с Богом.<sup>80</sup> С другой стороны, очевидно, что именно письма Леонтьева и давал о. Иосиф Дурылину «в работу». Как известно, собрание сочинений Леонтьева остановилось на девятом томе, и хотя десятый был набран, он не вышел. Как вспоминал с горечью Дурылин, «издательство „Культура“, к которому перешло издание от Саблина, оказалось немецким, на издания его был наложен арест».<sup>81</sup> Корпус леонтьевских писем и воспоминаний предстояло издать прежде всего.

В своем завещании Леонтьев указал: «...все распоряжение изданиями и продажей моих сочинений завещаю и доверяю исключительно племяннице моей *Марье Владимировне Леонтьевой*».<sup>82</sup> Вероятно, существовала необходимость согласовать с ней дальнейшие издания Леонтьева и приобрести у нее нужные рукописи. М. В. Леонтьева (1847—1927) с 1882 года (с небольшими перерывами в первой половине 1880-х годов) жила в Орле, где сначала работала учительницей, а с 1890 года начальницей Свято-Ольгинской школы при Орловском Свято-Введенском женском монастыре. В удостоверении, данном ей в 1924 году, читаем: «С 1890 по 1910 г. служила в школе при бывшем женск(ом) монастыре; с 1910 по 1920 г. занималась частной работой по преподаванию. С 1920 г. состояла пенсионеркой; собственности и средств к жизни не имеет; по своей болезни не может обходиться без посторонней помощи».<sup>83</sup> Жила она по соседству с монастырем, последнюю треть жизни — вместе с учитель-

---

<sup>78</sup> См.: «Преемство от отцов». С. 433—466; Фудель И. И. Мое знакомство с К. Леонтьевым. Воспоминания в форме письма к С. Н. Дурылину // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1051.

<sup>79</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. VIII. 3 // МД. 265/15. Л. 3—9.

<sup>80</sup> Эта мысль стала одной из любимых у Дурылина. См., например: Дурылин С. Н. В своем углу. IV. 56 // МД. 265/7. Л. 81—83.

<sup>81</sup> Там же. XIII а // МД. 265/29. Л. 48.

<sup>82</sup> Леонтьев. Т. 6, кн. 2. С. 36.

<sup>83</sup> ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 25.

ницей Татьяной Николаевной Максимовой. В декабре 1917 года Е. С. Фудель<sup>84</sup> поехала в Орел к Марии Владимировне и оформила договор о приобретении Дурылиным прав на издание сочинений Леонтьева.

Вот этот документ:

#### ДОГОВОР

Гор⟨од⟩ Орел. 16 декабря 1917 года.

Мы нижеподписавшиеся заключили настоящий договор в следующем:

1) Я, гражданка Мария Владимировна Леонтьева, продала гражданину Сергею Николаевичу Дурылину за цену сто тысяч (100 000) рублей принадлежащее мне право собственности на все без исключения, как уже изданные, так и заключающиеся в рукописях, статьях, письмах, заметках и прочем, как напечатанные в разных журналах и газетах, так и оставшиеся в рукописях и ненапечатанными сочинения умершего гражданина Константина Николаевича Леонтьева, согласно завещания, утвержденного Московским окружным судом определением от 9 июня 1892 года; по реестру № 9550.

2) Обусловленную цену в сто тысяч (100 000) рублей за уступленное мне право собственности на все без исключения сочинения Константина Николаевича Леонтьева я, Сергей Николаевич Дурылин, уплачиваю при подписании сего договора.

3) Настоящий договор я, Мария Владимировна Леонтьева, обязуюсь немедленно, как только к тому явится первая законная возможность, облечь в нотариальную или иную требуемую законом форму.

Адрес мой: Город Орел, 2 Курская улица, школа женского монастыря.

К сему договору подписуемся:

Мария Владимировна Леонтьева, Сергей Николаевич Дурылин.

Сто тысяч рублей (100 000 р.) получила сполна 1917 года 16 декабря Мария Владимировна Леонтьева.

---

<sup>84</sup> Евгения Сергеевна Фудель (урожд. Емельянова; 1865—1927) — жена о. Иосифа Фуделя. См.: Письма Н. С. Чернышева к С. Н. Дурылину // МД. 612/71; РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 398, 766, 882.

При совершении сего договора присутствовали собственноручные подписи Марии Владимировны Леонтьевой и Сергея Николаевича Дурылина удостоверяем:

Татьяна Николаевна Максимова

Евгения Сергеевна Фудель.<sup>85</sup>

Едва ли Дурылин мог воспользоваться этим договором, ведь 29 декабря 1917 года вышел «Декрет о государственном издательстве», по которому устанавливалась монополия государства на издание русских классических произведений, объявленных «всемирной собственностью» (правда, в нем речь шла только о «корифеях литературы»). Как видно из договора, Дурылин в 1917 году в Орел не поехал. Незадолго до смерти М. В. Леонтьевой Т. Н. Максимова упрекала его в том, что он не проявил должного интереса к той, которая была так близка Леонтьеву: «Почему вы, Сергей Николаевич, не познакомились с Мар(ией) Вл(адимировной) раньше? Ведь вы были знакомы с от(цом) Иосифом Ф(уделем) — разве от него вы не знали о Мар(ии) Вл(адимировне)? Почему же вы не познакомились тогда? Она так долго сохраняла силу своего ума, силу своих воспоминаний, так долго была интересной собеседницей. И вы прошли мимо, не взяли то, что могли бы взять. Теперь же она — живой труп: падают не только ее физические силы, но и умственные способности».<sup>86</sup> Мы не располагаем сведениями о времени знакомства Дурылина с М. В. Леонтьевой, но в первом известном письме к Дурылину М. В. Леонтьева пишет, что ждет его приезда как праздника и благодарит его за материальную помощь.<sup>87</sup>

Как было сказано выше, начиная по крайней мере с 1916 года в дурылинских дневниках и статьях все сильнее проявляются апокалиптические мотивы. Не исключено, что на Дурылина оказала влияние апокалиптика Л. А. Тихомирова. В кругу новоселовского кружка получила признание его попытка толковать семь церквей Апокалипсиса как семь исторических эпох.<sup>88</sup> По Тихомирову, современный период соответствует пятой, Сардийской, эпохе — времени

---

<sup>85</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 953. Л. 1—1 об. (автограф Дурылина).

<sup>86</sup> Там же. Ед. хр. 639. Л. 12—12 об. (письмо от 1 января 1927 г.).

<sup>87</sup> Там же. Ед. хр. 630. Л. 1 (письмо от 9 мая 1921 г.).

<sup>88</sup> См.: Тихомиров Л. А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира. Сергиев Посад, 1907.



отпадения от христианства, когда мир только носит название христианского. В эту эпоху появляется «Жена любодейная», которая, по Тихомирову, символизирует Россию, оторвавшуюся от Церкви и изменившую Богу. Но мировая миссия христианства на этом не заканчивается, поскольку наступает предпоследняя в истории, шестая по счету, Филадельфийская, эпоха,<sup>89</sup> когда христиан будет меньшинство, и они будут гонимы. В 1913—1918 годах Тихомиров работал над большим трудом «Религиозно-философские основы истории», последний отдел которого посвящен толкованию Апокалипсиса. Дурьлин вполне мог познакомиться с идеями книги, во-первых, потому, что ряд ее глав Тихомиров читал в виде докладов в новоселовском кружке,<sup>90</sup> а во-вторых, из личного общения. Здесь Тихомиров понимает «Жену любодейную» уже не как Россию, а как бывшую Церковь Христову (отпавшую часть ее) и связывает ее пришествие с концом Лаодикийской эпохи, непосредственным приходом Антихриста.<sup>91</sup> «В Филадельфийской церкви, надо думать, сохранится до конца мира чистая Невеста Христова. Но, вероятно, большинство именуемых „христиан“ будет падать все ниже, так как мир переходит в седьмую эпоху, Лаодикийскую, которую Господь с отвращением „изблует из уст Своих“».<sup>92</sup>

В тихомировском толковании особое значение придавалось Филадельфийской эпохе, которая переживет Лаодикийскую, и «по истреблению <Жены> любодейцы сольется с той Женой Агнца, которая облечется в чистый и светлый виссон на Брак Агнца (Откр. 19: 7—8)».<sup>93</sup> Прочитируем свидетельство С. Фуделя: «Отвергая „живоцерковничество“ как перенесение в Церковь идей и методов революции, и Булгаков, и Флоренский, и Свенцицкий, и Дурьлин, и все другие деятели и мыслители того времени одновременно ждали для Церкви возрождения в жизни истинной духовности, в освобожде-

---

<sup>89</sup> Там же. С. 27.

<sup>90</sup> См. об этом: Смолин М. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории / Сост., предисл. и примеч. М. Б. Смолина. М., 2012. С. 20. См. также: Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 38, 41—45.

<sup>91</sup> Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. С. 624—630.

<sup>92</sup> Тихомиров Л. А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира. С. 28.

<sup>93</sup> Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. С. 622.

нии от государственного и бытового обмирщения и формализма. Все они тогда ждали наступления эпохи духоносной „Филадельфийской“ Церкви после окончания своей, „Сардийской“, церковной эпохи». <sup>94</sup> В связи с ожившимся возрождением участниками новоселовского кружка в 1918 году был задуман и осуществлен при помощи издателя И. Д. Сытина журнал «Возрождение» (вышло 10 номеров). Видимо, к Филадельфийской эпохе относятся цитируемые Дурылиным в апреле 1918 года слова Вл. Соловьева, обращенные к В. Л. Величко: «Я чую близость времен, когда христиане будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима... Разве ты не видишь, кто надвигается? Я вижу, давно вижу». <sup>95</sup>

Воспоминаниями Величко о Соловьеве Дурылин пользовался при написании доклада «Апокалипсис и Россия (памяти отца Иосифа Фуделя)», <sup>96</sup> прочитанного на предпоследнем заседании МРФО 29 апреля 1918 г. Замысел работы сложился под воздействием погружения в Леонтьева, разговоров с отцом Иосифом, а возможно и с Тихомировым. Речь шла об исследовании, половина которого «должна была быть посвящена никому неведомой апокалиптике К. Н. Леонтьева. Я был убежден, что основным пафосом Леонтьевской мысли был — ужас конца». <sup>97</sup>

Дурылин не хотел писать работу без одобрения о. Иосифа. Но на вопрос Дурылина, «верил ли в конце жизни Леонтьев, в глубине глубин своих, что все может быть иначе, что Россия уклонится от

---

<sup>94</sup> Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 67. Ср.: Тихомиров Л. А. 〈Без названия〉 // Возрождение. 1918. № 3. С. 7—10 (подпись: С〈правдик〉); Новоселов М. А. Письмо к П. Б. Мансурову. Конец 1918—начало 1919 г. // Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова / Под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). Томск, 1998. С. 185—186.

<sup>95</sup> Дурылин С. Н. Записки по археологии и этнографии. Абрамцево // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 168 об. См.: Величко В. Л. Вл. Соловьев. Жизнь и творения. 2-е изд. СПб., 1904. С. 170. Указание на Филадельфийскую эпоху было и в словах «Беженца» (альтер эго «Г. З.») в диалогах С. Н. Булгакова «На пиру богов» (Из глубины). Работа стала темой последнего заседания МРФО 3 июня 1918 г.

<sup>96</sup> Автограф датирован 12 апреля 1918 г. Подзаголовок «Памяти отца Иосифа Фуделя» добавлен после его смерти.

<sup>97</sup> Дурылин С. Н. Отец Иосиф Фудель // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 52.

общей воли к концу и даст миру новое и невиданное?»<sup>98</sup> Фудель ответил: «Нет. Он за четверть века до Соловьёва знал, что Европа и Россия погибнут под ударами монголов. Он только успокаивал к концу жизни свою тревогу, свою боль за Россию, когда писал о некоторых своих надеждах. С началом царствования имп(ератора) Александра III они у него еще были, но они исчезли. Он разуверился во всем, кроме Церкви. Ничему бы, что совершается теперь, он не удивился. Так должно было быть. Он знал, что конец идет».<sup>99</sup> В итоге задуманный как исследование апокалиптики Леонтьева доклад «Апокалипсис и Россия» содержит в себе глубокую русскую историософию.

Мыслитель писал о наличии в русской истории двух магистралей: оптимистической и пессимистической. Первая опирается на видимые культурно-исторические успехи России и ориентирована на дальнейшее усовершенствование ее как «зримого града». Вторую он назвал «апокалипсическим ядром», заглушавшим «своим апокалипсическим воплем бодрый стук топора, которым Петр, как плотник, вытесывал новое здание России».<sup>100</sup> Вторая магистраль ждет Антихриста или убеждена в том, что он уже пришел. Появившись в беспоповской ветви старообрядчества, это ядро не только не исчезло, но и глубоко проникло в Церковь, философию, литературу. Именно наличием двух равносильных магистралей Дурьлин объяснял неустроенность русской истории, предлагая тем самым, задолго до Бердяева, трактовать русскую культуру как двуполосную, дисгармоничную. По Дурьлину, эти две магистрали долгое время противоречили друг другу, но теперь, когда Апокалипсис уже наступил, они сошлись. «Апокалипсис, хранимый Россией в утаении, в народной заповедной таиннице, стал явен и почти открыт. Слышно, как невидимые персты листуют его страницы. Пришли не года, которые числили там, на первой магистрали, а години, глухо и утаенно измерявшиеся на второй черте. То, что казалось частным, случайным, внешним, оказалось всеобщим, предопределенным, предчувствованным, неизбежным. То, что считалось невежественной песней глухих раскольников-нетовцев, оказалось страшной песнью всей России, ее стоном, ее воплем».<sup>101</sup> Ду-

---

<sup>98</sup> Там же. Л. 53.

<sup>99</sup> Там же.

<sup>100</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

<sup>101</sup> Там же. Л. 8—9.

рылин вспомнил и знаменитые стихи Вяч. Иванова из «Сог арденс»: «Если еще несколько более десятка лет назад поэт мог видеть, как Россия

...стоит, немея,  
У перепутного креста,  
Ни Зверя скиптр нести не смея,  
Ни иго легкое Христа, —

то в наши дни, увы! слишком многим представляется и не может не представляться, что перепутье России кончилось и началось несение ею... чего? „Скиптра Зверя“ или „ига Христа“?

В немоте на этот вопрос заключен весь ужас наших дней. Но вопрос может быть еще более страшен: что если раздвоена Россия уже без возможности нового слияния и соединения, если расщеплена она на две — конечно, неравные — половины, совершающие два различные несения? И если так, то где грань этих двух половин, где и кто — те, кто уже — почти явно — „смеют нести скиптр Зверя“, и те, кто страстотерпчески и благословенно возложили<sup>102</sup> на себя „иго легкое Христа“?»<sup>103</sup>

Усмотренная Дурылиным апокалиптическая линия в русской мысли шла от старообрядцев-беспоповцев через преп. Серафима Саровского и Леонтьева к Соловьеву. В частности, мыслитель обратил внимание на учение беспоповской секты бегунов (странников, скрытников), веривших, что на всем уже давно лежит печать Антихриста, воплощенного во всякой власти. Особенность жизни адептов секты состояла в постоянном странничестве, убежденности, что истинная вера всегда гонима. Бегуны не имели паспортов, а когда их спрашивали, откуда родом, отвечали: «Града настоящего не имею, но грядущего взыскую».<sup>104</sup> Для подтверждения своей мысли Дурылин цитировал в докладе бегунские духовные стихи.<sup>105</sup> Напомним,

---

<sup>102</sup> Ранний вариант: несут.

<sup>103</sup> Там же. Л. 9—10.

<sup>104</sup> Розов А. И. Странники или бегуны в русском расколе // Вестник Европы. 1873. № 1. С. 271. См. также: Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. Дурылинское тяготение к духовному странничеству отмечал С. И. Фудель (Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 48).

<sup>105</sup> Цитаты из бегунских духовных стихов мыслитель впервые приводил в «Церкви Невидимого Града», но еще без всяких симпатий к бегунам

что еще в начале 1913 года Дурылин написал принесшую ему признание статью «Церковь Невидимого Града» и знал, что один из источников китежской легенды, «Книга глаголемая летописец», возникла именно в среде бегунов.<sup>106</sup>

Со ссылкой на «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» докладчик пересказывал историю строительства преп. Серафимом Дивеевской канавки, пророчества преп. Серафима о конце света, а затем перешел к Леонтьеву, первому отчетливо сформулировавшему, что ускоряющийся прогресс есть признак надвигающегося конца истории. «Симптомом конца является и ясный эмпирический факт дряхлости человечества, исчерпанности живых расовых и племенных сил, творивших историю, оскудение и исчерпание человеческого материала для истории. Все это — симптомы пришествия религией указуемого — пришельца конца — Антихриста».<sup>107</sup> Единственный возможный путь для России остаться на первой магистрали — социализм как тройное рабство, цитирует Дурылин, «общинам, Церкви и Царю».<sup>108</sup> «Если же этого не будет, если не суждено быть этому железному кованому царству мистики, силы и социального рабства, тогда конец России, то с нею конец истории, ибо рухнет тогда последняя железная рогатка, преграждающая путь силам, сокрушающим историю и человечество».<sup>109</sup>

Леонтьев не остался на первой магистрали: «...исчезала его надежда на Россию, рушились все основания веры в ее будущее, она оказывалась лицом к лицу с гибелью, богоотступничеством, Антихристом».<sup>110</sup> Говоря о причине утраты этой веры, Дурылин, вслед за о. Иосифом Фуделем,<sup>111</sup> затрагивал вопрос о влиянии

---

(Дурылин С. Н. Русь прикровенная. С. 129—130). Дурылин хорошо знал беспоповскую ветвь старообрядчества, в том числе из своих путешествий в Заволжье и Олонецкую губернию.

<sup>106</sup> Уже в советское время происхождение китежской легенды было детально исследовано В. Л. Комаровичем. См.: Комарович В. Л. Китежская легенда. (Опыт изучения местных легенд). М.; Л., 1936.

<sup>107</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 71—72.

<sup>108</sup> Леонтьев К. Н. Письмо К. А. Губастову от 17 августа 1889 г. // Русское Обозрение. 1897. Май. С. 417.

<sup>109</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 78.

<sup>110</sup> Там же. Л. 81.

<sup>111</sup> Фудель И., прот. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // «Преемство от отцов». С. 410.

Соловьева на Леонтьева.<sup>112</sup> Докладчик приводил слова самого Леонтьева о Соловьеве из письма К. А. Губастову от 5 июня 1889 года: «...он поколебал, признаюсь, в самые последние 2—3 года мою культурную веру в Россию, и я стал за ним с досадой, но невольно думать, что, пожалуй, призвание-то России чисто религиозное... и только!»<sup>113</sup> Однако Дурылин был убежден, что «еще до мыслительной встречи с Соловьевым» Леонтьев «мыслил конец истории и состояние христианства в эпоху конца в форме крайней безнадежности».<sup>114</sup> Обратное же влияние, по Дурылину, было совершенно явным.<sup>115</sup> В конечном счете именно под влиянием Леонтьева Соловьев в 1900 году и стал пророком «второй магистрали».<sup>116</sup>

---

<sup>112</sup> По Леонтьеву, Соловьев указал «на религиозное призвание России содействовать воссоединению Церкви, что может осуществиться и не тем путем, какой предполагает Вл. Соловьев» (*Фудель И., свящ.* Культурный идеал К. Н. Леонтьева // Там же. С. 168).

<sup>113</sup> Русское обозрение. 1897. Май. С. 406—407.

<sup>114</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 87. Леонтьев плодотворно занимался разработкой нового типа культуры еще до «мыслительной встречи с Соловьевым». Смысл соловьевской идеи соединения Церквей Леонтьев понял как подготовку христианского общества к «эсхатологической борьбе», поскольку, если 4-х основной тип выработан все же не будет, то можно ожидать только конца. Ср. в письме Леонтьева к Н. Н. Страхову от 30 июня 1888 г.: «...если пойдет так-то и так-то (нелиберально, сословно, неравноправно, мистически, а не просто — морально), то будет свой тип; — а если нет, — нет!» (цит. по: Леонтьев. Т. 8, кн. 2. С. 1032). Леонтьев внутренне согласился с «отрицательными взглядами Соловьева на русскую культуру», с тем, что на самом деле «русская цивилизация есть цивилизация европейская», по крайней мере это «близко к правде» (*Фудель И., прот.* К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // «Преемство от отцов». С. 414). Поэтому, как справедливо замечено современным историком, с 1888 г. «утопия 4-х основной культуры постепенно отходит на второй план, а все футурологические построения Леонтьева носят с этого момента подчеркнуто эсхатологический характер» (*Гоголев Р. А.* «Ангельский доктор» русской истории. С. 106).

<sup>115</sup> Дурылин говорит о влиянии Леонтьева на Соловьева гораздо определеннее, чем о Иосифе Фуделе (ср.: «Преемство от отцов». С. 410—411).

<sup>116</sup> По мнению Дурылина, на изменение позиции Соловьева во взглядах на прогресс и судьбу России могли оказать слова о старости человечества и отсутствии новых народов историка С. М. Соловьева в его разговоре

Эта уверенность Дурылина была основана на предположении, что г. Z. «Трех разговоров» есть не что иное, как «alter ego самого Соловьева».<sup>117</sup> В конце доклада Дурюлин предпринимает толкование «Краткой повести» и, анализируя образ старца Иоанна, фактически признает в Соловьеве своего прямого предшественника. Характеристика разоблачителя Антихриста как епископа, старца и, что особенно важно, странника для Дурюлина означало, что Соловьев тоже почувствовал эту апокалиптическую линию.<sup>118</sup> Стоит привести здесь фрагмент из текста:

«В образе старца Иоанна из „Повести об Антихристе“<sup>119</sup> Соловьеву дано наконец было<sup>120</sup> слить воедино все те чаяния, уверенности и ⟨1 нрзб.⟩ апокалипсические, которые шли из темных глубин народного религиозного сознания — из глухих раскольничьих скитов Заонежья и бегунских тайников Приуралья, из ясных белых стен православного монастыря, из хибарки<sup>121</sup> старца-подвижника, из кельи оптинского послушника Константина Леонтьева, из комнатки умирающего Владимира Соловьева. Все это, очищенное

---

с сыном, которые Вл. Соловьев приводил в своей работе 1900 г. «По поводу последних событий» (см.: Соловьев В. С. Собр. соч. / Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1914. Т. 10. С. 225). См. также: Хатунцев С. Мотив «китайской угрозы» у К. Н. Леонтьева и «леонтьевские» мотивы в «Трех разговорах» Вл. С. Соловьева // Эсхатологический сборник / Ред. Д. А. Андреев, А. И. Неклесса, В. Б. Прозоров. СПб., 2006. С. 236—237.

<sup>117</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 70. Как указал Соловьев в черновике предисловия к книжному изданию «Трех разговоров»: «Хотя собеседник, обозначенный буквою Z, более других приближается к моему образу мыслей, но вместе с тем некоторыми внутренними и внешними чертами он напоминает покойного К. Н. Леонтьева, а другими — покойного Н. Н. Страхова; в целом они были мало похожи друг на друга, а я коренным образом расходился с обоими этими писателями по самым важным вопросам» (Цит. по.: Котрелев Н. Эсхатология у Владимира Соловьева // Эсхатологический сборник. С. 255—256).

<sup>118</sup> Ср. слова «Беженца» из диалогов С. Н. Булгакова «На пиру богов»: «Весь мир переходит в беженство, — как тут не вспомнить исконные предчувствия наших бегунов?» (Вехи. Из глубины / Сост. и подгот. текста А. А. Яковлева; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. С. 351).

<sup>119</sup> Ранний вариант: «Трех разговоров».

<sup>120</sup> Ранний вариант: суждено.

<sup>121</sup> Ранний вариант: келья.

ото всего случайного и наносного, слилось во единый мудрый<sup>122</sup> образ высокого православного значения. Старец Иоанн — по Соловьеву, „весьма известный среди русского народа“:<sup>123</sup> значит, он во времена последние такая же сердцевина и средоточие Православия, как преп. Серафим в свой век: он — тот, к кому льнет народ, он — старец русского народа, живой наследник Оптиной и Сарова, излечитель его грехов, врач его совести, руководитель его на пути земном и небесном. Вместе с тем он — „епископ на покое“: значит, он право-мощный носитель всей полноты иерархической благодати, он учитель по праву, по преемству от апостолов и Христа Господа, святитель, преемник великих русских святителей. Но в то же время, он странник: „он постоянно странствовал во всех направлениях“: значит, он идет путем излюбленного русского народного скитальчества, значит, он — из числа „взыскующих града незримого“, из числа тех, кто непрестанно готовятся ко встрече Христа Грядущего, бегунов. Какая-то таинственная, туманная связь связует его — в глазах народа — и с прежним православным царством русским, к тому времени уже безвозвратно смытым историей с русских просторов: „некоторые уверяли, что это воскрес Федор Кузьмич, т. е. Император Александр Первый“. Но у него, живущего при конце времени, мнится и безмерно большая и глубочайшая связь — с началом времен, с Господом Христом, во плоти шествующим по земле: он смыкает собою христианство и историю, начало и конец. „Утверждали, что это настоящий старец Иоанн, т. е. апостол Иоанн Богослов, никогда не умиравший и открыто явившийся в последние времена“.<sup>124</sup> Кто бы он ни был, но, бесспорно, он именно тот епископ, праведник и подвижник православный, к руке которого одинаково прильнули бы и томимый апокалипсической тоской бегун, забыв свое отделение от Церкви, и ранний и напрасный мученик раскольник-самосожженец, и старец-иеромонах православного монастыря, и православный историк России, и самодумный Леонтьев, и сам Соловьев...»<sup>125</sup>

Возводя свои интуиции к Соловьеву, Дурьин как бы забывал о том, что у Соловьева христиане, предводимые папой Петром, епи-

---

<sup>122</sup> *Перед мудрый зачеркнуто*: истинно.

<sup>123</sup> Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 10. С. 208.

<sup>124</sup> Там же.

<sup>125</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 100—102.



скопом Иоанном и профессором Паули, «ожили и воцарились с Христом на тысячу лет».<sup>126</sup> Однако уже в следующем своем докладе он резко осудит соловьевский хилиазм.

Вспоминая реакцию слушателей, Дурылин писал: «Мне резко возражали Трубецкой и Лопатин, возражал и Булгаков — и все почти исключительно на ту часть доклада, которая была посвящена Леонтьеву, — и опять, возражали здесь, главным образом, не мне, а самому Леонтьеву».<sup>127</sup> Доклад планировался к выходу в 10-м выпуске серии религиозно-философских сборников «Духовная Русь», задуманных Булгаковым и Вяч. Ивановым с участием Н. А. Бердяева, Г. И. Чулкова, А. Ф. Лосева, Е. Н. Трубецкого и С. А. Сидорова. Работа Дурылина перекликалась с предназначавшейся для той же серии статьей Бердяева «Духи русской революции (Гоголь, Достоевский, Толстой)». Но если Дурылин видел в эсхатологической линии адекватное проявление русского мирозерцания, то Бердяев, напротив, считал русскую апокалиптику опасной для выполнения русского призвания в мире.<sup>128</sup> Выпуски должен был редактировать А. Ф. Лосев. Проект не был осуществлен, но ряд статей, в том числе и бердяевская, вошли в сборник «Из глубины».<sup>129</sup> Вполне естественно, что дурылинский текст Бердяев, редактор сборника «Из глубины», в него не включил.<sup>130</sup>

---

<sup>126</sup> Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 10. С. 220.

<sup>127</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 53—54. Булгаков еще в докладе 1916 г. говорил, что «для Леонтьева не возникает вопроса о смысле истории вне его излюбленной схемы развития и нет места апокалипсическим чаяниям, для которых он находит только иронию» (Булгаков С. Н. Победитель-побежденный // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 387). Вероятно, Булгаков под «апокалипсическими чаяниями» имел в виду хилиазм.

<sup>128</sup> Поскольку статья Бердяева была написана позже, весной—летом 1918 г., она является своеобразным ответом Дурылину (Колеров М. К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год (2). М., 1998. С. 319—333).

<sup>129</sup> Троицкий В. «Духовная Русь» — неосуществленный издательский проект 1918 года // Троицкий В. Разыскания о жизни и творчестве А. Ф. Лосева. М., 2007. С. 120—133.

<sup>130</sup> Для Бердяева было неприемлемо неверие Леонтьева в Царство Божие на земле, т. е. неприятие Леонтьевым хилиазма (ср.: Бердяев Н. А. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 220—221).

С точки зрения Дурылина, наступление последних времен повлекло разрыв Святой Руси и России. Но если прекращается духовное возрастание Руси, утрачивается ее связь с Богом, то исчезает и время, поток которого имеет смысл только при укорененности его в вечности. В письме к Розанову от 3 мая 1918 года Дурылин говорит о прекращении времени именно как распадения онтологической связи человека с Богом: «Я получил Ваш 5-й „А(покалипсис)“ — с письмецом. Целую за него. Я думаю с каждым днем чаще, что А(покалип)сис не в том, что померкнет солнце и вострубит архангел, а в том, что земля будет холодна, люди не поделятся куском хлеба с голодным. О, как пусто, холодно и злобно сейчас на земле».<sup>131</sup>

С 24 мая по 20 июня 1918 года Дурылин пробыл в Оптиной пустыни. Здесь он вел дневник, почти половину текста которого составляют записи видений конца света, переписанные из «рукописи о. Феодосия».<sup>132</sup> Кроме того, Дурылин беседовал с монахами и записывал истории о насельниках монастыря. Одна из записей, сделанная со слов иеромонаха Феодота (Мартемьянова),<sup>133</sup> посвящена Леонтьеву:

«Вот что он говорит о Леонтьеве.

— Я был тогда новоначальный, когда он жил в доме за монастырем. Я был канонархом. К службам он не ходил или ходил редко, т. к. был болен, но не знаю, кого попросил, чтобы к нему посылали вычитывать под воскресенья и большие праздники всенощную. Посылали меня. Я ходил к нему что-то около полутора лет. Я не пел, а читал ему всю всенощную. Он сидел в большой комнате, в кресле, и был в сосредоточении и крестился. Часто вздыхал. Он был тогда

---

<sup>131</sup> Цит. по: Дурылин С. Н. Записки по археологии и этнографии. Абрамцево // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 169 об.

<sup>132</sup> Скорее всего, имеется в виду Феодосий (в миру Александр Васильевич Поморцев; 1884—1920) — последний скитоначальник Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни. См. о нем: *Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди: Мои духовные встречи. М., 1997. С. 118—120; Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М., 1999. С. 86.

<sup>133</sup> Феодот (Мартемьянов) — иеромонах, уставщик и благочинный Оптиной пустыни. После закрытия монастыря в 1923 г. жил в Козельске. В 1930 г. арестован вместе с другими монахами и мирянами. Сослан в Архангельскую область.

болен. Иногда он вставал и молился. На столе лежали книги и бумаги, и все, как у барина. Всегда на столе лежал человеческий череп. Слушал он внимательно, и было заметно, что он в это время<sup>134</sup> как бы в размышлении. Раз я забыл прочесть „Богородицу“ перед шестопсалмием. Он заметил и сказал:

— А что же не прочел Богородицу? Читай.

Давал он мне за чтение рубль — по тому времени деньги большие, и, кажется, даже больше».<sup>135</sup>

Вскоре после смерти о. Иосифа, в конце 1918—начале 1919 года Дурылин, используя переданные ему М. В. Леонтьевой и о. Иосифом Фуделем материалы, начал работать над биографией Леонтьева. Об этом свидетельствует его дневник «Троицкие записки», открывающийся 18 декабря 1918 года словами: «Сейчас, утром, читая Лествицу, нашел место — сл(ово) 26, гл. 28 — до предела ясности — изъясняющее Леонтьева, захотелось вписать его к биографии Л(еонтье)ва, в сборник, а там наткнулся на стихи Александрова<sup>136</sup> и на подпись под ними „Оптина Пустынь“». <sup>137</sup> Это место из «Лествицы» следующее: «Некоторые, не знаю почему (ибо я научился сво-

---

<sup>134</sup> *Зачеркнуто*: думает.

<sup>135</sup> РНБ. Ф. 872. К. 1. Ед. хр. 31. Л. 11—12. Леонтьев жил в доме у северных врат Оптиной (*Поселянин Е. <Погожев Е. Н.>*) Константин Николаевич Леонтьев (Воспоминания). М., 1900. С. 33—36. Ср.: *Дурылин С. Н.* В своем углу. XI. 11 // МД. 265/21. Л. 27.

<sup>136</sup> Имеется в виду стихотворение «Оптина Пустынь» («Среди лесов, в стране далекой и глухой...», датированное 23 июля 1889 г. (*Александров А. А.* Стихотворения, посвященные К. Н. Леонтьеву // Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 160—161). (По нашему же мнению, исходя из контекста (Лествица), можно предположить, что Дурылин откликается на акrostих княгине М. В. Вяземской, написанный Александровым от лица Леонтьева 31 июля 1889 г. (Там же. С. 161—162). В нем особенно важна тема преодоления собственной природы и указание на «одно, что прочно, неизменно»: «Я вам скажу его: *то веры свет нетленной...*» — *Примеч. отв. ред.*) Анатолий Александрович Александров (1861—1930) — журналист и общественный деятель, редактор журнала «Русское обозрение», окончил Ломоносовскую семинарию при Катовском лицее, посещал «пятницы» проф. П. Е. Астафьева (где бывали Леонтьев и Соловьев), а в 1883—1884 гг. стал одним из учеников Леонтьева. См. о нем: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 533—561 (ч. III, гл. III и по указателю).

<sup>137</sup> МД. 2057/1. Л. 3.

им мнением любопытствовать и испытывать о дарованиях Божиих), так сказать, по природе наклонны к воздержанности, или к безмолвничеству, или к чистоте, или к скромности, или к кротости, или к умилению. У других же самая почти природа сопротивляется сим добрым качествам, но они насильно принуждают себя к оным, и, хотя иногда и побеждаются, однако их, как понудителей естества, я похваляю больше первых».<sup>138</sup>

Судя по этому дневнику, Дурылин копировал переданные ему о. Иосифом Фуделем и М. В. Леонтьевой леонтьевские письма, все еще думая издать «Московский сборник», и одновременно принялся писать те самые мемуары об о. Иосифе, что цитировались нами выше:

10 января: «Сережа (С. И. Фудель — Т. Р.) привез Леонтьевские бумаги. Мы просматривали <...>. Вечер весь проговорили на темы политико-апокалипсические. „В Сереже — внука Л<еонть>ва“ видимо-невидимо <...>. Вечером 9-го я читал письма К<онстантина> Н<иколаевича> к о. Иос<ифу>. Глубокомыслие, обычное для Л<еонть>ва, в них соединено с нежностью, с самой глубинной откровенностью и силой».<sup>139</sup>

12 января: «Опоздал ко всенощной. Стоял и думал. Когда иеродиакон проходил мимо со свечой: — словами из переписанного мною письма Л<еонть>ва к о. И<осифу>: „близок тот «запах ладона» и видна та «чорная ряса», без которых я уже и жить не могу“».<sup>140</sup>

15 января: «Писал об о. Иосифе. Переписывал Опись,<sup>141</sup> к<отор>ую Коллегия решила издать, и письма Л<еонть>ва».<sup>142</sup>

27 января: «Я попросил благословения (игумена Порфирия.<sup>143</sup> — Т. Р.) писать Леонтьева и в ответ услышал: „Я его помню очень хо-

---

<sup>138</sup> Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. 5-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 180—181.

<sup>139</sup> Дурылин С. Н. Троицкие записки // МД. 2057/1. Л. 18—20 об.

<sup>140</sup> Там же. Л. 21 об. <Цитируется письмо Леонтьева от 5 сентября 1891 г. («Преемство от отцов». С. 326). — Примеч. отв. ред.>

<sup>141</sup> Имеется в виду опись храмов Троицкого, Успенского и преп. Никола Троице-Сергиевой лавры 1642 года, которую Дурылин подготовил к публикации (см.: Архив Сергиево-Посадского Музея Заповедника. Инв. ОХ. Оп. 1. Д. 5).

<sup>142</sup> Дурылин С. Н. Троицкие записки // МД. 2057/1. Л. 22 об.

<sup>143</sup> Порфирий (в миру Петр Кондратьевич Горшков; 1867—1930-е) — игумен, старец и духовник Черниговского и Гефсиманского

рошо. Он очень часто бывал у батюшки о. Варнавы. Он был в тайном постриге. Мы знали это. Можно. Пиши. Почитаем“».<sup>144</sup>

27 января: «К вечерней панихиде собрались сначала Александровы.<sup>145</sup> Говорили о Леонтьеве. Он называл Страховское „Мир как целое“ — „Мир как круглое“. Считал Страхова лукавым за то, что тот в глаза его хвалил безмерно, а никогда ни строки не написал в печати, и вообще, лукавство Страхова было еще и в том, что он печатно боялся высказываться до конца, не был прям. Филарета Л(еонтьев) чтит безмерно; „Филаретовское богословие“ было для него единств(енно) православное. Тургеневские письма к Л(еонтьев)ву в „Рус(ской) М(ысли)“ (18)80-х гг.<sup>146</sup> На них возражал Грингмут в Гражданине, под псевд(онимом).<sup>147</sup> У А(лександр-

скитов Троице-Сергиевой лавры. Послушник Троице-Сергиевой лавры (1892—1900) и келейник преп. Варнавы Гефсиманского, в 1910 г. он был рукоположен во иеромонаха. В конце жизни Святейшего патриарха Тихона был его духовником. В 1922 г. привлечался по делу насельников подворья Троице-Сергиевой лавры в Москве, заключен в тюрьму, освобожден, вернулся в Гефсиманский скит. После закрытия скита жил в Москве у своих духовных детей, скончался в Москве. См.: *Кривошеева Н. А.* Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 226—299; Записки священника Сергия Сидорова... С. 91—92.

<sup>144</sup> *Дурылин С. Н.* Троицкие записки // МД. 2057/1. Л. 33 об. (запись от 27 января 1919 г.).

<sup>145</sup> 27 января ст. ст. был четвертым днем со дня смерти Розанова (23 января). Речь идет о сборе на вечернюю панихиду в доме Розанова, которую служил о. Павел Флоренский.

<sup>146</sup> Письма И. С. Тургенева к К. Н. Леонтьеву (1851—876) // *Русская мысль*. 1886. Дек. С. 62—87. В последнем письме от 16 (4) мая 1876 г. Тургенев посоветовал Леонтьеву, уже опубликовавшему «Из жизни христиан в Турции», «Панславизм и греки», «Византизм и Славянство», заняться составлением «ученых, этнографических сочинений», и в конце письма написал, что беллетристика — не его призвание (Там же. С. 87).

<sup>147</sup> В. А. Грингмут, возмущенный близорукостью Тургенева, писал, что Леонтьева и нельзя назвать беллетристом, что «талант Леонтьева слишком крупен и самороден, слишком, так сказать, первобытно стихичен при величайшей красоте внешней отделки, чтобы соответствовать тому легковесному содержанию, которое возникает в нашем, по крайней мере, воображении при вычурном слове „беллетристика“». Да, мы еще раз повторяем, Леонтьев не беллетрист, а *поэт*, одаренный высоким эстетическим чутьем и удивительно способностью оживлять для нас до полной осязаемости свои поэтические образы» (*Р. К. <Грингмут В. А.>* Леонтьев как беллетрист // *Гражданин*. 1887. 5 февр. № 11. С. 6).

ро)ва письма Розанова к Л(еонтьеву):<sup>148</sup> Александровы курили в столовой, передавая друг другу папироски».<sup>149</sup>

17 февраля: Из письма о. Анатолия: «Если представляют интерес письма К. Н. Леонтьева, то трудитесь, но о сем переговорите с мудрыми и учеными мужами».<sup>150</sup>

24 февраля: «Читал Платонова и переписывал письма Л(еонтьев)а, грустные. А Н. Ив(анов)на<sup>151</sup> пишет: удивляется, как его не знали и не знают. — И не будут знать: его страшно знать. Это писатель великого одиночества, и карающий (или дарящий, что одно и то же) — великим одиночеством того, кто его любит и в ком он всколыхнет „леонтьевское“».<sup>152</sup>

7 марта: «Письмо от Сережи. Он в Орле у Марьи Вл(адимировны), она в его веденье отдала все леонт(ьевские) бумаги».<sup>153</sup>

28 марта: «Как велик труд христианина в мире. Оттого и люблю Леонтьева, что он — весь в этом. В этом тайна — отчего его принял в себя монастырь, а какого другого — ни Хомякова, ни Достоевского, ни Соловьева — не принял».<sup>154</sup>

31 мая: «Я опять переписываю письма Леонтьева».<sup>155</sup>

4 июня: «...переписывал письма Л(еонтьева) к Н. Я. Соловьеву».<sup>156</sup>

5 июня: «Утром помолился, все вычитал, потом переписывал Леонтьева...»<sup>157</sup>

8 июня: «Переписывал Леонтьева».<sup>158</sup>

Дневники Дурылина середины—конца 1910-х годов свидетельствуют о том, как сильно в нем было в тот период стремление к монашеству. Он обсуждал с епископом Феодором Поздеевским<sup>159</sup> и

---

<sup>148</sup> Судя по всему, Дурылин доступа к этим письмам не получил. Они поступили в РГАЛИ в составе фонда Леонтьева (Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 49).

<sup>149</sup> Дурылин С. Н. Троицкие записки // МД. 2057/1. Л. 32. Ср.: Дурылин С. Н. В своем углу. III. 40 // Там же. 265 / 5. Л. 32—33.

<sup>150</sup> МД. 2057/1 Л. 42.

<sup>151</sup> Лицо установить не удалось.

<sup>152</sup> Там же. Л. 53 об.

<sup>153</sup> Там же. Л. 55.

<sup>154</sup> Там же. Л. 67.

<sup>155</sup> Там же. Л. 78 об.

<sup>156</sup> Там же. Л. 79.

<sup>157</sup> Там же. Л. 79 об.

<sup>158</sup> Там же. Л. 80.

<sup>159</sup> Их знакомство произошло в новоселовском кружке.

старцем Анатолием различные варианты своей судьбы: речь шла о поступлении в Оптину или в Данилов монастырь,<sup>160</sup> Киевскую или Московскую духовную академию. Однако окончательного благословения на монашество он не получил, а 20 марта 1920 г. был рукоположен (целибат) во иерея епископом Феодором.

Сначала Дурьлин служил в Никольском храме на Маросейке, где настоятелем был св. прав. Алексей Мечев, а затем перешел в часовню в честь Боголюбской иконы Божией Матери на Варварской площади. Все время своего иерейского служения (1920—1922) Дурьлин по благословению отца Алексея вел духовные беседы и лекции, не прерывая своей научной работы. В рукописях Дурьлина есть прямые указания на то, что он собирался продолжить издание начатого о. Иосифом Фуделем собрания сочинений Леонтьева. Не оставяя он планов написания биографии Леонтьева.

Постепенно у Дурьлина собирается значительный леонтьевский фонд, который вместе с остальным архивом был передан в РГАЛИ. В фонде Дурьлина в РГАЛИ (ф. 2980) хранятся автографы леонтьевской статьи «Противоцерковность Курского дворянского банка» и завещания «Мои посмертные желания». Среди других документов романы «От осени до осени» (копия М. В. Леонтьевой; автограф хранится в ГЛМ), «Две избранницы» (это единственная сохранившаяся вторая часть романа в копии М. В. Леонтьевой, В. М. Эбермана и неустановленного лица (возможно, Е. В. Самбикиной)<sup>161</sup>), записка «Хронология моей жизни» (автограф неизвестен, сохранилась лишь копия М. В. Леонтьевой).<sup>162</sup> Среди писем Леонтьева в автографах сохранились: письма Э. К. Вытропскому, М. В. Леонтьевой, Н. Я. Соловьеву, схигуменье Софии (Болотовой), Н. А. Уманову, И. И. Фуделю, в копиях разных лиц: А. А. Краевскому, Ф. П. Леонтьевой, А. А. Фету, Т. И. Филиппову, Н. Соловьеву, Фуделю, кн. Д. Н. Цертелеву. Из писем к Леонтьеву: в автографах — письма С. В. Залетова, В. Н. Леонтьева, М. В. Леонтьевой, Н. П. Лихарева, М. К. Ону, Филиппова, Фуделя, а в копиях — М. В. Ле-

---

<sup>160</sup> Епископ Феодор (Поздеевский) после Февральской революции был уволен с должности ректора Московской духовной академии и 1 мая 1917 г. назначен настоятелем Данилова монастыря.

<sup>161</sup> См.: Котельников В. А., Фетисенко О. Л. Комментарии // Леонтьев. Т. 5. С. 792.

<sup>162</sup> Там же. Т. 6, кн. 2. С. 641.

онтъевой (рукой Е. В. Гениевой),<sup>163</sup> Филиппова, Фуделя. У Дурылина сохранились также автографы воспоминаний М. В. Леонтьевой «Леонтьев в Турции», «Янина», «Как проводили время в Кудинове», «(Отрывок о детстве К. Леонтьева)», о. Иосифа Фуделя «Мое знакомство с К. Леонтьевым».

В доме-музее Дурылина сохранилась составленная им опись части этих материалов:

#### «Папки Леонтьева

1. Желтовато-серая с золотом — письма Леонтьева к матери, Фету, Гагарину, Новиковой, Замараеву, Тургеневу, Краевскому.

2. *Черная длинная* (с цветочками) — переписка с Филипповым.

3. *Синяя картонная* — статьи (с цветочками) — статьи автобиографические и роман Леонтьева (автографы и копии Марьи Владимировны Леонтьевой и др.).

4. *Черная обычная* с завязками — воспоминания М. В. Леонтьевой и Фуделя, и статьи мои и С. Раевского (все). Письма М. В. Леонтьевой ко мне.

5. *Малая черная папка новая*. Письма Леонтьева (оригиналы и копии) к Оптинским монахам, к Фуделю, Н. Я. Соловьеву (только копии), Уманову, Суворину. Письма М. В. Леонтьевой к К. Н. Леонтьеву. — Письма Фуделя к Леонтьеву, письма Ф. П. Леонтьевой к М. В. Леонтьевой.

№ 6. *Большая папка*. Оттиски статей о Леонтьеве и Данилевском и Леонтьева. Брошюры его друзей. Фудель. Биография Леонтьева.

№ 7. *Дублет*. „Путь Леонтьева“ Раевского.<sup>164</sup> Статья о „Подлипках“. Копии писем Филиппова. Копии „Моих посмертных желаний“ и аттестата (Конторская книга в желтой картонной папке).

Без номера. Книга конторская (копии: Две избранницы, От осени до осени и др.). — Большое письмо к Фуделю. Много других материалов (рукою М(арии)А(лександровны)).

---

<sup>163</sup> Елена Васильевна Гениева (урожд. Кирсанова; 1891—1979) — прихожанка храма свт. Николая на Маросейке, переводчица, близкий друг и корреспондент Дурылина. Их переписка недавно опубликована: «Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка Сергея Николаевича Дурылина и Елены Васильевны Гениевой. М., 2010 (далее сокращенно: Письма к Гениевой).

<sup>164</sup> Один из псевдонимов Дурылина.



№ 8. *Большая синяя с цветочками папка. Печат⟨ныс⟩ Сочинения Леонтьева с автографами его.* — Данилевский. Россия и Европа. С авт⟨ографами⟩ Леонтьева и Страхова. — *Авва Дорофей* с автогр⟨афом⟩ Леонтьева. — „Климент ⟨Зедергольм⟩“ 1 и 2 изд⟨ания⟩ с авт⟨ографами⟩<sup>165</sup> — „Наши новые христиане“. — „О Вл. Соловьеве“. — Зедергольм „Катон“. Статьи о Леонтьеве. — Агеев». <sup>166</sup>

Любопытна и важна для леонтьеведов и сохраненная Дурылиным запись Г. В. Постникова:

### *Цели ли?*

#### *Были переданы:*

- |  |  |
|--|--|
| 1) Биографическая канва. <sup>167</sup>                          | Имею второй экземпляр  |
| 2) Письма к Н. Я. Соловьеву                                      | С <i>некоторых</i> снял копию  |
| 3) Письма к о. И. Фудель (3 больших пачки) и письма о. И. Фуделя | С <i>некоторых</i> имею копии  |
| 4) Записки М. В. Леонтьевой                                      | Полного текста не имею. Есть только отрывки в разрозненных копиях и черновиках |
| 5) Моя литературная судьба                                       | Имею <i>неполный</i> список, писанный рукой М. Вл.                             |
| 6. Письма к матери   | <i>Не имею</i> , за отдельными исключениями                                    |
| 7) Исповедь  | Имею свой экземпляр  |
| 8) Две избранницы  | Имею копию, не очень точную.   |
| 9) Письма к Вл. Вл. Леонтьеву <sup>168</sup> (одна пачка)        | Имею экземпляр, но не знаю, насколько полный                                   |

<sup>165</sup> Эти две книги хранятся в РГАЛИ в фонде Дурылина.

<sup>166</sup> МД. 2075/54. Л. 1—1 об.

<sup>167</sup> По предположению Г. Б. Кремнева, имеется в виду «Хронология моей жизни», по предположению О. Л. Фетисенко — записка «Биографическое кое-что», местонахождение которой в настоящее время неизвестно (упоминается в рабочих записях о. Иосифа Фуделя; см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты». С. 730).

<sup>168</sup> В. В. Леонтьев — племянник Леонтьева, младший брат М. В. Леонтьевой. Письма к нему хранятся в ГЛМ.

- 10) Конверт с письмами Страхову (напечат.) о Вл. Соловьеве). См. статью о И. Фудель. Русск(ая) мысль. Есть.
- 11) Материалы для биографии, составленные о И. Фудель. Не помню, что такое. Не имею никакой копии.

1) Где роман «От осени до осени»?

2) Где письма к Т. Филиппову.

3) Где 1-ый том Хомякова с пометами К. Н.?

Сверх того из полученных мною от М. В. имею:

1) Письма разных лиц к К. Н. Леонтьеву, *данные мне*

2) Рукописи: Мои дела с Тургеневым (т. IX) и писем к Вл. Соловьеву о национализме (т. VI), писанные рукой М. В. и *данные мне*.

3) Рукопись: Мое обращение (т. IX) рукой М. Вл. — не моя. Могу передать.

4) Где отыскать мои сочинения (2 печатных листка с карандашными пометами).

Наконец имею

4 страницы на машинке *без конца* «Воспоминания о К. Н. о. И. Фудель. Письмо к С. Н. Д(урылину)». <sup>169</sup>

Темы конца времен, прекращения настоящего, истинного времени и наступления безвременья не сходят со страниц дурылинских текстов начала 20-х годов. Так, эта мысль была отчетливо высказана Дурылиным в черновом варианте его слова на панихиде по о. Иосифу 15 октября 1921 года:

«Возвестив о том, что мир преходит, и о том, что „творящий волю Божию пребывает во век“, Апостол любви предваряет верных: „Дети, последняя година: и якоже слышасте яко антихрист грядет, и ныне антихристы мнози быша. От его разумеваем яко последний час есть“. Мысль о конце, о скором исполнении времен, была одной из основных, глубочайших мыслей отца Иосифа в последние месяцы жизни, с этой мыслию озирает он все, что проходило перед ним в безумном мятеже современной жизни, мысли, действовании, — но он воистину был творящий волю Божию, и потому не отчаяние, не тоску и мятеж душевный вселяла в него эта мысль, — а глубокую покорность воле Божией, — а

<sup>169</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1050. Л. 1—1 об.

через нее тихую примиренность, — тот „мир мног“, который единый даешь Ты, Господи, — „любящим закон Твой“ <...>. В этом мире, тишайшем, глубоком, непорушимом, который Христос дает нам, предал о. Иосиф душу Богу, от Которого и получил этот мир. Его пребывание земное окончилось, — пришло пребывание и в веки, и в величии, мудрости, красоте этого пребывания разрешены все скорби от горестного образа прехождения мира сего. Будем молиться сегод<ня> у его могилы. У его могилы, дорогой нам, его родным, друзьям, сомышленникам, ученикам. Есть две родные могилы: к одной — проложена широчайшая народная тропа всей верующей России — и неугасимая лампада любви и веры народной теплится перед ней, другая — безвестная, забытая, ныне лишь немногими вспоминаемая могила в скиту. Первая — велик<ого> старца иеросхим<онаха> Амвросия, вторая — безвестного монаха Климента, бывш<его> в мире Константина Л<еонтьевым>. И вот третья могила — деревянный простой крест в Новодевичьем м<онасты>ре с надписью: „О<тец> пр<отоиерей> И<осиф> Ф<удель>“. Естественная связь между ними, и общую память хочется говорить над ними. Все трое — великий старец-подвижник, гениальный писатель и приснопамятный пастырь, исповедовали, несмотря на все презрение и смех мира сего, — апостольское упование: „преходит образ мира сего“. Великий Старец в течение полувека словом, примером, любовью, молитвой, пособием учил Россию от царс<кого> дворца до юродивого взыскивать образ нетленный, — велик<ий> писатель — всей силой самоотверженной мысли разоблачал многообразные, обольстительные образы мнимой прочности и нерушимости града здесь пребывающего, смиренный пастырь, — послушник великого старца и ученик и духов<ный> наследник вели<кого> писателя, спасал души человеческие от безумной веры в мир преходящий и открывал им спасительную жизнь „праведника, пребывающего во веки“.

И вот прешел ныне образ мира сего. Нет более той России, которую любили старец Амвросий и К. Л<еонтьев>. Уже не уединенные незнаемые мыслители, не скитские затворники повторяют с Апостолом вместе: „Последняя година. Ныне антихристы мнози быша“, а те самые, кто недавно еще верил в вечное пребывание мира. И чем сильнее, на этом во огне совершившемся прехождении, — самого дорогого нам мира, родной страны, народа родного, — тем сильнее звучит апостольское обетование: „Творяй волю Божию пребывает во веки“ — Во истину *пребывает*, тогда

как все преходит, — и во истину, во век, — т⟨ак⟩ как все на время, на дни, на мгновения».<sup>170</sup>

В начале 1921 года Дурылин начинает работать над монографией «Религиозный путь К. Леонтьева», а летом завершает ее.<sup>171</sup> В это время мыслитель, возможно по приглашению Г. И. Чулкова или Бердяева, бывавших в храме на Маросейке, принимает участие в собраниях Вольной академии духовной культуры. Председателем ее был Бердяев, а среди членов Совета — Б. П. Вышеславцев, Б. А. Грифцов, П. С. Попов, Г. А. Рачинский, С. Л. Франк, Ф. А. Степун. Заседания ее проходили на квартире Бердяева.<sup>172</sup> «У Бердяева»<sup>173</sup> Дурылин сделал сообщение о Леонтьеве, приуроченное к 30-летию со дня смерти Леонтьева.<sup>174</sup> Точная дата чтения, равно как и сам текст, нам неизвестны. Но в сам день памяти, 12 ноября 1921 года, Дурылин написал фрагмент о Леонтьеве, ровно через 10 лет включенный мыслителем в тетрадь XIII а книги «В своем углу».<sup>175</sup> Этот фрагмент написан в стилистике предисловия Розанова к его переписке с Леонтьевым, но многократно повторяющийся образ «Алкивиада» здесь играет роль иллюстратора леонтьевской концепции формы: «...форма глубже расслоенная и разгруппированная и в то же время достаточно сосредоточенная в чем-нибудь общем и высшем — есть самая прочная и духовно-про-

---

<sup>170</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 63—64. Эта мысль в черновике проповеди выражена гораздо отчетливее, чем в беловом варианте (Там же. Ед. хр. 215).

<sup>171</sup> Начата 5 января, окончена 5 июня 1921 г.

<sup>172</sup> См.: *Галушкин А.* После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922—1923 гг. // *Исследования по истории русской мысли.* (1). Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997.

<sup>173</sup> *Дурылин С. Н.* В своем углу. XIII а // *МД.* 265-30. Л. 51.

<sup>174</sup> В Вольной философской ассоциации 30-летие смерти Леонтьева было отмечено: 13 ноября 1921 г. Р. В. Иванов-Разумник прочел вызвавший бурную дискуссию доклад «Достоевский, Леонтьев и идея мировой революции». Сохранившийся фрагмент его опубликован: Достоевский и К. Леонтьев: Дискуссия в «Вольфиле» / Предисл., публ. и коммент. А. В. Лаврова // *Достоевский: Материалы и исследования.* СПб., 2000. Т. 15. С. 407—462. 20 ноября 1921 г. на 108-м заседании Вольфилы доклад о Леонтьеве сделал П. К. Губер, вскоре издавший со своим предисловием книгу: *Леонтьев К. Н.* Страницы воспоминаний. Пг., 1922. См. также: *Белоус В. Г.* Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб., 2007.

<sup>175</sup> *МД.* 265-30. Л. 53—72.

изводительная, а форма смешанная и несосредоточенная — самая непрочная и духовно-бесплодная».<sup>176</sup> Чем сложнее внутренняя структура явления, чем разнороднее входящие в нее элементы, тем прочнее само явление; высшая точка развития характеризуется максимальной усложненностью структуры явления и максимальным антагонизмом формы и материи.

Для демонстрации леонтьевской мысли Дурьин стремится углубить пропасть, лежащую между Леонтьевым до обращения («Алкивиад в венке Дионисовом») и после обращения («инок» с часословом в руках). Между этими «двумя Леонтьевыми» нет моста, нет «прямого прохода, связующего вход с выходом».<sup>177</sup> Но одновременно обе половины его жизни едины, и для определения этого единства Дурьин использует определение образа Леонтьева, сделанное Л. Н. Толстым: «разбиватель стекол».<sup>178</sup> Леонтьев, «разбивающий стекла», «язвящий стеклами» читателя, и есть высшая точка развития, то есть искомое дисгармоничное единство,<sup>179</sup> возникающее лишь благодаря деспотической власти формы над материей. Леонтьев всегда «разбиватель стекол» — и до, и после обращения. Леонтьева не встретишь «на улице», в толпе, надо еще войти в «его лабиринт», «заглянуть за дверь», но это возможно сделать лишь «тайными ходами». Только уйдя с улицы в тишину, где совершается молитва и мысль, можно оказаться в Святой Руси, которой всецело принадлежит Леонтьев.<sup>180</sup>

Перечисляя друзей и врагов Леонтьева, Дурьин делает любопытное замечание, что «в последнее время» его удивили своей любовью к Леонтьеву один из основоположников Московской школы

---

<sup>176</sup> Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев. Т. 8, кн. 1. С. 202.

<sup>177</sup> МД. 265/30. Л. 64.

<sup>178</sup> Источник цитаты — слова Толстого, сказанные А. А. Александрову в 1888 г.: «Его повести из восточной жизни — прелесть. Я редко что читал с таким удовольствием. Что касается его статей, то он в них все точно стекла выбивает; но такие выбиватели стекол, как он, мне нравятся» (Александров А. Предисловие // Леонтьев К. О романах гр. Л. Толстого. Анализ, стиль и веяние. М., 1911. С. 7). См. также: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты». С. 34.

<sup>179</sup> Но, с точки зрения самого Леонтьева, гармоничное единство.

<sup>180</sup> В таком ключе образ «улицы» будет впоследствии использован Дурьинным в третьей части трилогии о Нестерове «Святая Русь» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 269).

теории функций Н. Н. Лузин<sup>181</sup> и филолог, последователь Л. Толстого, Н. Н. Гусев.<sup>182</sup> О Лузине можно предположить, что он, общавшийся с А. Ф. Лосевым,<sup>183</sup> мог познакомиться с творчеством Леонтьева через Г. В. Постникова.<sup>184</sup> Любовь Гусева к Леонтьеву сказалась уже в том, что по его приглашению Дурьилин прочел несколько лет спустя в Государственном музее Л. Н. Толстого доклад «Толстой и К. Леонтьев».

21—31 января 1922 года Дурьилин написал, а 2 февраля прочел большой доклад «Религиозный путь Константина Леонтьева», на этот раз уже, по словам Дурьилина, «в Академии». Сохранился не только автограф доклада, но и копия, сделанная рукой Е. В. Гениевой.<sup>185</sup> План его был следующим:

---

<sup>181</sup> Н. Н. Лузин (1883—1950) испытывал огромный интерес к религиозной философии, тесно общался с о. Павлом Флоренским и не раз возвращался к книге «Столп и утверждение истины». См.: Переписка Н. Н. Лузина с П. А. Флоренским / Публ. и примеч. С. С. Демидова, А. Н. Паршина, С. М. Половинкина // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31.

<sup>182</sup> Николай Николаевич Гусев (1882—1967) — литературовед, личный секретарь Толстого (1907—1909), директор Музея Л. Н. Толстого в Москве (1925—1931) и его биограф; друг и корреспондент Дурьилина. Знакомство с Гусевым в Рязани в 1903 г. привело Дурьилина в толстовское издательство «Посредник» и журнал «Свободное воспитание», а позже — в журнал «Новая земля». См.: Переписка Н. Н. Гусева с С. Н. Дурьилиным // МД. 525/45-46, 525/106.

<sup>183</sup> Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 1997. С. 89.

<sup>184</sup> Георгий Васильевич Постников (1891—1938) — сын прот. В. И. Постникова, математик по образованию, друг Дурьилина с начала 1910-х гг. (Дурьилин посвятил ему работу «Град Софии»), хранитель части архива Леонтьева, знакомый и корреспондент М. В. Леонтьевой. Близко знал Лосева, Лузина, о. Павла Флоренского. Работал в ВСНХ. После второго ареста расстрелян на Бутовском полигоне. Через посредство о. Иосифа Фуделя Постников, скорее всего, и получил доступ к архиву Леонтьева. Из собрания Постникова образован фонд Леонтьева в Государственном литературном музее («фуделевская» часть собрания оказалась в РГАЛИ). Он был передан туда его сыном, математиком А. Г. Постниковым. На квартире Постниковых, которая находилась на Ваганьковском кладбище, где о. Василий был настоятелем храма в честь Воскресения Словущего, Дурьилин жил в 1916 г. См.: Матюшин С., *церей*. Священное Ваганьково. М., 2007. С. 168—175; Тахо-Годи А. А. Лосев. С. 125

<sup>185</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 160 (черновой автограф); Ед. хр. 161 (запись, сделанная Е. В. Гениевой).

- «1. Язычество и „ничи́еанство“ Леонтьева.
2. Обращение Леонтьева.
3. Афон и Оптина Пустынь.
4. Монашество в христианстве Леонтьева.
5. „Мое православие афонское, оптинское, философское“ (слова К. Леонтьева).
6. Судьба Леонтьева».<sup>186</sup>

Доклад этот был продолжением двух первых работ Дурылина, повторяя то, что уже говорилось в них о значении религиозного обращения Леонтьева, но намного резче. Здесь развивались мотивы, обозначенные в эссеистической форме во фрагменте от 12 ноября 1921 года. Докладчик стремился подчеркнуть своеобразие Леонтьева как до, так и после его обращения. До обращения — «сильнее Ницше», не «язычник из числа последних язычников эпохи торжествующего христианства», а «язычник, никогда не знавший слова „Христос“», после обращения — «верующий как простец-монах», читающий с живым интересом свт. Иоанна Златоуста. На фоне этого различия становится рельефной главная идея этого текста: противопоставление соловьевской и леонтьевской линий в русской мысли. Это противопоставление было вполне естественным результатом развития дурылинской мысли в сторону эсхатологии. Здесь уже ни слова не было о позднем Соловьеве. Более того, докладчик полагал, что если поздний Соловьев и переменял «душевное настроение», осознав гибельность прогресса и близкий конец всего, то его наследники развивали его более ранние «гностико-оптимистические» идеи. Соловьев внес в русскую философию нехристианские учения: платонизм, софиологию, хилязм, гностицизм, оригенизм, а вместе с ними и «проекты всеобщего спасения». Дурылин утверждал, что именно соловьевская историософия с ее хилязмом является источником появления «нового религиозного сознания»,<sup>187</sup> «христианизированного дионисизма» Вяч. Иванова, «насыщенного тончайшей гностикой» Православия Флоренского, «софийного Православия» Булгакова.

В РГАЛИ сохранилась запись прений по докладу, названная Дурылиным «Мое чтение 2 февраля и возражения мне», предваряемая любопытным фрагментом, в котором сжато сформулирована эта

<sup>186</sup> Там же. Оп. 2. Ед. хр. 249. Л. 1.

<sup>187</sup> Д. С. Мережковский всегда дистанцировался от Соловьева. См., например, его статью «Немой пророк» в его сборнике «В тихом омуте» (СПб., 1908).

идея: «Оригенизм совр⟨ременной⟩ философии — у Вл. С⟨оловьёва⟩,<sup>188</sup> Труб⟨ецкого⟩, Флор⟨енского⟩, Берд⟨яева⟩ — коего нет и следа у Леонтьева, происходит от того, что они не научены Страху Божию — в форме страха ада — идея загроб⟨ной⟩ жизни и воздаяния им чужда. Кажд⟨ый⟩ из них старается „обойти ад“, обойтись без него. Все любовь да любовь — как же ад? Тр⟨убецкой⟩ сводит адс⟨кие⟩ мучения до 1 минуты, Фл⟨оренский⟩ придумал хитрое разделение: но ему понадобился Геркулесов призрак в Раю и сам Герк⟨улес⟩ в аду: сомнит⟨ельно⟩ даже в „Одиссее“.

[Рачинск⟨ий⟩ прямо — „иже во св. от⟨ца⟩ наш⟨его⟩ Оригена“. Св. Ориген — Фл⟨оренский⟩].<sup>189</sup>

Л⟨еонтьеву⟩ чужды основные современные религ⟨иозно⟩-фил⟨ософские⟩ идеи:

1) София.

2) Оригенизм

3) Анти-аскетизм — со сплошным приятием мира, с постройкой мостов между Богом и миром, — с благополучным соединением несоединимого, — вся т. н. христиан⟨ская⟩ общественность, все булгаково-флоренское внесение в хр⟨истианст⟩во, под рясой, античных статуй, оккульт⟨изма⟩, генеалогии, Пикассо и пр.».<sup>190</sup>

Дурылинское выступление запомнил и через много лет привел в своих мемуарах Ф. А. Степун: «Хорошо помню очень показательное по своей тенденции выступление одного из „мусагетовских юношей“ Сергея Николаевича Дурылина, принявшего весьма для меня

---

<sup>188</sup> Противопоставление Леонтьева Вл. Соловьёву неявно было высказано еще в докладе Бородаевского «О религиозной правде Константина Леонтьева». Тема критики софиологии, а вместе с ней и всего «соловьевского» направления — весьма частый дурылинский мотив. Критикуемых же здесь оригенистских мотивов был не чужд до определенного времени сам Дурылин (см.: Дурылин С. Н. Жалостник // Русская мысль. 1917. Март), хотя потом и отрицал это (Дурылин С. Н. В своем углу. XIII. 8 // МД. 265/27. Л. 42). Идея о «соловьевском» и «леонтьевском» началах в русской религиозной мысли, но только с обратным знаком была воспринята С. И. Фуделем, называвшим «леонтьевское» «апокалиптикой страха и неприязни», а «соловьевское», наследованное о. Павлом Флоренским, — «апокалиптикой радости и любви» (Фудель С. И. Собр. соч. Т. 1. С. 42).

<sup>189</sup> Дурылин имеет в виду эпизод, когда о. Павел Флоренский нашел икону в Лаврской ризнице и, прочтя неверно надпись, решил, что это икона Оригена (Дурылин С. Н. Троицкие записки // МД. 2057/1. Л. 59).

<sup>190</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 1—1 об.



неожиданно священнический сан. В старенькой рясе, с тяжелым серебряным крестом на груди, он близоруко и немощно читал у Бердяева доклад о Константине Леонтьеве. Оставшись, очевидно, и после принятия сана утонченным эстетом, отец Сергей Дурьлин убежденно, но все же явно несправедливо возвеличивал этого, в глубине души скептического аристократа и тонкого ценителя экзотических красот жизни, лишь со страху перед смертью принявшего монашество, за счет утописта, либерала и всепримирителя Соловьева.

Соловьевской веры в возможность спасения христианством в докладе Дурьлина не чувствовалось. Речь шла уже не о том, как обновленным христианством спасти мир, а лишь о том, как бы древним христианством заслониться от мира».<sup>191</sup>

Возможно, к обсуждению этого доклада относятся слова Дурьлина, записанные в марте 1926 года:

«Бедный Леонтьев!

После чтения отрывка об его пребывании на Афоне мне сказал Чулков: У Л(еонтьева) не было вкуса!

Н. Бруни<sup>192</sup> повторил то же самое.

Леонтьев — без „вкуса“!

Ах, как мы им богаты!»<sup>193</sup>

Очевидно, в Вольной Академии духовной культуры обсуждалась тема «Леонтьев и Шпенглер». 9 (22) марта 1922 года Дурьлин записал в дневнике о совете Чулкова написать о Леонтьеве и Шпенглере.<sup>194</sup> Видимо, этот доклад он сделал, поскольку уже 21 марта (3 апреля) появляется запись: «В посл(едний) раз я о Леонтьеве и Шпенглере».<sup>195</sup> Местонахождение этого текста неизвестно. В начале того года в Москве вышел сборник бывших участников Вольной академии духовной культуры «Освальд Шпенглер и Закат Европы», предисловие к которому датировано декабрем 1921 года. В вошедшей в этот сборник статье «Предсмертные мысли Фауста» Бердяев называет Леонтьева прямым предшественником Шпенглера. Прочтя сборник, М. В. Леонтьева заметила: «Не досадно ли, что

<sup>191</sup> Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. II. С. 271—272.

<sup>192</sup> Николай Александрович Бруни (1856—1938) — священник, хужожник, переводчик, авиаконструктор. Репрессирован и расстрелян.

<sup>193</sup> Дурьлин С. Н. В своем углу. III. 59 // МД. 265/5. Л. 51.

<sup>194</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 2.

<sup>195</sup> Там же. Л. 4 об.

Шпенглер никогда не узнал, что был русский мыслитель, дошедший до его воззрений при глубокой вере?»<sup>196</sup>

Как свидетельствует дурюлинский дневник, сразу после Пасхи в храме Боголюбской иконы произошло изъятие церковных ценностей,<sup>197</sup> а 12 июля 1922 года Дурюлин был арестован в связи с кампанией по насаждению обновленчества в Церкви. Сначала он был посажен во Внутреннюю тюрьму ГПУ, затем во Владимирскую тюрьму, а после отправлен в ссылку в Челябинск.<sup>198</sup> Во Владимирской тюрьме именно ко дню памяти Леонтьева Дурюлин написал рассказ-притчу «В те дни» (датирован 9—11 ноября 1922 года).<sup>199</sup>

Несколько монахов бегут из разоренного монастыря на Север, в «пустыню», в «место тихое», на остров, где царит белая ночь. С ними уходит и иеросхимонах Пафнутий, прототипами которого могли послужить старцы Анатолий Оптинский и Алексей Мечев. Рассказ ведется от имени духовного чада старца, «млада отроча», послушника. Связь человека с Богом уже нарушена, поскольку Россия-феномен разорвала свою связь с Русью-ноуменом, храмы закрыты и служба прекращена. Однако Дурюлин размышлял не только над проблемой смысла истории, но и над вопросом смысла природы. Если человечество отошло от Бога, то не может отойти и никогда не отойдет от Бога природа. Еще жива укорененность природы в Боге, тварь хранит софийное, идеальное начало. Дурюлин, противопоставляя природу человеку, с любовью описывает северную природу, служащую Богу: птиц, хвалящих Творца, благоухающие цветы, тихие и светлые ночи, пчел, Божьих работниц (эти образы обоженой твари наполняют многие его стихи, прежде всего цикл «Венец лета», и будут появляться в его прозе 20-х годов).<sup>200</sup> Однако старец Пафнутий

---

<sup>196</sup> Леонтьева М. В. Письмо Г. В. Постникову от 19 июня 1922 // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 352. Л. 10.

<sup>197</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 7 об. Запись от 11 (24) апреля.

<sup>198</sup> Макаров В. Г. «Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти» (по материалам следственных дел в отношении С. Н. Дурюлина 1922 и 1927 годов) // Сергей Дурюлин и его время. Кн. 1. С. 35—49.

<sup>199</sup> Не исключено, что Дурюлин знал апокалиптическую повесть Л. А. Тихомирова «В последние дни» (1919—1920). См.: Тихомиров Л. В последние дни. М., 2004.

<sup>200</sup> Тема святости, «неповрежденности» природы имеет источником традицию духовных стихов.

видит оскудение и в природе, обращение мира Божьего в пустоту. «Немирный», «грустный» монах Никифор (в образе угадываются черты Леонтьева) мучим вопросом о Русской земле: «будет ли Светлый день на Русской земле», «будет ли с ангелами Российская земля христосоваться?»<sup>201</sup> Непрерывно размышляет он о судьбах России, не в силах смириться с окончательным отпадением ее от Бога, не в силах верить и в ее возрождение. Отшельники отслужили Пасху в своей убогой хижине. В Светлый Вторник старец открыл им видение: невидимая Церковь во главе со святыми, от митрополита Михаила Киевского и до московского блаженного Василия, служит Пасху в «великих и дивных храмах», полных народа, а зримая Русская земля пребывает во мраке. Храмы пусты, «и лишь слабые и малые огни в лесах и дебрях и городах, утаенные и робкие, восходили к небу с пасхальным исповеданием: „Христос воскрес!“»<sup>202</sup> Рассказ завершается совершением панихиды по России и по русской Церкви, но не по Церкви невидимой. Его финал служит иллюстрацией известных слов Леонтьева: «Хотя Православие для меня самого есть Вечная Истина, но все-таки в земном смысле оно и в России может иссякнуть. Истинная Церковь будет и там, где останется три человека. Церковь Вечна, но Россия не вечна и, лишившись Православия, она погибнет. Не сила России нужна Церкви, сила Церкви необходима России; Церковь истинная, духовная — везде. Она может переселиться в Китай; и западные европейцы были до IX и XI века православными, а потом изменили истинной Церкви!»<sup>203</sup>

К жанру религиозно-философских текстов Дурьлин после 1918 года прибегал все реже. Однако это не значит, что тема конца времен ушла из его творчества. Складывается впечатление, что мыслитель ощущал современную ему эпоху как Лаодикийскую, если говорить в терминах Тихомирова. Это становится ясным при чтении некоторых исследований,<sup>204</sup> прозы (притча «Четвертый волхв» (1923), повесть «Сударь-кот» (1924), хроники «Колокола» (1928) и «Чертог памяти моей. Записки Ельчанинова» (1928, неоконче-

---

<sup>201</sup> Раевский С. <Дурьлин С. Н.>. В те дни // Московский журнал. 1991. № 8. С. 25.

<sup>202</sup> Там же. С. 26.

<sup>203</sup> Леонтьев К. Н. Моя исповедь // Леонтьев. Т. 6, кн. 1. С. 233.

<sup>204</sup> См., в частности, третью часть исследования «Заметки о Нестерове. (Впечатления, размышления, домыслы)» «Святая Русь», написанная в декабре 1923—феврале 1924 года.

на)), записок мемуарно-дневникового характера «В своем углу» (1924—1944)<sup>205</sup> и воспоминаний «В родном углу» (1928—1954). Так, тема окончания литературы, словесности, «Слова» как такового, переходящая из тетради в тетрадь записок «В своем углу», есть не что иное, как та же тема конца истории. Поэтому Леонтьев, «надев одеяние, наиболее подходящее для катакомб, ушел», ушел не только из литературы.<sup>206</sup> Апокалиптический смысл имеет и мотив бездушности окружающего со всех сторон социального «бывания» («Царьград и Тихий Океан ушли теперь, даже как мечтание...»<sup>207</sup>), которому Дурылин может только пожелать: «И пусть будет у этого „столпа“ такой же конец, как у Вавилонского».<sup>208</sup>

Несмотря на то что книга «В своем углу» с самого начала задумывалась не для читателя, «ни для кого», напрямую на тему о конце света мыслитель говорит крайне редко. Но можно привести декабрьскую запись 1926 года, где Дурылин приводит цитату из книги А. Беляева «О безбожии и Антихристе».<sup>209</sup> Речь идет о «клочке» из пастырского послания «берлинского супер-интенданта к его духовенству, писанного в конце XIX в.»: «„Упадок церковной жизни необыкновенно велик. Множество церквей посещается лишь немногими, и большинство населения заботится исключительно о временном и земном. Молитва в домах замолкла. Слово Божие не читается и еще менее исполняется. Число некрещеных детей и невенчаных браков до ужаса велико. Благочестие и уважение к божественному и человеческому порядку сокращаются, и суды Божии не принимаются в соображение и не понимаются. Теперь не о богословских размышлениях, а о том: есть ли Бог? Есть ли у человека бессмертная душа и предстоит ли вечный суд?“ Точно про нас, про Россию 20-х гг. писано. Но вывода, — подчеркнутого вывода супер-интенданта, — батюшки и ревнители наши не делают и не сделают до тех пор, пока не окажутся „на реках Вавилонских“, — все, до одного все, — перед запертыми храмами. А пока... пока они предпочитают спорить с

---

<sup>205</sup> Мысли Дурылина о времени разбросаны по всему тексту книги «В своем углу» (см.: II. 8, 19, 70; III. 32; IV. 8, 9, 27, 56; V. 1; VII. 6, 22, 84, VIII. 1; IX. 19; X. 66; XI. 25, 38, 42, 66).

<sup>206</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. XI. 41 // МД. 265/21. Л. 143.

<sup>207</sup> Там же. VII. 21 // Там же. 265/13. Л. 20.

<sup>208</sup> Там же. XI. 24 // Там же. 265/21. Л. 81.

<sup>209</sup> Беляев А. Д. О безбожии и Антихристе. Сергиев Посад, 1898.

католиками и измерять особыми градусниками православность того, другого.

А вопрос идет просто об одном: вселенский ли замок куется на все храмы, или какая-нибудь дверца в храм всемирной веры в Бога будет еще оставлена. Только об этом вопрос».<sup>210</sup>

Перед высылкой в Челябинск (удалось добиться разрешения ехать своим ходом, а не по этапу) в конце 1922 года он отдал свой архив на хранение Т. А. Сидоровой-Буткевич: «Поручаю твоим заботам мое духовное наследство писательское. Храни его. Тут все, что я успел сделать. Тут Леонтьев. Тут Вас(илий) Васильевич. Тут вся моя мысль и работа. Многие из этого всего постепенно нужно издавать (...). Помни, что многое из хранящегося там имеет великое значение для русской культуры, я требую от тебя, как от старого, верного, понимающего друга, — самой постоянной сердечной заботы об этом наследстве, как обо мне самом. Я поручаю это тебе, и в этом моя любовь братская к тебе, мое чувство уважения, доверия, благодарности за давнюю беспорочную верную дружбу, за ненарушенную чистоту и верность, за духовное родство. Поручаю тебе, — зная, что Леля,<sup>211</sup> при всей его привязанности ко мне, слишком занят (...). Нужно озаботиться переписать рукописи — снять копии. На это очень пригодна Мария Ал-вна,<sup>212</sup> которую прошу тебя поддержать, помочь».<sup>213</sup>

В январе 1923 года Дурылин писал тому же адресату о книгах Леонтьева и его архиве как о живом человеке: «Как живет мой старый Константин Николаевич? Заботься о нем, береги его, тепло ли, удобно ли ему? Этот старик мне так родствен и дорог, что особенно прошу заботиться о нем и оберегать его от посетителей, которые могут расстроить его. Пусть он безвыходно сидит дома. У вас холода, наверное, меньше наших (у нас за 30° мороза), но все-таки большие: он легко простужается, а в 60 л(ет) простуда может быть смертельна».<sup>214</sup>

---

<sup>210</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. VII. 56 // МД. 265/13. Л. 37.

<sup>211</sup> Имеется в виду Алексей Алексеевич Сидоров (1891—1978), искусствовед, коллекционер, библиофил, профессор Московского университета. Работал в ГАХН секретарем и руководителем социологической секции, в Музее изящных искусств в 1914—1921 и 1927—1936. Член-корреспондент АН СССР (1946).

<sup>212</sup> Неустановленное лицо; знакомая, помогавшая в переписке рукописей.

<sup>213</sup> НИОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 36. Л. 73—73 об. Письмо без даты (Конец 1922).

<sup>214</sup> Там же. Л. 76. Письмо без даты. Леонтьев был подвержен частым простудам и умер от пневмонии.

Находясь в ссылке в Челябинске, в мае 1924 года Дурылин написал статью о романе Леонтьева «Подлипки»: «Леонтьев-художник.<sup>215</sup> Заметки. „Подлипки“»,<sup>216</sup> в которой противопоставил этот в свое время незамеченный критикой роман Леонтьева почти *всей* послегоголевской русской прозе, по преимуществу растратившей свои могучие силы и дарования на «посторонние и чужие» литературе, но зато «общественно-пригодные темы». Лишь в редчайших случаях («Капитанская дочка», «Герой нашего времени», «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, «Подлипки», «Исповедь мужа», «романы-трагедии» Ф. М. Достоевского) русская литература, по Дурылину, видела за «быванием действительности» бытие реальности. Эпитет «сказочные писатели»,<sup>217</sup> к которым Дурылин относил Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета и Леонтьева, был высшей оценкой в устах Дурылина, считавшего, что настоящая литература может быть только мифотворчеством<sup>218</sup> и что Леонтьев в этом романе реконструирует миф о детстве.<sup>219</sup> Автор «Подлипок», как показал Дурылин, сознательно избегал «типичных, властнейших уклонов» для того, чтобы они не мешали видеть «даль» мифа. «Погрузить предметы в даль — это значит их *приблизить*» (курсив мой. — Т. Р.), пишет Дурылин, «„что пройдет, то будет мило“ — это закон и нашего творческого воображения. Даль и пафос отдаления в высшей мере свойственен детству, — и оттого для детства нет ничего далекого и чужого. Детство воспринимает предметы большими, чем они суть, более значительными и глубокими, — отдаляя их от себя чувством разстояния, пафосом дальнего, но через это оно видит их более прекрасными (даль великий и тончайший художник) — и потому бли-

---

<sup>215</sup> О Леонтьеве-художнике уже в постсоветское время вышли следующие работы: *Мондри Г.* Попытка типологизации творчества К. Леонтьева на примере анализа «Исповеди мужа» // Вопросы литературы. 1992. Вып. 2. С. 166—186; *Котельников В. А.* Парадокс о писателе // Леонтьев К. Н. Египетский голубь: Роман, повести. Воспоминания М., 1991. С. 3—17.

<sup>216</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 21 (черновой автограф); Ед. хр. 22 (копия Е. В. Гениевой).

<sup>217</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. II. 5 // МД. 265/3. Л. 9—10.

<sup>218</sup> Концепция искусства как мифотворчества появляется у Дурылина еще в 1910-х гг. См.: Дурылин С. Н. Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства. М.: «Мусагет», 1913.

<sup>219</sup> В октябре того же года Дурылин написал рассказ о любви «Роб-Рой», навеянный леонтьевскими «Подлипками».

же воспринимает их в себя, больше любит, теснее с ними сживает-ся».<sup>220</sup> Роман «Подлипки» «весь писан из *дали*», «его исткала память из прошлого», говоря шире, «он представляется каким-то тончайшим и неопровержимым мифом о детстве, об „утре года“. В нем есть прелесть отдаления, очарование невозможного».<sup>221</sup> Дурылин прослеживает и трансформацию этой «дали» в «Подлипках»: сначала видение детства глазами ребенка, затем миф отрока о чистой и незамутненной грехом страсти, а в самом конце романа — отречение юноши от самой прекрасной «близости» любви земной в пользу «дали» любви небесной, отвержение мира ради Бога. Герой «Подлипок» понимает: все, что ему казалось «далью», красотой, все, что оправдывало мир, — на самом деле тягостная «близость».

Судя по надписи на 2-м листе автографа, Дурылин отдавал статью в переписку «для Госиздата», но публикация ее не состоялась. Название «Леонтьев-художник», видимо, появилось уже в томской ссылке, равно как и имеющиеся в архивном деле, расположенные следом за статьей о «Подлипках» два фрагмента, посвященные повестям Леонтьева «Дитя души» и «Исповедь мужа». Это были наброски задуманного Дурылиным более расширенного исследования о Леонтьеве-писателе. Об этом замысле говорится в письме к Е. В. Гениевой от 15 февраля 1928 года: «Капуске <так!>,<sup>222</sup> едущей к своей двоюродной сестре сюда, Вы вручите еще: статью мою „Леонтьев как романист“<sup>223</sup> и статью о „Подлипках“. Я надеюсь здесь написать „Л(еонть)ева — художника“. Прошу с нею послать I—IV и VIII—IX тома его + сб(орник) „Памяти Леонтьева“ — старый экземпляр».<sup>224</sup>

В декабре 1924 года Дурылин был досрочно освобожден из ссылки и вернулся в Москву. С этого момента начинается сотрудничество Ду-

---

<sup>220</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 6—6 об.

<sup>221</sup> Там же. Л. 6.

<sup>222</sup> Речь идет о Клавдии Ниловне Зиминной, фельдшере по образованию. Дурылин познакомился с ней, будучи летом 1916 году в Крыму с Колей и Ваней Чернышевыми. К. Н. Зимина вошла в дурылинское окружение (Нересовы, Гениевы), стала его многолетним корреспондентом, в 1928 г. приезжала к нему в ссылку в Томск под видом двоюродной сестры И. А. Комиссаровой. Домашнее прозвище ее было — Капу, Капустка. См.: Письма С. Н. Дурылина К. Н. Зиминной // МД. 324/6, 525/1, 525/2, 525/110.

<sup>223</sup> Об этой статье см. далее.

<sup>224</sup> Письма к Гениевой. С. 147—148.

рылина в Государственной академии художественных наук, в стенах которой он в течение двух с половиной лет сделал 21 доклад. Первый из них состоялся в феврале 1925 года,<sup>225</sup> хотя официальное оформление его в Академию произошло лишь 5 июня того года.<sup>226</sup> Формально Дурылин числился внештатным сотрудником социологической секции, руководимой другом его молодости А. А. Сидоровым.<sup>227</sup> Попытки перейти из внештатного в штатные сотрудники, а из социологической секции — в литературную, оказались безуспешны.<sup>228</sup>

В ГАХН о Леонтьеве Дурылин говорил трижды. Первый доклад, «К. Леонтьев и Лесков о Достоевском», был прочитан 2 декабря 1925 года в комиссии по изучению Достоевского при литературной секции.<sup>229</sup> Этой комиссией руководил Г. И. Чулков. Архивное дело представляет собой подборку документов: тезисы, фрагменты текста доклада, наброски и выписки, черновая запись прений и краткие выводы. Судя по сохранившимся фрагментам, докладчик анализировал несколько полемик, среди которых можно выделить по крайней мере следующие: 1) конфликт между Лесковым и Достоевским;<sup>230</sup> 2) отношение Леонтьева к Достоевскому как писателю; 3) критику Леонтьевым Достоевского и Толстого;<sup>231</sup>

<sup>225</sup> «Нестеров как иллюстратор» (Полиграфическая секция ГАХН).

<sup>226</sup> РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 195. Л. 1.

<sup>227</sup> См.: ГАХН. Личное дело С. Н. Дурылина // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 195.

<sup>228</sup> В этот период единственный официальный источник существования Дурылина составляла плата за доклады. Кроме этого он давал уроки в семьях Пигаревых и Гениевых.

<sup>229</sup> Бюллетени ГАХН. 2—3 / Под ред. А. А. Сидорова. М., 1926. С. 37. Сохранились большие фрагменты доклада, тезисы, подготовительные материалы и запись прений (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 163).

<sup>230</sup> Поводом к нему послужил снисходительный тон Достоевского в заметке о «Запечатленном Ангеле» (*Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Смятенный вид* // Гражданин. 1873. 19 февр. № 8). Затем последовал ряд выпадов Лескова (за подписями «Псаломщик» и «Св. П. Касторский»): «О певческой ливрее» (*Русский мир*. 1873. 4 апр. № 87); «Холостые понятия о женатом монахе» (Там же. 23 апр. № 103), на которые Достоевский ответил разоблачением «ряженого» (*Гражданин*. 1873. 30 апр. № 18). Возобновление Лесковым полемики связано с нападением Достоевского на лорда Редстока и его последователей (*Дневник Меркула Праотцева* // *Русский мир*. 1874. 14 марта. № 70; без подписи).

<sup>231</sup> *Леонтьев К. Н.* Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой: По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы». М., 1882.



- 4) отклики на брошюру «Наши новые христиане» самого Достоевского,<sup>232</sup> О. Миллера,<sup>233</sup> Н. С. Лескова<sup>234</sup> и В. С. Соловьева,<sup>235</sup>  
5) отклики Леонтьева на Лескова.<sup>236</sup>

Хотя по большей части эти темы лишь заявлены автором, общую концепцию доклада возможно реконструировать. Судя по всему, идея доклада состояла в том, чтобы, именно посредством анализа полемик, попытаться найти общее в мировоззренческих позициях ряда русских писателей. Один из целостных фрагментов текста посвящен статье Лескова 1883 г. «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)», написанной в ответ на появление брошюры Леонтьева «Наши новые христиане». Мыслитель отметил, что критика Лесковым Леонтьева и защита Достоевского была вялой и холодной и лишь вражда к Леонтьеву заставляла защищать «немилого» Лескову Достоевского. Лесков критиковал Леонтьева за слабое знание религиозных вопросов (десятью годами раньше в этом он обвинял Достоевского). Но это означает, обращал внимание Дурьин, что религиозная проблематика является общей почвой и для Лескова, и для Достоевского. Более того, зависть и неприязнь Лескова к Достоевскому не мешала ему стоять на той же самой позиции «всепримиряющей любви», которой придерживался и Достоевский. Далее в докладе Дурьин переходил к анализу брошюры Леонтьева «Наши новые христиане». Гениальность Леонтьева состояла в том, что он единственный понял значение не только знаменитой речи Достоевского на Пушкинском празднике, но и

---

<sup>232</sup> Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 51—52. Впервые: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. М., 1883. Т. 1. С. 369.

<sup>233</sup> Миллер О. О церкви в исторической жизни русского народа // Русь. 1883. № 8. С. 23.

<sup>234</sup> Лесков Н. С. 1) Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи: (Религия страха и религия любви) // Новости и Биржевая газета. 1883. 1 апр. № 1; 3 апр. № 3; 2) Золотой век. Утопия общественного переустройства. Картины жизни по программе Леонтьева // Там же. № 80. 22 июня; № 87. 29 июня.

<sup>235</sup> Соловьев В. С. Несколько слов о брошюре г. Леонтьева «Наши новые христиане» // Русь. 1883. № 9.

<sup>236</sup> См. письмо Леонтьева к О. А. Новиковой от 11 июля 1883 г. (Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854—1891 / Публ. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 275—276).

роли Достоевского как идеолога этой всепримиряющей любви. Отзывы на эту речь «слева» (пророчество о всемирном, всеобщем человеческом счастье)<sup>237</sup> и «справа» (пророчество о всечеловеческом счастье, достигаемом через Россию),<sup>238</sup> как показывал Дурылин, были совершенно идентичны. Опасность этой речи заключалась именно в том, что она примиряла левый и правый лагерь на почве «розового христианства». Леонтьев своей критикой Достоевского словно бы очертил это общее пространство, почву, незаметную самим спорящим писателям.<sup>239</sup>

Среди протоколов подсекции комиссии по изучению Достоевского за 1925—1926 годы сохранилась запись прений по докладу. В них участвовали Г. А. Рачинский, А. К. Горский, А. И. Кондратьев, Ф. Ф. Бережков<sup>240</sup> и Г. И. Чулков.<sup>241</sup> В прениях звучала не только критика Дурылина за недостаточное освещение вопроса, но и упреки Леонтьеву. Чулков, выступавший последним, сказал: «Достоевский ближе к Православию, от которого отошел Леонтьев, пессимист по существу. Леонтьев в своем мрачном своеобразном позитивизме не мог вполне понять Достоевского. Он грубо

---

<sup>237</sup> Дурылин анализирует первоначальную восторженную реакцию Г. И. Успенского на речь Достоевского — очерк «Праздник Пушкина (письма из Москвы — июнь 1880)» (Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173—193), за которым следовал поспешный критический постскрипtum того же автора (Там же. С. 193—196).

<sup>238</sup> Упоминается реакция И. С. Аксакова, который после речи Достоевского провозгласил его гением и сам отказался выступать со своей речью, «потому что все сказано и все разрешило великое слово нашего гения — Достоевского» (*Достоевский Ф. М.* Письмо к А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 г. // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 30, кн. 1. С. 185).

<sup>239</sup> Так, отвечая на выпады Лескова, Достоевский указывал именно на различие художественных методов. Он отчетливо противопоставил свое понимание искусства как выявления общей идеи в явлениях лесковскому описанию «случайностей быта» (*Достоевский Ф. М.* Ряженный // Там же. Л., 1980. Т. 21. С. 82).

<sup>240</sup> Федор Федорович Бережков — философ-интуитивист, преподаватель философии в МГУ, был близок Г. Г. Шпету. Совместно с А. И. Оганевым, Б. Н. Бабыниным и П. С. Поповым участвовал в философском сборнике «Пути реализма» (М., 1926). Занимался исследованием творчества Достоевского. См.: *Бережков Ф. Ф.* Достоевский на Западе // *Достоевский. Труды ГАХН.* Вып. 3. М., 1928.

<sup>241</sup> На докладе побывал и П. П. Перцов, друг и корреспондент Дурылина.

истолковал его Пушкинскую речь как продолжение славянофильства. Символизм Достоевского был ему недоступен; его собственные художественные опыты изобличают его трезвый и позитивный ум».<sup>242</sup>

Словно отвечая А. К. Горскому, утверждавшему, что вопрос о том, «насколько близко сумел Достоевский изобразить в „Карамзовых“ старцев Оптиной пустыни (...) еще подлежит исследованию и проверке», Дурылин в феврале 1928 года, находясь в Бутырской тюрьме, напишет статью «Монастырь старца Зосимы. (К вопросу о творческой истории I, II и IV книг „Братьев Карамзовых“ Достоевского)».<sup>243</sup> В этом исследовании, он, проанализировав образы Зосимы и Ферапонта, защищал правоту мнения Леонтьева, что устами старца Зосимы говорит не преп. Амросий Оптинский, а сам Достоевский.<sup>244</sup> Много лет спустя Дурылин в письме к сыну Лескова, Андрею Николаевичу, вспоминал: «В советские годы я прочел два доклада — „Как писал Лесков“ и „Лесков о Достоевском и Леонтьеве“, — но Академия Худ(ожественных) Наук, где читал я эти доклады, также имевшие большой успех, закрылась, — и весь труд пропал бесследно».<sup>245</sup>

12—13 сентября 1925 года Дурылин вместе с Б. В. Холчевым<sup>246</sup> поехал к М. В. Леонтьевой в Орел. Он прочел ей свой доклад «Религиозный путь Константина Леонтьева» и записал ее воспоминания, а она передала ему свою копию романа «От осени до осени».

Вот фрагменты ее воспоминаний, начинающиеся с описания смерти Леонтьева:

«Подробности она знает от Вари и от Александрова.

К(онстантину) Н(иколаевичу) очень хотелось пить. Стоял графин смеси воды с красным вином — он поминутно подходил пить.

---

<sup>242</sup> РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 42. Л. 14.

<sup>243</sup> Там же. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 29 (черновой автограф); МД. 258/10 (машинопись с рукописной правкой автора).

<sup>244</sup> МД. 258/10. Л. 30 об.—32.

<sup>245</sup> Там же. 525/114. Л. 1 об. (письмо от 20 мая 1946 г.).

<sup>246</sup> Будущий архимандрит Борис (в миру Борис Васильевич Холчев; 1895—1971) родился в Орле, был духовным чадом преп. Нектария Оптинского, св. прав. Алексея Мечева, а после его смерти — его сына, священномученика Сергия Мечева. Подвергался репрессиям. В конце жизни — настоятель Успенского кафедрального собора в Ташкенте. Общим близким другом Дурылина и архим. Бориса был врач С. А. Никитин, будущий епископ Можайский Стефан.

Ему очень не хотелось умирать. Он до отвращения не любил смерти. Жестом крайнего отвращения и борьбы у него было всегда — сложить кулаки, но большой палец не присоединять к кулаку (к сложенным четырем оставшимся пальцам) и держать его, оттопырив, отдельно, — и изо всей силы, крепко-крепко, давить и кулаком (4 пальца) и большими пальцами — в верхнюю часть груди, у подплечий.<sup>247</sup>

В тоске он прежде прибегал к этому жесту. И вот, умирая, по словам Александрова, он с усилием и напряжением сжимал такие „свои“ (леонтьевские!) кулаки у груди. Он повторял несколько раз вслух: „Ах, отец Амвросий! Ах, Отец Амвросий!“. Ему не хотелось умирать.

В мантию монашескую его одели Антоний (Храповиц(кий)), Веригин и др. Он в ней был положен в гроб. Он очень рано и очень сильно разложился, настолько, что при отпевании гроб стоял под крышкой. Было трудно стоять».<sup>248</sup>

«Книгу Агеева<sup>249</sup> М. В. находит совершенно неправильной. Она особенно довольна, что я понял, что христ(ианст)во и православие для Л(еонтье)ва — это, прежде всего, „путь к спасению“, в отличии от (1 нрзб.) Достоевского и других.

Вот многие упрекают К. Н. за любовь к<sup>250</sup> католичеству? — спросил я (...). — М. В. улыбнулась на это: „Он думал, что в католичестве легче спасти душу“. Это в смысле, что католичество действительно заботится о спасении, так или иначе, *всех*».<sup>251</sup>

«В Оптиной он зимой слушал всенощную на дому. Летом — ходил в храм. Не любил длинных служб: „покороче“. Ему было трудно стоять — он был болен и очень слаб. Оттого зимою не выходил вовсе на воздух. Очень любил встречать [церк(овные)] службы привычные и знакомые. Радовался, когда в воскресной службе встречал знакомый прокимен.

М. В. была в отчаянии, что он уходит на Афон. Она была убеждена, что уже не увидит его. Она проводила его до последней черты, на которую может ступить женская нога по дороге на Афон. Его

---

<sup>247</sup> Это место рукописи сопровождается рисунком.

<sup>248</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 5—5 об.

<sup>249</sup> См. примеч. 35.

<sup>250</sup> Вот многие упрекают К. Н. за любовь к: *вместо зачеркнутого*: Мог ли бы он перейти.

<sup>251</sup> Там же. Л. 5 об.

встретили необыкновенно торжественно и парадно (звон, хоругви, духовенство в облачениях), а ему была<sup>252</sup> необыкновенно тяжела эта встреча, мучительна: встречали как представителя правосл(авной) России, а он шел, как великий грешник. „Это для него была каторга, этот звон и встреча, — он ничего не хотел, а только чтобы беседовать“ (М. В.).

Все так и было, как он писал Розанову: спасался от безобразия муки и смерти в темной комнате, все шторы были опущены, умирал, М. В. была все время при нем, — и выздоровление свое всегда, всю жизнь, считал чудом, совершенным над ним Богоматерью».<sup>253</sup>

«На то место моей работы, где я привожу домьсл о Иосифа, что не голый страх смерти (в смысле просто полного исчезновения с земли), а страх кары и ада за этим исчезновением был испытан К(онстантином) Н(иколаевичем) в Салониках (и что раньше он не боялся умереть навечно, — М. В. заметила, что это так и было)».<sup>254</sup>

«Что Россию ждет будущность, что она избегнет того, чего не избегла Европа, М. В. заметила, что К. Н. в это в конце жизни уже совсем не верил (при последней главе моей работы)».<sup>255</sup>

«„Вы верно поняли и изобразили его жизнь. Такой он и был!“ — сказала М. В., когда я окончил чтение. Она превосходно слушала. Я пропускал только цитаты, ей очень хорошо известные (напр(имер), о жизни Иеронима). Только одно место вызвало ее решительный протест: это цитата из Коноплянцева, что причиной сумасш(ествия) Лиз(аветы) П(авловны) были измены К(онстани-тина) Н(иколаевича)».<sup>256</sup> Оттого она дважды подробно рассказывала, как было дело».<sup>257</sup>

Неудивительно, что после такой высокой оценки дурылинской работы М. В. Леонтьева вдогонку уехавшему в Москву Дурылину написала письмо, в котором вновь подтверждала его издательские права: «В 1917 году, я, как наследница дяди моего Константина Николаевича Леонтьева, передала Вам право на все, как напечатанные так и на донине не напечатанные сочинения К. Н. Леонтьева. Ныне

---

<sup>252</sup> ему была вместо зачеркнутого: он был.

<sup>253</sup> Там же. Л. 5 об.—6.

<sup>254</sup> Там же. Л. 6—6 об.

<sup>255</sup> Там же. Л. 6.

<sup>256</sup> См.: Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 69.

<sup>257</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 7.

я, познакомившись с Вашими работами по составлению биографии и подготовке к изданию сочинений К. Н. Леонтьева, еще раз подтверждаю [это]. — Все сочинения К. Н. Леонтьева я предоставляю в Ваше распоряжение для издания их и для пользования ими в качестве материала для биографии К. Н. Леонтьева, Вами составляемой. — Все рукописи сочинений К. Н. Леонтьева должны находиться в Вашем распоряжении. — Поэтому я прошу всех, у кого есть рукописи К. Н. Леонтьева, предоставить их в полное Ваше распоряжение».<sup>258</sup>

Во время своей сентябрьской поездки в Орел Дурылин оставил для Марии Владимировны список вопросов о Леонтьеве. 4 ноября она писала ему, что ответы уже готовы,<sup>259</sup> а 5 декабря попросила его приехать к ней.<sup>260</sup> Дурылин сообщил Е. В. Гениевой 23 января 1926 года: «...на 3 дня мне необходимо съездить в Орел — М. В. Леонтьева пишет мне, что дни ее подходят к концу, и она желает меня видеть. Для меня это — закон».<sup>261</sup>

В конце декабря 1925 года Дурылин ездил в рукописный отдел Пушкинского Дома, где нашел письма Леонтьева к Фету.<sup>262</sup> В февральском письме М. В. Леонтьева продолжала звать его в гости, но Дурылин подхватил простуду, и поездка не состоялась.<sup>263</sup> Приехать в Орел ему удалось лишь в мае 1926 года. К этому времени состояние здоровья Марии Владимировны очень ухудшилось. 12 мая Т. Н. Максимова писала Дурылину, что у Марии Владимировны «совсем отказываются служить ноги и не действует левая рука», и добавляла: «Она просит вас помолиться за нее».<sup>264</sup> Последнее сохранившееся письмо Леонтьевой, где она сообщает сведения о родителях Е. П. Леонтьевой, датировано 1 июля 1926 года.<sup>265</sup>

Вскоре случилось то, от чего Мария Владимировна уже не оправилась. 23 августа 1926 года Максимова сообщала: «Открытку свою я писала вам в больнице и сообщала вам о несчастье, кот<орое> случилось с Марьей Владимировной. Месяц назад она

---

<sup>258</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 2 (письмо от 14 сентября 1925 г.).

<sup>259</sup> Эти ответы находятся в архивном деле: Там же. Ед. хр. 23.

<sup>260</sup> Там же. Ед. хр. 360. Л. 5—5 об.

<sup>261</sup> Письма к Гениевой. С. 95.

<sup>262</sup> Там же. С. 92 (письмо от 4 января 1926 г.).

<sup>263</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 630. Л. 8—9.

<sup>264</sup> Там же. Ед. хр. 639. Л. 2.

<sup>265</sup> Там же. Ед. хр. 630. Л. 14—14 об.

упала со стула и повредила себе ногу. У неё оказался вывих бедра и перелом шейки бедра. Я сделала для нее все, что могла: положила в больницу, где ей вправили ногу и положили ее в лубок. В больнице она пролежала неделю, больше ее держать бесплатно там не могли (ведь с лишением пенсии она выбыла из Стражассы) — платить же дорого <...>. Хотя ужасные боли после вправки прекратились, но лежать неподвижно на спине, действительно, мучительно, даже для молодых, а ведь ей минуло 79 лет. И так в лубке нужно пролежать шесть недель. Не знаю, вынесет ли она <...>. Да если бы была еще надежда, что все эти муки, все эти страдания не напрасны: ведь она и так двигается с трудом, и едва ли можно надеяться, что перелом срастется, и она в состоянии будет двигаться по-прежнему. Доктор меня не обнадеживает. Весь уход лежит на мне, п<отому> ч<то> я не отхожу от нее ни днем, ни ночью и, по правде сказать, совершенно изнемогаю. Не знаю. Не знаю, что я буду делать, когда мне придется идти в школу: 25 авг<уста> начинаются занятия, и часов до 3—4 меня не будет дома. Необходимо, чтобы около Мар<ии> Вл<адимировны> была бы постоянно какая-нибудь женщина, кот<орая> бы делала около больной все то, что делаю сейчас я, а за это, конечно, нужно заплатить. Вообще, Сергей Николаевич, я смотрю на будущее очень мрачно и прихожу в отчаяние. Как я ни люблю Мар<ию> Вл<адимировну>, но я скажу, что лучше смерть, чем такая жизнь, кот<орая> ей угрожает в будущем. Она и сама молит Бога о смерти <...>. Я вот сейчас, в эту минуту, когда вам пишу в таком ужасном настроении, что готова отравить ее и отравиться сама. Пишу и плачу <...>. Что мне делать? Что мне делать? Прошу вас, Сергей Николаевич, непременно заехать в Орел на обратном пути из Крыма, как вы обещали. Хотя Мар<ия> Вл<адимировна> в литературном отношении теперь для вас никакого интереса не представляет, но вы все таки заезжайте, прошу вас. Мне попались кое-какие газеты, в кот<орых> напечатано о Конст<антине> Ник<олаевиче>. Кроме того, у меня есть некот<орые> письма Мар<ии> Вл<адимировны>, о кот<орых> мы с вами поговорили и кот<орые> я, *может быть*, вам покажу. Пишу все это потому, что сама чувствую себя так неважно, что мне хотелось бы все эти вопросы привести в ясность».<sup>266</sup>

Дурылин вновь приехал в Орел в сентябре 1926 года. Понимая, что они могут больше не увидаться, он впервые решился спросить у

<sup>266</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 4—6.

Марии Владимировны, любила ли она Константина Николаевича. Она ответила «прямо, ясно»: «Да, любила...»<sup>267</sup> В этот раз Т. Н. Максимова отдала Дурылину пачки в свое время подаренных ей писем Марии Владимировны к Леонтьеву,<sup>268</sup> а сама Мария Владимировна вручила Дурылину автограф завещания «Мои посмертные желания» и Аттестат о службе Леонтьева, выданный Московским цензурным комитетом 30 мая 1887 года.<sup>269</sup> Уезжая, Дурылин обещал, что будет продолжать посылать Марии Владимировне деньги, и обещание свое сдержал.<sup>270</sup>

Фрагмент IX тетради «В своем углу», описывающий это свидание, заканчивается словами памяти о Марии Владимировне, женщине, которая дала Леонтьеву «все, что может дать русская женщина: бесконечную любовь, самое глубокое понимание, тонкую неизменяемую, несравнимую верность ему и его делу в любви, в труде, в молитве...»<sup>271</sup>

Возможно, к этому времени относится следующая дурылинская запись:

«Материалы для Собрания сочинений К. Н. Леонтьева  
Копии.

- 1) Две избранницы (2 часть)
- 2) От осени до осени
- 3) Автобиография (Амвросию)
- 4) Письма к Фуделю
- 5) Посмертные желания
- 6) Аттестат

Хронология моей жизни».<sup>272</sup>

---

<sup>267</sup> МД. 265/17. Л. 66.

<sup>268</sup> Это были письма «самые полные и наиболее сохранившиеся. Из остальных оч(ень) многие уничтожены или совсем, или так, что от письма остается один листок» (Максимова Т. Н. Письмо Дурылину от 21 сентября 1926 г. // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 26).

<sup>269</sup> Там же. Ед. хр. 240. Л. 185. Этот «Аттестат» Дурылин цитирует в комментарии к «Моей литературной судьбе» (Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. Автобиография / Вступ. статья Н. Мецержкова; коммент. С. Н. Дурылина // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 493).

<sup>270</sup> Дурылин ежемесячно посылал Марии Владимировне 15 руб. (Письма к Гениевой. С. 115; письмо от 15 ноября 1927 г.).

<sup>271</sup> МД. 265/17. Л. 68.

<sup>272</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 1.



Летом 1926 года Дурьин, будучи в Крыму и обдумывая свои дальнейшие выступления в ГАХН, предложил Н. К. Гудзию<sup>273</sup> включить в план подсекции русской литературы<sup>274</sup> доклад, на сей раз посвященной любимой Дурьиним леонтьевской прозе. «Исполняется 35-летие смерти Леонтьева, — писал он в июне. — Не мог ли бы я прочесть невинный доклад по нов(ым) матер(иалам): „Леонтьев-романист“ (чтение из неизд(анного) романа)». <sup>275</sup> Позже он решил добавить еще одно выступление, поэтому свое предложение он, вернувшись в Москву, повторил в более расширенном виде: «...в этом году, в ноябре, исполняется 35-летие смерти К. Н. Леонтьева, и я бы хотел прочесть в ноябре два о нем доклада. Один в точном плане-теме работ комиссии — „К. Леонтьев и Л. Толстой (по неиздан(ным) материалам)“. Другой уж разрешите мне прочесть для успокоения моей совести — „Леонтьев-романист“. Я буду читать отрывки из неиздан(ных) художеств(енных) его произведений. Этот доклад лучше бы прочесть в ноябре, а „Толстого и Л(еонтьева)“ — когда прикажете». <sup>276</sup> В ответном письме от 28 июня Гудзий писал: «Конечно, доклад о Леонтьеве можно будет прочесть. О деталях столкнемся осенью». <sup>277</sup>

Этот второй доклад, «К. Леонтьев как романист и критик Льва Толстого (к постановке проблемы)», был написан с 13 по 16 декабря, а прочитан 17 декабря 1926 года. В РГАЛИ его черновой автограф имеет название «К. Леонтьев как романист». <sup>278</sup> В докладе не повторялось написанное в статье о «Подлипках». Он был посвящен «неизданной и несобранной» леонтьевской прозе. О содержании доклада можно судить по тезисам к нему, сохранившимся в черновой записи доклада: «Л(еонтьев) ставил своей художеств(енной) задачей продолжить ту линию русского романа, которая, зачавшись от „Кап(итанской) д(очки)“ П(ушкина), шла через прозу Лермонтова, С. Аксакова, Кохановской, минуя сатиру Гоголя, психологизм

---

<sup>273</sup> Николай Калининвич Гудзий (1887—1965) — историк литературы, профессор Московского университета (1922), заведовал Отделом древнерусской литературы в Институте мировой литературы; специалист в области древнерусской литературы, друг и корреспондент Дурьина.

<sup>274</sup> Подсекция русской литературы входила в секцию литературы.

<sup>275</sup> РГБ. Ф. 731. К. 6. Ед. хр. 35. Л. 53.

<sup>276</sup> Там же. Л. 25 об.—26 (начало сентября 1926 г.).

<sup>277</sup> МД. 2058/81. Л. 3.

<sup>278</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 164. Большое количество материалов к этому докладу хранится в том же фонде РГАЛИ (Ед. хр. 239).

Тургенева и натурализм Писемского. Попытку осуществить эту художественную задачу на материале, почерпнутом из русской действительности 50—60-ых гг., представляют романы Леонтьева „Подлипки“, „В своем краю“ и „Исповедь мужа“. Сюда же должен быть отнесен роман „Две избранницы“ (издана лишь 1-ая часть). Написанный Леонтьевым в конце 60-ых—70-ых гг. серия романов под названием „Река времен“, последовательно обнимающая огромную эпоху русской жизни от 1811 по 1861 гг., предвосхищает идею Э. Золя, выразившуюся в создании „Ругонов“. Вся эта серия была сожжена Леонтьевым. Неизданный роман „От осени до осени“, входивший в состав ее, позволяет отчасти судить о ней. (...) Художественно-творческая деятельность Леонтьева-романиста всегда сопровождалась у него критическим осознанием ее. Основы эстетики и поэтики своего творчества Леонтьев выразил полнее всего в разборе творчества Л. Н. Толстого, как величайшего художника современности».<sup>279</sup>

Понимая, что пространство для публичного слова о Леонтьеве сужается, и даже на «невинную тему» говорить становится негде, Дурьилин на другой день после доклада (18 декабря) отправил Гудзию открытку со словами благодарности: «за самую возможность читать о том, о чем я вчера читал. Этим я обязан Вам всецело».<sup>280</sup> А через несколько дней Дурьилин записал: «В пятницу 17-го читал доклад о Леонтьеве-романисте, пришло в голову и сказал».<sup>281</sup>

24 февраля 1927 года в комиссии по истории изучения эстетических учений в философской секции ГАХН<sup>282</sup> Дурьилин прочитал доклад «Эстетическое мировоззрение Леонтьева».<sup>283</sup> Инициатива принадлежала знавшему Дурьилина еще по проекту «Духовная Русь» А. Ф. Лосеву, который в 1926—1927 годах был председателем этой секции.<sup>284</sup> В докладе Дурьилин выдвинул идею, что Леонтьев хотя и не дал систематического изложения эстетики, од-

<sup>279</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 93—93 об. Резюме доклада: Бюллетени ГАХН. 6—7 / Под ред. А. А. Сидорова. М., 1927. С. 41—42.

<sup>280</sup> РГБ. Ф. 731. К. 6. Ед. хр. 35. Л. 28.

<sup>281</sup> Дурьилин С. Н. В своем углу. VII. 49 // МД. 265/14. Л. 32.

<sup>282</sup> Философским отделением ГАХН руководил Г. Г. Шпет.

<sup>283</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 167. Черновой автограф. Доклад был написан в Мураново 18—23 февраля 1927 г.

<sup>284</sup> См. письмо Дурьилина к Гудзии от 11 марта 1927 г.: РГБ. Ф. 731. К. 6. Ед. хр. 35. Л. 44.

нако именно эстетический критерий лежит в основе историософии Леонтьева. Вслед за о. Иосифом Фуделем и Розановым Дурьлин определял философию истории Леонтьева как «эстетическое понимание истории», а точнее, как поиски в истории и социологии «прекрасной формы».<sup>285</sup> После докладчика в прениях выступали П. С. Попов, А. Ф. Лосев, Г. В. Постников и Б. В. Горнунг. Попов и Лосев, профессиональные философы, совершенно естественным образом основными недостатками доклада сочли преобладание описательности, нехватку систематического анализа<sup>286</sup> и раскрытия философского контекста, в который следовало поместить леонтьевскую эстетику. Так, Лосев усматривал параллели у Гегеля, Ницше, Уайльда и Розанова; Попов предлагал провести параллели с Вл. Соловьевым, и оба указывали на романтические истоки идей Леонтьева. Речь Постникова резко отличалась от их взвешенных и доброжелательных выступлений, была полна уничижительных оценок эстетических вкусов Леонтьева и даже стремления обвинить Леонтьева во «вторичном упрощении»: «Докладчик не вполне объективен: он преувеличил значение эстетического опыта Леонтьева. На самом деле вкусы Леонтьева и темы его эстетики весьма ограничены: Леонтьев весьма тонко знал Восток, с большой любовью ценил комфорт дворянского быта и с яркой ненавистью нападал на быт мещанский и интеллигентский. Этим исчерпывается круг самых значительных его тем. Леонтьев абсолютно не понимал музыки. Он не чувствовал поэзии во всей ее широте: в оценке отдельных стихотворений обнаруживается лишь одно качество — доброты к автору. О живописи — сохранились лишь отрывочные суждения, звучащие в настоящее время совершенно архаически. Столь же малозначительны и его суждения об архитектуре. Темы его эстетики отличаются, таким образом, монотонностью, вращаясь вокруг дворянского быта и Востока. Докладчик не показал, во что опирается эстетика Леонтьева — фон двадцати последних лет его жизни остался в тени. Эстетизм Леонтьева не может быть назван даже языческим — в нем явные черты дуалистического манихейства.

---

<sup>285</sup> Дурьлин С. Н. Тезисы к докладу «Эстетическое мировоззрение К. Леонтьева» // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 26. Л. 25.

<sup>286</sup> Попытки искать у Леонтьева, мыслявшего образами, «систему» осуждал еще о. Иосиф в статье «Судьба К. Н. Леонтьева» («Преемство от отцов». С. 374).

В последние годы нарастает разорванность эстетики и прочих сторон его мировоззрения. В последние годы эстетика теряет значительную долю своего смысла, идя вразрез со всем углублением его мировоззрения, не соединяясь с духовным опытом последних двадцати лет: „нестерпимая сложность“ эстетики идет у Леонтьева в разрез с „простой“ верой — своего рода „вторичным смесительным упрощением“ — которую он проповедует в последний период».<sup>287</sup> В устах человека, прекрасно знакомого не только с сочинениями Леонтьева, но и обладавшего частью его архива, предвзятость и необъективность подобных оценок, сводящих эстетику Леонтьева к позитивизму и утилитаризму, непонятна. Но даже не это выступление бывшего друга, приглашенного на доклад самим докладчиком, вызвало досаду и обиду Дурылина. Даже год спустя он не забыл свой последний доклад о Леонтьеве в ГАХН: «Леонтьева критиковали многие и много. Но все это не задевало его сердцевину. Злее всех сказал Столпнер.<sup>288</sup> Он внимательно слушал мой доклад в Академии, в философской секции: „Эстетические воззрения К. Леонтьева“. Маленький, в очках. <...> Он не „участвовал в прениях“, а подошел ко мне и сказал:

— А все таки у Леонтьева *Aesthetentum*,<sup>289</sup> а не *Aesthethet*».<sup>290</sup>

Вслед за тем, в апреле 1927 года, в Государственном музее Толстого Дурылин по приглашению Гусева прочел доклад «Толстой и

---

<sup>287</sup> Протоколы комиссии по изучению истории эстетических учений при философском отделении ГАХН // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 14. Ед. хр. 26. Л. 23 об.

<sup>288</sup> Борис Григорьевич Столпнер (1871—1937) — участник Петербургского религиозно-философского общества, переводчик немецкой философской литературы, прежде всего Гегеля.

<sup>289</sup> Эстетство (нем.).

<sup>290</sup> Эстетичность (нем.). Дурылин С. Н. В своем углу. Х. 100 // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 113. Совершенно такую же оценку задолго до Столпнера дал и И. Ф. Романов (Рцы) в письме к Розанову от 31 января 1892 г.: «...какой же „эстетик“ К. Леонтьев? Разве он поклонник, апостол Красоты? Разве он понимал и мог понять Красоту? Он не шел далее Красивости. Есть красота и в безобразии, это — Красота внутреннего, Красота сущности. Красота духа, неизменяющегося, вечного <...>. И припомнился мне отрывок, вернее, заглавие собственной (начатой и недоконченной) статейки о К. Леонтьеве) „ДЕКОРАТИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ“ — ведь вот она, вся суть без остатка. В этих двух словах весь Леонтьев!» (Литературная учеба. 2000. Кн. 4, июль/авг. С. 120).

К. Леонтьев». Позже Дурылин записал: «В 1890 г. написал об искусстве Толстого К. Леонтьев, — теперь, через 40 почти лет, статьей восхищаются и биографы (Гусев, Цявловский), и новые литературоведы (Эйхенбаум)<sup>291</sup> — но кто же слышал о Леонтьеве-критике? А жвачку Овсяннико-Куликовского пережевывали все».<sup>292</sup>

Местонахождение текста доклада пока неизвестно, но его автор упоминал в письмах к Е. П. Казанович<sup>293</sup> и П. П. Перцову. Сохранилась открытка Гусева от 7 апреля 1927 года, связанная с этим докладом: «Дорогой Сергей Николаевич, доклад твой мы устраиваем в среду 13-го. Уже рассылаются повестки. Пожалуйста, не сочти за труд черкнуть на прилагаемой открытке, что ты мое письмо получил. Захвати с собой портреты Леонтьева».<sup>294</sup> Сохранились сведения, что Дурылин пытался впоследствии опубликовать текст этого доклада:

*20.06. 1930. Гусев — Дурылину:*

«Что касается дальнейшей издательской деятельности Музея, то она проходит теперь под контролем многих лиц; мое участие в этом деле очень небольшое. Вот почему и о твоей статье о Леонтьеве ничего не могу сказать утвердительно, удастся ее напечатать или нет. Было бы во всяком случае очень хорошо, если бы ты ее написал. Кто же знает так хорошо Леонтьева, как ты? Значит, писать нужно. Рано или поздно напечатается».<sup>295</sup>

*Осень. 1930. С. Н. Дурылин — Н. Н. Гусеву. Киржач:*

«Если у Вас мерекается 6-ой сборник, то оставь для меня в нем место: или „На полях «В(ойны) и мира»“, или „Леонтьев и Толстой“ — но я непременно дал бы тут вещи не вовсе безытересные (...). Вам предстоит устроить выставку „Лесков и Толстой“. В 31-ом же году и столетие рождения Леонтьева (и 40-летие смерти!). Вот отчего хотелось бы вручить тебе и „Т(олсто)го и Л(еонть)ева“. Если б захотели Вы помянуть его (т. е. Леонтьева) в связи со столетием, — я бы для витринки „Толстой и Л(еонтьев)“ — дал Вам матерьял со стороны Леонтьева (рукописи, портреты и проч.)».<sup>296</sup>

---

<sup>291</sup> См.: Эйхенбаум Б. М. О Льве Толстом // Эйхенбаум Б. М. «Сквозь литературу»: Сб. статей. Л., 1924. С. 63—66.

<sup>292</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. XI. 31 // МД. 265/21. Л. 114.

<sup>293</sup> Текст его не выявлен.

<sup>294</sup> Там же. 525/47. Л. 2.

<sup>295</sup> Там же. 525/46. Л. 12.

<sup>296</sup> Там же. 525/106. Л. 2 об.

Весной 1927 года Дурылин последний раз побывал в Орле,<sup>297</sup> а 2 августа М. В. Леонтьева умерла. Вся история последнего полугодия жизни М. В. Леонтьевой отражена в письмах Т. Н. Максимовой. Письмо с сообщением о смерти до Дурылина не дошло. Еще 16 июня 1927 года он был вновь арестован (в связи с «Лемановским кружком»)<sup>298</sup> и в мае 1928 года сослан в Томск, где пробыл до конца 1930 года. Уезжая во вторую ссылку, леонтьевский архив Дурылин оставил у Е. В. Гениевой: «У Вас я оставляю „Часть меня большую“ (Державин) — моего alter ego. Заботьтесь о его здоровье и самочувствии».<sup>299</sup> Теперь настала очередь Дурылина бедствовать и просить денег. Боясь за Гениеву и за свой архив, он советовал: «Так как у Вас живет мой alter ego, то посылайте деньги лучше не от себя...»<sup>300</sup>

В апреле 1928 года возобновилась переписка Дурылина с Т. Н. Максимовой. В первом же письме к Дурылину она потребовала возвратить ей не только те письма к Леонтьеву Марии Владимировны, что она в порыве благодарности передала Дурылину при их встрече в сентябре 1926 года, но претендовала уже и на письма, полученные Дурылиным от самой Марии Владимировны: «Очень буду рада получить летом письма Мар<ии> Вл<адимировны>. И буду не менее рада, когда Вы будете иметь возможность просмотреть и остальную ее переписку. Только когда это будет? Не приблизился срок?»<sup>301</sup> В цитируемом письме Максимова намекала на необходимость возвращения ей и писем Ф. П. Леонтьевой к Марии Владимировне, что было уже явной несправедливостью.<sup>302</sup> В этой ситуации Дурылин попросил Гениеву сделать хотя бы выписки из писем. Он предупредил, что копировать нужно не все, а закончив, не отсы-

---

<sup>297</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 1. Запись сделана 27 сентября 1938 г. в Болшево.

<sup>298</sup> Постановление СО ОГПУ о предъявлении обвинения Дурылину 10 августа 1927 года / Публ. В. Г. Макарова // Сергей Дурылин и его время. Кн. 1. С. 69—70.

<sup>299</sup> Письма к Гениевой. С. 110 (письмо от 6 ноября 1927 г.). В комментарии к письму ошибочно указано, что речь идет о С. М. Соловьеве.

<sup>300</sup> Там же. С. 116 (письмо от 15 ноября 1927 г.).

<sup>301</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 19 об. (письмо от 25 апреля 1928 г.).

<sup>302</sup> Письма к Гениевой. С. 307 (письмо от 13—17 апреля 1929 г.). Письма Ф. П. Леонтьевой к М. В. Леонтьевой хранятся в РГАЛИ: Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1063—1065. Общее число — 51.

лать всех писем: «...помните — это особая пачка, в особом конверте. И есть 3—4 письма той же к тому же — ВНЕ этой пачки. Это — моя собственность, и ее оставьте втуне».<sup>303</sup>

Гениева, познакомившись с письмами и оценив их важность, решила скопировать всю переписку, но ей, загруженной домашней работой и детьми, было сложно быстро справиться с этим делом. Копирование затянулось почти на целый год, но в конце концов оригиналы писем были отосланы в Орел.<sup>304</sup> Дурылин боялся за судьбу переписки («что в Орел попало, то пропало»),<sup>305</sup> и не напрасно. После долгого молчания Максимова отвечала: «Вы, Сергей Николаевич, вероятно, поджидаете от меня письма, а я все не пишу и не пишу. Давно получила письма М(арии) Вл(адимировны), кот(орые) я вам давала. Они дошли совершенно благополучно. Я перечитала их, — и, признаюсь, мне было бесконечно тяжело знать и видеть, что они побывали в чужих руках — хотя бы и дружеских. Это тяжелое чувство укрепляет мое намерение остальные письма сохранить исключительно для себя и, когда придет время, уничтожить их. А где обретаются остальные, взятые вами материалы? Если вы их уже использовали, то мне хочется, чтобы и они вернулись ко мне».<sup>306</sup> Это письмо в августе того же года Дурылин процитировал в письме к Гениевой, добавив: «Вы спасли живое существо от ауто-да-фе безумной старой девы! А остальное — она сожжет, сожжет непременно! Я только жалею теперь, что Вы не оставили хоть 1—2 письма в их подлинном виде. Ну, да все равно — медаль за спасение погибающих Вам обеспечена».<sup>307</sup>

Кроме этих писем Дурылину удалось сохранить у себя все документы, доставшиеся ему от Леонтьевой. Однако не расстроились и отношения с Т. Н. Максимовой.<sup>308</sup> Из последнего ее письма к Дурылину выясняется, что она была лично знакома с Леонтье-

---

<sup>303</sup> Письма к Гениевой. С. 189 (письмо без даты (весна 1928)). Эти письма (автографы) хранятся: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1013, 1031.

<sup>304</sup> Письма, скопированные Е. В. Гениевой, хранятся в РГАЛИ: Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1032.

<sup>305</sup> Письма к Гениевой. С. 189 (письмо без даты (весна 1928)).

<sup>306</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 20. Письмо без даты. (Середина июля 1929 г.).

<sup>307</sup> Письма к Гениевой. С. 359. Письмо предположительно от августа 1929 г.

<sup>308</sup> Летом 1940 г. Т. Н. Максимова побывала у Дурылина в Болшево.

вым: «Мне вспоминается, как давным-давно, в год смерти К⟨он-  
стантина⟩ Н⟨иколаевича⟩, я и М⟨ария⟩ Вл⟨адимировна⟩ гостили  
летом целый месяц в Оп⟨ти⟩ной, и я переписала К⟨онстантину⟩  
Н⟨иколаевичу⟩ какой-то его роман. „Бесхвостый роман“, как он го-  
ворил, т. е. без конца. Назывался он, кажется, „Две избранницы“.  
Да, все это было... Было и былшем поросло!»<sup>309</sup>

Ни с кем Дурылин не говорил так много о Леонтьеве, как с  
Е. П. Казанович, тогда еще сотрудницей Пушкинского Дома. Впер-  
вые его имя возникло в их переписке еще в начале 1928 года. Дуры-  
лин писал: «У меня есть небольшое собрание автографов русских  
писателей. Много из него я желал бы передать Пушкинскому До-  
му — особенно из рукописей тех наших писателей, которые плохо  
или недостаточно представлены в Пушкинском Доме. В их числе  
назову Конст⟨антина⟩ Н⟨иколаевича⟩ Леонтьева».<sup>310</sup> В декабре  
1928 года Дурылин написал ей о своей тайной мечте отметить в  
1931 году юбилей Леонтьева: «Теперь относительно Пушкинского  
Дома и бумаг К. Н. Леонтьева. В 1931 г. исполняется столетие со  
дня его смерти<sup>311</sup> и 40-летие со дня его смерти († 1891 г.).

Не посоветуете ли Вы, какими путями можно было бы отметить  
эти даты — хотя бы изданием сборника, посвященного Леонтье-  
ву-художнику? У меня есть из неизданных его вещей 2 романа, ав-  
тобиография, письма. Воспоминания о нем и мн. др. Совесть требу-  
ет издать хоть  $\frac{1}{10}$  этого. Как это сделать? После юбилея (1931 г.)  
намеренье мое передать леонтьевские материалы (перечисленные и с  
прибавкой некоторых книг с автографами из его библиотеки, порт-  
ретов и пр.) в Пушкинский Дом — желание мое; бесплатно, если не  
буду совсем голодать к тому времени. Но мне хотелось бы передать  
все это (тут много интересного) на таких условиях, чтобы К. Ле-  
онтьеву была отведена стена или уголок в Пуш⟨кинском⟩ Доме, где  
можно было бы выставить его рукописи, книги, портреты, автогра-  
фы и пр. — так, чтобы все это не было под спудом. Его жребий —  
под спудом быть всегда, но, я понимаю еще, быть под спудом  
в жизни, но в музее быть под спудом, — согласитесь, — это ужас-  
но и непереносно! Вот чего бы мне хотелось! Возможно ли это?  
Сделать я все это могу не раньше 31 года, т. к. надежда моя выбрать-

---

<sup>309</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 639. Л. 33 об. (письмо от 19 ян-  
варя 1941 г.).

<sup>310</sup> РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 8 (письмо от 28 августа 1928 г.).

<sup>311</sup> Опуска: рождения.



ся в Москву отсюда связана лишь с летом 1930 г. — стало быть, после юбилея 1931, я мог бы, разобрав все, отдать все в П(ушкинский) Д(ом), но на указанном главном условии: чтобы подспудное существование этого большого писателя кончилось хотя бы в музее русской литературы, где он должен занять место по праву».<sup>312</sup>

Ответа на это предложение Дурылин либо не получил, либо письма Казанович конца 1928—начала 1929 года не дошли до нас. Обсуждая тему написания биографий, Дурылин признавался: «...хотя и много у меня материалов для биографии К. Леонтьева, но собрать надо еще кучи, — а уже знаю, что мог бы, пожалуй, и на основании того, что у меня есть, написать его биографию: какой-то живой комок его бытия живет во мне. Конечно, эта тема должна быть теперь на дальней полке».<sup>313</sup> Но летом 1929 года Евлалия Павловна вдруг неожиданно откликнулась: «С каким удовольствием я взялась бы помогать Вам, если бы Вы предприняли издать то, что после него осталось и о чем Вы когда-то писали мне. Если бы мне знать, что именно есть, может быть, я бы попыталась бы поговорить об этом в нашем Госиздате ввиду предстоящего юбилея Леонтьева; что Вы на это скажете?»<sup>314</sup> Уже через две недели обрадованный Дурылин предложил «безумный» проект издать сборник Леонтьева: «Неизданное вот что удобопечатаемо, кажется: 1) „От осени до осени“ — маленький роман (листа на 3—3 1/2, думается) — единственный остаток огромного цикла романов „Река времен“, — вещь вполне пригодная к тиснению, 2) 2 части романа „Две избранницы“. 3-ья утеряна. Одна из этих двух была напечатана в нераспространенном журнале „Россия“ в 80-х гг. 3) автобиография (неполн(ая)) „Моя литературная судьба“ — я думаю, в печати нужны сокращения, 4) письма к Т. И. Филиппову, Н. Я. Соловьеву, И. И. Фуделю, А. А. Фету (хранятся эти послания у Вас в Пушк(инском) Доме; у меня давно в (19)25 г. сняты копии), кн. К. Д. Гагарину, к Д. Н. Цертелеву и др. (это все в моем распоряжении), 5) письма к матери — огромный том. Письма к Филиппову полны огромного интереса: их — на целый том. Есть около 12 ответных писем Фи-

---

<sup>312</sup> Там же. Л. 13—13 об. (письмо от 13 декабря 1928 г.).

<sup>313</sup> Там же. Л. 27 (письмо от 2 июня 1929 г.). Фрагменты биографии хранятся в РГАЛИ (Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 292). Кроме того, целый ряд архивных дел составляют множественные выписки из Леонтьева (Оп. 1. Ед. хр. 236—240, 292; Оп. 2. Ед. хр. 249).

<sup>314</sup> МД. 525/23. Л. 17 (письмо от 8 июня 1929 г.).

липпова [Вам ведомо, вероятно, что весь его архив погиб], но интерес этот — не литературный. Такой же интерес представляет „Исповедь“ Л(еонтье)ва Амвросию Оптинскому и письма его в Оптину. Это, приблизительно, размеры *неизданного* Л(еонтье)ва, к которому я имел прикосновение (...). Я бы включил сюда, — писал далее Дурцылин, — 1) *неизданное*: а) от осени до осени, б) автобиография, в) избранные письма (а, м(ожет) б(ыть)), и устранил бы их); 2) *изданное*: 1) „Пембе“, 2) „Дитя души“, 3) „Исповедь мужа“. Это был бы *экстракт* Леонтьева-художника, — и не упущен был бы в издании Л(еонтьев)-мыслитель. Но возможно ли заполучить где-либо на Л(еонтье)ва 25 листов? Из них оплате авторской подлежали бы очерк и неизданное. Если невозможна книга такого типа, то что возможно? Отзовитесь! Работа моя на 1/2 сделана; кроме названных работ у меня есть еще большая работа „Путь К. Л(еонтье)ва“ и „Роман ‘Подлипки’“. М(ожет) б(ыть), Вы разработали бы другой какой-ниб(удь) план, — напр(имер), с привлечением (бóльшим) писем и воспоминаний о К(онстантине) Н(иколаевиче)? Я жду Ваших возражений, дополнений, переименований и т. п. Только не давайте заглухнуть росту этого доброго дела и помните, что только с Вами я и могу о нем думать и заботиться». <sup>315</sup> Дурцылин называл этот проект «гофмановской фантастикой», но тем не менее готовился к его осуществлению. <sup>316</sup>

О проекте он писал и Максимовой, прося ее сообщить все известные ей сведения: «Я сижу за книгами, вожусь только с книгами и разговариваю только с книгами. В их числе читаю все, что могу, о Константине Николаевиче, и к 1931 г. (год 100-летия его рождения) надеюсь выпустить книгу о нем, где будет, разумеется, много места и внимания и, смею сказать, любви уделено и Марье Владимировне». <sup>317</sup> Однако Максимова была убеждена, что ворошить прошлое не нужно: «Вы, Сергей Ник(олаевич), ошибаетесь, предполагая, что я могу сообщить что-то особенное о М. Вл. Перечитывая сейчас сборник, изданный в память 20-летия смерти К. Н., его биографию краткую, его письма и сочинения, я вспоминаю, как М. Вл. все это мне рассказывала, как мне это все знакомо давным-давно... А пере-

---

<sup>315</sup> «Слух узнает знакомого певца». С. 313—315 (письмо от 24 июня 1929 г. из Томска).

<sup>316</sup> Письма к Гениевой. С. 350 (письмо от 15 июля 1929 г.).

<sup>317</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 344. Л. 2—2 об. Письмо без даты. (Лето 1929).

дать трагедию величайшей любви и покаяния, — да разве я сумею, если бы даже и хотела... А я, повторяю, я ничего не хочу...»<sup>318</sup>

Но этот план погиб, едва родившись. Уже в июле 1929 года Евлалия Павловна была вынуждена намекать корреспонденту о тревожных событиях в Пушкинском Доме: «...я до сих пор не предприняла ничего для Леонтьева и вряд ли скоро смогу за него приняться; у меня очень много всяких неприятных дел было в этом году; они продолжаются еще и сейчас».<sup>319</sup> Дурылин, видимо, еще не зная, что «неприятные дела» — это начинающийся разгром Пушкинского Дома и Академии наук, фактически умолял свою корреспондентку: «Только не покидайте Вашего доброго намерения, не бросайте Вашей прекрасной и так меня порадовавшей мысли, — а терпения у меня воз! Я вполне бессилен хотя бы что-нибудь сделать для практического осуществления этого начинания, — и потому в этом весь — в чаянии Ваших „толканий“ в двери издающих, и, конечно, Вы лучше увидите, когда благовременнее толконуться в эти двери и в какие именно. Одно только нельзя не помнить, что 1931 г. — его дважды юбилейный год, и совестно было бы его ничем не отметить».<sup>320</sup>

Тогда же, летом 1929 года, Е. П. Казанович все же попыталась навести справки о возможности издания сборника Леонтьева. Она сообщала Дурылину: «Из деревни я съездила на несколько дней в Москву порыться в архивах для одной работы, которая мне предложена сейчас. Там я попыталась повести речь об издании Л(еонтье)ва и натолкнулась на полную неудачу: время самое неподходящее во всех отношениях, и о подобном издании нечего сейчас и мечтать. Я это предчувствовала и только надеялась на русское авось, но оно на этот раз не вывезло. Мне очень грустно писать Вам об этом, п(отому) ч(то) Вашему терпению предстоит слишком большое испытание».<sup>321</sup> Уже осенью Евлалия Павловна была арестована по «делу академиков», а после освобождения уволена из Пушкинского Дома.<sup>322</sup>

Даже находясь в ссылке, Дурылин не переставал собирать материалы о Леонтьеве везде, где только можно. 7 апреля 1929 года он

<sup>318</sup> Там же. Ед. хр. 639. Л. 25—26 об. (письмо от 21 сентября 1929 г.).

<sup>319</sup> МД. 525/23. Л. 19 (письмо от 14 июля 1929 г.).

<sup>320</sup> РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 35 об. (письмо от 26 июля 1929 г.).

<sup>321</sup> Казанович Е. П. Письмо к Дурылину (сентябрь 1929 г.) // МД. 265/27. Л. 72—73. Включено Дурылиным в книгу «В своем углу».

<sup>322</sup> «Слух узнает знакомого певца». С. 280—281.

адресовал к своей знакомой, Е. А. Нерсесовой, просьбу к ее мужу, А. Н. Нерсесову, юристу, профессору Московского университета: «У меня есть просьба к Алекс⟨андру⟩ Н⟨ерсесовичу⟩, о которой когда-то я ему говорил. Нельзя ли в Архиве Университета найти и списать точно бумаги, относящиеся к пребыванию в университете Константина Ник⟨олаевича⟩ Леонтьева? Он поступил туда в 1849 г. на медицинский факультет, занимался у проф. Иноземцева. 18 мая 1854 г. получил степень лекаря и поступил на военно-медицинскую службу (на войну в Крыму). Нужно бы списать: 1) документы, с которыми он поступал в университет, 2) все документы (баллы, экзаменационные сведения и т. п.), относящиеся ко времени пребывания Леонтьева в университете, 3) выходные документы. Может быть, найдутся и отзывы начальства и т. п. Все это хорошо бы прислать с Капу. Списать надо буква в букву. В Московский университет Леонтьев перевелся из Ярославского лицея. Нет ли его лицейских документов и свидетельств? За все был бы очень благодарен».<sup>323</sup>

Еще один эпизод с леонтьевским архивом относится к Н. К. Гудзию. В годы второй ссылки Дурылина Гудзий постоянно посылал ему книги, необходимые для работы, и помогал в устройстве его статей. Ему приходилось договариваться с редакторами, выяснять вопросы о гонорарах и многое другое. Письма Дурылина времен Томска (1928—1930) и Киржача (конец 1930—1933) полны просьб и неизменных благодарностей этому замечательному человеку. Без его участия Дурылин, которого как «вредный элемент» никуда не брали на работу, вряд ли бы сумел выжить.

В ответ на бескорыстную дружбу Дурылин решил отблагодарить Гудзия, чем мог, и послал ему то, что для него самого было бесценным: «Хочется мне послать Вам маленький подарочек. Это — автограф К. Н. Леонтьева. И открытка эта — очень типическая для него по почерку, стилю и пр. — не случайная и летучая. В ней он намекает на великий переворот в своей жизни: „одна новость“ — это тайный постриг, принятый летом 91 г. в Оптинском скиту. „Петербург⟨ский⟩ вопрос“ — вопрос о переезде Фуделя из Белостока в Петербург. Статья Вл. Соловьева, к⟨отор⟩ой Л⟨еонтьев⟩ так ждет, так и не появилась при его жизни. Соловьев написал о нем лишь некролог в „Рус⟨ском⟩ Обозр⟨ении⟩“. „Личные чувства“ С⟨оловье⟩ва к Л⟨еонтьев⟩ву были самые высокие, горячие и хвальные.

<sup>323</sup> МД. 2058/82. Л. 12—13.

„Куколка“ — жена Фуделя, Евгения Сергеевна († 1927), — действительно, прекрасная и умная женщина.

Итак, „володейте“ этой замечательной открыткой, писанной из места, дорогого русской литературе (в этом месте только что виделись Леонт(ьев) и Л. Толстой)<sup>324</sup>,<sup>325</sup> Через несколько дней Дурьлин получил ответ от Гудзия: «Сердечное спасибо Вам за письмо о Леонтьеве. Я не собиратель автографов, но этому автографу очень рад».<sup>326</sup>

Продолжая собирать биографические сведения о Леонтьеве, Дурьлин познакомился с калужским краеведом Дмитрием Ивановичем Малининым (1879—1933), который по его просьбе искал и нашел архивные выписки о годах учебы Леонтьева в гимназии в Калуге. Об этом свидетельствует письмо Малинина из Калуги, процитированное Дурьлиным в записках «В своем углу»:

«Ученье К. Н. Леонтьева в гимназии в Калуге.

(Справка).

Сообщу Вам кое-что новое о К(онстантине) Н(иколаевиче), что мне удалось наскресть в гимназическом архиве.

---

<sup>324</sup> Речь идет о встрече Леонтьева и Толстого в Оптиной пустыни 28 февраля 1890 г., о которой сохранилась выписка Дурьлина, комбинирующая фрагмент из дневника Толстого и из письма Леонтьева к Губастову от 10 декабря 1890 г.: «1890 г. Февраль. 27—28. С семьей. Был у Амвросия и К. Леонтьева. 27 — у Амвр(осия), 28 — у Л(еонтьева): „был у Леонтьева, прекрасно беседовали. Он сказал: «Вы безнадежны», а я сказал: «А вы надежны»“. Л(еонтьев) пишет Губ(астов)у: „Просидел часа два и проспори́л; был очень любезен, обнимал, целовал, звал: «голубчик К. Н-ч»“. Конечно, говорил мне все то же...» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 74—75). Дурьлин использует следующие источники: *Бирюков П. И.* Биография Л. Н. Толстого. М., 1922. Т. 3. С. 125; *Русское обозрение.* 1897. Июнь. С. 913—914. Встречу с Толстым Леонтьев упомянул также в письме к Фуделю от 28 февраля 1890 г. (см.: «Преемство от отцов». С. 187; фрагмент впервые опубли. Н. Н. Гусевым: *Летописи ГЛМ.* 1948. Кн. 12. С. 164) и к Т. И. Филиппову от 14—15 марта 1890 г. (*Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко.* СПб., 2012. С. 579—582).

<sup>325</sup> *Дурьлин С. Н.* Письмо Н. К. Гудзию. Без даты (Январь 1930) // РГБ. Ф. 731. К. 6. Ед. хр. 35. Л. 55. Имеется в виду открытка от 13 мая 1891 г. к о. Иосифу Фуделю, известная исследователям только в копиях. См.: «Преемство от отцов». С. 316; коммент.: с. 632—633.

<sup>326</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 21 (письмо от 15 января 1930 г.).

В 1847—1848 уч(ебном) году К. Н. в VI классе. В классе 24 ученика. Годовые отметки:

Зак(он) Бож(ий) год. 4. Экз(аменационного) — нет; русс(кий) яз(ык) год(овой) 4; экз(аменационного) нет; Латин(ский) яз(ык) год(овой) 4; экз(аменационного) нет. Только он один не имеет экзам(енационных) баллов. Греч(еский) яз(ык), ни год(ового), ни экз(аменационного) нет. Матем(атика) год(овой) 3. Физ(ика) 2, история — 3, геогр(афия) — 3. Нем(ецкий) яз(ык) 4. Фр(анцузский) яз(ык) 5. Экзаменных нет. По истории частные (? — С. Д.) отметки: октябрь — 3, ноябрь—декабрь — 2, январь — 4.

Других журналов не сохранилось.

В 1842 г. в I кл. в списках не значится; очевидно, поступал не в первый класс. Окончил курс гимназии в 1849 г. (VII кл.). Вывод средних баллов: З(акон) Б(ожий), Русск(ая) слов(есность), Лат(инский) яз(ык), История, Географ(ия), Франц(узский) яз(ык), Нем(ецкий) яз(ык) — 5. Матем(атика) и Космограф(ия) — 4, Физика — 4; Греческого нет. Сумма баллов 43, средний вывод баллов 5. (...) Вот и все, что удалось нащипать из отдельных листов, случайно уцелевших. Немного, но „чем богат, тем и рад“. Вероятно, и это скоро отправят на фабрику, по случаю бумажного кризиса. Ссылаться же придется на „архив Калужской классической гимназии“. Дело такого-то года. Они не нумерованы и не соединены в дела; часто только списки разрозненные».<sup>327</sup>

Фрагмент записок «В своем углу», приведенный выше, есть лишь один из многих, относящихся к Леонтьеву, имя которого не покидает страниц этой книги, начатой еще в челябинской ссылке и ставшей настоящим пространством для его внутренней эмиграции. Среди фрагментов, выпущенных в опубликованной версии этой книги,<sup>328</sup> есть два очень лаконичных, но вполне определенно раскрывающих пессимистический взгляд Дурылина на Леонтьева и его посмертную судьбу:

«44. Покойный И. И. Соловьев<sup>329</sup> говорил мне про него:

---

<sup>327</sup> Дурылин С. Н. В своем углу. XIII. 64 // МД. 265/27. Л. 185—186 (письмо от 20 июля 1930 г.).

<sup>328</sup> Дурылин С. Н. В своем углу / Сост. В. Н. Тороповой, предисл. Г. Е. Померанцевой. М., 2006.

<sup>329</sup> Иоанн Ильич Соловьев (1854—1917) — протоиерей, библист, переводчик, сотрудник «Русского обозрения», редактор журналов «Чтецкий Общества духовного просвещения», «Вера и Церковь». Название его

— Это был израильтянин, „в нем же льсти нет“.

45. Никто его не знает. Никто.

А теперь, быть может, нет уже и его могилы.

„Может быть еще позволено будет?“

Уже не позволено». <sup>330</sup>

Последняя, четырнадцатая, тетрадь относится к 1939 году, но добавления в книгу автор делал еще и в 1944 году. Между XIII и XIV тетрадями вставлена дополнительная тетрадь XIII а, датированная ноябрем 1930-го—осенью 1931 года и содержащая тексты о Леонтьеве, Ап. Григорьеве и Розанове. Хотя мысль о том, что история этих «литературных изгнанников» никогда не будет написана, проходит сквозь всю книгу, <sup>331</sup> в 1931 году окончательно исчезли у Дурылина надежды не только издать хоть что-нибудь из Леонтьева или о Леонтьеве, но и на то, что уже изданный Леонтьев будет когда-нибудь прочтен и понят. Наверное, поэтому в день столетия со дня его рождения, 13 марта 1931 г., мыслитель включил в книгу два фрагмента: написанную в тот же день краткую историю своих занятий Леонтьевым и фрагмент от 12 ноября 1921 года, о котором речь уже шла выше. Внешним поводом для нового обращения к этому фрагменту послужило, как пишет Дурылин: «Письмо от Т. Н. Максимовой, жившей с племянницей К. Леонтьева (ум. в 1928 году!)», <sup>332</sup> видимо полученное еще в январе 1931 года. С фрагментом перекликается грустное, даже мрачное письмо Дурылина к Казанович от 21 марта 1931 года: «Сейчас читаю „воспоминания“ Ап. Григорьева, — давно читанные и, как всегда, глубоко огрустняющие. Вот судьба! Как вы думаете, дождется ли наш правнук „полного собрания его сочинений“? Воспитанница племянницы другого несчастливца — К. Н. Леонтьева, коему исполнилось 100 лет со дня рождения, — горько сетует, что никто о нем не вспомнил. Я когда-то мечтал написать книгу: „те, кого не читают“. Может быть, надо бы переиначить заглавие: „те, кого не прочтут“. Уже наверное не прочтут,

---

магистерской диссертации «О книге пророка Ионы. Опыт исагогико-экзегетического исследования» (1884) Дурылин обыграл в хронике «Колокола» (там она называется «О пребывании Ионином»), а в «В своем углу» назвал образцом «вялой и бесцветной апологетической диссертации» (Дурылин С. Н. В своем углу. X. 44 // МД. 265/19. Л. 118).

<sup>330</sup> Ср.: II. 24 // Там же. 265/3. Л. 28. Записано осенью 1924 г.

<sup>331</sup> Ср.: XI. 15 // Там же. 265/21. Л. 48; XI. 31 // Там же. Л. 110.

<sup>332</sup> МД. 265/30. Л. 47.

и кто-нибудь когда-нибудь напишет книгу: „История непрочтенной литературы“. В ней будут главы об Ап. Григорьеве, Леонтьеве, Кохановской, Теплякове, Случевском, Рцы, Ю. Николаеве — и скольких еще! А должны быть еще подразделения: „История прочтенной литературы“ и „История перечитываемой литературы“». <sup>333</sup> Начиная с 1931 года имя Леонтьева практически исчезает из дурылинских писем, а если и появляется, то лишь как тень его личного прошлого, «память сердца». Так, в одном из писем Гудзий назвал Дурылина «словесником», и это вдохновило Дурылина на рассказ об удивительно раннем начале его литературных занятий: «Мальчиком, 14 лет, я, почему-то заинтересовавшись „Ябедой“ Капниста и не найдя ни одной книги или большой статьи о нем (чего нет и доселе), я засел за все первоисточники, за „Собеседник“ Екатеринских времен, за полемику нач(ала) 19 в. о гекзаметре, в к(отор)ой Капнист был на стороне „старцев беседы“, за мемуары, за словарь Евгения! В Румянц(евской) библиотеке с удивлением смотрели на худенького гимназиста, утопающего в горах журналов XVIII в. и что-то из них выписывавшего в тетради. Выписок этих накопилось тома три. В те времена, я думаю, вряд ли кто еще в России знал Капниста лучше меня: я знал его вплоть до газетных статей, до рецензий о представлениях „Ябеды“». <sup>334</sup> И следом Дурылин признается: «Говорить ли, что о К. Леонтьеве накоплено 2 горы или целое плоскогорье, что можно б издать книгу из написанного о нем, но напечатано не было ничего. У словесника должна быть влюбленность. У меня она неизменная, на всю жизнь, с малых лет: Лермонтов, — затем К. Леонтьев, Лесков, Пушкин, Гоголь, многие из символистов, Тютчев...» <sup>335</sup> И все же через четыре года Дурылину удалось осуществить публикацию воспоминаний Леонтьева «Моя литературная судьба». Но одновременно пришлось отстаивать свои права на леонтьевские архивные материалы.

Как только в 1933 году был создан Государственный литературный музей, инициатор его создания и директор В. Д. Бонч-Бруевич принялся формировать его фонды, скупая литературные архивы (такое предложение поступило, конечно, и Дурылину). Сохранились

<sup>333</sup> РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. Л. 74—74 об.

<sup>334</sup> Дурылин С. Н. Письмо к Н. К. Гудзю. Без даты (Сентябрь 1931) // РГБ. Ф. 731. К. 24. Ед. хр. 30. Л. 35 об.—36.

<sup>335</sup> Там же. Л. 36 об.—37.



письма Бонч-Бруевича и М. А. Цявловского<sup>336</sup> (члена фондово-закупочной комиссии музея) к М. И. Фудель<sup>337</sup> с предложением продать леонтьевский архив. Цявловский в письме говорил о том, что знает о «богатом архиве Леонтьева, еще в огромной части не опубликованном».<sup>338</sup> По его словам, он специально наводил справки у П. С. Попова и Г. И. Чулкова. Неизвестно, как отреагировали сестры Фудель на это предложение, но когда в начале ноября 1933 года Дурылин вернулся из ссылки в Москву, то в переписке его с женой, И. А. Комиссаровой,<sup>339</sup> появляются глухие упоминания о каком-то конфликте с Марией и Лидией Фудель. Рискуя ошибиться, можно все же предположить, что они попросили Дурылина вернуть им документы, когда-то отданные ему о. Иосифом, для того чтобы продать их в ГЛМ.

Загадочная фраза в письме Дурылина к Ирине Комиссаровой: «Списывай Леонтьева»,<sup>340</sup> — может означать, что Дурылин принялся срочно копировать те рукописи, которые необходимо было вернуть. С другой стороны, судя по письмам, он пытался отстаивать свои права на леонтьевский архив. Так, он напомнил сестрам о письме М. В. Леонтьевой от 14 сентября 1925 года, где она подтверждала его права на издание Леонтьева: «26-го, вчера, утром была уда-

---

<sup>336</sup> Мстислав Александрович Цявловский (1883—1947) — литературовед, пушкинист, в 1930—1934 гг. заведующий Рукописным отделом Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная поляна», в 1932—1936 гг. — директор Музея, с конца 1930-х гг. — заведующий Рукописным отделом Государственного музея А. С. Пушкина (Москва).

<sup>337</sup> Мария Иосифовна Фудель (1892—1949) — дочь о. Иосифа Фуделя. Окончила гимназию С. Н. Фишер со званием «домашняя наставница». Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия.

<sup>338</sup> Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 8. Оп. 5. Ед. хр. 20. Л. 1. Это письмо от 5 августа 1933 г.

<sup>339</sup> Ирина Алексеевна Комиссарова (1899—1976) — духовная дочь о. Алексея Мечева, прихожанка его храма. Сблизилась с Дурылиным в 1920 г., а в 1923 г., по благословению о. Алексея, поехала с Дурылиным в Челябинск. В 1933 г. в ЗАГС г. Киржача они зарегистрировали брак, истинной целью которого была необходимость получить прописку в Москве. Комиссарова была всю жизнь верной спутницей Дурылина, сороботницей во всех его делах.

<sup>340</sup> МД. 525/38. Л. 7 (письмо от 31 октября 1933 г. из Москвы). Дурылин уже был в Москве, где жил в комнате ее сестры, А. А. Виноградовой, а И. А. Комиссарова занималась в Киржаче подготовкой к поезду.

ча: я отыскал-таки то письмо покойной Марьи Владимировны ко мне, которое мне так было нужно. Оно (да еще копия с письма к М. Вл. — самой покойной Евгении Сергеевны) подтвердило все, что я тебе говорил, и я теперь (м<ожет> б<ыть>, сегодня) пойду к Марусе и Лиде<sup>341</sup> совершенно спокойно <...>. Сегодня постараюсь поговорить с Марусей и ее сестрами». <sup>342</sup> «Был у Лиды и Маруси и 30 будет большой разговор, вряд ли приятный». <sup>343</sup>

В начале 1935 года архив все еще оставался у дочерей о. Иосифа. Теперь уже сам Бонч-Бруевич предлагал М. И. Фудель продать леонтьевские рукописи. Бонч-Бруевич интересовался подготовленным о. Иосифом к печати томом писем Леонтьева и сообщал: «В нашем Музее собрано уже значительное количество материалов по Леонтьеву и было бы хорошо, если бы и Ваши материалы к нам присоединились бы». <sup>344</sup> В итоге рукописи Леонтьева были проданы в ГЛМ. Сохранились сдаточные описи 5 папок с ценами. В папке № 3 под заголовком: «рукописи, авторизованные копии К. Леонтьева, выправленные его рукой печатные тексты его произведений» <sup>345</sup> числится документ: «Воспоминания 1874—1875 гг. (Моя литературная судьба) — литературные встречи и характеристики Каткова, П. Леонтьева, Погодина, И. Аксакова, Черкасского, Самарина, Бодянского и др. Текст составляет около 5 1/2 печ. листов. Неиздано: часть мемуаров передана для публикации в „Литературное наследство“». <sup>346</sup> Это та самая копия, которую Дурылин назвал списком, «писанным рукой М<арии> В<ладимировны>», то есть рукописная копия М. В. Леонтьевой с авторской правкой. Скорее всего, Дурылину пришлось отдать ее в ГЛМ, но в 1941 г. фонды ГЛМ были переданы в РГАЛИ, где она хранится теперь. <sup>347</sup> Однако у Дурылина оставалась еще машинописная копия с правкой М. В. Леонтьевой. Поскольку, по сведениям Дурылина, именно этот «реминг-

---

<sup>341</sup> Лидия Иосифовна Фудель (1895—1933) — дочь о. Иосифа, первая жена ближайшего друга и ученика Дурылина, художника Н. С. Чернышева. Умерла от туберкулеза.

<sup>342</sup> Дурылин С. Н. Письмо к И. А. Комисаровой от 27 ноября 1933 г. // МД. 525/38. Л. 59 об.

<sup>343</sup> Там же. Л. 10 (письмо от 28 ноября 1933 г.).

<sup>344</sup> Дом русского зарубежья. Ф. 8. Оп. 5. Ед. хр. 21. Л. 1—1 об. (письмо от 5 марта 1935 г.).

<sup>345</sup> Там же. Ед. хр. 22. Л. 4.

<sup>346</sup> Там же. Л. 4 об.

<sup>347</sup> РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 5.

тонный список» был сделан для X тома собрания сочинений, он за основу публикации взял эту копию. Об этом Дурьлин сам пишет в примечаниях к публикации.<sup>348</sup> Машинопись эта осталась у Дурьлина и поэтому попала в РГАЛИ в 1977—1979 гг. вместе с его архивом.<sup>349</sup>

Историю публикации воспоминаний Леонтьева «Моя литературная судьба» можно реконструировать по переписке Дурьлина с редакторами «Литературного наследства» И. С. Зильберштейном и И. В. Сергиевским.<sup>350</sup>

2 ноября 1934 г. Сергиевский сообщал Дурьлину:

«Мы приступили сейчас к широкой подготовке нашего сборника, специально посвященного правым течениям русской литературы и общественности прошлого века. Сборник этот будет нашим очередным.

В связи с этим, во-первых, желательно было бы услышать Ваши замечания и указания.

Во-вторых, одна конкретная просьба к Вам. Нам очень хотелось бы представить в этом сборнике Владимира Соловьева. Не известно ли Вам, какова судьба материалов, хранившихся у покойного Сергея Михайловича? Ведь там, безусловно, должно быть что-нибудь интересное. Хорошо было бы, если бы как-нибудь мы могли побеседовать с Вами на эту тему».<sup>351</sup>

Через две недели Сергиевский еще дважды напоминал Дурьлину как об архиве С. М. Соловьева, хорошо знакомого Дурьлину еще со времен «Мусгета», так и об участии в «реакционном» томе.<sup>352</sup> О бумагах Вл. Соловьева Дурьлин, вероятно, ничего не ответил, а о предложении для этого тома можно судить по ответу Сергиевского:

«Я разговаривал с руководящими работниками нашей редакции, и мы решили из предложенных Вами материалов остановиться на

---

<sup>348</sup> Дурьлин С. Н. Примечания // Литературное наследство. Т. 22/24. С. 471.

<sup>349</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 999. Значительная часть архива Дурьлина была передана в РГАЛИ сестрой И. А. Комиссаровой А. А. Виноградовой.

<sup>350</sup> Иван Васильевич Сергиевский (1905—1954) — литературовед, научный сотрудник ИМЛИ.

<sup>351</sup> МД. 2058/70. Л. 41.

<sup>352</sup> Там же. Л. 42; РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 533. Л. 3.

следующих: автобиография, письма к Тertiю Филиппову и письма к Фету. Прошу Вас, как мы с Вами договаривались, — подготовить эти материалы для просмотра. О том, когда можно будет зайти, прошу Вас известить меня телефонным звонком».<sup>353</sup>

Прошло несколько месяцев, и Дурылин получил письмо следующего содержания:

«Дорогой Сергей Николаевич!

„Реакционного“ тома не будет. Из Ваших леонтьевских материалов используем что-нибудь одно в очередном смешанном томе, я думаю, лучше всего — автобиографию. Прошу в один из ближайших дней, очевидно 13-го, зайти в редакцию, лучше между часом и тремя, договориться о сроке изготовления комментария и прочих технических подробностей».<sup>354</sup>

Дурылин начал работу и, с точки зрения редакторов, делал ее слишком медленно. Зильберштейн и Сергиевский буквально забрасывали Дурылина письмами с просьбами «всячески форсировать» работу, «не разгоняя комментария».<sup>355</sup> Между тем Дурылин стремился ввести в научный оборот как можно больше имевшихся у него неизданных текстов. В его комментариях цитируются «Моя исповедь», «Хронология моей жизни», роман «От осени до осени», письма Леонтьева к Т. И. Филиппову и М. К. Ону, воспоминания М. В. Леонтьевой «К. Леонтьев в Турции», а также неопубликованные и сейчас еще рассказы М. В. Леонтьевой, записанные Дурылиным в 1925—1926 годах.<sup>356</sup> В подготовке белой рукописи комментария, хранящейся в РГАЛИ,<sup>357</sup> Дурылину помогали Е. В. Гениева и К. В. Пигарев.<sup>358</sup> Комментарий был завершён примерно к концу апреля—началу мая

<sup>353</sup> МД. 2058/70. Л. 42 (письмо от 20 ноября 1934 г.).

<sup>354</sup> Там же. 612/82. Л. 26 (письмо от 10 февраля 1935 г.).

<sup>355</sup> См. письма Зильберштейна к Дурылину: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 533. Л. 5, 11, 14, 16.

<sup>356</sup> Комментарии Дурылина активно использовал Ю. П. Иваск: *Иваск Ю. К. Леонтьев. Жизнь и творчество*. Берн-Франкфурт, 1974. Републиковано: К. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 2. С. 229—675.

<sup>357</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 142.

<sup>358</sup> Кирилл Васильевич Пигарев (1911—1984) — правнук Ф. И. Тютчева, литературовед, с 1949 г., после смерти Н. И. Тютчева, сменивший его на посту директора музея-усадьбы «Мураново». Ученик Дурылина, именовавший учителя в письмах своим «литературным восприемником», «Ментором», а себя — «Телемаком».

1935 года, но все же оказался слишком велик, и Сергиевский боялся, что «редколлегия поднимет рык» по поводу его размеров.<sup>359</sup> Дурылин предварил комментарий следующим пояснением:

«Копия от М. В. Леонтьевой. Заглавие писано рукою М. В. Леонтьевой. Полный текст моих примечаний к этой автобиографии. (С этого текста автобиография напечатана в „Литерат(урном) Наследстве“ мною)».<sup>360</sup>

К счастью, комментарий подвергся лишь незначительным сокращениям. К концу ноября 1935 года публикация была полностью подготовлена к печати и вышла в соответствии с обычной советской практикой издания «реакционных» текстов: со вступительной статьей литературоведа-марксиста Н. Л. Мещерякова.

Тогда же Дурылин, узнав о подготовке толстовского тома «Литературного наследства», предложил Зильберштейну поместить туда статью «Леонтьев и Толстой». Зильберштейн, высоко ценивший Дурылина как литературоведа, согласился.<sup>361</sup> Однако этот толстовский том задержался надолго. Еще и через год Зильберштейн писал Дурылину: «Наш толстовский том — это наше горе. До сих пор он еще не завершен. Если „Толстой и Леонтьев“ у Вас готов, дайте их нам, — я включу эту публикацию в том. Но мемуаров мы, очевидно, давать не будем никаких».<sup>362</sup> В итоге два толстовских тома вышли только в 1939 году, без всякого участия Дурылина.

В переписке с Зильберштейном обсуждалась и иконография Леонтьева для публикации «Моей литературной судьбы». В архиве Дурылина сохранился следующий список:

«Иллюстрации к Автобиографии Леонтьева.

## ИКОНОГРАФИЯ

- 1) Леонтьев студентом в Московс(ком) Университете. В мундире с синим воротником. Акварель начала 50-ых годов  
Литерат(урный) Музей (Бонч-Бруевич).  
Неизд(ана).

---

<sup>359</sup> МД. 612/82. Л. 26.

<sup>360</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 1.

<sup>361</sup> См. его письмо к Дурылину от 27 октября 1935 г.: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 533. Л. 20.

<sup>362</sup> Там же. Л. 28 (письмо от 29 октября 1936 г.).

2) К. Леонтьев читает на вечере у гр. С. А. Толстой (вдовы А. К. Толстого). Рисунок Е. С. Селивачевой.<sup>363</sup>

Собрание С. Дурылина.

Неизд(ана).

3) К. Леонтьев в бытность консулом в Турции. Фотография.

Собрание С. Дурылина.

4) К. Леонтьев. Ксилография К. Шюблера с акварельного портрета 1870-ых годов.

Собрание С. Дурылина.

5) *Ив. Аксаков*. Фотография.

Собрание С. Дурылина.

Неизд(ана).

6) Кн. В. А. Черкасский. Фотография. При сборнике „Кн. В. А. Черкасский. Его статьи и воспоминания о нем“. М., 1879.

7) Ю. Ф. Самарин. Гравюра И. Пожалостина. При 6 томе сочинений Самарина.

8) Карикатура<sup>364</sup> на И. С. Аксакова: „Мама! домой! домой!“. В книге В. Михневича. Наши знакомые. СПб., 1884.

9) *Катков М. Н.* Нет ли чего неизданного? Я не знаю!

10) *Погодин М. П.* Тоже!

*Автографы К. Леонтьева*

Я отберу на днях 3—4».<sup>365</sup>

Публикация «Моей литературной судьбы» была единственной работой Дурылина, которой досталась «сладкая участь попасть под Гуттенбергово попечение».<sup>366</sup> Почти все написанное Дурылиным о Леонтьеве так и осталось лежать в рукописях либо набросках в «углу» архива на втором этаже болшевского дома.

---

<sup>363</sup> См. об этом рисунке: *Дурылин С. Н.* В своем углу // МД. 265/30. Л. 69—70. Из этого списка в качестве иллюстрации был использован только рисунок Е. С. Селивачевой.

<sup>364</sup> Перед карикатура зачеркнуто: *Катков*.

<sup>365</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 125—127.

<sup>366</sup> *Дурылин С. Н.* Письмо к Е. П. Казанович от 18 октября 1931 г. // РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 209. Л. 88.

О. Л. ФЕТИСЕНКО

## ДВА ЭТЮДА О ЛЕОНТЬЕВЕ

### 1. Богородичная икона как жизненное упование и творческая тема Константина Леонтьева

«Вдруг из чащи предстают вам скитские ворота. Они имеют вид как бы небольшого храма, розового цвета, с одною белою главою наверху. Это так тепло и красиво, и летом в густой зелени леса, и зимой в снегу, из которого поднимаются суровые ели и сосны <...>. Внутри, со стороны скита, на этих розовых, как бы мирно-радостных и приветливых воротах изображена икона Знамения Божией Матери. Под иконою есть подпись: „Все упование мое на Тебя возлагаю, Матерь Божия! Сохрани меня под кровом Твоим“...<sup>1</sup> Кто войдя в ворота скита обернется, тот непременно прочтет эту подпись, и она на многих действует с особенною силой. Отец Климент говорил мне сам, что как только увидал он эти ворота, как вошел в этот просторный, тихий и цветущий скит и посмотрел на все вокруг себя, так и сказал себе в сердце своем: „здесь тебе кончить жизнь“...»<sup>2</sup> Так, лирично и светло, описана встреча с Оптинской Вратарницей в книге К. Н. Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни» (1879).

---

<sup>1</sup> Надпись представляет собой немного русифицированный текст Богородична 8-го гласа, входящего также и в вечернее молитвенное правило.

<sup>2</sup> Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2003. Т. 6, кн. 1. С. 257—258. Далее ссылки на это издание даются в тексте, в скобках указываются том (при необходимости — книга) и страницы.

Пресвятая Богородица, являющая милость через «лика Своего изображения», — подлинное жизненное упование и оптинского иеромонаха Климента (Зедергольма), и его друга, принявшего 18 августа 1891 года, незадолго до смерти, монашеский постриг с его именем.

Трудно назвать еще хоть одного писателя, у которого было бы столько святых духовников. На Афоне — чтимые старцы Иероним и Макарий (их жизнеописания включены в свод «Отечественные подвижники благочестия», и, возможно, когда-нибудь эти старцы будут почитаться уже не как «подвижники благочестия», а войдут в сонм преподобных), в России — преподобные Амвросий Оптинский и Варнава Гефсиманский.<sup>3</sup> Можно было бы вспомнить еще и угрешского настоятеля (ныне — местночтимого святого), архимандрита Пимена (Мясникова), но он был лишь духовным «начальником»,<sup>4</sup> но не старцем писателя.

Биографию Леонтьева один из современных исследователей (Д. М. Володихин) отнес к разряду «экзистенциальных», а ученик и младший друг Леонтьева, прот. И. И. Фудель, говорил о его жизни как о «величественной и трогательной» драме, «начавшейся как бы в древней Элладе безусловным культом красоты, а закончившейся в келье православного монастыря».<sup>5</sup>

Кульминационной точкой, собственно «экзистенциальным» моментом этой биографии, является пережитое в июле 1871 года на да-

<sup>3</sup> Живя в послушании старцу Амвросию с августа 1874 г., Леонтьев неоднократно обращался и к преп. Варнаве. Да и решение поселиться при Оптиной пришло не сразу: Леонтьев долго выбирал между Оптиной и Сергиевым Посадом. Уже после тайного пострига и переезда, по благословению Оптинского старца, к Троице-Сергию Леонтьев несколько раз исповедался у старца Гефсиманского скита. На кладбище этого же скита он и погребен. Важно также, что последнее или предпоследнее причастие Св. тайн (за два дня до смерти) монах Климент принял именно от старца Варнавы, которому исповедался перед тем в течение почти двух часов.

<sup>4</sup> Леонтьев жил на положении послушника в Угрешском монастыре осенью 1874-го—весной 1875 г.

<sup>5</sup> {Фудель И. И., прот.}. К. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Собр. соч.: (В 9 т.). М., 1912. Т. 1. С. V. См. также републикацию: «Премство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 390 (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Прил. Кн. 1).



че в Каламарии<sup>6</sup> под Салониками обращение «эстетического деиста» к «личному Православию».<sup>7</sup>

Вот как об этом рассказано в первой биографии Леонтьева, написанной А. М. Коноплянцевым<sup>8</sup> для сборника, вышедшего к двадцатилетию кончины мыслителя: «1871 год имел величайшее значение в жизни К. Н. В июле месяце он внезапно заболевает сильным желудочным расстройством, которое счел за холеру. (...) К. Н.-ч решил, что не выздоровеет, что теперь ему конец. Он с ужасом помышлял о смерти в такой прозаической обстановке. Ночей он настолько страшился, что заперся в темной комнате, чтоб не знать, когда день и когда ночь. И вот в один из ужасных моментов он вдруг поднимается на диване, где лежал, и, смотря на образ Божией Матери, подарок греческих монахов с Афона, с сжатыми в кулаки руками обращается с краткой молитвой к Богородице о спасении. Он дал при этом клятву в случае выздоровления принять монашество. Через два часа К. Н. почувствовал облегчение и встал с одра болезни новым человеком.

К. Н. позднее часто вспоминал об этом событии, но всегда в его словах о нем сквозит недосказанность».<sup>9</sup>

Далее Коноплянцев цитирует письмо Леонтьева к В. В. Розанову от 14 августа 1891 года,<sup>10</sup> где названо несколько внешних и внутренних причин-толчков, приведших к обращению. В том числе и «ужас умереть в ту минуту, когда только что были задуманы и не написаны еще: и гипотеза триединого процесса,<sup>11</sup> и Одиссей

---

<sup>6</sup> Кстати, здесь же находился метох (подворье с хозяйственными угодьями) Пантелеймоновского монастыря.

<sup>7</sup> Терминология Леонтьева.

<sup>8</sup> Рассказ составлен с опорой на письмо Леонтьева к В. В. Розанову (см. ниже) и воспоминания племянницы Леонтьева, Марьи Владимировны, с которой Коноплянцев был знаком и переписывался, работая над биографией писателя.

<sup>9</sup> Коноплянцев А. Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 2011. С. 74—75.

<sup>10</sup> Мы немного расширим цитату, приведя ее по указанному ниже тому из собрания сочинений Розанова (с небольшими уточнениями по автографу).

<sup>11</sup> Главное открытие Леонтьева-философа — сформулированная в книге «Византизм и Славянство» (1872—1875) теория «триединого процесса развития» (первичная простота, цветущая сложность, вторичное смешительное упрощение).

Полихрониадес<sup>12</sup> <...> и, наконец, не были еще высказаны о „юго-славянах“ все те *обличения* в европеизме и безверии,<sup>13</sup> которые я сам признаю решительно исторической заслугой моей...». «Лежа на диване в страхе *неожиданной смерти* (от сильнейшего приступа *холеры*), я смотрел на образ Божией Матери (только что привезенный<sup>14</sup> мне монахом с Афона) <...>. Я думал в ту минуту даже *не о спасении души* <...> я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о *телесной смерти*,<sup>15</sup> и, будучи *уже заранее подготовлен* <...> целым рядом других психологических превращений, симпатий и отвращений, я *вдруг*, в одну минуту, *поверил* в существование и могущество *этой Божьей Матери*; поверил так *ощутительно* и твердо, как если бы видел перед собою *живую, знакомую*, — действительную женщину, очень добрую и очень могущественную — и воскликнул: „Мать Божия! *Рано! Рано* умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в *высшей степени* развратную, *утонченно-грешную* жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. — Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в *простого и настоящего* Православного, верующего *и в Середу*, и в *Пятницу*, и в *чудеса*, и даже *постригусь* в монахи!..“

Через 2 часа я был здоров; все прошло еще прежде, чем явился доктор; — через три дня я был на Афоне...»<sup>16</sup>

---

<sup>12</sup> Роман-эпопея, начатый на Афоне и продолженный в России. Печатался в «Русском вестнике» в 1875—1882 гг.

<sup>13</sup> Леонтьев имеет в виду свои статьи «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне», «болгарские» главы книги «Византизм и Славянство» и более поздние статьи, прежде всего «Русские, греки и юго-славяне».

<sup>14</sup> Ср.: Коноплянцев говорил о «подарке», но, судя по этому «только что», получается, что образ привезли тогда, когда К. Н. заболел, именно для помощи ему. Кстати, в автографе (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 517. Л. 41) слова «только что» вписаны над строкой, значит, возникли они не спонтанно, а как уточнение-припоминание.

<sup>15</sup> Ниже в письме говорится: «...нужно было моей гордости пережить всего только 2 часа *физического* (и обидного) ужаса!» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. Переписка В. В. Розанова с Н. Н. Страховым. Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. М., 2001. С. 379 (Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. (Т. 13)); уточнено по автографу: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 517. Л. 41 об.).

<sup>16</sup> Там же. С. 377—378 (уточнено по автографу: Л. 41—41 об.). «А что было после обращения, — продолжал Леонтьев, — <...> об этом

Ужас внезапной смерти Леонтьев сообщает наделенному и многими другими автобиографическими чертами персонажу романа «Две избранницы» (1872—1885): «Храбрый, бесстрашный в бою... Матвеев, однако, был очень мнителен в мирное время. Самое честолюбие его усиливало эту мнительность. Боязнь умереть, прежде чем ударит для него час исторической известности, приводила его нередко в ужасное смущение. Он живо представил сам себя больным и умирающим в петербургской гостинице, и его пугал не столько самый род смерти от тифа или какой-нибудь простуды, а то, что имя его будет значиться *только* в простых словах какой-нибудь газеты: *умершие исключаются из списков*» (5, 116—117).

Есть еще свидетельство о предыстории «обращения» и его последствиях — в письме к Н. А. Уманову:<sup>17</sup> «Я любил веру Православную, — но у меня не было *страха Божия*; или, лучше сказать, — *тень* этого страха<sup>18</sup> только изредка посещала меня *на минуту*. — Мне недоставало тогда *сильного* горя; не было и *тени смирения*. — Я верил в себя. Я был тогда гораздо счастливее <...> чем в юности; — и потому я был крайне самодоволен. — С 69 года *внезапно* начался перелом; — удар следовал за ударом; — я впервые ясно почувствовал над собою какую-то высшую десницу и захотел этой деснице подчиниться и в ней найти опору от *жесточайшей* внутренней бури: я искал только *формы* общения с Богом. *Естественнее* всего было подчиниться в *Православной форме*. — Я поехал на Афон с тем, чтобы *попытаться* стать *настоящим* Православным; чтобы меня строгие монахи *научили* веровать. — Я согласен был им *подчиниться* умом и волей <...>.

---

рассказывать — невозможно *здесь!* Эти 20 лет <...> я прожил совсем *иначе*, чем первое 20-тилетие зрелости <...>. — Я не говорю — лучше, безгрешнее, а только *иначе*; совсем с другим основанием, глубже и полнее...» (Там же. С. 379; уточнено по автографу: Л. 42).

<sup>17</sup> Это письмо представляет собой целое «учительное послание». Адресованное одному из молодых друзей и учеников, впадшему по окончании университета и возвращении на родину в Пензу в сильное уныние, оно было посмертно опубликовано прот. Иосифом Фуделем без указания адресата (он назван здесь «студентом Московского университета») под заглавием «О вере, молитве, о немощах духовенства и о самом себе» (Богословский вестник. 1914. № 3. С. 225—237), а в последние годы неоднократно переиздавалось в церковной периодике. Далее цитируем по автографу.

<sup>18</sup> *Далее зачеркнуто*: просыпалась.

Между тем удары *извне* сами по себе продолжались все более и более сильные; — почва душевная была готова и пришла, наконец, неожиданно минута, когда я, до тех пор вообще смелый, почувствовал незнакомый мне дотоле ужас, а не просто страх. — Этот ужас был в одно и то же *время* и духовный и телесный; одновременно и *ужас греха* и *ужас смерти*. — А до этой минуты — я ни того, ни другого сильно не чувствовал. — *Черта заветная была пройдена*. — Я стал бояться Бога и Церкви (как Его выражения). — С течением времени — *физический* страх опять *прошел*; духовный же остался и *все выросал*».<sup>19</sup>

А. М. Коноплянцев несколько туманно сообщает, что Леонтьев отправился на Афон «немедленно же, оправившись от болезни».<sup>20</sup> Возможно, он следует здесь сообщению Леонтьева Розанову о том, что тот был на Афоне через три дня после исцеления. Так это или не так? Быстро собираться в путь Леонтьев был не очень-то способен, как известно по его собственным признаниям в мемуарных очерках и в письмах. Леонтьев намекнул в том же письме к Розанову: «*Cherchez la femme!*»<sup>21</sup> Картину уточняют воспоминания племянницы писателя,<sup>22</sup> Марьи Владимировны (1847—1927), присутствовавшей, что важно, в Каламарии во время болезни Леонтьева. Попробуем поискать в них, а также в сохранившейся отчасти переписке тех лет недостающие детали.

1) Афон возникает в жизни Леонтьева еще до момента обращения. М. В. Леонтьева вспоминала: «Здесь *в Салониках*. — О. Ф.) впервые познакомился К. Н-ч с Афонскими монахами, особенно с настоятелем Русского Пантелеимоновского монастыря Игуменом о. Макарием Сушковым, к которому К. Н-ч впоследствии очень был расположен» (б<sub>2</sub>, 106).<sup>23</sup> «Бывал и русский духовник

<sup>19</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1021. Л. 2—3.

<sup>20</sup> Коноплянцев А. Жизнь К. Н. Леонтьева... С. 77.

<sup>21</sup> Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 377.

<sup>22</sup> Опубликованы впервые в Полном собрании сочинений и писем Леонтьева, во второй книге шестого тома. С. Н. Дурьлин, записавший в 1925 г. свою беседу с М. В. Леонтьевой, сохранил и такое свидетельство: «М. В. была в отчаянии, что он уходит на Афон. Она была убеждена, что уже не увидит его» (цит. по: б<sub>2</sub>, 690). Тем обостреннее ей должны были запомниться все подробности событий тех дней.

<sup>23</sup> С игуменом Макарием (Сушкиным, а не Сушковым, — М. В. Леонтьева ошиблась в передаче его фамилии) Леонтьев даже обязан был познакомиться «по должности»: через солунское консульство шли пожертво-

с Афона, — который не раз звал К. Н-ча побывать на Афоне. К. Н-ч почему-то все откладывал. — Однажды собрался на Афон на несколько дней, но с дороги вернулся, ибо почувствовал приступ лихорадки» (6<sub>2</sub>, 107). «Русский духовник» — это, скорее всего, тот же старец Макарий (о. Иероним тогда Афона не покидал, а о. Макарий, напротив, часто находился в разъездах по делам обители; он тогда еще был, собственно, не настоятелем, но ближайшим помощником престарелого игумена Герасима, которого после его кончины и сменил уже официально).

2) М. В. Леонтьева подтверждает упоминание Коноплянцевым греческих монахов: «Приезжали к нам на дачу монахи-греки с Афона...» (6<sub>2</sub>, 107). По строю фразы можно заключить, что это был не однократный «визит».

---

вания на афонские монастыри. Приведем фрагмент предписания посла Н. П. Игнатьева новоназначенному консулу от 30 апреля 1871 г.: «Прежде всего Вам надлежит употреблять все усилия Ваши к поддержанию и развитию близких и доверительных сношений вверенного Вам Консульства с Русским Монастырем Св. Пантелеймона. (...) Пользуясь издревле уважением в русском народе и посещаемый ежегодно большим числом наших поклонников, означенный Монастырь заслуживает внимания Императорского Правительства.

При сношениях Ваших с Афонскими Монастырями, братия Русского Пантелеймоновского Монастыря может быть весьма полезна Вам для получения точных сведений о настоящем положении дел на Св. Горе. В этом отношении обращаю внимание Ваше на Игумена Монастыря и на духовников о. Иеронима и о. Макария. Сей последний в особенности, по святости жизни, по своему уму и образованию и по высоким нравственным качествам своим, заслуживает особого уважения и внимания. Он постоянно находился в близких и доверительных сношениях как с Императорским Посольством, так и с Консульством в Салониках, и всегда оказывал зависящее содействие прибывающим на Афон поклонникам нашим и посещающим Монастыри русским путешественникам, которые всегда отзываются о нем с глубоким уважением и с благодарностию за сделанный им прием. Кроме того, о. Макарий не раз оказывал нам действительные услуги в делах наших с некоторыми из Афонских Монастырей.

Указав Вам пользу, которую Вы можете извлечь из хороших отношений Ваших с Пантелеймоновским Монастырем, мне остается лишь выразить надежду, что Вы не оставите, посредством сношений этих, поддерживать влияние русского элемента на Афоне, не возбуждая притом ни опасений и подозрений Турецких Властей, ни зависти Греческого Духовенства и других Афонских Монастырей» (Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. 1871. Д. 81. Л. 82—84 об.).

3) Между началом болезни и поездкой на Афон проходит не три дня, а около трех недель. «Так продолжалось время до начала июля. <...> Внезапно заболевает К. Н-ч расстройством, которое он счел холерой» (6<sub>2</sub>, 107—108). (Ниже, как мы увидим, М. В. Леонтьева назовет дату, когда Леонтьев пересек границу Святой Горы: 25 июля.) «К. Н-ч был вне себя от ужаса смерти. Несколько дней он не выходил из темной комнаты...». «В первые же дни болезни, ожидая быстрого конца своего, К. Н-ч дал клятву перед образом Божией Матери (этот образ ему привезли монахи-греки с Афона) принять монашество, если он останется жив. — И с той поры он задумал ехать на Афон, если поправится; он расположен был думать, что болезнь ему послана была как наказание за то, что он до сих пор не посетил такое святое место. — Как только последовало улучшение его здоровья, — он решился ехать сухим путем на Афонскую гору и просил меня проводить его» (6<sub>2</sub>, 108).

Солунский консул тогда пробыл на Афоне недели две, а потом уже уехал туда надолго. «Он просил на Афоне постричь его тайно, но на это не решались, так как он считался еще на службе. — А без пострига он не решался совсем оставить Св. Гору» (6<sub>2</sub>, 111).

Нужно еще сказать, что обет перед иконой Божией Матери, привезенной из Ее Удела, был дан не только Константином Николаевичем, но и Марьей Владимировной, приходившейся ему, выразимся осторожно, «больше, чем только племянницей». В одном из ее писем на Афон есть важное признание: «...ты <...> по моему желанию садился на лошадь, чтобы ехать на Св. Гору. — Я ведь и прощания наши с тобой перед иконой Божией Матери — тоже просила для меня» (6<sub>2</sub>, 694). В этом контексте становятся гораздо более жизненно-конкретными слова Леонтьева об «ужасе греха» и внезапной (без покаяния) кончины. Этот «ужас греха» мог коснуться и молодой женщины, которая, как следует из ее письма, была даже инициатором обета, если под просьбой о «*прощаниях*... перед иконой» понимать именно обет о поездке на Афон и пострижении. Со дня «*прощания перед иконой*» их отношения принимают новую форму, но для Марьи Владимировны, еще не пережившей по-настоящему своего обращения, это было сопряжено поначалу с серьезной душевной борьбой. В ее первых письмах на Св. Гору еще выражается откровенно эгоистическая надежда вернуть друга, под «убедительным» предлогом, что обет уже в достаточной мере исполнен. «Только Маша, бывшая твоя Маша, умеет все-таки видеть за всем тем, чем ты закрыл себя, — тебя и верить в твое творчество» (6<sub>2</sub>, 692).

«Поверь ты мне, что и отец, и многие, многие, если еще верят в тебя, так только потому, что я еще говорю о тебе тем языком, которыми говорят о людях, в которых верят.

Неужели ты все четыре месяца проживаешь на Св. Горе?»

Послушай, друг мой <...> приезжай в Россию тотчас же, как получишь это письмо. — Когда получится это письмо, — твоей жизни на Св. Горе будет около двух месяцев. — Таким образом, твое обещание пожить подольше на Св. Горе — будет удовлетворено. <...> Ты будешь писать, ходить в церковь, поститься, и все-таки, хотя нехотя, многое устроишь к лучшему и в литературном своем положении, и в служебном» (6<sub>2</sub>, 693—694). Леонтьев показал это тревожное письмо старцу Иерониму и, отвечая Марье Владимировне, передал его слова. Ответ старца и, конечно, прежде всего его молитва совершили в ее душе, хотя бы на тот момент, важную подвижку: «Ты верно пишешь о. Иерониму, так напиши ему, что я руку его целую за святые его наставления тебе и за доброе чувство его ко мне» (6<sub>2</sub>, 691). В том же письме от 7 февраля 1872 года Марья Владимировна уверяет Константина Николаевича: «Теперь я с радостью принимаю то, что есть, а что непонятно для меня, — с сжатым сердцем, правда, — но все-таки с полной верой, что Он знает, что лучше, и укажет нам всем наш новый путь. — А что каждый из нас трех (тетя,<sup>24</sup> ты и я) стоим у предела этого нового пути, это, конечно, мы все чувствуем» (6<sub>2</sub>, 691).<sup>25</sup> Последние десятилетия жизни М. В. Леонтьевой пройдут в Орловском женском монастыре, где она была учительницей. Сведений о ее монашеском постриге (он мог

---

<sup>24</sup> Жена Леонтьева — Елизавета Павловна (настоящее отчество — Борисовна), урожденная Политова (ок. 1842—1918).

<sup>25</sup> Уже после выхода «мемуарного» тома леонтьевского собрания сочинений, в Рукописном отделе ИРЛИ в письме доктора русского посольства в Константинополе В. К. Каракановского к другу Леонтьева, секретарю посольства М. А. Хитрову, нами было обнаружено интересное свидетельство: «На днях Леонтьев с женою и племян(н)ицей приезжал в Солунь и через неделю уезжает в Россию» (ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 400. Л. 1 об.). Письмо датировано 26 сентября 1872 г. Это значит, что М. В. Леонтьева приезжала в Турцию еще раз (не только в 1869—1871 гг., как было известно по ее воспоминаниям). Но сообщаемые здесь сведения об отъезде в Россию оказались неверными. Леонтьев еще некоторое время пробыл на Афоне, потом сдавал дела по консульству, в ноябре он уже был в Константинополе, где, выйдя в отставку, жил до мая 1874 г.

быть тайным, уже после закрытия монастыря) у нас нет. С. Н. Дурьлин, бесконечно ценивший Марью Владимировну,<sup>26</sup> назвал ее в одной из записей «полумонахиней».<sup>27</sup>

Интересно проследить Богородичные метки в биографии Леонтьева. В детстве, пожалуй, была только одна — «Успенская». Мать, Феодосия Петровна Леонтьева (урожд. Карабанова; 1794—1871) была прихожанкой Успенской церкви села Велино,<sup>28</sup> предпочитала говеть Успенским постом. На велинском погосте позднее она и была погребена, отец же Константина Николаевича, «номинальный» отец<sup>29</sup> — Н. Б. Леонтьев — похоронен в Георгиевском монастыре в Мещовске.

Религиозного воспитания в семье Леонтьевых детям не давалось почти никакого. М. В. Леонтьева сообщала в незавершенном фрагменте о детстве Леонтьева: «Мать была женщина верующая, но вовсе не набожная. <...> Она чтит обряды православной церкви <...> но постилась только во время говенья. — К обедне ездила изредка, да и то не в свой приход <...>. — Мать любила многие псалмы, любила особенно Евангелие, которое иногда читала по-французски». Леонтьев «вероятно, сильнее чувствовал сердцем православие, перед которым мать его больше разумом преклонялась» (6<sub>2</sub>, 139—140).

На Крымскую войну мать дала ему образок. «Образок ваш с мощами и молитва, которую вы велели мне носить, у меня на груди»,<sup>30</sup> — писал он 18 мая 1855 года. Это та самая «материнская ладонка», которую Леонтьев потом носил всю жизнь вместе с золотым крестильным

---

<sup>26</sup> «Меня пожалела судьба: я застал на кончике Василия Васильевича [Розанова] и видел Марью Владимировну [Леонтьеву]. А что я видел Льва Толстого, это не так уж важно...» (Дурьлин С. Н. В своем углу. М., 2006. С. 350).

<sup>27</sup> Там же. С. 459.

<sup>28</sup> Храм в Велино был «дворянским приходом», ближайший же к имению был в селе Щелканово. В Велино, рассказывала М. В. Леонтьева, «церковным старостой был сам помещик; церковь была прелестна; священник особенно был уважаем всеми помещиками, и служба шла в прекрасном порядке» (6<sub>2</sub>, 140).

<sup>29</sup> Настоящим отцом писателя был В. Д. Дурново; см.: 6<sub>2</sub>, 28, 153, 531, 641.

<sup>30</sup> РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1014. Л. 48.



крестиком, а завещал носить Марье Владимировне — «для забвения скорбей», им причиненных (6<sub>2</sub>, 42). В мемуарном очерке «Сдача Керчи в 55 году» Леонтьев оставил подробное описание оберегавшей его святыни: «...были и еще заветные для души моей вещи <...> был даже семейный, родовой, золотой ковчежец с мощами; он имел вид четырехугольного небольшого образа; частицы мощей были вложены под отверстия очень красивой формы правильными рядами и покрыты слюдой. Матушка, отпуская меня на войну, зашила этот образ в синий бархат и просила меня, не тяготясь его размером, надевать его на себя всегда, когда будет предстоять опасность» (6<sub>1</sub>, 633).<sup>31</sup>

В общем, до Салоник и Афона — мы не встретим как будто ничего особенного. Но вот потом благодарность Целительнице словно оформляет жизненный путь исцеленного.

Обратим в этой связи внимание на слово «опять» в записках «Моя литературная судьба» (1874—1875), адресованных друзьям в Константинополь: «Первое мое посещение было опять Иверской Божьей Матери. Я просил Ее (конечно!) о продлении моей земной жизни и о том, чтобы в делах литературных мне суждено было, наконец, узреть правду себе на земле живых» (6<sub>1</sub>, 72). Это значит, что друзьям было известно о предыдущем посещении Иверской часовни при первом приезде в Москву по возвращении из Турции, в июне 1874 года (здесь же речь идет уже о сентябре). Леонтьев и в дальнейшем будет часто приходить сюда.

Итак, в Москве — Иверская. Оптиная пустынь, — про это редко вспоминают, — Богородичный монастырь (Введенский). А погребен Леонтьев в Черниговском-Гефсиманском скиту, то есть тоже Богородичном — в честь Черниговской иконы. В связи с этим прощеским представляется то, что в завещании, написанном еще до монашеского пострига и переезда в Сергиев Посад, Леонтьев упоминает образок Черниговской Божией Матери — благословение старца Варнавы (6<sub>2</sub>, 42), просит положить его с ним в гроб. (Правда, свой прах, где бы ни умер, он просил перевезти в Оптину,<sup>32</sup> ссы-

<sup>31</sup> В романе «Две избранницы» такая же ладонка вручена отправившемуся на Крымскую войну Матвееву: «образок с мощами и молитвой, который зашила ему бабушка в бархат. <...> Матвеев в Севастополе никогда не снимал его...» (5, 100).

<sup>32</sup> По завещанию, он должен был быть погребенным «за алтарем той удаленной церкви, которая находится около усадьбы От. Ювеналия, за больницей» (6<sub>2</sub>, 39), т. е. церкви Всех святых на новом кладбище. О. Ювеналий — архимандрит (будущий архиепископ) Ювеналий (Половцев).

Все чаще теперь упоминаются Леонтьевым чудотворные иконы Божией Матери — *греческие* (Ровяникская и Тиносская) и *русские* (Иверская,<sup>34</sup> Спорительница хлебов<sup>35</sup>).

История обретения и почитания Ровяникской иконы подробно освещена Леонтьевым в статье «Панславизм на Афоне» (1872) и в очерке «Разбойник Сотир» (1884). Ровяники (Ровеники) — деревня на границе с Афоном — место, где Леонтьев простился с провожавшей его племянницей. Ср. в воспоминаниях М. В. Леонтьевой: «К вечеру второго дня приехали в деревню Ровеники, где была церковь с иконой Божией Матери в русской золоченой ризе. Это было почти у границы Афона. <...> Наутро — это было 25 июля, мы расстались» (6<sub>2</sub>, 108).

Остров Тинос<sup>36</sup> возникает в повести «Хамид и Маноли» (1869). Поденница собирается завещать половину всего за жизнь скопленного — «серебряную большую поликандилью на остров Тинос сделать» (3, 156). То же в «Одиссее Полихрониадесе»: «матушка на остров Тинос серебряную большую лампаду обещала» (4, 23). Герои восстанавливают храмы (параκλῆς (часовню) Божией Матери Широчайшей Небес; 4, 71), обещают жертвовать на них («серебряную ручку на икону Матери Твоей...»; 4, 285). Леонтьев не забывает показать, что и мусульмане чтят «Пророчицу Мариам» (дerviш в «Одиссее Полихрониадесе» молится перед Ее иконой; 4, 117; ср. там же, с. 753).

Кроме того, упомянута в романе икона консула Благова (которую ему подарили греки; 4, 117), икона в доме его приятеля, доктора Коэвино (4, 131). Главный герой эпопеи, Одиссей, помещает привезенный из дома список чтимого загорского образа Широчайшей Небес «*по-русски* в восточном углу» (4, 403). В том же романе упоми-

---

<sup>34</sup> См., например, в «книжной» редакции 1885 года статьи «О всемирной любви» (1880): «...христианство <...> в самом деле православное, с верой в икону Иверской Божией Матери, в мощи св. Сергия...» (Леонтьев К. Н. Собр. соч.: <В 9 т.> Т. VIII. С. 197). В письме к о. Иосифу Фуделю от 19 января—1 февраля 1891 г. Леонтьев, говоря о догматической важности иконопочитания, вспоминал именно Иверскую икону: «И вот — когда мы с вами теперь молимся на чудотворную икону Иверской Божией Матери — и с любовью глядим на Младенца Бого-Человека, на руках ее...» («Преемство от отцов». С. 276).

<sup>35</sup> В некрологе преп. Амвросия; 6<sub>2</sub>, 811, 814.

<sup>36</sup> Тинос — остров в Эгейском море, на котором находится церковь Всесвятой Благовестницы (Παναγία Εὐαγγελίστρια).

нается еще один образ — Иверская икона: «Лампада в углу теплилась пред золотыми и прекрасными русскими иконами; была одна из этих икон Божия Матерь Иверская, дивный, божественный лик! Новой живописи московской, но по древним образцам; лик, исполненный особой кротости и необычайно красивый; за золотым венцом ее был укреплен другой венец из ярких роз самой восхитительной работы, какая-то особая пушистая зелень, как бархат нежная, и на цветах сияли капли искусственной росы» (4, 50—51).<sup>37</sup>

Упоминаний Богородичных храмов у Леонтьева немного:

— Покровский на Афоне, в Пантелеимоновском монастыре (6<sub>1</sub>, 381—382; очерк 1882 г. «Пасха на Афонской горе»; здесь есть упоминание о храмовом образе «Девы с Младенцем Христом» (6<sub>1</sub>, 382), но он не описан, в отличие от соседних местных образов, запомнившихся писателю);

— церковь в Ровяниках (в статье «Панславизм на Афоне» и в очерке «Разбойник Сотир»);

— оптинская Казанская церковь (с замечанием, что Казанскую икону особенно чтит старец Амвросий; 6<sub>1</sub>, 815);

— Казанский собор в Петербурге (упоминается в ряде произведений, но без акцентирования его посвящения Пресвятой Богородице).

---

Остается в заключение ответить на вопрос: какая же именно икона спасла будущего монаха Климента на даче в Каламари? Если бы Леонтьев взял ее с собой в Россию, несомненно, он сберег бы ее и не забыл бы как-то выделить ее в завещании. Однако там среди главных ценностей этого ряда названы только образа св. Константина, св. Пантелеимона в окладе (об этой иконе неоднократно упоминания в письмах; это любимая икона Константина Николаевича), родовой (кудиновский) образ Спасителя и финифтяный крест на

---

<sup>37</sup> Такой же венок был у Леонтьева на иконе целителя Пантелеимона. Ср. в письме к Е. С. Карцовой от 3 июля 1878 г.: «...пока в прохладном флигельке моем, окруженном акацией и бузиною, теплится лампадка перед афонским образом юноши-мученика Пантелеймона, образом, обделанным мною в золото и серебро и убранным рукою моею искусственными фиалками, розовыми бутонами и зеленью...» (Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 281—282).

подставке (б<sub>2</sub>, 42). Другие иконы, кроме двух маленьких образков, поименованы так: «Остальные иконы — кому угодно». Конечно, Леонтьев не распорядился бы так той святыней, перед которой принес свой первый монашеский обет. Вероятнее всего, афонские монахи не дарили ему образ, а именно *привозили* (как пишет он Розанову и как указывает М. В. Леонтьева), чтобы после увезти назад, на Св. Гору. Это похоже на русский обычай «поднимать иконы», о котором Леонтьев неоднократно говорит в статьях и письмах («поднимать Иверскую»). Рискнем предположить, что раз икону привозили с Афона, это мог быть чтимый список с главной святогорской святыни — иконы Вратарницы и Хранительницы обители *Иверския*.<sup>38</sup> Не отсюда ли такое почитание у Леонтьева после Афона главной московской святыни — Иверской иконы? Он даже селился, приезжая в Москву, в гостиницах, расположенных поближе к Иверской часовне (на Тверской — в Лоскутной и у Шевалдышева), и, как уже было сказано, постоянно в ней бывал.

## II. «Варшавский дневник» и «Варшавская поэма»

(О возможном источнике одного из образов поэмы А. Блока «Возмездие»)

В последней статье Александра Блока («„Без божества, без вдохновенья“ (Цех акмеистов)», 1921) есть место, посвященное русской национальной, «синтетической» по выражению автора, культуре. Первый ряд имен, названных здесь Блоком, не вызывает удивления, все это родственные поэту имена: «Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет».<sup>1</sup> Но во втором перечислении (вместе с теми же Глинкой, Чайковским, Гоголем и другими) поименован, кажется, почти не упоминавшийся Блоком<sup>2</sup> писатель и мыслитель Константин Николаевич Леонтьев, и это имя нельзя оставить без комментария.

«Слово и идея, — пишет Блок, — становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке; Глинка и Чайковский выносят на поверхность „Руслана“ и „Пиковую даму“, Гоголь

<sup>38</sup> Хранительницы всего Афона, а с ним и целого мира, ведь, по пророчествам, одним из предвестий близкого конца света станет утрата именно этой иконы.

<sup>1</sup> Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 6. С. 176.

<sup>2</sup> Второй раз — в заметке «О списке русских авторов» (1919).

и Достоевский — русских старцев и К. Леонтьева, Рерих и Розанов — родную старину».

Думается, что имя Леонтьева связано здесь не только с церковной (Достоевский, старцы; имелись в виду, очевидно, — оптинские старцы), но и политической темой, поскольку чуть выше Блок пояснял: «Так же как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика».<sup>3</sup> Леонтьев и до сих пор вспоминается в России прежде всего не как автор повестей и романов, но как публицист консервативного направления и русский консул на Востоке, то есть как человек из политического мира.

Неизвестно, находились ли в библиотеке Блока книги Леонтьева (по крайней мере, они не сохранились). Но упоминание о нем в статье, столь важной для последнего периода жизни поэта, говорит о том, что наследие Леонтьева не было неизвестным Блоку.

Естественно возникает вопрос: откуда же оно могло быть знакомо ему, выросшему в семье Бекетовых, где Леонтьев, если и упоминался, то скорее всего как «мракобес» и «одиозная фигура».<sup>4</sup> Вероятно, более или менее серьезное знакомство Блока с его книгами могло состояться в 1910-е годы. Именно тогда, с выходом подготовленного учеником Леонтьева прот. И. И. Фуделем девяти томов собрания сочинений (1912—1914), происходит актуализация леонтьевского текста. До этого публиковались в основном письма, причем в изданиях, которые едва ли открывал Блок («Русское обозрение», «Богословский вестник»). Еще до этого, в университетские годы, о Леонтьеве мог говорить с Блоком один из его профессоров Б. В. Никольский,<sup>5</sup> теснейшим образом связанный с петербургским кружком памяти Леонтьева.

Кроме того, публицистика Леонтьева, возможно, соединялась в представлении поэта с наследием его отца, профессора государственного права Варшавского университета Александра Львовича

---

<sup>3</sup> Блок А. Собр. соч. Т. 6. С. 176.

<sup>4</sup> Правда, у Леонтьева и Бекетовых есть некоторые биографические пересечения. Скажем, Леонтьев с молодых лет был в приятельских отношениях с коллегой А. Н. Бекетова по Университету и Высшим женским курсам — историком К. Н. Бестужевым-Рюминым. Да и сами Бекетовы упоминаются в письмах матери Леонтьева Феодосии Петровны.

<sup>5</sup> Блок некоторое время посещал его кружок. О Никольском см. в наст. изд. статью Д. И. Стогова.

Блока (1853—1909). С этим наследием, как писал Блок-младший в 1911 году ученику Блока-старшего, автору книги «А. Л. Блок, государствовед и философ», Е. В. Спекторскому, он был связан кровно.<sup>6</sup> Это признание сделано в период работы над поэмой «Возмездие», в то время носившей название «Отец», или «Варшавская поэма».

История того, как «Сей Фауст когда-то радикальный, Правел, слабел и все забыл», освещалась в блоковедении весьма неполно. Между образами ученика либерального профессора А. Д. Градовского и читателя «Духовно-нравственных бесед» («Возмездие», Третья глава), скончавшегося со словами «Прославим Господа»,<sup>7</sup> по-прежнему остается некое незаполненное пространство.<sup>8</sup> Последняя книга А. Л. Блока («Политическая литература в России и о России») вышла в 1884 году;<sup>9</sup> принадлежащие его перу рецензии в «Варшавском дневнике» (1887—1888) свидетельствуют лишь о небольшом «поправении» их автора. Судить о возможных влияниях на мировоззрение профессора-юриста достаточно сложно. Одной из подсказок служат упоминания мемуаристов о круге его интересов в последние годы жизни.

Племянник А. Л. Блока, Георгий Петрович Блок вспоминал о встрече с ним в 1908 или 1909 году:<sup>10</sup> «...меня <...> поразил необычайно широкий охват его учености и вызывающая едкость его суждений. Он особенно взволнованно говорил о Византии. На моих глазах разгорался затаенный, темный огонь <...>. Передо мной в

<sup>6</sup> «Читаю Вашу прекрасную книгу об отце и имею потребность горячо позвать Вам руку и в качестве просто читателя, далеко не чуждого идеям и стилю книги, и в качестве сына А. Л., кровно связанного с его наследием, более, пожалуй, чем Вы это можете предполагать» (Литературное наследство. Т. 92, кн. 2. М., 1981. С. 306).

<sup>7</sup> Блок Г. П. Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. № 3. С. 177.

<sup>8</sup> См., например, статьи С. Б. Шоломовой: 1) Эскизы к портрету отца Александра Блока // Мир А. Блока. Блоковский сб. Тарту, 1985. С. 126—142; 2) Эскизы к портрету отца Александра Блока. Статья 2 // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сб. VII. Тарту, 1986. С. 82—90.

<sup>9</sup> Основная работа последних лет жизни, связанная с идеей «синтеза наук», осталась незавершенной.

<sup>10</sup> Последний год жизни А. Л. Блока.

языках того же темного огня выростала целая новая система политического мышления с бурным антисемитизмом во главе угла» (курсив мой. — О. Ф.).<sup>11</sup>

Это же слово «Византия» возникает и в другом источнике — книге революционно настроенного выпускника юридического факультета Варшавского университета (то есть одного из студентов А. Л. Блока) Николая Дубровского «Официальная наука в Царстве Польском». По его словам, профессор Блок «развивал идею, что свет идет из Византии, и всю систему государственного права строил на принципе самодержавия и какого-то особенного русского национального начала {...} всеми силами своих довольно хаотических и неглубоких знаний, в тяжеловесной туманной и богатой всякими выкрутасами форме хотел снять ореол с западноевропейской цивилизации, развенчать гнилой запад и вскрыть всю этическую нищету „западной теократии“...»<sup>12</sup>

Перед нами обычная программа позднего славянофильства и панславизма, но с поправкой на чуждый этим направлениям «византизм». Интерес к Византии, опора на византийскую традицию в понимании «системы государственного права» могли быть почерпнуты варшавским профессором из статей его старшего современника, Леонтьева. Именно он еще в 1870-х годах писал о «византизме».<sup>13</sup> Но если бы дело ограничивалось только интересом к одной и той же теме, то это едва ли заслуживало бы специального рассмотрения. Между тем и в творчестве Блока-старшего, прежде всего в книге «Политическая литература...», есть значительное сходство с леонтьевской позицией. Об этом говорит само положение автора, занимающего позицию между славянофилами и западниками (только Леонтьев, конечно в отличие от Блока, от западников очень далек, и для него, например, слово «интеллигенция» однозначно имеет только отрицательную коннотацию). Любопытной деталью являются

<sup>11</sup> Блок Г. П. Герои «Возмездия». С. 176.

<sup>12</sup> Дубровский Ник. Официальная наука в Царстве Польском (Варшавский Университет по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб., 1908. С. 105.

<sup>13</sup> Статья «Византизм и Славянство» была отвергнута «Русским вестником» и впервые напечатана в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (1875. Кн. III; вышла в апреле 1876 г.). Тогда же в виде брошюры были изданы и оттиски.

ссылки варшавского профессора на близкого Леонтьеву Н. Я. Данилевского, в те годы еще не популяризированного.

К сожалению, можно лишь гадать, читал ли А. Л. Блок «Византизм и Славянство» и другие леонтьевские статьи, а если читал, то когда — в момент их появления в периодике или в прижизненном собрании (двухтомник «Восток, Россия и Славянство», 1885—1886), или он обратился к книгам Леонтьева уже в 1900-х годах. Очевидно другое: некоторые статьи этого автора несомненно были прочитаны Блоком-старшим в 1880 году в газете «Варшавский дневник». Направление этой официальной газеты, издававшейся с 1864 года, могло в то время быть для недавнего ученика Градовского чуждым, но это была единственная русская газета, откуда узнавались все новости, где перепечатывались правительственные указы и комментировались сообщения столичных газет.<sup>14</sup>

Недолгий период жизни Леонтьева в Варшаве и его сотрудничество в «Варшавском дневнике» совпадает с первым годом работы А. Л. Блока в университете.

В Варшаву Леонтьев приехал в самом конце декабря 1879 года, а вскоре в газете появилась небольшая заметка о его приезде и начале сотрудничества с редакцией. «Редакция „Варшавского Дневника“ приобрела дорогого сотрудника в лице *К. Н. Леонтьева*, автора столь известных читающей публике статей о Востоке и церковной жизни — „Византизм и Славянство“, „Из жизни Христиан в Турции“ (вышло отдельной книгой),<sup>15</sup> „Отец Климент“ (в «Русском Вестнике») и друг. *К. Н. Леонтьев* переехал ныне в Варшаву и обещал постоянное и близкое свое содействие в издании „Варшавского Дневника“».<sup>16</sup>

Первая статья («Болгарские дела и „Русские ведомости“») появилась в том же номере, что и эта заметка. Леонтьев был помощником редактора, писал передовые, обозрение «Сквозь нашу призму» (без подписи) и статьи, печатавшиеся с его полной подписью: «Памятник двадцатипятилетия царствования Государя Императора», «Как надо понимать сближение с народом?» (переиздано в 1881 го-

---

<sup>14</sup> В Варшаве в это время выходили на русском языке еще две газеты узкоместного направления: «Варшавские губернские ведомости» и «Варшавская полицейская газета».

<sup>15</sup> В заметке допущена ошибка: «Из жизни христиан в Турции» — не статьи, а трехтомник повестей Леонтьева, вышедший в 1876 г.

<sup>16</sup> Варшавский дневник. 1880. 7 янв. № 5. С. 1.



ду отдельной брошюрой), «О всемирной любви» и др.<sup>17</sup> Внимание А. Л. Блока, вероятно, не мог не привлечь отклик на статью его учителя А. Д. Градовского «Смута» (Голос. 1880. 14 февр. № 45. С. 1—2) — «Чем и как либерализм наш вреден?»<sup>18</sup>

Русский дипломат, друг Леонтьева и автор воспоминаний о нем<sup>19</sup> К. А. Губастов в своей неопубликованной мемуарной книге коснулся этого периода истории газеты, с которой он волею судьбы также оказался связан: будучи в ту пору чиновником по особым поручениям при варшавском генерал-губернаторе графе П. Е. Коцебу, он являлся цензором официальной газеты. Достаточно подробно Губастов рассказал о редакторе «Варшавского дневника» князе Николае Николаевиче Голицыне и о появлении в редакции Леонтьева:

«Князь Николай Николаевич состоял по особым поручениям при Графе (Коцебу. — О. Ф.).

Любимый ученик Погодина, он был историк, юрист и отчасти филолог.

Принужденный, вследствие сильной хромоты, вести сидячий, замкнутый образ жизни, Князь проводил все время в научных занятиях. В молодости учил он древнееврейский язык и всю жизнь не переставал интересоваться злополучным еврейским вопросом в России (...).

Он состоял очень деятельным членом Комиссии, учрежденной в первые годы царствования Александра III-го, под председательством Графа К. И. Палена, которой поручено было собрать все данные по еврейскому вопросу и представить проект его решения!... (...)

Я особенно сблизился с Князем и Княгиней когда Граф Коцебу, назначив Голицына редактором „Варшавского Дневника“, поручил мне, неизвестно почему, наблюдать за газетою в качестве Цензора.

---

<sup>17</sup> О сотрудничестве Леонтьева в этой газете см. подробнее: К. Леонтьев и «Варшавский дневник» // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2006. Т. 7, кн. 2. С. 760—791. Далее ссылки на этот том даются сокращенно: *Леонтьев*.

<sup>18</sup> Варшавский дневник. 1880. 27 февр. № 46. С. 3—4; 13 марта. № 59. С. 3—4.

<sup>19</sup> *Губастов К.* Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 185—234.

Князь горячо принялся за газету и хотел сделать ее серьезным русским органом в крае, которым интересовались бы не только русские гражданские и военные чины, но и поляки и польская печать. На знамени газеты он хотел выставить — Примирение...

Надежды эти не могли, однако, и не по вине редактора, осуществиться. Прежде всего мешал строго официальный характер газеты, которая будучи органом главной местной власти, поневоле стеснена в своих суждениях по местным вопросам и особенно относительно способа их решения. Это придавало уже газете тусклый вид. Касаться военной политики нужно было также осторожно, потому что казенная газета не могла иметь своих взглядов на политические события и свободно обсуждать хотя бы, например, действия Австрии и Германии в Галиции и в Познани. Единственный интерес могли представлять телеграммы, на которые Князь не скупился, но „Дневник“ праздновал воскресные дни, следующие за ними и Праздники (православные и католические), вследствие чего телеграммы теряли интерес новизны, появляясь ранее в польских газетах, которые православных праздников не соблюдали.

К этим существенным причинам неуспеха газеты нужно еще добавить, что средства ее были незначительны — подписчиков было не более 1000, и она существовала только казенными объявлениями, расплата за которые производилась канцелярским порядком, тянулась целые месяцы и Редакция никогда почти не располагала своевременно достаточными суммами. Наконец, нужно также сказать, что в Варшаве для издания серьезной русской газеты очень трудно найти хороших, талантливых сотрудников и репортеров, без которых существование газеты невозможно. Князь попробовал привлечь весьма своеобразного русского писателя публициста К. Н. Леонтьева, но он оказался дорогим и неудачным журналистом, к тому же совсем незнакомым с делами края.

Убедившись в невозможности осуществить свои замыслы, Князь покинул Варшаву<sup>20</sup> и перешел на службу в Петербург, членом Совета Крестьянского Земельного банка».<sup>21</sup>

Впервые Леонтьев приглашался в Варшаву еще в 1876 году. Редактором «Дневника» тогда (до 1878 года) был Н. В. Берг. Бла-

---

<sup>20</sup> Редактором газеты кн. Голицын оставался до 1883 г.

<sup>21</sup> ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 18. Л. 34—38; цит. по: Леонтьев. С. 761—763. О Губастове см. предисловие к публикации его писем к Б. В. Никольскому (с. 250—256 наст. изд.).

годетель Леонтьева, впоследствии государственный контролер, известный публицист, когда-то входивший в «молодую редакцию» журнала «Москвитянин» и редактировавший в 1856 году славянофильскую «Русскую беседу» Третий Иванович Филиппов (1825—1899/1900), знакомый в то время с автором «Византизма и Славянства» лишь по переписке, сообщал ему 31 января 1876 года: «...я желал бы Вам передать одно предложение, — которое, может быть, Вам угодно было бы принять. Берг, редактор „Варшавского Дневника“, пишет мне, что по проекту нового Положения о сем „Дневнике“ редактор будет иметь помощника, которому содержание будет 2000 р. в год, без квартиры. Полагаю, что кроме этого будет почасовая или полистная плата. Берг, хотя немного скучноватый человек (много очень говорит), но с ним жить очень можно. Если бы это было Вам на руку, то потрудитесь меня уведомить; он обратился ко мне с просьбою указать человека, полагаясь на мой выбор».<sup>22</sup>

Но в то время Леонтьев еще не так остро нуждался в заработке и отказался от этого предложения. Возобновлено оно было уже новым редактором и обсуждалось также в переписке с Филипповым в 1879 году. Речь шла о том, что предпочтительнее — цензорское место в Москве или редакторство в Варшаве. В итоге, покинув Варшаву, Леонтьев все же оказался в Московском цензурном комитете.

Статьи нового помощника редактора незначительной провинциальной газеты были замечены как в либеральной столичной прессе, встретившей их насмешками,<sup>23</sup> так и в правительственных кругах. «Спешу переслать Вам записочку К. П. Победоносцева, полученную мною в ответ на посылку одного номера „Варшавского Дневника“, — писал 25 марта 1880 года Леонтьеву Филиппов. — Это сообщение должно придать Вам бодрости и отрады. Поздравляю Вас и Кн. Николая Николаевича от всей души; Вы не можете себе представить того освежения и той тонкой прохлады, которую испытываю я при чтении Ваших статей. Какая самобытность мысли и какая мужественная откровенность исповедания! Наконец, какое изящество — преимущественно внутреннее — в самом изложении».<sup>24</sup>

<sup>22</sup> Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 81—82.

<sup>23</sup> См. об этом: Леонтьев. С. 766, 863—864, 889.

<sup>24</sup> Пророки Византизма. С. 138. Победоносцев, между прочим, пересылал номера газеты своему бывшему ученику — Цесаревичу (см.: Леонтьев. С. 851).

Кстати, именно к Победоносцеву Леонтьев обращался в период кризиса газеты, пытаясь спасти ее — испрашивая субсидию, хоть небольшую, которая «дала бы Редакции возможность передышать до зимы во все время летнего застоя»:

«Какова бы ни была дальнейшая судьба нашей Редакции, удастся ли перевести ее Князю Голицыну в Петербург для открытия нам более широкого и влиятельного поприща, или останемся мы в Варшаве, — искусственная поддержка, мне кажется, теперь необходима *⟨...⟩ дело не в нем, не в человеке и не в правоте, или практической неправоте его как редактора, дело в возможности печатать известного духа статьи, и больше ничего. ⟨...⟩ Я могу относиться к этому делу двояко: просто как посторонний человек, сообщая Вам доверительно о затруднительном положении издания, которое мы оба с Вами находим полезным, и еще более как автор статей, которые Вы одобряете и которые ни у какого другого редактора, кроме Князя Голицына, никогда помещены быть не могли ⟨...⟩.*

Я сделал, говорю, все что мог в обеих столицах; — литераторы обещали нам статьи и всякого рода нравственную поддержку. Сверх того, я был у разных лиц, могущих более или менее повлиять на увеличение подписки *⟨...⟩.* Некоторые московские богатые купцы; как мне сказывали, начинают интересоваться „Варшавским Дневником“ ..... Все это так; — но я знаю, что Князю *теперь очень трудно* и что всякий день требует от него расходов на содержание персонала, не только не излишнего, но даже недостаточного, ибо он сам вынужден убиваться над корректурой; и только твердость князя и физическая его сила могут это выдерживать; я бы не мог, например, этого вынести.

Но, разумеется, говоря в его пользу, я забочусь и о себе, или, вернее сказать, о возможности говорить ту *правду*, которая многим, и в том числе Вам, понравилась и которую высказывать публично я могу только в таком органе, который бы зависел или от меня самого, или от этого энергичного и даровитого единомышленника моего.

Прибавлю, что, судя по его письмам, он не отчаивается еще в успехе; — но я, признаюсь, *боюсь больше его* и потому решаюсь действовать самовольно в его пользу. — Лучше бы было, если бы никто не хвалил бы статей наших, если бы никто не пробуждал бы нашу энергию и нашу веру в отчизну, в которую мы оба верить совсем было переставали; тогда бы мы знали, что ждать успеха для *доброего дела в наше время нельзя.... Жизнь самим нашлось бы чем*

с Божьей помощью и помимо этого бремени: но каково же видеть, что над всем охранительным и народным лежит какое-то роковое проклятье неудачи..... Тут и слез мало... тут надо волосы и одежду на себе рвать и сокрушаться о том, *зачем родился русским в такое время!*»<sup>25</sup>

С обер-прокурором Синода в истории леонтьевских статей из варшавской газеты связан еще один сюжет: нереализованный замысел издания совместного (!) сборника. 10 марта 1881 года Леонтьев писал Победоносцеву:

«Сегодня я отправил Вам целую кипу „Варшавского Дневника“ прошлого 1880 года, за 4-е первые месяца; — т. е. за то время, в которое я чаще печатал в нем мои статьи. — Я отметил синим карандашом все те передовые статьи, которые принадлежат мне (и статьи Князя Голицына тоже отметил). — Сверх того я вложил (в особый пакет) некоторые статьи мои из „Гражданина“, „Русского мира“ и „Газ(еты) Восток“. — В апреле 1880 года должна быть была еще напечатана в „В(аршавском) Дневнике“ одна статья, которой я особенно дорожу, но я не могу до сих пор ее разыскать, — а как только найду то немедленно вышлю и ее Вашему Высокопревосходительству.»<sup>26</sup>

Я оставил также у себя на несколько дней тот № Дневника, в котором я напечатал проэкт большого памятника (храма, *не молитвенного*) покойному Государю Александру II-му. — Хотя проект этот относился к юбилею Государя, но он совершенно подходит и к теперешним обстоятельствам. — Я хочу предложить его в здешнюю думу и напечатать в одной из московских газет. — По миновании надобности я поспешу и этот № представить Вашему Высокопревосходительству.

Я потому решился обременить Вас *всей* этой пачкой „Варш(авского) Дн(евника)“, что по многим причинам не чувствую себя в силах сделать сам *выбор* из моих же статей. — Пробежать их Вам,

---

<sup>25</sup> Письмо от 27 мая 1880 г.; РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1—4 об. Места, утраченные в плохо сохранившемся автографе, восстановлены по копии (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 3. Ед. хр. 2). Почти целиком письмо приводится: Леонтьев. С. 780—782.

<sup>26</sup> Вероятно, речь идет о статье «Православие и Католицизм в Польше», позднее напечатанной в «Гражданине».

я полагаю, будет не очень трудно; так как Вы, видимо, сохранили и без того о них хорошее и выгодное для меня воспоминание».<sup>27</sup>

Леонтьев просил обязательно включить в книгу статью «О Достоевском», то есть статью «О всемирной любви», написанную как отклик на знаменитую Пушкинскую речь.

Такое издание не состоялось (время для посылки было выбрано самое неудачное — через десять дней после трагического 1 марта; Победоносцеву было не до кипы прошлогодних газет!), но статьи из «Варшавского дневника» не затерялись, они были переизданы Леонтьевым в самой известной его книге «Восток, Россия и Славянство»; а статья о Достоевском, кроме того, переиздавалась в 1882 году в брошюре «Наши новые христиане». Осмелимся предположить, что эти книги могли быть известны профессору Блоку.<sup>28</sup>

---

Нетрудно догадаться, что из многих писем, связанных с историей «Варшавского дневника», мы не случайно выделили именно обращения Леонтьева к Победоносцеву. Как известно, последний имеет непосредственное отношение к поэме «Возмездие», хотя бы своим появлением во вступлении ко Второй главе: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла» (долгое время эти строки преследовали память обер-прокурора, сопровождая почти все упоминания о нем в советском литературоведении).

В 1911 году, когда Александр Блок писал свою «Варшавскую поэму», готовилось издание собрания сочинений Леонтьева и вышел посвященный 20-летию со дня смерти писателя сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева». Об этой книге Блок мог знать, например, от В. В. Розанова (здесь была его статья<sup>29</sup>). Если так, то поэт мог заметить одно из цитировавшихся в сборнике писем

---

<sup>27</sup> РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 5—5 об.

<sup>28</sup> Кроме того, в 1880 г. в Варшаве вышла книга «Православный немец. Отец Климент Зедеггольм», которая также могла быть замечена А. Л. Блоком (впервые это произведение опубликовано в 1879 г. в «Русском Вестнике» под названием «Отец Климент»).

<sup>29</sup> *Розанов В.* Неузнанный феномен // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 163—184. Здесь же была помещена и статья упомянутого выше Б. В. Никольского «К характеристике К. Н. Леонтьева» (с. 365—381).

Леонтьева к Филиппову, где речь шла о Победоносцеве: «Человек он очень полезный; но как? Он, как мороз; препятствует дальнейшему гниению, но *расти* при нем ничего не будет. <...> ...он только консерватор в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, сто-рож...»<sup>30</sup> Заметить с тем, чтобы использовать леонтьевское меткое сравнение в образной системе «Возмездия».

Мотив «мороза», важнейший в поэме, связывался в блоковедении как с темой «польской мести», так и с темой реакции (а следовательно, и с образом простершего совиные крыла Победоносцева), но все же главным источником этого образа следует признать формулу Леонтьева, вероятно, получившую самую широкую известность из всех его афоризмов: «...надо *подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не „гнила“». <sup>31</sup> Эта формула прозвучала в передовой статье «Варшавского дневника» *первого марта* 1880 года, то есть ровно за год до трагического события, открывшего последний период в судьбе Российской империи. Напомним, что в «Варшавской поэме» Блока знаком поворота в истории семьи героя также стало первое марта 1881 года. Между финальными строфами Первой главы, посвященными семейной теме, появляется следующая:

Прошло два года. Грянул взрыв  
С Екатеринина канала,  
Россию облаком покрыв.  
Все издалёка предвещало,  
Что час свершится роковой,  
Что выпадет такая карта...  
И этот века час дневной —  
Последний — назван *первым марта*.

В образе «пана Мороза» в блоковской поэме соединяются и Победоносцев (с его не менее знаменитым, чем леонтьевское «пожелание» «*подморозить*» Россию, определением: «Россия — это ледяная пустыня, по которой ходит лихой человек»), и сравнивший

---

<sup>30</sup> Там же. С. 124 (письмо от 24 февраля 1882 г.).

<sup>31</sup> Леонтьев. С. 73. Этот вариант появился во втором томе сборника леонтьевских статей «Восток, Россия и Славянство» (М., 1886). В первой публикации (Варшавский дневник. 1880. 1 марта. № 49. С. 2) фраза читалась так: «...*подморозить* немного Россию... чтобы она не „гнила“ ...» (Леонтьев. С. 465).

Победоносцева с «морозом» Леонтьев, именно в *Варшаве* заговоривший в печати о том, что «пора учиться, как *делать реакцию*».<sup>32</sup> «Варшавский дневник» и «Варшавская поэма», как видим, связаны теснее, чем можно было поначалу предположить.

---

<sup>32</sup> Леонтьев. С. 199.



## СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Чествование И. А. Бунина в редакции газеты «Возрождение» после получения Нобелевской премии. Слева направо: А. И. Куприн, А. А. Плещеев, В. Ф. Ходасевич, И. А. Бунин, Э. П. Гукасов, С. П. Яблоновский, Б. К. Зайцев, И. С. Лукаш, М. В. Бернацкий, А. О. Гукасов. Париж, 16 ноября 1933 г.

Н. Д. Городецкая. 1950-е гг. Фото Вилфреда Коула.

Д. Е. Максимов. Фотография. 1980-е гг.

Е. П. Иванов. Рисунок неизвестного художника. 1930-е гг. ИРЛИ. Ф. 840. Коллекция М. С. Лесмана. Публикуется впервые.

К. Н. Леонтьев. Фотография. 1889 г.

Запись С. Н. Дурылина о гербе рода Дурново, к которому принадлежал настоящий отец К. Н. Леонтьева. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 1. Публикуется впервые.

С. Н. Дурылин. Фотография. 1912 г.

С. Н. Дурылин. Фотография. 1922 г.

Архиепископ Никанор (Бровкович). Гравюра с факсимиле подписи.

Титульные листы книги архиепископа Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие».

Священник Иосиф Фудель. Фотография. Нач. 1900-х гг.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГЛМ – Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва)
- ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. Н.** — см. Никанор (Бровкович)  
 Агеев — см. Аггеев К. М.  
 Аггеев К. М., свящ. — 239, 282, 311, 330  
 Агренов-Славянский Д. А. — 59  
 Адмони В. Г. — 151  
 Адрианов Б. (наст. имя и фам. — Б. Г. Дверницкий) — 285  
 Азадовский К. М. — 175  
 Айхенвальд Ю. И. — 4  
 Аксаков Г. С. — 53  
 Аксаков И. С. — 50—55, 88, 91, 93—95, 181, 182, 187, 212, 213, 290, 291, 328, 352, 356  
 Аксаков К. С. — 50—53, 290  
 Аксаков С. Т. — 53, 324, 335  
 Аксаковы, семья — 47, 51, 53, 54  
 Аксененко Е. М. — 139  
 Акулина-маковница — 80, 83  
 Алданов М. (наст. имя и фам. — М. А. Ландау) — 96—98, 108—111, 132  
 Александр I, король — 270  
 Александр I Павлович, имп. — 302  
 Александр II Николаевич, имп. — 63, 64, 66, 67, 69, 375, 380  
 Александр III Александрович, имп. — 84, 85, 255, 256, 297, 376, 378  
 Александр-сбитенщик — 80, 83  
 Александров А. А. — 207, 211, 239, 268, 269, 279, 281, 283, 305, 307, 308, 315, 329, 330  
 Александрова Е. Т. (Авд. Т.) — 307, 308  
 Александровы, семья — 307, 308  
 Алексеев С. А. — см. Аскольдов С. А.  
 Алексей (Лавров-Платонов), архиеп. — 222, 223  
 Алексей Московский, св. прав. (Алексей Мечёв) — 279, 309, 320, 329, 351  
 Алексей Московский, свт. — 284  
 Алкивиад — 287, 288, 314, 315  
 Альми И. Л. — 12  
 Амвросий (Ключарев), архиеп. — 185  
 Амвросий Оптинский, преп. — 185, 313, 329, 330, 334, 344, 347, 358, 369, 370  
 Амфитеатров А. В. — 57  
 Анатолий Оптинский (младший), преп. — 276, 279, 308, 309, 320  
 Андреев Д. А. — 184, 301  
 Андреев Л. Н. — 57  
 Андреев Ф. К., прот. — 289  
 Андроник (Трубачёв), игум. — 296  
 Анненкова Е. И. — 47  
 Антоний (Вадковский), митр. — 222  
 Антоний (Храповицкий), митр. — 229, 239, 270—272, 330  
 Антуан А. — 121, 135  
 Арнд С. А. — 76  
 Арсений (Жадановский), еп. — 285

- Арсений (Тропольский), иером. — 135  
 Артемьев А. И. — 28  
 Архиппов Е. Я. — 4  
 Асеев Н. А. 290  
 Аскольдов (наст. фам. — Алексеев) С. А. — 206, 289  
 Астафьев П. Е. — 180, 181, 184, 194, 200, 206, 305  
 Астафьевы, семья — 184  
 Ахматова (наст. фам. — Горенко) А. А. — 167  
 Ашимбаева Н. Т. — 171
- Бабынин** Б. Н. — 328  
**Базили** А. К. — 257  
**Байрон** Дж.-Г. — 110  
**Балашов** Н. В., прот. — 278  
**Бальзак** О. де — 277  
**Баранникова** Л. И. — 173  
**Баратынский** Е. А. — см. **Боратынский** Е. А.  
**Барон Брамбеус** — см. **Сенковский** О. И.  
**Бартенев** М. И. — 252  
**Бартенев** П. И. — 252  
**Бартольд** В. В. — 34, 42, 44  
**Батунский** М. А. — 44  
**Батюшков** К. Н. — 231  
**Бахметьев** Н. Н. — 180  
**Бедный Демьян** (наст. имя и фам. — Е. А. Придворов) — 110, 133  
**Беззубов** В. И. — 226, 230, 231  
**Бекетов** А. Н. — 372  
**Бекетовы**, семья — 372  
**Белинский** В. Г. — 218  
**Белоус** В. Г. — 314  
**Белый Андрей** (наст. имя и фам. — Б. Н. Бугаев) — 117, 142—144, 279, 282  
**Беляев** А. Д. — 322  
**Бенуа** А. Н. — 121, 136  
**Берг** Н. В. — 377, 378  
**Бергер** Ю. — 136
- Бердяев** Н. А. — 97, 206, 211, 266, 282, 297, 303, 314, 318, 319  
**Бережков** Ф. Ф. — 328  
**Березин** И. Н. — 27—29  
**Бернацкий** М. В. — 129, 138, 384, вкл.  
**Бернштейн** А. — 121, 135  
**Бессонов** П. А. — 181  
**Бестужев-Марлинский** (наст. фам. — Бестужев) А. А. — 213  
**Бестужев-Рюмин** К. Н. — 36, 372  
**Бильбасов** В. А. — 41  
**Биркенхед** Ф.-Э.-С. — 110, 133  
**Бирюков** П. И. — 347  
**Бисмарк** О.-Л. Шёнхаузен фон, кн. — 177  
**Бихтер** А. М. — 144  
**Благова** Т. И. — 50  
**Блок** А. А. — 115, 117, 139, 141—161, 163—175, 226, 230, 231, 282, 371—373, 381, 382  
**Блок** А. Л. — 372—376, 381  
**Блок** Г. П. — 164, 167, 373, 374  
**Блок** (урожд. Менделеева) Л. Д. — 148, 149, 159, 164  
**Блудов** Д. Н., гр. — 53  
**Блудова** А. Д., гр. — 53  
**Бобринская** (урожд. Сидорова) В. С. — 304  
**Бобров** Е. А. — 205  
**Бобров** С. П. — 290  
**Богданович** (урожд. Бутовская) А. В. — 67  
**Богданович** Е. В. — 67, 229  
**Бодлер** Ш. — 279  
**Бодянский** О. М. — 352  
**Бокль** Г.-Т. — 189  
**Бонч-Бруевич** В. Д. — 350—352, 355  
**Боратынский** А. А. — 15, 16  
**Боратынский** (Баратынский) Е. А. — 3—17  
**Борис** (Холчев), архим. — 329  
**Бородаевский** В. В. — 239, 281, 282  
**Бочаров** С. Г. — 5. 12, 13

- Брамбеус — см. Сенковский О. И.  
 Бровкович А. И. — см. Никанор  
 (Бровкович)  
 Бровкович И., свящ. — 213  
 Бруни Н. А., свящ. — 319  
 Брюллов К. П. — 20, 289  
 Брюсов В. Я. — 136, 146, 151  
 Брюсова (урожд. Рунг) И. М. —  
 144  
 Бугаев Н. В. — 206  
 Бугаева (урожд. Алексеева, в пер-  
 вом браке Васильева) К. Н. —  
 144  
 Булгаков С. Н., прот. — 26, 266,  
 274, 279, 282, 286, 288—290,  
 296, 301, 303, 317  
 Булгарин Ф. В. — 213  
 Бунин И. А. — 96, 97, 99, 102,  
 105, 125—130, 137, 138, 384,  
 вкл.  
 Буренков И. — 78  
 Бугашевич-Петрашевский М. В. —  
 217  
 Бутеньев А. П. — 33  
 Буткевич А. С. — 275  
 Буткевич (в замуж. Сидоро-  
 ва-Буткевич) Т. А. — 276,  
 323  
 Бухерт В. Г. — 85
- В.** Э. («Русский энциклопедиче-  
 ский словарь») — 28  
 В. С. — см. Скалон В. Ю.  
 Вагнер Р. — 279, 324  
 Валери П. — 103  
 Валуев Д. А. — 53  
 Вамбери А. — 40  
 Варнава Гефсиманский, преп. —  
 307, 358, 367  
 Варя — см. Пронина В. Л.  
 Васильев П. И. — 290  
 Васюков С. И. — 94  
 Вашингтон Дж. — 112  
 Вейдле В. В. — 134  
 Величк В. Л. — 296  
 Веллингтон А.-У., герц. — 177
- Веневитиновы, семья — 53  
 Вениамин (Федченков), митр. —  
 304  
 Венюков М. Н. — 32  
 Веретенников А. П. — 257, 258  
 Вержбинская-Рабинович Н. М. —  
 161  
 Вертгейм Ю. Б. — 47  
 Верховский Ю. Н. — 164  
 Веселовский Н. И. — 21—23, 27,  
 28, 30, 34, 36, 41—43  
 Виардо (урожд. Гарсиа)  
 П.-М.-Ф. — 112  
 Виноградов Г. С. — 275  
 Виноградова А. А. — 351, 353  
 Владимир (Богоявленский),  
 сщмч. — 284  
 Вогюэ Э.-М. де, маркиз —  
 89—91  
 Воеводская (урожд. Салькова)  
 Е. А. — 252  
 Воейков Д. И. — 71, 74  
 Волжин А. Н. — 239  
 Волжский (наст. фам. — Глинка)  
 А. С. — 289  
 Волков М. Г. — 37  
 Володихин Д. М. — 358  
 Волохова Н. Н. — 164  
 Вольпе Ц. С. — 145  
 Вревская (урожд. Варпаховская)  
 Ю. П., бар. — 113  
 Врубель М. А. — 282  
 Вуллерс И.-А. — 27  
 Вытропский Э. К. — см. Эразм  
 (Вытропский)  
 Вышеславцев Б. П. — 134, 314  
 Вяземская (урожд. Блохина) М. В.,  
 кн. — 305  
 Вяземские, кн., семья — 53  
 Вяземский П. А., кн. — 3  
 Вяземский П. П., кн. — 71, 73
- Г**—в Н. — см. Гиляров-Платонов  
 Н. П.  
 Гавриил Константинович, вел.  
 кн. — 229, 270

- Гагарин К. Д., кн. — 310  
 Газданов Г. И. — 131  
 Галахов А. Д. — 74  
 Галушкин А. Ю. — 314  
 Гальперсон (урожд. Эпштейн)  
 А. М. — 56, 84, 85, 87, 88,  
 90, 91, 94  
 Ганзен Л. Л. — 148  
 Гартвиг Н. Г. — 257  
 Гартман Л. Н. — 62, 66  
 Гатцук А. А. — 71, 73, 74  
 Гегель Г.-В.-Ф. — 337, 338  
 Гениева (урожд. Кирсанова)  
 Е. В. — 310, 316, 324, 325,  
 332, 334, 340, 341, 344, 354  
 Гениевы, семья — 325, 326  
 Герасимов Ю. К. — 168, 169  
 Герцен А. И. — 24, 25, 27, 290  
 Гершензон М. О. — 282  
 Гешвенд А. Р. — 70  
 Гёте И.-В. — 8, 57 («Фауст»),  
 119, 134  
 Гильфердинг А. Ф. — 53  
 Гильфердинг Ф. И. — 53  
 Гиляров А. П., свящ. — 70, 76  
 Гиляров Ф. А. — 56, 70, 72, 74  
 Гиляров-Платонов Н. П.  
 (псевд. — Н. Г.—в) —  
 55—95, 290  
 Гиляровы, семья — 76, 78  
 Гиляровский В. А. — 73  
 Гиппиус А. В. — 151  
 Гиппиус Э. Н. — 99, 164  
 Гладстон У.-Ю. — 177  
 Глинка М. И. — 20, 371  
 Глинский Б. Б. — 262  
 Говоруха-Отрок Ю. Н. (псевд. —  
 Ю. Николаев) — 290, 350  
 Гоголев Р. А. — 281, 300  
 Гоголь Н. В. — 105, 107, 108, 117,  
 118, 122, 130, 213, 214, 276,  
 289, 291, 303, 335, 350, 371  
 Голенищев-Кутузов И. Н. — 131,  
 134  
 Голицын Н. Н., кн. — 254,  
 376—380  
 Голицына Е. А., кн. — 376  
 Голлербах Е. А. — 282  
 Голсуорси Дж. — 127 («англича-  
 нин»), 137  
 Гомберг (в замуж. Гомберг-Верж-  
 бинская) Э. П. — 144, 161, 162  
 Гомеопатов, владелец дачи — 271  
 Гончарова Н. С. — 124, 137  
 Гораций (Квинт Гораций  
 Флакк) — 208  
 Горнунг Б. В. — 337  
 Городецкая Н. Д. — 96—102,  
 136, 384, вкл.  
 Городецкий С. М. — 164  
 Горский А. К. — 328, 329  
 Горчаков А. М., кн. — 61, 66  
 Горький М. (наст. имя и фам. —  
 А. М. Пешков) — 57, 151, 162  
 Госсен Э.-О. — 129  
 Гофштеттер И. И. — 57  
 Граббе, семья — 53  
 Градовский А. Д. — 25, 373, 375,  
 376  
 Грановский Т. Н. — 24—26, 30,  
 31, 37, 38  
 Грейг С. А. — 61, 66  
 Грецищев Ф. — 131  
 Григорьев Ап. А. — 349, 350  
 Григорьев В. В. (псевд. — Изафе-  
 ти Маклуб, султан Мендаль  
 Пералиев, Мирза Мелик) —  
 18, 19, 21—32, 34—45  
 Грин Ц. И. — 233  
 Грингмут В. А. (псевд. —  
 Р. К.) — 180, 307  
 Грифцов Б. А. — 4, 277, 282, 314  
 Грот Н. Я. — 212  
 Губастов А. К. — 252  
 Губастов К. А. — 180, 182, 238,  
 239, 250—273, 299, 300, 347,  
 376, 377  
 Губастова (урожд. Воеводская)  
 Ю. А. — 252  
 Губастовы, семья — 252  
 Губер П. К. — 314  
 Губонин П. И. — 61, 65  
 Гудзий Н. К. — 335, 336, 346,  
 347, 350

- Гукасов А. О. — 128, 129, 138, 384, вкл.  
 Гусев Н. Н. — 316, 338, 339, 347  
 Густав V, король — 129  
 Гуттенберг И. — 356  
 Гюго В.-М. — 66
- Даль В. И. — 22, 82  
 Данилевский — Н. Я. 29, 30, 206, 226, 290, 310, 311, 375  
 Данте Алигьери — 116  
 Данциг Б. М. — 21, 44  
 Даренкова-Котрелева Е. Н. — 183  
 Дашков Д. В. — 33  
 Декарт Р. — 204  
 Дельвиг А. А., бар. — 11  
 Демидов С. С. — 316  
 Державин Г. Р. — 114, 115, 231, 340  
 Десницкий В. А. — 168  
 Дефремери Ш. — 27  
 Джайнадаров, султ. — 40  
 Джаншиев Г. А. — 65  
 Джуссани Л. — 11  
 Диккенс Ч. — 152  
 Димитрий (Добросердов), еп. — 276, 285, 286  
 Дмитриев А. (псевд.) — 94, 95  
 Дмитриев А. П. — 55, 56, 75, 94, 217, 224  
 Дмитриев Д. С. — 73  
 Дмитриев-Мамонов Э.-А. — 53  
 Добровольский Л. Б. — 155  
 Долгоруков В. А., кн. — 62, 67  
 Долинин (наст. фам. — Искоз) А. С. — 29  
 Дорн Б. А. — 21, 42  
 Достоевская (урожд. Сниткина) А. Г. — 328  
 Достоевский Ф. М. — 5, 12, 13 («Идиот»), 19, 25—29, 32, 118, 174 («Идиот»), 175, 187, 204, 206, 212—219, 239, 276, 282, 291, 303, 308, 314, 324, 326—330, 372, 381  
 Дрентельн А. Р. — 64
- Дубровин А. И. — 229  
 Дубровин В. Д. — 63, 69  
 Дубровский Н. — 374  
 Дурново, дворянский род — 384, вкл.  
 Дурново В. Д. — 366, 384, вкл.  
 Дурново Н. Н. — 67  
 Дурново П. Н. — 229, 234, 272  
 Дурьлин С. Н. (псевд. — С. Раевский) — 274—356, 362, 366, 384, вкл.  
 Дурьлина (урожд. Кутанова, в первом браке Калашникова) А. В. — 276  
 Дьяченко М. Н. — 101  
 Дюкова В. Н. — 150  
 Дюллен Ш. — 135  
 Дюма А. — 103
- Евгений (Болховитинов), митр. — 350  
 Евгеньев-Максимов (наст. фам. — Максимов) В. Е. — 140—142, 147, 149  
 Евреинов П. М. — 239  
 Егоров И. Ф., свящ. — 160  
 Екатерина II Великая, имп. — 19, 33, 350  
 Елагин В. А. — 51, 52  
 Елагин Н. А. — 51, 52  
 Елагины, семья — 53  
 Елена Петровна, вел. кн. — 270  
 Ельчанинов А. В., свящ. — 289  
 Ермишин О. Т. — 281  
 Ефимова Н. А. — 139
- Жакомино** — см. Черени Дж.  
**Жантийом** (Жантийом-Кутырин) И. А. — 134  
 Жданов А. А. — 168  
 Жданов И. Н. — 74  
 Жерве П. К. — 63, 69  
 Жобер П.-А. — 27  
 Жозеф, повар И. А. Бунина — 127, 138

Жуков К. А. — 18, 42, 252  
Жуковский В. А. — 6, 53, 115,  
135, 213  
Журавский Д. П. — 28

Загоскин М. — 213  
Зайцев А. Д. — 252  
Зайцев Б. К. — 96—99, 111—114,  
128, 129, 133, 384, вкл.  
Зайцева (урожд. Орешникова,  
в первом браке Смирнова)  
В. А. — 128  
Зайцева (в замуж. Зайцева-Сол-  
логуб) Н. Б. — 98, 114, 133  
Зайцевы, семья — 133  
Залётов С. В. — 309  
Замараев Г. И. — 194, 195, 310  
Запальский Г. М. — 135  
Зарин Д. И. — 284  
Заславский Д. И. — 225  
Зеньковский В. В., прот. — 206,  
215, 217, 289  
Зефиоров Е. А. — 197, 214  
Зильберштейн И. С. — 353—355  
Зими́на К. Н. (Капу, Капуст-  
ка) — 325, 346  
Золя Э. — 336  
Зощенко М. М. — 98, 110, 111

Ибсен Г. — 121, 175  
Иванов А. А. — 371  
Иванов А. П. — 149, 150, 160  
Иванов Вяч. И. — 175, 290, 298,  
303, 317  
Иванов Е. П. (Женичка, Же-  
ня) — 139, 143—146,  
148—164, 166—175, 384, вкл.  
Иванов Е. Пл. — 162  
Иванов П. А. — 159  
Иванов-Разумник (наст. фам. —  
Иванов) Р. В. — 142, 143,  
147—149, 157, 172, 314  
Иванова (урожд. Горбова)  
А. Ф. — 148—150, 153—162,  
165—167, 169

Иванова Ан. — 137  
Иванова В. П. — 157  
Иванова (урожд. Смирнова)  
Е. А. — 149, 153  
Иванова Кл. П. — 173  
Иванова Кс. П. — 173  
Иванова М. Е. (Мариша) —  
148—150, 153—167, 169  
Иванова М. П. (тетя Маня) —  
156, 159, 163  
Иванова (урожд. Шалыгина)  
М. П. — 159  
Ивановы, семья — 155, 164  
Иваск Ю. П. — 5, 354  
Игнатий (Брянчанинов), свт. —  
100, 290  
Игнатъев Н. П. — 259, 260,  
363  
Иезуитова Л. А. — 139  
Иероним (Соломенцев), неросхи-  
мон. — 331, 358, 363, 365  
Изафети Маклуб — см. Григоръ-  
ев В. В.  
Извольский А. П. — 255, 257,  
258  
Изгоев (наст. фам. — Ланде)  
А. С. — 26  
Иисус Христос — 67, 76, 90,  
159, 167, 173, 186, 190, 203,  
210, 215—218, 221, 280, 283,  
295, 298, 302, 303, 313, 317,  
321, 368—370  
Ильин В. Н. — 5  
Ильин И. А. — 290  
Ильин Н. П. — 148, 173  
Ильюнина Л. А. — 139, 149, 157,  
172—174  
Иннокентий Московский (По-  
пов-Вениаминов), свт. — 67  
Иннокентий Херсонский, свт. —  
290  
Иноземцев Ф. И. — 346  
Иоанн Богослов, св. ап. и  
еванг. — 302, 312, 313  
Иоанн Златоуст, св. — 64, 317  
Иоанн Константинович, вел.  
кн. — 270



- Иоанн Кронштадтский, св. прав. — 185—187, 212, 223  
 Иоанн Лествичник, преп. — 305 (Лествица), 306  
 Иоанн Предтеча, св. — 282, 304  
 Иоанникий (Руднев), митр. — 207  
 Иона, прор. — 349  
 Иона Московский, свт. — 284  
 Исаия, прор. — 135  
 Исаков С. Г. — 226, 230, 231  
 Исидор (Никольский), митр. — 186, 223  
 Истомин В. К. — 284
- Кавелин К. Д.** — 209  
 Казанович Е. П. — 274, 275, 339, 342—345, 349, 356  
 Казем-бек А. К. — 19, 37 (Мирза Казем-бек)  
 Казначеев П. М. — 239  
 Калаушин М. М. — 161  
 Калашников С. С. — 276  
 Кант И. — 282  
 Капелюш Б. Н. — 147  
 Капнист В. В. — 350  
 Капу, Капуска, Капустка — см. Зими́на К. Н.  
 Каракановский В. К. — 365  
 Карамзин Н. М. — 213  
 Карамзины, семья 53  
 Карцов Ю. С. — 239, 269, 270  
 Карцова (урожд. Аблова) Е. С. — 370  
 Катков М. Н. — 31, 32, 58, 59, 63, 68, 74, 89, 91, 181, 182, 194, 270, 305, 352, 356  
 Каткова (в замуж. кн. Шаховская) В. М. — 91  
 Катон Старший — 248, 311  
 Кауфман К. П. фон — 40  
 Кейдан В. И. — 282  
 Кели А. — 301  
 Керстнер Ш. (Лотга) — 134  
 Кестельман Е. А. — 68  
 Киреев А. А. — 51, 52
- Киреев Н. А. — 51  
 Киреева О. А. — см. Новикова О. А.  
 Киреевские, семья — 53  
 Киреевский И. В. — 3, 14, 50—53, 206, 276, 282, 289, 291  
 Киреевский П. В. — 282  
 Киреевы, семья — 53  
 Климент, мон. — см. Леонтьев К. Н.  
 Климент (Зедергольм), иером. — 278, 282, 311, 357, 358, 375, 381  
 Клушин П. Н. — 65  
 Кн. Н. Ш. — см. Шаховской Н. В.  
 Княжнин В. (наст. имя и фам. — В. Н. Ивойлов) — 163  
 Князева Н. Г. — 148  
 Кобылинский Л. Л. — см. Элис  
 Ковалевская Е. А. — 166  
 Ковалевский Е. П. — 214  
 Кожевников В. А. — 289  
 Козлов А. А. — 205, 206  
 Козлок И. — 131  
 Козырев А. П. — 179, 183, 184, 208, 277, 281  
 Кокорев В. А. — 61, 65  
 Колеров М. А. — 282, 301, 303  
 Коллен Э. Э. — 233  
 Коллинз Р. — 47  
 Колоушин М. М. — см. Калаушин М. М.  
 Комарович В. Л. 299  
 Комиссарова И. А. — 325, 351—353  
 Кондратьев А. И. — 328  
 Коноплянец А. М. — 239, 258—260, 262, 266, 269, 270, 273, 331, 359, 360, 362  
 Константин Константинович, вел. кн. — 229, 262, 263, 270  
 Копо Ж. — 135  
 Корнилов А. А. — 284  
 Королев А. В. — 239, 268, 269, 273

Корольков А. А. — 277  
Коростелев О. А. — 281  
Корпус К. Т. — 70  
Корш Е. Ф. (псевд. — Н. Челышевский) — 27, 29  
Косман А. М. — 145  
Котельников В. А. — 3, 47, 179, 183, 188, 253, 281, 309, 324, 357, 376  
Котляревский Н. А. — 274  
Котрелев Н. В. — 176, 183, 184, 301  
Коул В. — 384, вкл.  
Кохановская (наст. фам. — Соханская) Н. С. — 335, 350  
Коцебу П. Е., гр. — 65, 254, 376  
Кошелев В. А. — 49, 50  
Кошелёв А. И. — 52, 53  
Краевский А. А. — 4, 41, 309, 310  
Красильников, домовладелец — 23  
Красинский Н.-С.-А.-Ф.-З. — 116, 134  
Красюков Р. Г. — 256  
Крачковский И. Ю. — 33, 34, 42, 43  
Кремнёв Г. Б. — 176, 183, 274, 277, 284, 311  
Кривошеева Н. А. — 307  
Кривулин В. Б. — 140  
Кристи И. И. — 180, 194, 285  
Круглов А. В. — 73  
Крылов И. А. — 149  
Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок) А. А. — 148, 150  
Кузнецов Н. Д. — 284  
Кузнецова Г. Н. — 137  
Куколка — см. Фудель Е. С.  
Кукольник Н. В. — 213  
Куприн А. И. — 96, 98, 102—105, 117, 127—130, 137, 138, 384, вкл.  
Куприна (урожд. Гейнрих) Е. М. — 127, 137  
Куприна К. А. (Киса) — 126, 137  
Куприны, семья — 137  
Куприяновский П. В. — 147, 168

Кутанова Н. Н. — 276  
Кучибей Гёмюрджинский — 43  
Кьеркегор С. — 5, 8

Лабановский Ю. Э. — 160  
Лавров А. В. — 144, 172, 314  
Лавров П. Л. — 274  
Лажечников И. И. — 213  
Ламанский В. И. — 36, 51, 181  
Ламанский Е. И. — 61, 65  
Ламартин А.-М.-Л. де — 15  
Ланин Н. П. — 73  
Лауферт, домовладелец — 254  
Лебедев Е. Н. — 5  
Лебедев И. А. — 284  
Лев (Жилле), архим. — 96  
Левенсон Г. Г. — 63, 68, 69  
Лейбниц Г.-В. — 194, 201, 205  
Лейтан Э. — 161  
Леман Г. А. — 290  
Леонов Л. М. — 99  
Леонтьев В. В. — 311  
Леонтьев В. Н. — 309, 365  
Леонтьев К. Н. (в монашестве Климент) — 176, 179—195, 198—204, 206—212, 216—225, 233—255, 258—279, 281—294, 296—301, 304—372, 374—384, вкл.  
Леонтьев Н. Б. — 366  
Леонтьева (урожд. Политова) Е. П. (Е. Б.) — 331, 332, 365  
Леонтьева М. В. — 239, 255, 258, 262, 292—294, 305, 306, 308—311, 316, 319, 320, 329—334, 340—342, 344, 349, 351, 352, 355, 359, 362—367, 369, 371  
Леонтьева (урожд. Карабанова) Ф. П. — 309—311, 340, 366, 367, 372  
Лербье М. — 137  
Лермонтов М. Ю. — 103 (печоринский тип), 168, 213, 324, 335, 350, 371

- Лернер Н. О. — 239, 265, 266, 268, 271
- Лесков А. Н. — 329
- Лесков Н. С. (псевд. — Псаломщик, Св. П. Касторский) — 289, 326—329, 339, 350
- Лесман М. С. — 146, 148, 149, 151, 172—174, 384
- Лессепс Ф. — 191, 246
- Лина, знакомая К. Н. Леонтьева — 253
- Линкольн А. — 112
- Липранди И. П. — 44
- Литвинов М. М. (наст. имя и фам. — М.-Г. М. Валлах) — 110, 133
- Лихарев Н. П. — 309
- Лихачев Д. С. — 142, 147
- Лобанов-Ростовский А. Б., кн. — 255, 256
- Лобачевский Н. И. — 20
- Ломоносов М. Ю. — 305
- Лонгфелло Г.-В. 138
- Лопатин Л. М. — 205, 206, 266, 303
- Лорис-Меликов М. Т., гр. — 58, 63, 69
- Лосев А. Ф. — 205, 274, 303, 316, 336, 337
- Лосский Н. О. — 206, 290
- Лотман Л. М. — 147
- Лотман Ю. М. — 139, 144
- Лотце Г. — 205
- Лохвицкий А. В. — 61, 65
- Лузин Н. Н. — 315, 316
- Лука, св. ап. и еванг. — 135
- Лукаш И. С. — 129, 384, вкл.
- Лукомский В. К. — 251, 256
- Лукулл — 208
- Любомудров А. М. — 96
- Ляховицкая Л. Я. — 158, 169
- Магомедова Д. М.** — 140
- Макарий (Булгаков), митр. — 62, 67, 68
- Макарий Московский, свт. — 286
- Макарий (Сушкин), схиархим. — 285, 358, 362, 363
- Макаров В. Г. — 290, 320, 340
- Максимов В. Е. см. Евгеньев-Максимов В. Е.
- Максимов Д. Е. — 139—151, 153—175, 384
- Максимов Е. Д. — 140
- Максимова А. М. — 141
- Максимова Т. Н. — 293, 294, 332—334, 340—342, 344, 345, 349
- Максимовы, семья — 169
- Маликов А. И. — 239
- Малинин Д. И. — 347
- Малкина Е. Р. — 151
- Малова М. И. — 167
- Мальцев А. И. — 298
- Мальчевский Н. (наст. имя и фам. — Н. П. Ильин) — 285
- Мальчукова Т. Г. — 141
- Мамонтова А. С. — 279
- Мандельштам (урожд. Хазина) Н. Я. — 171
- Мандельштам Ю. В. — 134
- Манн Т. — 119, 134
- Мансуров Б. П. — 285
- Мансуров П. Б. — 279, 284, 285, 296
- Мансуров С. П., свящ. — 279
- Мансфельд Д. А. — 73
- Мануйлов А. А. — 231
- Мария Пресвятая Богородица — 131, 224, 240, 305, 309, 331, 357—360, 364, 366—371
- Мария Ал-вна, знакомая С. Н. Дурылина — 323
- Маркс А. Ф. — 73, 261
- Марлинский — см. Бестужев-Марлинский А. А.
- Марло К. — 57
- Мартинов, крестьянин (псевд.?) — 94
- Матюшин С. И., свящ. — 316
- Маяковский В. В. — 137, 151
- Мейер Г. А. — 4
- Мейерхольд В. Э. — 122, 136

- Мейснер В. Ф. — 259  
 Мельгунов Н. А. — 4  
 Мельгунов С. П. — 110, 132  
 Мельников-Печерский П. И. (наст. фам. — Мельников, псевд. — Андрей Печерский) — 119  
 Мендаль Пералиев — см. Григорьев В. В.  
 Менделеева Л. Д. — см. Блок Л. Д.  
 Меньшиков М. О. — 58  
 Мережковский Д. С. — 99, 152, 164, 277, 317  
 Метнер Н. К. — 290  
 Метнер Э. К. — 279, 286  
 Меттерних К.-В.-Л. фон, кн. — 177  
 Метцль Л. М. — 73  
 Мечёв А. А., прот. — см. Алексий Московский, св. прав.  
 Мечёв С. А., свящ. — см. Сергей Мечёв, сщмч.  
 Мещерские, кн., семья — 53  
 Мещерский В. П., кн. — 180, 191, 235, 236, 271  
 Мещеряков Н. Л. — 334, 355  
 Мика — см. Морозов М. М.  
 Миллер О. Ф. — 327  
 Мильвуа Ш.-И. — 5  
 Милюков П. Н. — 132  
 Минц Э. Г. — 139, 141  
 Мирза Мелик — см. Григорьев В. В.  
 Мирский Л. Ф. (Плетнёв) — 60, 62—64, 66, 68, 69  
 Митрофания (Розен), игум. — 65  
 Михаил Феодорович, царь — 79  
 Михневич В. А. — 356  
 Мицкевич А. — 116, 134  
 Мнухин Л. А. — 136  
 Могилёвский епископ — см. Смарагд (Крыжановский), архиеп.  
 Модзалевский Л. Б. — 147, 155, 166  
 Мокринский Г. Х. — 278  
 Мондри Г. — 324  
 Мордвинов Н. С. — 48  
 Морозов М. М. (Мика) — 286  
 Морозова (урожд. Мамонтова) М. К. — 286—288  
 Мур — см. Эфрон Г. С. — 98  
 Муратов П. П. — 129  
 Муратова К. Д. — 168  
 Муромцева-Бунина В. Н. — 126, 137, 138  
 Мячин А. Г. — 238, 245  
 Н. И. (Н. Ив<анов>на, знакомая С. Н. Дурылина) — 308  
 Н. Ш. — см. Шаховской Н. В.  
 Найт Н. — 21, 22  
 Наполеон Бонапарт, имп. — 108, 109, 132, 178  
 Незлобин К. Н. — 122, 136  
 Неклесса А. И. — 184, 301  
 Некрасов Н. А. — 140, 141  
 Некрасов Н. П. — 74  
 Нектарий Оптинский, преп. — 329  
 Нератов А. А. — 257, 258  
 Нерсесов А. Н. — 346  
 Нерсесова Е. А. — 346  
 Нерсесовы, семья — 324  
 Нессельроде К. В., гр. — 33  
 Нестеров М. В. — 315, 321  
 Нечаев С. Г. — 64  
 Никанор (Бровкович), архиеп. (псевд. — А. Н.) — 185—197, 200—207, 209, 211—224, 384, вкл.  
 Никитенко А. В. — 43  
 Никитин С. А. — см. Стефан (Никитин)  
 Никодим, св. прав. — 288  
 Николаев Ю. — см. Говоруха-Отрок Ю. Н.  
 Николай I Павлович, имп. — 20, 57, 58, 60, 61, 64, 267  
 Николай II Александрович, имп. — 229  
 Николай Александрович, цесаревич — 194  
 Николай Мирликийский Чудотворец, свт. — 106, 108, 131, 230, 269, 284, 310

- Николай Черногорский, кн. — 251  
 Никольская Анаст. Б. — 228  
 Никольская Ан. Б. — 228  
 Никольская (урожд. Шубинская) Е. С. — 226, 231, 257, 265—267, 271  
 Никольская (урожд. Скроботова) М. И. — 225, 228, 231  
 Никольские, семья — 228  
 Никольский Б. В. — 56, 225—251, 257—273, 372, 377, 381  
 Никольский Вас., свящ. — 225  
 Никольский Вл. Б. — 226, 239  
 Никольский Вл. В. — 225  
 Никольский Р. Б. — 228  
 Никольский С. Б. — 228  
 Николюкин А. Н. — 287, 360  
 Ницше (Ничше) Ф. — 242, 282, 317, 337  
 Нобель А. (Нобелевская премия) — 97, 102, 129, 137, 384, вкл.  
 Новикова (урожд. Киреева) О. А. — 51—53, 179—181, 184, 261, 310, 327  
 Новосёлов М. А. (Марк, сщмч.) — 279, 284, 288, 289, 294, 296, 308  
  
 Оболенские, кн., семья — 53  
 Оболенский Д. А., кн. — 53  
 Овсянко-Куликовский Д. Н. — 339  
 Огнев А. И. — 328  
 Одоевский В. Ф., кн. — 282  
 Олег Константинович, вел. кн. — 229, 270  
 Олсуфьев Ю. А. — 278  
 Ольга, св. равноап. — 292  
 Ольденбург С. Ф. — 34  
 Ону М. К. — 309, 354  
 Оржевский П. В. — 84, 85  
 Ориген — 318  
 Орлов В. Н. — 151, 165—167  
 Орлова (урожд. Буренкова) Е. И. — 77, 78, 82, 83  
 Орлова М. А. — 139  
 Осинский В. А. — 63, 69  
 Осоргин (наст. фам. — Ильин) М. А. — 99  
 Острецов В. М. — 229  
 Оффенбах Ж. — 269  
 Оцуп Н. А. — 131  
  
 Павел, св. первоверх. ап. — 277  
 Павел Прусский (Леднев), архим. — 221  
 Павлов Н. Ф. — 25, 27, 29  
 Павлович Н. А. — 144, 146, 148, 163—165  
 Пайман А. — 169—172  
 Пален К. И., гр. — 376  
 Панаева, аспирантка — 148  
 Пантелеимон, св. вмч. — 157, 285, 362, 363, 370  
 Парасхо А. — 368  
 Паршин А. Н. — 316  
 Паскевич (Паскевич-Эриванский) И. Ф., гр. — 33  
 Пастернак Б. Л. — 290  
 Пастухов Н. И. — 70, 72, 93—95  
 Пеги Ш. — 97  
 Педро II, имп. — 39  
 Переверзев О. К. — 158  
 Перовская С. Л. — 66  
 Перовский В. А. — 22  
 Перцов П. П. — 144, 228, 239, 266, 269, 328, 339  
 Петр, св. первоверх. ап. — 223  
 Петр I Великий, имп. — 58, 60, 61, 64  
 Петр I Карагеоргиевич, король — 270  
 Петр Московский, свт. — 284  
 Петров-Водкин К. С. — 143  
 Петровский С. А. — 207  
 Петрункевич И. И. — 66  
 Пигарёв К. В. — 354, 355  
 Пигарёвы, семья — 326  
 Пикассо П. — 318  
 Пимен (Мясников), преп. — 358

- Пинес Д. М. — 143, 157  
 Пирогов Н. И. — 290  
 Писарев Д. И. — 274  
 Писемский А. Ф. — 336  
 Платон (Лёвшин), митр. — 62, 68  
 Платонов О. А. — 51, 229  
 Платонов С. Ф. — 308  
 Плевако Ф. Н. — 61, 65  
 Плеве В. К. — 84, 85  
 Плетнёв — см. Мирский Л. Ф.  
 Плетнёв П. А. — 3, 4, 14  
 Плеханов Г. В. (Федька) — 62, 66  
 Плещеев А. А. — 129, 138, 384, вкл.  
 Плоткин Л. А. — 147  
 Плотников Н. С. — 301  
 Победоносцев К. П. — 53, 57, 94, 180, 192, 216, 217, 226, 378—383  
 Погодин М. П. — 45, 53, 352, 356, 376  
 Погожев Е. Н. (псевд. — Е. Поселянин) — 239, 268, 269, 273, 305  
 Полевой Н. А. — 213  
 Политовы, семья (родители Е. П. Леонтьевой) — 332  
 Половинкин С. М. — 205, 207, 316  
 Полонский Я. П. — 73  
 Поляков Л. С. — 61, 65  
 Померанцева Г. Е. — 348  
 Попов П. С. — 314, 328, 337, 351  
 Попова, потерпевшая — 65  
 Порфирий (Горшков), игум. — 306, 307  
 Поселянин Е. см. Погожев Е. Н.  
 Постников А. Г. — 316  
 Постников В. И., прот. — 284, 289, 316  
 Постников Г. В. — 311, 316, 320, 337, 338  
 Постниковы, семья — 316  
 Преображенский П. А., прот. — 180, 181  
 Принцева Г. А. — 40  
 Приходько И. С. — 139  
 Пришвин М. М. — 259  
 Прозоров В. Б. — 184, 301  
 Пронина (урожд. Сворова) В. Л. (Варя) — 329  
 Протопопов А. Д. — 110, 132  
 Пруст М. — 277  
 Пуанкаре Р. — 110, 111, 133  
 Пуаре П. — 137  
 Путята Н. В. — 6, 17  
 Пушкин А. С. — 3, 4, 20, 76, 114, 115, 119, 122 («Египетские ночи»), 128, 135, 136—138, 213, 214, 217, 218, 225, 227, 228, 231, 232, 290, 324, 326, 328, 335, 350, 351, 371, 381  
 Пясецкий П. Я. — 40, 41  
 Пяст (наст. фам. — Пестовский) В. А. — 160  
 Р. К. — см. Грингмут В. А.  
 Раден Э. Ф., бар. — 89, 91  
 Радлов Э. Л. — 301  
 Раевский Г. (наст. имя и фам. — Г. А. Ощуп) — 134  
 Раевский С. — см. Дурьлин С. Н.  
 Разевиг В. В. — 276, 279, 280  
 Рачинский Г. А. — 286—289, 314, 318, 328  
 Рачинский С. А. — 182  
 Редсток Г.-В. — 326  
 Резвых Т. Н. — 259, 269, 274, 275  
 Резниченко А. И. — 274, 291  
 Рейхель М. К. — 24  
 Ремизов А. М. (псевд. — Семен Судак) — 96—98, 105—108, 131, 132  
 Ремизовы, семья — 131  
 Репников А. В. — 242, 295  
 Рерих Н. К. — 372  
 Рингер Ф. — 35  
 Рожков Н. А. — 66  
 Розанов В. В. — 31, 32, 56, 108, 132, 152, 164, 175, 187, 198, 204, 206, 224, 239, 241, 242,

- 249, 250, 258—260, 271, 277,  
279, 282, 287—290, 304, 307,  
308, 314, 323, 331, 337, 338,  
349, 359, 360, 362, 366, 372,  
381
- Розанова Л. А. — 140  
Розановы, семья — 173  
Розен В. Р., бар. — 32, 34, 41, 42,  
44  
Розенер Ф. Ф. — 260, 261  
Розов А. И. — 298  
Розов В. В. — 239  
Розов Н. С. — 47  
Романов И. Ф. (псевд. — Рцы) —  
56, 72, 338  
Романовы, династия; царская  
семья — 124, 137, 230  
Ротшильд Дж. — 25  
Ртищевы, дворянский род — 79  
Рубинштейн А. Г. — 371  
Румянцев Н. П., гр. — 20  
Рцы — см. Романов И. Ф.
- С. У. — см. Уманец С. И.  
Саблин В. М. — 292  
Савельев П. С. — 18, 19, 23—25,  
27—31, 37, 42  
Савина М. Г. — 113  
Савицкий П. Н. — 34  
Садовской Б. А. — 232, 240  
Сажин В. Н. — 139, 274  
Сазонов Е. С. — 8  
Самарин А. Д. — 51, 52  
Самарин Д. Ф. — 51, 52  
Самарин П. Д. — 51, 52  
Самарин Ф. Д. — 51, 52, 284,  
285, 288, 289  
Самарин Ю. Ф. — 24, 28,  
50—53, 289, 290, 352, 356  
Самарины, семья — 52—54  
Самбикина Е. В. — 309  
Санд Жорж — 26 («Лукреция  
Флориани»)  
Сараскина Л. И. — 278  
Сахаров С. И. — 290  
Свербеевы, семья — 53
- Святополк-Мирский Д. П., кн. —  
99  
Селезнёв В. Н. — 73  
Селезнёва Е. М. — 73  
Селивачёва (урожд. Шер-  
бачёва) Е. С. — 356  
Семенов Л. Д. — 107, 131  
Семенов Ю. Ф. — 128, 129, 138  
Семенова-Тяньшанская — 147  
Семенская А. К. — 63, 69  
Семёновский Д. Н. — 158, 168  
Сенатов В. Г. — 56  
Сенковский О. И. (псевд. — Ба-  
рон Брамбеус) — 18, 19, 22,  
37, 42—44, 213  
Серапион (Машкин), архим. —  
289  
Серафим Саровский, преп. —  
298, 299, 302  
Сергей Александрович, вел.  
кн. — 207  
Сергиев И. И. — см. Иоанн  
Кронштадтский  
Сергиевский И. В. — 353—355  
Сергий Мечёв, сщмч. — 329  
Сергий Радонежский, преп. —  
99, 113, 133, 307, 369  
Сидоров А. А. — 239, 268  
Сидоров А. А. — 276, 290, 323,  
326, 336  
Сидоров Н. А. — 66  
Сидоров С. А., свящ. (ново-  
муч.) — 278, 303, 304, 307  
Сидорова-Буткевич Т. А. — см.  
Буткевич Т. А.  
Скайлер Ю. — 40  
Скалон В. Ю. (псевд. —  
В. С.) — 61, 64, 65  
Скатов Н. Н. — 274  
Скворцов-Степанов И. И. — 158  
Скворцова Н. В. — 172  
Скрябатов И. Н., прот. — 225  
Скрябин А. Н. — 282  
Словацкий Ю. — 116, 134  
Слоним М. Л. — 99, 107, 131,  
137  
Случевский К. К. — 350

- Смарагд (Крыжановский), архи-  
еп. — 213
- Смирнов В. Д. — 42—44
- Смолин М. Б. — 295
- Соболев А. В. — 204
- Соболевский А. И. — 251, 260,  
261
- Солженицын А. И. — 351
- Соловьев А. К. — 63, 69
- Соловьев Вл. С. — 176, 179—184,  
206—212, 242, 249, 276, 279,  
282, 284, 286—289, 291,  
296—298, 300—303, 305, 308,  
311, 312, 317—319, 327, 337,  
346, 353
- Соловьев Вс. С. — 261
- Соловьев Д. В. — 184, 327
- Соловьев И. И., прот. — 348, 349
- Соловьев М. П. — 291
- Соловьев М. С. — 210
- Соловьев Н. Я. — 308—310, 343
- Соловьев С. М. — 300
- Соловьев С. М. (внук предыдуще-  
го) — 143, 301, 353
- Сологуб Ф. (наст. имя и фам. —  
Ф. К. Тетерников) — 148
- Сосинский Б. Б. — 131
- Сосновский Ю. А. — 41
- Сотири, разбойник — 369, 370
- София (Болотова), схиигум. — 309
- Спекторский Е. В. — 373
- Срезневский И. И. — 22
- Сталь А.-Л.-Ж. де (бар. де  
Сталь-Гольштейн) — 116, 134
- Степан-калашник (калачник) —  
80, 83
- Степанов С. А. — 229
- Степун Ф. А. — 288, 314, 318,  
319
- Стефан (Никитин), еп. — 329
- Стогов Д. И. — 225, 233, 234,  
251, 372
- Стоппнер Б. Г. — 338
- Страхов Н. Н. — 38, 51, 89—91,  
182, 202, 226, 227, 287, 290,  
300, 307, 311, 360
- Стриндберг А. — 136
- Суворин А. С. — 89, 180, 226,  
261, 262, 310
- Суворов А. В., кн. — 99, 113
- Сципион (Публий Корнелий  
Сципион Эмилиан Африкан-  
ский) — 248
- Сытин И. Д. — 296
- Талисманов — см. Талистов А. П.
- Талистов А. П. — 80, 83
- Танеев С. И. — 290
- Тахо-Годи А. А. — 316
- Тейхмюллер Г. — 205
- Тепляков В. Г. — 350
- Терентьев М. А. — 42
- Тесля А. А. — 46
- Тибулл (Альбий Тибулл) — 231
- Тизенгаузен В. Г. — 20, 37, 41
- Тимашев А. Е. — 65
- Тихомиров Л. А. (псевд. —  
С<правщик>) — 52, 54, 279,  
294—296, 320, 321
- Тихон Московский, свт. — 307
- Тихонов Д. И. — 32
- Толкачёва Е. В. — 136
- Толстая А. А., гр. — 89, 91
- Толстая М. Н., гр. — 221
- Толстая (урожд. Дитерихс) О. К.,  
гр. — 91
- Толстая (урожд. Бахметева, в  
первом браке Миллер) С. А.,  
гр. — 180, 184, 356
- Толстой А. К., гр. — 356
- Толстой А. Л., гр. — 91
- Толстой А. П., гр. — 221
- Толстой Д. А., гр. — 61, 63, 66,  
71, 89, 91
- Толстой Л. Н., гр. — 57, 76, 78,  
90, 91, 98, 103, 107 (толстов-  
цы), 109, 110, 130, 187, 207,  
212, 218—223, 239, 268, 275,  
276, 282, 303, 315, 316, 326,  
327, 335, 336, 338, 339, 347,  
351, 355, 371
- Торопова В. Н. — 348
- Третьяк А. М. — 233



- Троекуровы, кн., дворянский род — 79
- Троицкий В. П. — 303
- Тройницкий С. Н. — 269
- Трубецкой Е. Н., кн. — 279, 280, 288, 303, 318
- Трубецкой С. Н., кн. — 282, 290
- Тургенев А. И. — 3
- Тургенев И. С. — 99, 112—114, 133, 218, 239, 307, 310, 312, 336
- Турчинский Л. М. — 136
- Тютчев Н. И. — 354, 355
- Тютчев Н. С. — 66
- Тютчев Ф. И. — 4, 8, 50, 274, 290, 324, 354
- Тютчевы, семья — 53
- Тэффи, Тэффи Н. (наст. имя и фам. — Н. А. Лохвицкая, в замуж. Бучинская) — 96, 98, 101, 120—122, 128, 129, 135, 136
- Уайльд О. — 337
- Уатт (Ватт) Я. — 189
- Угрюмовы, семья — 159
- Уманец С. И. — 57
- Уманов Н. А. — 309, 310, 361
- Успенский А. И. — 289
- Успенский Г. И. — 328
- Фабриций** (Гай Фабриций Лусцин) — 248
- Федор Кузьмич, прав. — 302
- Федоров А. М. — 128, 138
- Федоров В. П. — 212, 213, 218
- Федоров Н. Ф. — 289
- Федька — см. Плеханов Г. В.
- Феодор (Поздеевский), еп. — 279, 289, 308, 309
- Феодосий (Поморцев), иером. (?) — 304
- Феодот (Мартемьянов), иером. — 304, 305
- Феофан Затворник, свт. — 135, 290
- Фет (Шеншин) А. А. — 226, 228, 309, 310, 324, 343, 354, 371
- Фетисенко О. Л. — 174, 175, 179, 183—185, 188, 195, 217, 250, 253, 259, 269, 281, 283, 305, 309, 311, 315, 357, 358, 376, 378
- Филарет Московский, свт. — 62, 68, 290
- Филипп Московский, свт. — 284, 307
- Филиппов С. Т. — 239
- Филиппов Т. И. — 73, 180—182, 184, 217, 220, 221, 259, 309, 310, 312, 343, 347, 354, 378, 382
- Филон Александрийский — 212
- Фихте И. Г. — 176
- Фишер (урожд. Вейсс) С. Н. — 351
- Флобер Г. — 277
- Флоренский П. А., прот. — 204, 206, 242, 274, 279, 289, 290, 296, 307, 316—318
- Фомин С. В. — 277, 280
- Фонток Ф. П. — 32, 33
- Франк С. Л. — 274, 282, 290, 314
- Френ Х. Д. — 19, 22, 37, 42
- Фудели, семья — 352
- Фудель (урожд. Емельянова) Е. С. (Куколка) — 293, 294, 347, 352
- Фудель И. И., прот. — 185, 223, 238, 250, 268, 269, 276—279, 283, 284, 286—289, 291—294, 296, 297, 300, 305, 306, 309—313, 316, 331, 334, 337, 343, 346, 347, 351, 352, 358, 361, 369, 384, вкл.
- Фудель (в замуж. Чернышёва) Л. И. — 351, 352
- Фудель М. И. — 351, 352
- Фудель Н. И. — 352
- Фудель Н. С. — 277

- Фудель С. И. — 277—279, 295, 296, 298, 306, 308, 318
- Хаммер-Пургшталь Й. фон — 20, 44
- Ханенко Б. И. — 80, 83
- Хатунцев С. В. — 301
- Хачатурян Л. В. — 281
- Хетсо Г. — 5
- Хитрово М. А. — 252, 365
- Хитрово (урожд. Бахметева) С. П. — 180, 184
- Хитрово, семья — 184
- Хлебникова В. Б. — 252
- Хованская (в замуж. Данилова) А. А., кнж. — 84, 87, 88
- Ходасевич В. Ф. — 96, 98—100, 114—117, 128, 129, 133, 134, 138, 384, вкл.
- Холчев Б. В. — см. Борис (Холчев), архим.
- Хомяков А. С. — 50—53, 155, 206, 290, 308, 312
- Хомяков Д. А. — 51, 52, 54, 289
- Хомяков Д. С. — 53
- Цветаева М. И. — 96—98, 101, 102, 123—125, 131, 136, 137
- Цветков С. А. — 289
- Цертелев Д. Н., кн. — 309, 343
- Цявловский М. А. — 339, 351
- Чаадаев П. Я. — 267, 282
- Чайковский П. И. — 371
- Чебышев-Дмитриев А. П. — 65
- Чельшевский Н. — см. Корш Е. Ф.
- Черени Дж. (Жакомино) — 104, 130
- Черкасский В. А., кн. — 52, 53, 352, 356
- Черноглазов А. К. — 285
- Черносвитова (урожд. Чеботаревская) О. Н. — 143
- Чернышевский Н. Г. — 95
- Чернышёв И. С. — 278
- Чернышёв Н. С. — 278, 293, 352
- Черняев М. Г. — 29, 83, 84
- Черняева А. М. — 85
- Чехов А. П. — 104, 112, 136
- Чехов М. А. — 121, 136
- Чудаков А. П. — 162
- Чулков Г. И. — 146, 303, 314, 319, 326, 328, 351
- Чулкова Н. Г. — 146, 164
- Чхартишвили П. Ш. — 231
- Шабельская Г. А. — 139
- Шальгины, семья — 159
- Шарапов С. Ф. — 54, 56
- Шаргородский Т. И. — 147, 165
- Шармуа Ф. Ф. — 37, 43
- Шатобриан Ф.-Р. де — 116, 134
- Шахматов А. А. — 251, 264, 265
- Шаховской Л. В., кн. — 91
- Шаховской Н. В. (псевд. — Кн. Н. Ш., Н. Ш.), кн. — 55—64, 69—72, 74—94
- Шаховской С. В., кн. — 59, 70
- Шевалдышев, владелец гостиницы — 371
- Шейх ат-Тангави — 252
- Шекспир У. — 55 (гамлетовщина), 98, 110, 121 («Макбет», «Гамлет»), 136
- Шенье А. — 5
- Шереметев С. Д., гр. — 40, 256
- Шестов Л. (наст. имя и фам. — Л. И. (И. Л.) Шварцман) — 206, 277
- Шилкарский В. С. — 206
- Шиллер И.-К.-Ф. фон — 135
- Ширянец А. А. — 238, 245
- Шмельёв И. С. — 96, 100, 101, 117—120, 134
- Шмельёвы, семья — 101, 118, 134
- Шоломова С. Б. — 373
- Шпенглер О. — 319, 320
- Шпет Г. Г. — 328, 336

- Штроссмайер И.-Г., еп. — 182  
 Шубинская Е. С. — см. Николь-  
 ская Е. С.  
 Шубинский С. Н. — 226, 251,  
 257, 258  
 Шумихин С. В. — 162, 232  
 Шюблер К. — 356
- Щ**епкин Н. П. — 192  
 Щукин В. Г. — 48  
 Щукин С. И., свящ. — 289
- Э**berman В. М. — 184, 309  
 Эвклид — 20  
 Эйхенбаум Б. М. — 339  
 Элиот Т.-С. — 11  
 Эллис (наст. имя и фам. —  
 Л. Л. Кобылинский) — 279  
 Элькен Н. — 65  
 Эразм (Вытропский), мон. (в иноч.  
 Эраст) — 284, 309  
 Эрн В. Ф. — 280, 282, 289  
 Эрзя С. (наст. имя и фам. —  
 С. Д. Нефёдов) — 162  
 Эткинд Е. Г. — 137  
 Эфрон Г. С. (Мур) — 98, 102,  
 123—125, 136  
 Эфрон С. К. — 78  
 Эфрон С. Я. — 136
- Ю**веналий (Половцев), архиеп. —  
 367  
 Юрьев С. А. — 78
- Я**блоновский С. П. — 384, вкл.  
 Яковенко Б. В. — 206  
 Яковлев А. А. — 301  
 Якуб-бек — 39  
 Якубовский А. Ю. — 21  
 Янгиров Р. М. — 133  
 Янковский М. М. — 239  
 Янковский Ю. Э. — 48
- B**lock A. — см. Блок А. А.  
 Boratynski — см. Боратын-  
 ский Е. А.
- Clement J.-B. — 131
- Etkind E. — см. Эткинд Е. Г.
- Grigor'ev — см. Григорьев В. В.
- Herzen A. — см. Герцен А. И.
- Knight N. — см. Найт Н.  
 Kourpin K. — см. Куприна К. А.
- Lucewich L. — 175
- Offord D. — 25
- Pratt S. — 5  
 Руман А. — см. Пайман А.
- Rosen V. de — см. Розен В. Р.  
 Rotschild J. — см. Ротшильд Дж.
- Tiutchev — см. Тютчев Ф. И.  
 Tolstōi L. — см. Толстой Л. Н.  
 Tsvetaeva M. — см. Цветае-  
 ва М. И.
- Woiodzko-Butkiewicz A. — 175

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. А. Котельников.</i> «Любить и лелеять недуг бытия». (О философских и религиозно-этических мотивах в лирике Е. А. Боратынского) . . . . .	3
<i>К. А. Жуков.</i> Изафети Маклуб — ученик Барона Брамбеуса. (В. В. Григорьев и становление классического отечественного востоковедения) . . . . .	18
<i>А. А. Тесля.</i> Славянофильство сквозь призму неформальных отношений . . . . .	46
«...У Вас есть преданные люди, способные Вас оценить...»: Переписка Н. П. Гилярова-Платонова с кн. Н. В. Шаховским. (Публикация А. П. Дмитриева) . . . . .	55
<i>Н. Д. Городецкая.</i> Интервью с писателями русского зарубежья: А. Куприн, А. Ремизов, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Ходасевич, И. Шмелев, Н. Тэффи, М. Цветаева, И. Бунин. 1930—1933. (Подготовка текста и комментарии А. М. Любомудрова) . . . . .	96
<i>Е. М. Аксененко.</i> Долг памяти. (Д. Е. Максимов как исследователь жизни и творчества Е. П. Иванова) . . . . .	139

### *К 180-летию со дня рождения К. Н. Леонтьева (1831—1891)*

<i>Вл. С. Соловьев.</i> ⟨Рецензия на книгу К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство⟩. (Публикация Н. В. Котрелева и Г. Б. Кремнева) . . . . .	176
<i>А. П. Соловьев.</i> Архиепископ Никанор (Бровкович) и К. Н. Леонтьев: конгенитальность мысли и духа . . . . .	185
<i>Д. И. Стогов.</i> «Религия Леонтьева была религиею подвига и жертвы». (Б. В. Никольский о наследии К. Н. Леонтьева) . . . . .	225
Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908—1911). (Публикация О. Л. Фетисенко) . . . . .	250
<i>Т. Н. Резвых.</i> «Я чувствовал себя как бы его внуком — через сына — через о. Иосифа...» (Отец Сергей Дурылин — исследователь творчества К. Н. Леонтьева) . . . . .	274

О. Л. Фетисенко. Два этюда о Леонтьеве

I. Богородичная икона как жизненное упование и творческая тема Константина Леонтьева . . . . .	357
II. «Варшавский дневник» и «Варшавская поэма». (О возможном источнике одного из образов поэмы А. Блока «Возмездие») . . . . .	371
Список иллюстраций . . . . .	384
Список сокращений . . . . .	385
Указатель имен . . . . .	386

*Научное издание*

## **ХРИСТИАНСТВО И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

**Сборник 7**

*Утверждено к печати  
Институтом русской литературы  
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства Н. М. Пак  
Художник Е. В. Кудина  
Технический редактор Е. Г. Коленова  
Корректоры О. В. Гусихина и А. К. Рудзик  
Компьютерная верстка А. П. Тархановой

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.  
Сдано в набор 15.06.12. Подписано к печати 13.12.12.  
Формат 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная.  
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 26.0. Уч.-изд. л. 26.2.  
Тираж 500 экз. Тип. зак. № 3409. С 177

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1  
main@nauka.nw.ru  
www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038300-5



9785020383005

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА

«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. В. Гоголь*

**МИРГОРОД**

Сборник имеет особое значение для творчества Н. В. Гоголя и для развития русской литературы. Представленные здесь вещи («Старосветские помещики», «Вий» и др.) стали хрестоматийными, а повесть «Тарас Бульба» до сих пор вызывает ожесточенные споры. Мы уточнили и очистили от позднейших наслоений текст первого издания, дополнили его фрагментами, черновыми записями, сделали обширный, принципиально новый комментарий. Таким образом издание станет значительным вкладом в отечественное гоголеведение.

Для широкого круга читателей.

## *Блаженный Августин*

### **«ИСПОВЕДЬ»**

**в переводе М. Е. Сергеенко**

Очередная книга серии «Литературные памятники», «Исповедь» блаженного Августина (род. в 354 г. в Тагасте, совр. Алжир — ум. в 430 г.), является памятником мировой литературы исключительной эмоциональной, нравственной и интеллектуальной силы. Книга, написанная в период интенсивного распространения христианства в Римской империи (между 397 и 400 гг.), поражает читателя как художественными достоинствами, так и своим содержанием — описанием внутреннего мира раннесредневекового человека, его душевных переживаний и борьбы на пути обращения к христианству. Сильному впечатлению от «Исповеди» блаженного Августина в значительной мере способствует прекрасный перевод латинского текста, выполненный замечательным исследователем античности М. Е. Сергеенко (1891—1987). В переводе сохранены особенности стиля философа и проповедника, христианского богослова и политика Римской империи рубежа веков. Издание, подготовленное академиком Н. Н. Казанским, содержит комментарии переводчика к тексту «Исповеди», а также статьи о деятельности М. Е. Сергеенко и о самом литературном памятнике.



## **АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»**

### **Магазины с отделами «Книга—почтой»**

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;  
(код 495) 932-78-01  
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: [okb@LitRAS.ru](mailto:okb@LitRAS.ru)
- 197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 «Б»;  
(код 812) 235-40-64; e-mail: [ak@akbook.ru](mailto:ak@akbook.ru)

### **Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов**

- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298;  
(код 3952) 42-96-20; [akademkniga@list.ru](mailto:akademkniga@list.ru)
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;  
(код 3912) 27-03-90; [akademkniga@bk.ru](mailto:akademkniga@bk.ru)
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;  
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;  
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;  
(код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;  
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;  
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;  
(код 812) 272-36-65; [ak@akbook.ru](mailto:ak@akbook.ru) (Бук. отдел)
- 197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 «Б»;  
(код 812) 230-13-28
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;  
(код 812) 328-38-12

### **Коммерческий отдел, г. Москва**

**Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24**

**Сайт: <http://LitRAS.ru/>**

**E-mail: [info@LitRAS.ru](mailto:info@LitRAS.ru)**

**Склад, телефон: (код 495) 932-74-71**

**Факс: (код 499) 143-84-24**